

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров»

Выпуск 3
(2016)

МПГУ
Москва 2016

УДК 81.44

ББК 81.2

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. С.Г. Татевосов
канд. филол. наук О.И.Беляев

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. — Москва, МПГУ, 2016. — 420 с.

Под редакцией М.Б. Коношенко, Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга.

ISBN 978-5-4263-0449-9

УДК 81.44

ББК 81.2

ISBN 978-5-4263-0449-9

© Коллектив авторов, 2016

© МПГУ, 2016

Содержание

Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко. Языковое разнообразие в зеркале параметрической грамматики.....	5
Д.А. Бикина. Грамматикализация русских заимствований в мокшанском языке: показатель <i>kat'i</i>	16
T. Bondarenko. Constructions with Two Objects Again: Georgian and Russian — vs — English	28
Е.В. Буденная. Субъектная референция в русском и латышском языке: следы единого процесса?.....	56
А.И. Виняр. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ	66
Ю.Е. Галямина. Редукция сложности в кетской глагольной системе как реакция на языковой сдвиг	88
D. Gerasimov. Predicative Possession in Paraguayan Guaraní: Against the Zero Copula Hypothesis	96
К.Ю. Дойкина. Особенности утраты местоименных энклитик по данным духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XV вв.	113
Д.В. Дяченко. Русские и украинские заимствования в диалекте села Старошведское: имена существительные	123
Б.А. Захарьин. Двойной аккумулятив в древнеиндийском	139
Е.Ю. Иванова, Э. Бужаровска. Эпистемические вопросительные частицы <i>da ne</i> в македонском и <i>da ne bi</i> в болгарском языках	150
П.Н. Казакова. Чередование [a]/[e] между мягкими согласными под ударением в говоре деревни Михалёвская Архангельской области	169
L. Khokhlova. Violations of Typological Universals in the Historical Development of Western NIA Languages	178
М.Б. Коношенко. Механизмы утраты именных классов в языках ква	186
М.А. Ланглиц. Семантика отглагольных имен на <i>-(u)m</i> , <i>-ki</i> и <i>-kes</i> в корейском языке	202
С.А. Оскольская, Н.М. Стойнова. Системное и несистемное в инвентаре разнородных морфосинтаксических средств: показатели отрицания в нанайском языке	211

М.Ю. Привизенцева. Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков).....	232
Н.В. Сердобольская. Синтаксический статус нефактивных пропозиций в составе конструкций с сентенциальным актантом	248
М.А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке	267
М.В. Скачедубова. Плюсquamперфект в Ипатьевской летописи	280
А.К. Станкевич. Вариативное образование форм множественного числа существительных на -ão в португальском языке: экспериментальное исследование	290
И.В. Тимошенко. Функционирование артиклей в английском и французском языках (на материале параллельных текстов).....	305
D. Tiskin. Negative Floating Quantifiers: Underestimated Evidence for the Stranding Analysis?.....	313
М.А. Тюренкова. Об одной графической оппозиции в западнорусской рукописи конца XVI в	326
И.Ю. Чечуро. Нелокативные употребления пространственных форм в северных диалектах даргинского языка: сопоставительное исследование.	332
П.М. Эйсмонт. Опускание синтаксического субъекта в русской связной детской речи	346
C. Zanchi, C. Naccarato. Multiple Prefixation in Old Church Slavonic and Old Russian	359
Аннотации и ключевые слова/Summaries and keywords	391
Сведения об авторах/Authors and affiliations	413

Е.А. Лютикова

МГУ им. М.В. Ломоносова / МПГУ, Москва

А.В. Циммерлинг

ИЯз РАН / МПГУ, Москва

М.Б. Коношенко

РГГУ / МПГУ, Москва

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ЗЕРКАЛЕ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ¹

Настоящий выпуск продолжает серию изданий [11] и [12], посвященных лингвистической типологии и параметрической грамматике. Параметризация грамматического разнообразия естественных языков — чрезвычайно активно и плодотворно развивающееся направление лингвистики конца XX — начала XXI века, см. обзорные статьи [9; 8] Смысл параметризации состоит в том, чтобы с определенным значением параметра был связан не один признак языка (в таком случае параметр ничем не отличается от конкретно-языкового правила), но, по возможности, — группа свойств, образующих кластер и характеризующих грамматику языка. Таким образом, параметризация одновременно и исчисляет языковое разнообразие, и ограничивает его. Это свойство параметрических систем отмечается не только в типологически ориентированных исследованиях, но и в формальных теориях. Так, генеративная грамматика довольно рано приходит к осознанию необходимости параметрических условий: «Часто предполагается, что условия на применение правил должны быть максимально общими, даже универсальными, но это предположение не обязательно, если установление параметрического условия позволяет нам существенно сократить класс возможных правил» [19: 175].

В центре внимания статей выпуска — аспекты грамматического строя, которые либо могут быть объяснены в рамках существующих параметрических формальных моделей языка, либо требуют разработки новых моделей. Описание языкового разнообразия — важная, но далеко не единственная задача лингвистической типологии. Не менее важно осмыслить факторы и объяснить механизмы, регулирующие межъязыковое и внутриязыковое варьирование в области грамматического (а также и звукового) строя языков мира. Прогресс в данной области исследования связан, с одной стороны, с улучшением качества существующих грамматических описаний и восполнением лакун в наших

¹Исследование А. В. Циммерлинга поддержано проектом Министерства образования и науки Российской Федерации НИР 2685 «Параметризация грамматических систем».

знаниях о конкретных языках мира, с другой, — с совершенствованием аппарата лингвистической типологии.

Статьи настоящего выпуска вносят вклад в решение обеих проблем. Читатель может убедиться в том, что многие из статей обсуждают факты малоизученных языков и представляют данные, полученные в ходе полевых исследований. Не менее важно то, что авторы предлагают свои интерпретации тех грамматических явлений, само существование которых до недавнего времени подвергалось сомнению. Так, например, классическая теория падежа игнорирует структуры, где именная основа присоединяет показатели двух морфологических падежей. После выхода грамматического описания языка каядилт, на материале которого существование подобного явления было доказано [34], возникла необходимость построения типологии языков с двойным падежным маркированием и параметром наслоения падежей (case stacking). М. В. Привизенцева [10] развивает ее на материале бурятского, мокшанского и горномарийского языков. Подсказываемый материалом внешний параметр, уточняющий место данных языков в классе языков с двойным падежным маркированием, связан с локусом маркирования: в данных трех языках наслоение падежей возникает при отсутствии именной вершины, падеж которой выражается на ее зависимом, имеющем свой собственный падежный показатель, в то время как в языках типа каядилта наслоение падежей, напротив, возникает при наличии именной вершины. Предлагаемая М. В. Привизенцевой внутренняя параметризация двойного падежного маркирования в бурятском, мокшанском и горномарийском языках основана на дистрибутивном критерии. Часть падежных показателей возможна как в позиции «внутреннего», т.е. первого, ближнего к вершине, падежа, так и в позиции «внешнего» падежа; другие показатели возможны только в позиции внутреннего падежа; возможен также случай, когда показатель, относящийся к уровню внутреннего падежа, стоит в позиции внешнего падежа. Микропараметры подобного типа обобщают наблюдения над конкретным языковым материалом, но их интерпретация возможна лишь в рамках тех или иных конвенций об условиях порождения морфологической и синтаксической структур и соотношении между линейной позицией и рангом элемента. Сам автор статьи объясняет ограничения на употребление внутреннего падежа тем, что в соответствующей позиции допустимы только именные группы неполной структуры (NP, NumP), а не группа детерминатора (DP, PossP). Тем самым, частный факт морфосинтаксиса финно-угорских и тюркских языков получает объяснение с позиций общей грамматики и гипотезы об универсальной фразовой структуре.

А. И. Виняр [1] обращается к почти не изученному явлению — инкорпорации зависимого глагола в глагольный комплекс чукотского языка — и обосновывает типологическое противопоставление глагольных конструкций с сериализацией, где оба элемента структурно независимы, конструкциям с т.н. глагольной инкорпорацией, где один из глаголов является аргументом другого.

Данное различие, однако, не дает исчерпывающей классификации языков по одному используемому характерологическому типу конструкций, так как многие языки, как признает автор статьи, одновременно используют обе морфосинтаксические техники. В связи с этим остается открытым вопрос, уместно ли связывать глагольную инкорпорацию и сериализацию с разными настройками одного общего параметра.

Вопрос о валидности типологических параллелей поднимается также в статье Д. В. Герасимова [21] в контексте проверки, на первый взгляд, частной, гипотезы о наличии нулевой связки в посессивных конструкциях парагвайского гуарани. Решая этот вопрос, автор одновременно тестирует типологическую классификацию предикативных посессивных конструкций Л. Стассена [35] и приходит к выводу о том, что помещение парагвайского гуарани в тот же класс языков, что и русский, где посессор кодируется косвенным падежом (*У X-a есть Y/Y-и*) и имеет статус дополнения, а связка может быть опущена (*У X-a сын*), необоснованно.

Среди сторонников параметрической грамматики нет единого мнения о том, до какой степени можно использовать категории общей грамматики для описания межъязыкового варьирования, поскольку при этом существует реальная опасность проецирования категорий того языка, который является метаязыком описания — чаще всего это современный английский и языки т.н. средневропейского стандарта (Standard Average European) — на язык-объект. Часть теоретиков языка полагает, что точные определения грамматических понятий возможны лишь в рамках формальных моделей языка, и верит в то, что корректное применение процедуры параметрического анализа дает шанс установить соотношение универсального и лингво-специфического в каждом языке. Другая группа исследователей, в частности, М. Хаспельмат и его сторонники, протестует против использования любых априорных понятий, признавая лишь т.н. сравнительные категории (comparative concepts), т.е. понятия, технически необходимые для сопоставления языков. У каждого подхода свои плюсы и минусы.

Параметризации могут подвергаться как грамматические системы конкретных языков, так и принципы универсальной грамматики. В каждой области были получены существенные достижения. Так, были предложены параметры, регулирующие возможные в языке передвижения вершин. Передвижение лексического глагола в предикативную вершину (V-to-T) во французском и отсутствие такого передвижения в английском задает целый класс отличий в структуре клаузы: взаимное расположение глагола и наречия, глагола и отрицания, способность лексического глагола к инверсии с подлежащим в вопросительных предложениях [31]. Передвижение содержимого предикативной вершины в вышестоящую вершину комплементаризера (T-to-C) и признак ЕРР последней вершины, требующий заполнения левой периферии, создает класс языков V2, обладающих комплексом общих свойств: вторая позиция спрягаемого глагола в независимом предложении, ровно одна составляющая

любой категории в первой позиции, заглагольные подлежащие при продвижении в первую позицию дополнения или обстоятельства и др. [20]. Передвижение существительного в глагольную вершину (N-to-V) отвечает за наличие в языке сложных предикатов с именным первым компонентом и возможность инкорпорации объекта [16].

Отметим, что указанные параметры могут быть представлены как варьирование признаков конкретных вершин: например, в языках V2 комплементаризер, возглавляющий независимое предложение, обладает (сильным) признаком времени (вследствие чего притягивает содержимое предикативной вершины T, обладающей данным признаком) и признаком EPP (вследствие чего происходит передвижение одной из составляющих предложения в первую позицию либо вставление эксплетива). Собственно грамматические правила языка, то есть принципы «обращения» с лексическими единицами и их признаками, остаются неизменными: сильный признак должен быть удовлетворен путем открытого передвижения составляющей, обладающей данным признаком, а признак EPP некоторой вершины всегда удовлетворяется либо внутренним соединением с некоторой составляющей, уже вступившей в деривацию, либо внешним соединением с эксплетивом. Вопросы параметризации класса языков V2 и механизма передвижения финитного глагола, поднимаются в работах [28; 37], а перспектива объединения языков V2 и языков со второй позицией клитик уровня клаузы (CL2) в общий параметрический класс «языков второй позиции» (2P languages) обсуждается в работах [33; 36].

Другое направление параметризации — это параметризация самих принципов универсальной грамматики, или, пользуясь словами Хомского, «условий применения правил». Например, Х. Ласник предлагает параметризовать принцип С теории связывания, запрещающей связывание референциальных выражений таким образом, чтобы в языках типа тайского или вьетнамского запрет на связывание касался лишь связывания референциального выражения местоимением (**Он_i думает, что Джон_i умен*), а связывание одним референциальным выражением другого было допустимо (*Джон_i думает, что Джон_i умен*) [24]. Аналогичные предложения касаются понятия «управляющая категория» (Governing category) — области, в которой должно происходить связывание анафоров и не может происходить связывание прономинатов [30]. Исследуя ограничения на выдвигание составляющих из структур разных типов, Л. Рицци предложил параметризацию «ограничивающих узлов» (Bounding nodes): в английском языке такими узлами являются NP и TP, а в итальянском — NP и CP; вследствие этого в обоих языках невозможно извлечение из острова сложной именной группы, однако в итальянском языке допустимо извлечение из *wh*-острова [32].

Современные работы в области формальной грамматики отдают предпочтение параметрам первого типа, или микропараметрам, совокупность ко-

которых задает комплексную микропараметрическую сетку. Причина этому состоит в стремлении максимально упростить вычислительный компонент грамматики и по возможности свести универсальные принципы к эффективности вычисления и взаимодействия грамматики с интерфейсами, а межъязыковое варьирование — к различиям в признаковой спецификации лексических единиц (и в первую очередь — функциональных категорий) языка. Последнее допущение известно под названием «гипотезы Борер-Хомского» (Boyer-Chomsky conjecture): «Инвентарь правил словоизменения и грамматических показателей любого языка идиосинкратичен и должен выучиваться на основании входных данных. Если все межъязыковое разнообразие отнести к этой системе, то окажется, что вся тяжесть освоения языка ложится в точности на тот компонент грамматики, относительно которого имеются явные свидетельства выучивания: словарь и его идиосинкратичные свойства» [18: 29].

Такой подход к параметризации межъязыкового разнообразия в конечном итоге задает универсальный шаблон организации параметра. Параметр регулирует (i) наличие некоторого формального признака в лексиконе конкретного языка, (ii) наличие у этого признака согласовательного (неинтерпретируемого) варианта и (iii) силу этого признака, то есть необходимость открытого передвижения некоторой составляющей, связанную с этим признаком [25]. Представление о силе/слабости признака может использоваться не только в связи с реализацией абстрактного или внешне выраженного согласования, но и в связи с другими морфосинтаксическими свойствами. Так, в [38: 205–207] болгарские (и тагальские) клитики второй позиции определяются как «сильные» на том основании, что они не сдвигаются вправо под воздействием начальных топиальных составляющих, не покидают позиции 2Р и притягивают глагольные формы в смежные с ними позиции. Напротив, внешне сходным сербохорватским и новгородским «слабым» клитикам второй позиции весь этот комплекс свойств не присущ.

Дополнительным преимуществом микропараметрического подхода следует считать возможность применения соответствующей исследовательской процедуры к материалу одного языка. Известно, что в пределах одного языка могут быть представлены вариативные конструкции, распределенные по носителям языка либо сосуществующие в грамматике одного носителя. Первый тип варьирования может быть проиллюстрирован феноменом дифференцированного маркирования объекта в двух идиомах мишарского диалекта татарского языка [7]: в одном идиоме падежным признаком обладают только DP, в то время как в другом — не только DP, но и именные группы меньшей структуры (NumP, группы числа). В качестве примера варьирования второго типа можно назвать количество функциональной структуры клаузы в осетинских событийных номинализациях [26; 27]: грамматика произвольного носителя языка допускает как минимум два типа номинализаций с разными морфосинтаксическими свойствами и интерпретационными характеристиками, что получает

объяснение в терминах недоспецификации селективных признаков номинализующей морфологии, позволяющей строить номинализации разных структурных типов. Понятно, что в первом случае сложно, а во втором — невозможно исходить из предположения, что в основе варьирования лежат различные способы работы грамматического компонента. Т. И. Бондаренко [17] принимает гипотезу о лексической декомпозиции, согласно которой, в частности, значение ДАТЬ X-у Y, может представляться как КАУЗИРОВАТЬ X-а ИМЕТЬ Y в классе языков, включающем английский. Поскольку автор статьи параллельно принимает гипотезу об универсальной фразовой структуре, представление о том, что значение ДАТЬ в английском языке включает в себя значение ИМЕТЬ, дополняется представлением о том, что в английском языке каузативная клауза с глаголом ДАТЬ (англ. *give*) содержит в своем составе стативную клаузу с глаголом ИМЕТЬ (англ. *have*). Если допустить, что значение ДАТЬ разлагается на КАУЗИРОВАТЬ ИМЕТЬ только в одном классе языков, а в другом, к которому, согласно автору статьи, принадлежат русский и грузинский языки, является неразложимым, мы получаем микропараметрическое описание битранзитивных клауз. Т. И. Бондаренко предпринимает попытку обосновать этот результат за счет разной сочетаемости глагола ДАТЬ с операторным словом ОПЯТЬ (англ. *again*, рус. *опять*, груз. *isev*) в контекстах, которые могут содержать либо не содержать импликации 'Z опять дал X-у Y, и X опять имеет Y'. Трудность на этом пути связана с тем, что приходится одновременно допустить тождество лексических концептов операторных слов англ. *again*, рус. *опять*, груз. *isev* и различие лексических концептов сопоставляемых битранзитивных глаголов типа англ. *give*, рус. *дать*. Интересно, что сама гипотеза о лексической декомпозиции и скрытых каузативах, как показывает статья Б. А. Захарьина [3], отнюдь не нова², ее, в частности, отстаивал индийский лингвист Кумарила Бхатта (VII-VIII вв.): правда, предметом анализа Кумарилы и его оппонентов было не межъязыковое, а внутриязыковое варьирование в сфере приписывания винительного падежа дополнению в древнеиндийском языке.

Еще одна область исследований, где микропараметрическое варьирование представляется наиболее естественной моделью — это историческая грамматика и диахроническая типология. Учитывая как спонтанное начало процесса языкового сдвига, так и синхронное сосуществование в переходный период «старой» и «новой» грамматик, следует признать, что наиболее экономная описательная система должна строиться на основе схемы организации параметра Дж. Лонгобарди: возможно приобретение или потеря некоторого формального признака некоторой вершиной или системой лексикона в целом,

²Как, впрочем, и гипотеза об универсальной фразовой структуре, с поправкой на то, что лингвисты древности и эпохи возрождения выдвигали ее, не делая попыток описать языковое разнообразие.

возникновение либо утрата его согласовательного варианта, варьирование силы признака. Именно такой подход реализован в исследованиях эволюции нефинитных зависимых клауз в работах [2; 29] и в анализе развития личного-числового согласования в языках манде [5]. Становление целого ряда предположительно взаимосвязанных ограничений на линейаризацию элементов предложения в германских языках принято связывать с изменением настроек общего параметра, параметра нулевого подлежащего [22; 13: 221].

Классические определения лингвистической типологии и контрастивной лингвистики предполагают, что данные дисциплины имеют разный предмет — лингвистическая типология делает утверждения об открытых классах языков мира, выделяемых на основе тех или иных параметров или их комбинации, в то время как контрастивная лингвистика делает утверждения исключительно о сопоставляемых языках, и только о них. На практике, однако, трудно найти современные контрастивные описания, авторы которых не делали бы попыток объяснить причины параметрического варьирования. В последние десятилетия активно разрабатывается такая область исследований, комбинирующая методы диахронической и синхронной лингвистики, как ареальная типология близкородственных языков. В настоящем выпуске ее представляют статьи *М. Б. Коношенко, Л. В. Хохловой, С. А. Оскольской и Н. М. Стойновой*. *М. Б. Коношенко* [6] с помощью методов внешней и внутренней реконструкции прослеживает эволюцию системы именных классов в семье ква, макросемья нигер-конго. *Л. В. Хохлова* [23] рассматривает эволюцию западных новоиндийских языков с XII по XVIII вв. в зеркале пяти типологических универсалий, ранее сформулированных Л. Траском, Р. Диксоном, Б. Комри и Дж. Россом, и шкалы одушевленности М. Сильверстайна и показывает, что все они нарушаются на ее материале. Конечный вывод автора статьи состоит в том, что нарушение данных пяти универсалий и эффектов шкалы Сильверстайна объясняется уникальными свойствами самого материала: западные новоиндийские языки в течение относительно небольшого периода времени демонстрируют атипичное циркулярное развитие от номинативно-аккузативного строя к эргативному и обратно.

Традиционно считается, что лингвистические универсалии на самом деле — статистические тенденции, релевантной базой для проверки которых служат, прежде всего, языки, находящиеся в устойчивом состоянии. Исключения из предполагаемых универсалий могут быть связаны с возмущающим влиянием диахронического фактора, точнее, с материалом тех языков, которые в течение относительно короткого периода времени меняют настройки определенных параметров на противоположные. Другой, не менее важный, аспект проблемы связан с проверкой предсказательной силы самих имплицативных универсалий и претендующих на универсальность референциально-дейктических шкал. Для проверки последних в настоящее время нет устоявшейся

процедуры. Ряд авторов рассматривает генетическое родство языков и контактное развитие языков в пределах своего ареала как возмущающие факторы [15: 40], ср. обсуждение в [14: 147].

Еще одной областью исследований, совместимой как с параметрическим подходом, так и с диахроническими методами анализа, является теория грамматикализации, в том числе, объяснение грамматических заимствований и эволюции служебных слов. В настоящем выпуске к этой группе можно отнести статьи Д. А. Бикиной и Е. Ю. Ивановой и Э. Бужаровской. Особо следует отметить работу Е. Ю. Ивановой и Э. Бужаровской [4], где восстанавливаются этапы становления дискурсивных частиц мак. *да не*, болг. *да не би*, возникших в современных македонском и болгарском языках на базе ареальной балканско-славянской конструкции с союзом *да*.

В 2016 году уже в четвертый раз в качестве одной из секций научного форума «Типология морфосинтаксических параметров» прошла конференция по Общему, скандинавскому и славянскому языкознанию для студентов и аспирантов (сокращенно GeNSLing или Генслинг от англ. *General, Nordic and Slavic Linguistics*). Эта конференция-секция дает возможность молодым лингвистам представить свое видение параметрической структуры языков мира, прежде всего славянских и германских. В этом году в рамках конференции Генслинг было представлено 14 докладов от студентов из России и Италии. Многие из них опубликовали статью в настоящем сборнике.

Можно выделить две содержательных доминанты, которые отличают исследования участников Генслинга в 2016 году. Во-первых, было представлено значительное число докладов, посвященных исторической славистике. В настоящем сборнике опубликованы работы Е. В. Буденной, К. Ю. Дойкиной, М. В. Скачедубовой, М. А. Тюреновой, а также Клары Занки и Клары Наккарато, в той или иной степени разрабатывающие эту проблематику. Во-вторых, в сборнике есть несколько работ, которые, несмотря на разнообразие тем, объединяет ориентация на синтез качественных и количественных методов изучения лингвистических объектов; таковы исследования П. Н. Казаковой, А. К. Станкевич, И. В. Тимошенко, И. Ю. Чечуро. Традиционно в программе конференции присутствуют доклады, посвященные исследованию морфосинтаксиса малых языков. Статья М. А. Сидоровой посвящена числовому оформлению существительных в хантыйском языке. Наконец, в статье Д. В. Дяченко рассматривается лексика малоизученного диалекта шведского языка, распространенного на территории Украины.

Завершая вводную статью к настоящему сборнику, редакторы выражают надежду, что представленные в нем работы будут способствовать развитию наших представлений о языковом разнообразии, о возможных моделях межязыкового варьирования и о способах их репрезентации в рамках параметрических систем.

Библиография

1. Виняр А. И. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ // Наст. сборник.
2. Гращенков П. В. К эволюции нефинитных форм глагола // Вестник МГТУ имени М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014. №3. С. 34-54.
3. Захарьин Б. А. Двойной аккузатив в древнеиндийском // Наст. сборник.
4. Иванова Е. Ю., Бужаровска Э. Эпистемические вопросительные частицы *да не* в македонском и *да не би* в болгарском языках // Наст. сборник.
5. Коношенко М. Б. Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология: Дис. ... канд. филол. наук. М., Институт языкознания РАН, 2015.
6. Коношенко М. Б. Механизмы утраты именных классов в языках ква // Наст. сборник.
7. Лютикова Е. А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 50–70.
8. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. Параметрическая типология: модели и объяснения // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Москва: МПГУ, 2015. С. 4–6.
9. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. Теория лингвистики и лингвистическая типология // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 5–11.
10. Привизенцева М. Ю. Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков) // Наст. сборник.
11. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 1. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2014. 272 с.
12. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Москва: МПГУ, 2015. 515 с.

13. Циммерлинг А. В. Параметр нулевого субъекта и членение текста. // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / В. А. Плунгян (отв. ред.). Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. С. 217–231.
14. Циммерлинг А. В. Рец на: I. Bornkessel-Schlesewsky, A.L.Malchukov, M.Richards (eds.). Scales and hierarchies: A cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. 356 p. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 144–151.
15. Bickel, Balthasar, Alena Witzlack-Makarewicz and Taras Zakharko. // I. Bornkessel-Schlesewsky, A. Malchukov, M. Richards (eds.). Scales and hierarchies: A cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 7–43.
16. Baker, Mark. Incorporation. A theory of grammatical function changing. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1988.
17. Bondarenko, Tatiana. Constructions with two objects again: Georgian and Russian vs English // Насл. сборник
18. Borer, Hagit. Parametric syntax: case studies in Semitic and Romance languages. Dordrecht: Foris, 1984.
19. Chomsky, Noam. Essays on form and interpretation. New York and Amsterdam: Elsevier North-Holland, 1977.
20. den Besten, Hans. On the interaction of root transformations and lexical deletive rules // Abraham W. (ed.). On the formal syntax of Westgermania. Amsterdam: Benjamins, 1983. Pp. 47–131.
21. Gerasimov, Dmitry. Predicative possession in Paraguayan Guaraní: Against the zero copula hypothesis // Насл. Сборник.
22. Holmberg Anders and Christer Platzack. The role of inflection in Scandinavian syntax. Oxford: Oxford University Press, 1995.
23. Khokhlova, Lyudmila. Violations of typological universals in the historical development of Western NIA languages // Насл. Сборник.
24. Lasnik, Howard. Essays on anaphora. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989.
25. Longobardi, Giuseppe. A minimalist program for parametric linguistics? // H. Broekhuis et al. (eds.) Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk. Berlin–New York: Mouton De Gruyter, 2005. Pp. 407–414.
26. Lyutikova, Ekaterina, and Sergei Tatevosov. Complex predicates, eventivity, and causative-inchoative alternation // Lingua. 2013. Vol. 135. Pp. 81–111.
27. Lyutikova, Ekaterina, and Sergei Tatevosov. Nominalization and the problem of indirect access: Evidence from Ossetian // Linguistic Review. 2016. Vol.33(3). Pp. 321–363.
28. Lyutikova, Ekaterina, and Anton Zimmerling. Approaching V2: Verb Second and Verb Movement // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 14 (20). В двух томах. [Computational linguistics and intellectual technologies, Issue 14 (21), in two volumes.] Moscow, 2015, Pp. 663–676.

29. Madariaga, Nerea. The decline of non-finiteness as a syntactic mechanism for embedding in East Slavic // *Journal of Historical Linguistics*. 2015. Vol. 5:1. Pp. 139–174.
30. Manzini, Rita, and Kenneth Wexler. Parameters, Binding theory, and learnability // *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. Pp. 413–444.
31. Pollock, Jean-Yves. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 3. Pp. 365–424.
32. Rizzi, Luigi. *Issues in Italian syntax*. Dordrecht: Foris, 1982.
33. Roberts, Ian. Phases, head-movement and second-position effects // Gallego A. J. (ed.). *Phases developing the framework*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 385–440.
34. Round, Erich. *Kayardild morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
35. Stassen, Leon. *Predicative possession*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
36. Zimmerling, Anton. Parametrizing of Verb Second Languages and CLitic Second Languages // *WORLDCOMP' 15. Proceedings of the 2015th International Conference on Artificial Intelligence*. Vol. 1. CSREA Press. 2015. Pp. 281–287.
37. Zimmerling, Anton. 1P orders in 2P languages // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»*. Вып. 2. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Москва: МПГУ, 2015. Pp. 459–483.
38. Zimmerling, Anton, and Peter Kosta. Slavic Clitics: A Typology // *Language Typology and Universals (STUF)*. 2013. Vol. 66. No. 2. Pp. 178–214.

Д.А. БИКИНА

НИУ ВШЭ, Москва

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОКАЗАТЕЛЬ *KAT'I'*

1. Введение: заимствованная морфология в мокшанском языке

Мокшанский язык принадлежит к финно-угорской группе уральских языков и, наряду с эрзянским, входит в мордовскую подгруппу языков. На протяжении веков мокшанский язык находится в тесном контакте с русскими говорами Поволжья. Заимствования русского происхождения можно обнаружить не только в лексике мокшанского языка, но и в словоизменительной морфологии. Так, в мокшанский язык были заимствованы модальные предикативы и глаголы *dolžən*, *možnə*, *hočət*, *možət* — при этом заимствованные предикативы в мокшанском языке могут присоединять показатель множественного числа *-t*, согласуясь с дополнением инфинитива:

- (1) Настояхнень **можно-т** анокла-м-с кафта ши-с
настойка.PL-GEN можно-PL готовить-INF-ILL два день-ILL
'Настойки можно готовить на два дня.'
[*"Мокшень правда"*, 16.05.2014, №19]

Русские заимствования можно обнаружить и среди синтетических показателей. Например, в мокшанский язык был заимствован русский показатель *-ка*; при этом в мокшанском языке этот элемент может занимать не только конечную позицию в словоформе, грамматикализуясь в морфологический показатель гортатива [11]:

- (2) а. *mora-n-ka*
петь-NPST.1SG-HORT
б. ^{OK}*mora-n-ka-n*
петь-NPST.1SG-HORT-NPST.1SG
в. ^{OK}*mora-ka-n*
петь-HORT-NPST.1SG
'Спою-ка я.'

В настоящей статье мы рассмотрим показатель *kat'i*, который в существующих грамматических описаниях возводится к русскому *хоть + и*. Мы рассмотрим семантику и синтаксис этого показателя, а также предложим возможный путь освоения и грамматикализации этого заимствования в мокшанском языке.

¹Исследование поддержано грантом РФФИ №16-06-00536 А "Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках".

2. Показатель *kat'i*

В литературе показатель *kat'i* описывается как заимствование русского уступительного союза *хоть, хоть* + *и* > *kat* + *i* > *kati* [3: 237]. В мокшанском языке этот элемент не имеет уступительной семантики — в качестве уступительного союза выступает вторичное, менее освоенное заимствование *xət'*:

- (3) *xət'i* / **kat'i* *mašt-an* *ujə-mə,* *no* *s'akə*
хоть и INDEF уметь-NPST.1SG плавать-INF но всё.равно
peł'-an *ičkəz'ə* *ujə-ma-z'ə*
бояться-NPST.1SG далеко плавать-NZR-1SG.POSS.SG
'Хоть я и умею плавать, всё равно боюсь заплывать далеко.'

В то же время показатель *kat'i* обладает множеством иных функций. Во-первых, он может выступать в роли разделительного союза:

- (4) *son* *kat'i* *ud-i,* *kat'i* *rabota-j*
он INDEF спать-NPST.3[SG] INDEF работать-NPST.3[SG]
'Он то ли работает, то ли спит.'

Во-вторых, при некоторых семантических ограничениях *kat'i* может вводить косвенный вопрос:

- (5) *mon af* *soda-sa* *kat'i* *son* *sa-j*
я NEG знать-NPST[3SG.S.3SG.O] INDEF он прийти-NPST.3[SG]
'Я не знаю, придет ли он.'

Также с помощью этого показателя образуется серия неопределенных местоимений:

- (6) *mar'ε* *kat'i* *kin'* *n'εj-s'* *i* *εvəs'*
М. INDEF кто.OBL видеть-PST.3[SG] и пугаться.NPST.3[SG]
'Марья кого-то увидела и испугалась.'

Наконец, в некоторых случаях *kat'i* выступает в функции оператора эпистемической модальности со значением 'невозможности для говорящего':

- (7) *kat'i* *məz'ardə* *son* *sa-j*
INDEF когда он прийти-NPST.3[SG]
'Вряд ли он когда-нибудь придет.'

Мы рассмотрим подробнее синтаксические и иные свойства показателя во всех вышеперечисленных функциях.

2.1. Показатель *kat'i* в функции разделительного союза

Показатель *kat'i* может выступать в качестве разделительного союза со значением, близким к 'то ли':

- (8) *kijə bəd'ə sa-s', kat'i mašə, kat'i mar'inə*
 кто INDEF прийти-PST.3[SG] INDEF Маша INDEF Марина
 'Кто-то пришел: то ли Маша, то ли Марина.'

При этом элемент *kat'i* обязателен перед каждой из вводимых альтернатив:

- (9) a. *kat'i mašə, kat'i mar'inə*
 INDEF Маша INDEF Марина
 b. **mašə kat'i mar'inə*
 Маша INDEF Марина
 'То ли Маша, то ли Марина.'

2.2. Показатель *kat'i* как маркер косвенного вопроса

В общем случае в мокшанском языке косвенный вопрос образуется с помощью союза *li*, заимствованного из русского языка. Однако в некоторых случаях он может вводиться при помощи *kat'i*. Это происходит тогда, когда истинность пропозиции, вводимой с помощью *kat'i*, неизвестна говорящему в момент речи:

- (10) *mon af soda-sa kat'i pet'ε*
 я NEG знать-NPST[1SG.S.3.O] INDEF П.
kel'k-si šur'kε-t'
 любить-NPST.3SG.S.3SG.O лук-DEF.GEN
 'Я не знаю, любит ли Петя лук.'

- (11) *???mon iz'-inə soda kat'i pet'ε*
 я NEG.PST-1SG.S[3.O] знать.CN INDEF П.
kel'k-si šur'kε-t', i s'a-nksə iz'-in'ə
 любить-NPST.3SG.S.3SG.O лук-DEF.GEN и тот-CSL NEG.PST-1SG.S[3.O]
kajə l'εm-t'i
 лить.CN суп-DEF.DAT
 'Я не знала, любит ли Петя лук, и поэтому не положила его в суп' {а оказалось, что Петя лук любит}.

Образование косвенного вопроса с помощью *kat'i* возможно в том числе тогда, когда субъектом незнания является не говорящий, и подчиняется тому же ограничению:

- (12) *pet'ε vandi kiz'əfci kat'i mol'ə-ma t'emn'ikav-u*
 П. завтра спросить-NPST.3SG.S.3SG.O INDEF идти-NZR T.-LAT
 'Петя завтра спросит, надо ли ехать в Темников.'

- (13) **pet'ε n'i soda-j kat'i mol'ə-ma t'emn'ikav-u*
 П. уже знать-NPST.3[SG] INDEF идти-NZR T.-LAT
 Ожидаемое значение: 'Петя уже знает, надо ли ехать в Темников.'

2.3. Серия неопределенных местоимений с показателем *kat'i*

В мокшанском языке неопределенные местоимения образуются на базе просительных. Одна из серий неопределенных местоимений образуется с помощью показателя *kat'i*. В таком случае *kat'i* стоит перед местоименной основой и не может разрываться с ней никаким элементом.

Неопределенные местоимения этой серии имеют значение 'неизвестности говорящему', при этом они могут выступать как в референтных, так и в нереферентных контекстах:

- (14) *ičkəz'-d'ə kat'i mez'ə n'ejə-v-i*
 далеко-ABL INDEF что видеть-PASS-NPST.3[SG]
 'Вдалеке что-то виднеется.'
- (15) *son kat'i məz'ardə sa-j*
 он INDEF когда прийти-NPST.3[SG]
 'Он когда-нибудь придет.'

Если референт местоимения известен говорящему, употребление местоимения с показателем *kat'i* не допускается:

- (16) *kijə bəd'ə / *kat'i kijə sa-s', soda-k kijə*
 кто INDEF INDEF кто прийти-PST.3[SG] знать-IMP.SG кто
 'Кое-кто пришёл, угадай, кто.'

Если рассматривать семантику серии неопределенных местоимений с показателем *kat'i* в рамках функционально-типологического подхода [13], то эта серия будет выполнять все функции со значением 'неизвестности говорящему', за исключением прямого отрицания и свободного выбора. Помимо референтных контекстов со значением неизвестности говорящему и ирреальных нереферентных контекстов, местоимения с маркером *kat'i* могут выступать в контексте протазиса условия и в общих вопросах:

- (17) *kat'i kijə sa-n'd'ər'ε-j, n'ejə-sa-s'k*
 INDEF кто прийти-COND-NPST.3[SG] видеть-NPST-1PL.S[3.O]
mašina-z'ə-n'
 машина-SG.POSS.3SG.S-GEN
 'Если кто-нибудь приедет, мы увидим его машину.'
- (18) *kat'i kijə sa-šənc' pəka mon aš-əl'-ən' ?*
 INDEF кто прийти-FREQ.PST.3[SG] пока я NEG.EX-PQP-PST.1SG
 'Кто-нибудь приходил, пока меня не было?'

Неоднократно отмечалось, что внутри функций, выделенных М. Хаспельматом, возможно варьирование: та или иная серия может покрывать не все подтипы контекстов, относящихся к той или иной функции [5; 7; 9]. Это верно и для мокшанского материала. Так, среди ирреальных контекстов (функция IR-REALIS SPECIFIC) для местоимений *kat'i*-серии возможен контекст будущего времени, модальный контекст, но невозможен контекст императива:

- (19) son' mɛl'-əzə-nzə **kat'i mæz'ardə** sa-m-s
 он.OBL желание-ILL-SG.POSS.3SG INDEF когда прийти-INF-ILL
 t'a-zə
 этот-ILL
 'Он хочет когда-нибудь приехать сюда.'
- (20) sa-k **mæz'ardə-ngə** / ***kat'i mæz'ardə**
 прийти-IMP.SG когда-ADD / INDEF когда
 'Приходи когда-нибудь.'

С некоторыми ограничениями местоимения с маркером неопределенности *kat'i* могут возникнуть в позиции основания для сравнения. В мокшанском языке основание для сравнения может оформляться четырьмя способами: послелогом *kor'a-s* (согласно-ILL) 'согласно' или *ezdə* (в.ABL) 'от, из'; аблативом; также основание для сравнения может вводиться сравнительным союзом *čet*, заимствованным из русского языка [8]. Из четырех типов сравнительных конструкций употребление местоимений с показателем *kat'i* возможно только при оформлении основания для сравнения послелогом *kor'a-s* (согласно-ILL) 'согласно'.

- (21) pet'ɛ las'k-ənd-i s'a-də višk-stə **kat'i kin'**
 П. бегать-FREQ-NPST.3[SG] тот-ABL быстрый-EL INDEF кто.OBL
kor'a-s
 согласно-ILL
 'Петя бежит быстрее, чем кто-либо.'

Ограничение на употребление *kat'i*-местоимений релевантно и для контекста непрямого отрицания — местоимения с показателем *kat'i* допустимы только при синтаксически автономном отрицании (отрицание в главной клаузе, местоимение — в зависимой); при внутрисловном отрицании (отрицание заложено в семантике глагола) местоимения этой серии возникать не могут.

- (22) af vid'ə koŋta-sa-z' što pet'ɛ **kat'i kin'**
 NEG прямой говорить-NPST-3PL.S[3.O] что П. INDEF кто.OBL
kel'g-i
 любить-NPST.3[SG]
 'Неправду говорят, будто Петя кого-либо любит.'

Местоимения с маркером неопределенности *kat'i* невозможны в контекстах прямого отрицания и свободного выбора:

- (23) **ki-vək** / ***kat'i kijə** iz' sa
 кто-ADD INDEF кто NEG.PST[3SG] прийти.CN
 'Никто не пришёл.'
- (24) **lubovaj** / ***kat'i kodamə** st'ər'-n'ɛ-s' mazi
 любой INDEF какой девушка-DIM-DEF красивый
 'Какая угодно девушка красива.'

Дистрибуция *kat'i*-серии неопределенных местоимений на семантической карте, предложенной М. Хаспельматом [13], изображена на Рисунке 1.

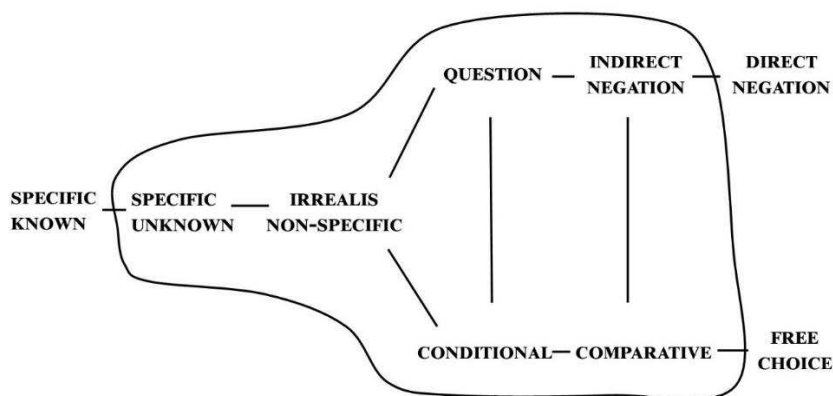

Рисунок 1. Дистрибуция *kat'i*-серии неопределенных местоимений на семантической карте [Haspelmath 1997].

2.4. Модальные значения показателя *kat'i*

В некоторых случаях местоименные конструкции с *kat'i* развивают модальное значение особого типа, связанное с оценкой вероятности говорящим. Рассмотрим предложение (25):

- (25) **kat'i mez'ə mar'ε mora-j**
 INDEF что М. петь-NPST.3[SG]
 а. 'Вряд ли Марья что-нибудь поет' {например, она не умеет петь}.
 б. ??? 'Что-нибудь Марья поет.'

В этом предложении "обычная" интерпретация местоимения — как референтная, так и нереферентная — хотя и возможна, но не является предпочтительной. Предложение получает значение, близкое к отрицанию. В общем случае ее можно охарактеризовать как невозможность с точки зрения говорящего — своего рода модальность эпистемической оценки.

Препозиция *kat'i* способствует возникновению такого значения. Если же *kat'i* будет стоять не в начале предложения, то вероятнее "нейтральная интерпретация":

- (26) **mar'ε kat'i mez'ə mora-j**
 М. INDEF что петь-NPST.3[SG]
 а. 'Марья что-нибудь поет.'
 б. ??? 'Вряд ли Марья что-нибудь поет.'

Модальная интерпретация местоименной конструкции с *kat'i* невозможна, если конструкция находится в подчиненной клаузе. Таким образом, можно предположить, что по крайней мере на какой-то из стадий своего развития показатель *kat'i* со значением эпистемической оценки был модальным оператором, сферой действия которого является высказывание целиком, и который лицензирует немаркированное неопределенное местоимение:

- (27) [**kat'i** [mez'ə [mar'ε mora-j <mez'ə>]]]
 INDEF что М. петь-NPST.3[SG] что
 'Вряд ли Марья что-нибудь споеет.'

3. Анализ

3.1. Заимствование русского *хоть*: данные других финно-угорских языков

Русские местоименные конструкции с *хоть* целесообразно считать особой серией неопределенных местоимений, по функциям приближающейся к квантифицирующим словам со значением всеобщности [7]. Кальки подобных конструкций с заимствованным элементом *хоть* присутствуют во многих финно-угорских языках России; абсолютное большинство этих конструкций имеет значение свободного выбора. Исключения крайне немногочисленны, и среди них — мокшанский язык.

Так, местоименная серия с маркером неопределенности, заимствованным из русского *хоть*, и значением свободного выбора есть в ижорском языке в вариантах *hos / hot* (*hos ken* 'хоть кто' [15: 87]); в обдорском диалекте хантыйского языка (*kus xalsa* 'откуда угодно' [14: 18]); карельском языке (*hot'-midä* ' [9: 162]); литературном коми (*хоть кор* 'когда угодно' [1: 112]). Серия неопределенных местоимений с показателем *кеӷ* < *хоть* есть также в лугово-марийском [2: 84–85].

В различных диалектах удмуртского также есть серия неопределенных местоимений, образуемая с помощью показателя *хоть* < рус. *хоть*. Примечательно, что, помимо значения свободного выбора, удмуртские местоимения с показателем *хоть* могут служить в том числе для квантификации определенных множеств:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

- (28) **Хоть-куд** каникул-э ми-лемыз отчы
 хоть-какой каникулы-ILL мы-ACC.PL туда.ILL
 песянай-мы дор-ы ыстыл-йзы
 бабушка.1PL.POSS около-ILL послать.FREQ-PRS.3PL
 'Каждые каникулы нас отправляли туда к бабушке.'

[Корпус удмуртского языка]

Ни в одном из упомянутых выше языков, в которых мы нашли заимствования русского *хоть* в качестве маркера неопределенности, не зафиксировано развитие соответствующей серии неопределенных местоимений из значения свободного выбора в сторону более референтных значений. Единственным обнаруженным на данный момент случаем расширения семантики местоимений с показателем, заимствованным из русского *хоть*, является серия неопределенных местоимений с показателем *котъ* в удмуртском языке, которая развивается в сторону других значений из области универсальной квантификации.

В мокшанском языке *kat'i*-местоимения не могут выступать в контексте свободного выбора. Таким образом, наличие изначально такой семантики у *kat'i* можно подвергнуть сомнению.

В следующем разделе мы рассмотрим альтернативный путь заимствования и грамматикализации показателя *kat'i* в мокшанском языке.

3.2. Путь грамматикализации: от русского *хоти* к модальному оператору

На данный момент нам не удалось обнаружить в других финно-угорских языках, которые находятся в тесном контакте с русским языком, заимствования *хоть* с конечным *и*. Можно предположить, что *kat'i* не имеет отношения к сочетанию *хоть* и усилительной частице *и*, а было заимствовано от древнерусского союза-частицы *хоти* (застывшей формы императива), т.е., на более ранней стадии грамматикализации русской частицы *хоть*.

Функция разделительного союза зафиксирована в древнерусском языке по крайней мере для *хоть* и *хотя*; форма *хоти* в таком значении в летописях не встречается [4]. В то же время *хоти* широко употребляется в древнерусских памятниках в функции условного союза, а развитие разделительного значения у условных союзов является типологически частым. Можно предположить, что в мокшанский язык *хоти* заимствовалось в функции разделительного союза.

Значение разделительного союза, по-видимому, стало источником для двух других функций *kat'i*: во-первых, для маркера неопределенности, во-вторых, для показателя косвенного вопроса. Оба таких сценария развития зафиксированы в типологии. В частности, развитие маркера неопределенности со значением неизвестности для говорящего из разделительного союза зафиксировано, для чувашского союза *та* 'и, или', ставшего маркером неопределенности у местоимений; чувашские неопределенные местоимения с показателем *та*-обладают той же дистрибуцией на семантической карте неопределенных местоимений, что и *kat'i*-серия неопределенных местоимений в мокшанском языке. В свою очередь, показатель косвенного вопроса часто имеет своим источником разделительный союз (ср. рус. *ли*).

Появление модальных функций у показателя *kat'i* мы предлагаем объяснять следующим образом: неопределенные местоимения, выступающие во всех

- (29) **kat'i** **kija** **kel'k-si** **εr'** **loman'-t'**
 INDEF кто любить-NPST.3SG.S[3SG.O] каждый человек-DEF.GEN
- a. 'Кто-то любит каждого.'
 $OK \exists x(\forall y(x \text{ любит } y \ \& \ x \neq y))$:
 существует единственный кто-то, кто любит всех людей на свете;
 $*(\forall y(\exists x(x \text{ любит } y \ \& \ x \neq y)))$:
 для каждого у существует х, который его любит.
- b. 'Неизвестно, кто любит каждого человека.'
 (= 'Никто не любит каждого человека').
 $OK \neg \exists x(\forall y(x \text{ любит } y \ \& \ x \neq y))$:
 не существует такого х, который любил бы всех людей на свете
 ('Никто не любит всех на свете');
 $*(\forall y(\neg \exists x(x \text{ любит } y \ \& \ x \neq y)))$:
 ни для какого у не существует х, который его любит
 ('Никто никого не любит').

Другим свойством конструкций с *kat'i*, характерным также для амальгам, является то, что носителем фразового акцента всегда является неместоименный компонент (ср. рус. *Бог знает что, не пойми кто* и т.п.). Наконец, амальгамы обнаруживают высокую степень морфологизации, но в то же время плохо "укладываются" на семантическую карту неопределенных местоимений (для неопределенных местоимений с *kat'i* последнее верно в меньшей степени, чем для амальгам — единственным "выпадающим" контекстом оказывается контекст императива).

Предлагаемый нами путь грамматикализации *kat'i* представлен на Рисунке 2.

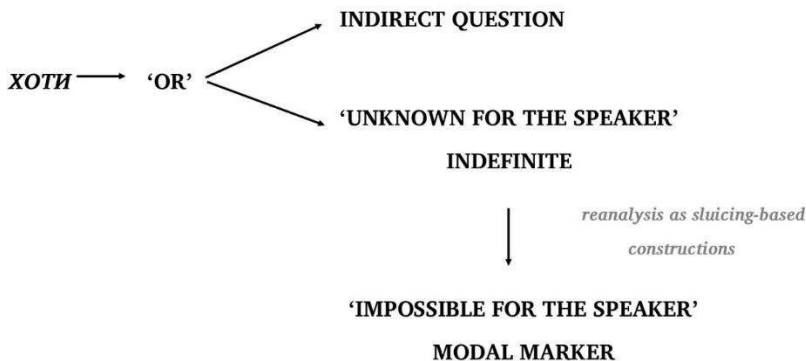

Рисунок 2. Предполагаемый путь заимствования и грамматикализации *kat'i*.

4. Выводы

Итак, мы выделили следующие функции показателя *kat'i*:

- *разделительный союз*;
- *маркер косвенного вопроса*;
- *маркер неопределенности при местоимениях*;
- *оператор эпистемической оценки со значением 'невозможности с точки зрения говорящего'*.

Все эти функции объединяет значение неизвестности (при этом во всех случаях, кроме маркирования косвенного вопроса с помощью *kat'i*, речь идет о неизвестности, ориентированной на говорящего).

Такое разнообразие функций крайне нехарактерно для заимствований от русского *хоть*; кроме того, мокшанский показатель *kat'i* не имеет семантики свободного выбора — а именно это значение, по-видимому, является центральным для заимствований с подобным источником. Это наблюдение, а также тот факт, что в других финно-угорских языках России заимствование от русского *хоть* не имеет конечного *i*, позволяет нам предполагать, что источником заимствования в мокшанском языке была не частица *хоть*, а застывшая форма императива *хоти*. По всей видимости, изначально была заимствована именно эта форма (либо в функции разделительного союза, либо в функции условного союза — откуда она развила разделительное значение). Разделительный союз *kat'i* стал, с одной стороны, вводить косвенные вопросы с семантикой 'неизвестности', а также грамматикализировался в маркер неопределенности у местоимений со значением неизвестности для говорящего. Впоследствии под влиянием русского языка местоименные конструкции были переосмыслены как амальгамы, в результате чего показатель *kat'i* развил модальное значение эпистемической оценки.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; CN – коннегатив; COND – кондиционал; CSL – каузалис; DEF – определенность; DIM – диминутив; EL – элатив; FREQ – фреквентатив; GEN – генитив; HORT – гортатив; ILL – иллатив; IMP – императив; INDEF – маркер неопределенности; INF – инфинитив; LAT – латив; NEG – отрицание; NEG.EX – отрицание существования; NPST – непрошедшее время; NZR – номинализатор; O – объект; OBL – косвенная основа местоимений; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PQP – плюсквамперфект; PST – прошедшее время; S – субъект; SG – единственное число.

Библиография

1. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова, 1949.
2. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964.
3. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
4. Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами. Вопросы языкознания, 1999. №1. С. 17–36.
5. Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. Москва: ИМЛИ РАН, 2002.
6. Тестелец Я. Г., Былинина Е. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. (Доклад на семинаре "Теоретическая семантика", Москва, 15 апреля 2005 г.).
7. Третьякова О. Д. Неопределенные местоимения, лишенные маркера неопределенности, в типологической перспективе. Дисс... канд. филол. наук. М., 2009.
8. Холодилова М. А. Сравнительные конструкции и иерархия именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. (Доклад на конференции "Уральские языки: синхрония и диахрония", Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2015 г.).
9. Aguilar-Guevara, A., M. Aloni, A. Port, R. Šimík, M. de Vos and H. Zeijlstra. Indefinites as fossils: a synchronic and diachronic corpus study. Ms, University of Amsterdam, 2010.
10. Alvre P. Russische lehnelemente in indefinitpronomen und -adverbien der ostseefinnischen sprachen. Linguistica Uralica. 2002. №38. Pp. 161–164.
11. Egorov I. On the modal markers -a and -ka in Moksha Mordvin. (Материалы доклада на XII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург).

12. Guimarães M. Derivation and representation of syntactic amalgams. Dissertation for the degree of doctor of philosophy. Maryland: University of Maryland, 2004.
13. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.
14. Nikolaeva I. A. Ostyak. Munchen; Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
15. Porkka Y. Über den Ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenchkell & Sohn, 1995.
16. Ross J. R. Guess who? Chicago Linguistic Society. Papers from the 5th Regional Meeting, eds. Binnick R. et al., 1969. Pp. 252–286.

Источники

1. Корпус удмуртского языка <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/>.
2. "Мокшень правда" — корпус газетных текстов на литературном мокшанском языке.

T. Bondarenko

MSU, Moscow

CONSTRUCTIONS WITH TWO OBJECTS AGAIN: GEORGIAN AND RUSSIAN — VS — ENGLISH¹

1. Introduction

In this paper I am going to discuss constructions with two objects in English (1), Russian (2) and Georgian (3):

- (1) John gave Mary the book.
- (2) Vasja otdal Maše knigu
 Vasja gave Masha.DAT book.ACC
 ‘Vasja gave Masha the book.’
- (3) šota-m levan-s c’igni misca
 Shota-ERG Levan-DAT book.NOM 3SG.give.AOR.3SG
 ‘Shota gave Levan the book.’

Although the sentences in (1)–(3) look similar on the surface level, I will argue that there is an important difference between their structures that can be identified with the help of repetitive adverbs: English *again*, Russian *opjat’* ‘again’ and Georgian *isev* ‘again’.²

In the recent literature ([9], [29] among others) it has been argued that interpretation of dative / applied arguments and their position in the syntactic structure strongly depend on event structure of verbs with which they combine. Under the approach developed in [9], for example, the event structure of a verb is represented in syntax by different flavors of *vs* (vDO, vGO, vBE). Dative arguments, which are introduced by an applicative projection, differ with respect to where they are introduced in the syntactically represented lexical decomposition of a given verb. Under this view, crosslinguistic variation in structures with two objects arises due to the properties of applicative projections: applicative projections in different languages differ with respect to what they can take as their complement and with respect to what projections can take them as their complements. This approach assumes that all the differences between structures where an applied argument is higher than the direct object are determined by the event structure of a given verb.

A natural question that arises then is the following: what evidence can we make use of in order to determine the exact placement of applicative arguments in lexical decompositions of verbs? Appealing to semantics of predicates and to interpretations

¹The study has been supported by Russian Foundation for Basic Research (grant # 14-06-00435).

²I will use small caps *AGAIN* to refer to this kind of repetitive adverbs generally and words in italics (*again*, *opjat’*, *isev*) to refer to concrete lexical items of English, Russian and Georgian.

of applied arguments does not seem to be good enough: we do not want the syntactic representation to be entirely determined by semantics of lexical items.

The question of validity of lexical decomposition is itself an important issue. Many researches ([11], [12], [6], [16] among others) have been arguing for the lexical decomposition of GIVE in syntax as CAUSE to HAVE in the similar vein as KILL has been suggested to be syntactically represented as CAUSE to DIE in the approach of generative semantics [21]. Setting the details of different analyses aside, many approaches share the idea that in ditransitive constructions a direct object and an indirect object are merged together (forming small clause / low applicative / PP / HaveP) excluding the verb ([17], [27], [11], [12], [9], [6], [16], [22], [28], [29], [20], [13], [14]). This idea is illustrated with the PP structure [12: 4] in Figure 1.

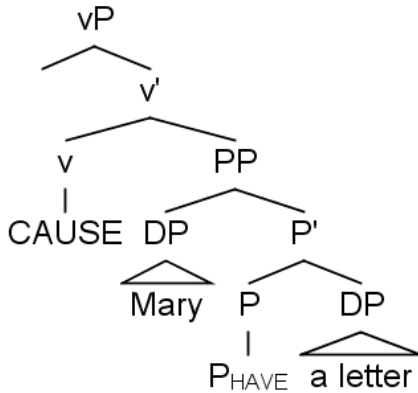

Figure 1: Double Object Structure (adapted from [Harley 2002: 4]).

This line of reasoning begets a question of whether such lexical decomposition of ditransitives is universal or appears to be a peculiarity of English double object construction. Do all languages have GIVE which can be decomposed as CAUSE to HAVE?

The question of how event structures of verbs are mapped into syntax will be central to my discussion of Russian and Georgian structures with two objects throughout this paper. I am going to argue that lexical decomposition of predicates like GIVE in syntax is not universal. While some languages like English may indeed decompose their ditransitives syntactically, Russian and Georgian do not exhibit such decomposition. I am also going to claim that the exact placement of applicative arguments in structures with lexically decomposed verbs could be determined with the help of items that can single out subevents in predicates' semantics. In this paper I will use repetitive adverbs (AGAIN) as such items. The basic idea that I am going to explore is that if a dative argument is part of some subevent e_1 , then it should be in the scope of the repetitive adverb that singles out that subevent e_1 . I am going to show that both Russian and Georgian have constructions where a dative argument is a participant of a

stative subevent of a predicate, but, crucially, ditransitive sentences are not among such constructions.

This paper is organized as follows. In section 2 I will present a major contrast with respect to availability of different readings of AGAIN in English on the one hand and in Russian and Georgian on the other hand. In addition, I will show that German patterns with English with respect to the availability of different readings of AGAIN and provides further support for the syntactic nature of AGAIN's ambiguity. In section 3 I will present the syntactic approach to the semantics of AGAIN ([34], [6], [7], among others), which will be adopted throughout this paper. In section 4 I will briefly touch upon the issue of the entailment problem and the reality of restitutive readings of AGAIN. In section 5 I will discuss how restitutive readings of *again* support the small clause analysis of the English double object construction [6]. In section 6 I will argue for the absence of lexical decomposition in Russian and Georgian ditransitives. I am going to claim that there is no small clause in syntax that corresponds to the stative subevent of GIVE verbs in Russian and Georgian. In section 7 I will show that both Russian and Georgian have structures where datives are part of stative subevents singled out by restitutive readings of AGAIN. Section 8 sums up the paper and discusses some issues that need to be addressed in the further research.

2. Ditransitives AGAIN: crosslinguistic variation

Russian and Georgian contrast with English with respect to the availability of restitutive readings of AGAIN in ditransitive clauses. This contrast is illustrated (4)-(6):

- (4) Thilo gave Satoshi the map again. [Beck & Johnson 2004: 113]
 a. 'Thilo gave Satoshi the map, and that had happened before.' *repetitive*
 b. 'Thilo gave Satoshi the map, and Satoshi had had the map before.' *restitutive*
- (5) Maša opjat' otdala Vase knigu.
 Masha again gave Vasja.DAT book.NOM
 a. 'Masha gave Vasja the book, and that had happened before.' *repetitive*
 b. *'Masha gave Vasja the book, and Vasja had had the book before.' **restitutive*
- (6) dyes Levan-ma šota-s c'igni ise
 today Levan-ERG Shota-DAT book.NOM again
 misca
 3SG.give.AOR.3SG
 a. 'Levan gave Shota the book today, and that had happened before.' *repetitive*
 b. *'Levan gave Shota the book today, and Shota had had the book before.' **restitutive*

In (4) we see that English *again* can have both the repetitive and the restitutive reading with the ditransitive *give*. Under the first (repetitive) reading, the whole event

of Thilo giving the map to Satoshi has been repeated. Under the second (restitutive) reading, it is only the state of Satoshi having the book that took place again. The sentences in (5) and (6) illustrate that Russian *opjat'* ('again') and Georgian *isev* ('again') do not show the same ambiguity when combined with ditransitive verbs. The restitutive reading, under which the state of Vasja/Shota having the book is repeated, is unavailable in these languages.

Note that providing a coherent context for sentences like (5) and (6) does not make the restitutive reading of AGAIN any more acceptable ((7)-(8)).

- (7) a. Context: Vasja had always had the book "Two captains" by Kaverin; he had never given it to anyone. One day he accidentally left the book at Masha's place...
- b. #I togda Maša opjat' otdala /otpravila /vernula Vase
and then Masha again gave /sent /returned Vasja.DAT
knigu.
book.NOM
Expected reading: 'And then Masha gave /sent /returned Vasja the book, and Vasja had had the book before.'
- c. #I togda Maša opjat' otdala /otpravila /vernula knigu
and then Masha again gave /sent /returned book.NOM
Vase.
Vasja.DAT
Expected reading: 'And then Masha gave /sent /returned the book to Vasja, and Vasja had had the book before.'
- (8) a. Context: Levan had always had this book; he had never given it to anyone. One day he accidentally left it at Shota's place...
- b. #šota-m levan-s c'igni isev misca /
Shota-ERG Levan-DAT book.NOM again 3G.give.AOR.3SG
ga-u-gzavn-a / da-u-brun-a
PVB-3APPL-send-AOR.3SG/ PVB-3APPL-return-AOR.3SG
Expected reading: 'Shota gave /sent /returned Levan the book, and Levan had had the book before.'
- c. #šota-m c'igni levan-s isev misca /
Shota-ERG book.NOM Levan-DAT again 3G.give.AOR.3SG
ga-u-gzavn-a / da-u-brun-a
PVB-3APPL-send-AOR.3SG/ PVB-3APPL-return-AOR.3SG
Expected reading: 'Shota gave /sent /returned the book to Levan, and Levan had had the book before.'

This observation holds not only for verbs 'give' (the Russian *otdavai*, the Georgian *micema*), but for other ditransitive verbs ('send', 'return') as well. In addition, examples (7) and (8) illustrate the fact that the order of the two objects (DAT ACC ((7b),

(8b)) and ACC DAT ((7c), (8c)) does not play a role in the availability of the restitutive reading: the reading is absent with both orders.³

English is not the only language that exhibits restitutive readings of AGAIN in ditransitive clauses. Another language that has two readings of AGAIN with ditransitive verbs is German (9).

- (9) ...dass Hans dem Mädchen ein Buch
 that Hans DEF.neut.DAT girl INDEF.neut.ACC book
wieder gab.
again gave
 a. ‘...that Hans gave the girl a book, and Hans had given the girl a book before.’ *repetitive*
 b. ‘...that Hans gave the girl a book, and the girl had had the book before.’ *restitutive*

What is more, German provides evidence that the ambiguity in question is syntactic in nature: the position of *wieder* (‘again’) affects the availability of the restitutive reading. While the preverbal position of *wieder* makes both repetitive and restitutive readings available (9), only the repetitive reading is possible if *wieder* is separated from the verb by one or more arguments. This is illustrated in (10)–(11).

- (10) ...dass Hans dem Mädchen **wieder** ein
 that Hans DEF.neut.DAT girl **again** INDEF.neut.ACC
 Buch gab.
 book gave
 a. ‘...that Hans gave the girl a book, and Hans had given the girl a book before.’ *repetitive*
 b. ‘...that Hans gave the girl a book, and the girl had had the book before.’ *??/*restitutive*
- (11) ...dass Hans **wieder** dem Mädchen ein
 that Hans **again** DEF.neut.DAT girl INDEF.neut.ACC
 Buch gab.
 book gave
 a. ‘...that Hans gave the girl a book, and Hans had given the girl a book before.’ *repetitive*
 b. ‘...that Hans gave the girl a book, and the girl had had the book before.’ *??/*restitutive*

³One might wonder whether the position of the repetitive adverbs *opjat*’ and *isev* affects the availability of the restitutive reading. In both languages the most natural position for repetitive adverbs is the preverbal position; other placements of these adverbs are either marked or ungrammatical. It will be shown in section 6.1. that both *opjat*’ and *isev* can generally have restitutive readings when they immediately precede the verb. So the impossibility of the restitutive reading in (5)–(8) cannot be due to preverbal placement of the repetitive adverbs.

Note that the ditransitive sentences in (9)-(11) show the same pattern with respect to the availability of restitutive readings as sentences with lexical accomplishments such as *öffnen* ('open') [34]: both types of clauses allow the restitutive reading only when the adverb is adjacent to the verb:

- (12) Ali Baba Sesam **wieder** öffnete [von Stechow 1996: 3]
 Ali Baba Sesam **again** opened
 a. 'Ali Baba opened Sezam, and Ali Baba had opened Sezam
 before.' *repetitive*
 b. 'Ali Baba opened Sezam, and Sezam had been open
 before.' *restitutive*
- (13) Ali Baba **wieder** Sesam öffnete [von Stechow 1996: 3]
 Ali Baba **again** Sezam opened
 a. 'Ali Baba opened Sezam, and Ali Baba had opened Sezam
 before.' *repetitive*
 b. 'Ali Baba opened Sezam, and Sezam had been open
 before.' **restitutive*

The observed data from English, Russian, Georgian and German bring us to the following question: what underlies the crosslinguistic variation with respect to the availability of restitutive readings in ditransitive structures? Why is the restitutive reading present in English and German, but unavailable in Russian and Georgian? There could be several reasons for this state of affairs. First, this difference between languages could be caused by different properties of repetitive adverbs. The ditransitive structures themselves could be the same, but divergent properties of Georgian *isev* and Russian *opjat'* could be responsible for the absence of restitutive readings. Second, semantics of ditransitive predicates in Russian and Georgian could differ from English: it could be the case that Russian and Georgian ditransitive verbs lack the stative subevent in their semantics. Finally, it could turn out that it is impossible to build up a small clause (low applicative / PP / HaveP) in Russian and Georgian. It could be the case that the small clause is underivable due to the absence of the relevant functional heads in the lexical inventory of Russian and Georgian. Alternatively, it could be that the small clause structure is in principle derivable, but is not interpretable. Georgian and Russian could lack a special interpretational principle (principle R proposed in [5], [7] or its equivalent) that allows to interpret the combination of a verb and a small clause (LowAppl / PP / HaveP). I am going to investigate the possibilities mentioned above in section 6. But first I would like to briefly introduce the syntactic approach to the ambiguity of *AGAIN* (sections 3-4) that I am going to adopt and review the analysis of *again* with ditransitive structures in English proposed in [6] (section 5).

3. Syntactic approach to the semantics of AGAIN

There are two principal approaches to the ambiguity of AGAIN.⁴ Under the semantic approach ([10], [15], among others) different readings of AGAIN emerge due to the lexical ambiguity of repetitive morphemes. Under the syntactic approach ([34], [6], [7] et al.), which I will adopt in this paper, different readings of AGAIN are attributed to different attachments of AGAIN in the syntactic representation. The semantics of AGAIN is taken to be always the same and involve repetition of some event. Different readings of AGAIN reflect its modification of different subevents in the syntactically represented lexical decomposition: the subevent that is modified by AGAIN is understood as being repeated. If AGAIN modifies the whole event, the repetitive reading arises. Modification of a stative subevent of a predicate gives rise to the restitutive reading.

The meaning of AGAIN under the syntactic approach ([34], [6], [7]) can be formulated as follows:

$$(14) \quad [[\text{AGAIN}]](P_{\langle s, t \rangle})(e) = \begin{array}{ll} 1 & \text{iff } P(e) \ \& \ \exists e' [e' <_T e \ \& \ P(e')]; \\ 0 & \text{iff } \neg P(e) \ \& \ \exists e' [e' <_T e \ \& \ P(e')]; \\ & \text{undefined otherwise.} \end{array}$$

The denotation of AGAIN in (14) states that AGAIN takes a property of events and an event as its arguments and returns 1 iff the property is true of the event and 0 iff the property is not true of the event. The crucial part of AGAIN's meaning is the presupposition that there is another event that temporally precedes the event under consideration of which the property is true. If the presupposition is not met, the meaning of AGAIN is undefined.

The two readings of AGAIN, presented in (15) and (16), differ with respect to what event does AGAIN take as its argument.

(15) The repetitive reading of AGAIN

Yesterday Ali Baba opened Sezam. Today Ali Baba opened Sezam again.

AGAIN's presupposition: there has been another event of Ali Baba's opening Sezam that temporally precedes the event of Ali Baba's opening Sezam that took place today.

(16) The restitutive reading of AGAIN

Sezam had always been open. Yesterday somebody closed it. Today Ali Baba opened Sezam again.

AGAIN's presupposition: there has been another event of Sezam's being open that temporally precedes the event of Sezam's being open that took place today.

⁴ Although the two major views on the semantics of AGAIN have been in competition with each other, see the discussion of the repetitive adverb *pacho* found in Kutchi Gujarathi [26] and the proposal that both analyses of AGAIN can apply simultaneously.

In (15) AGAIN attaches to the whole verbal phrase (VoiceP) and takes the event of Ali Baba's opening Sezam as its argument. In (16) AGAIN attaches to the small clause that represents the stative subevent of the predicate and takes the event of Sezam's being open as its argument. The two attachment sites of AGAIN are illustrated in Figure 2.

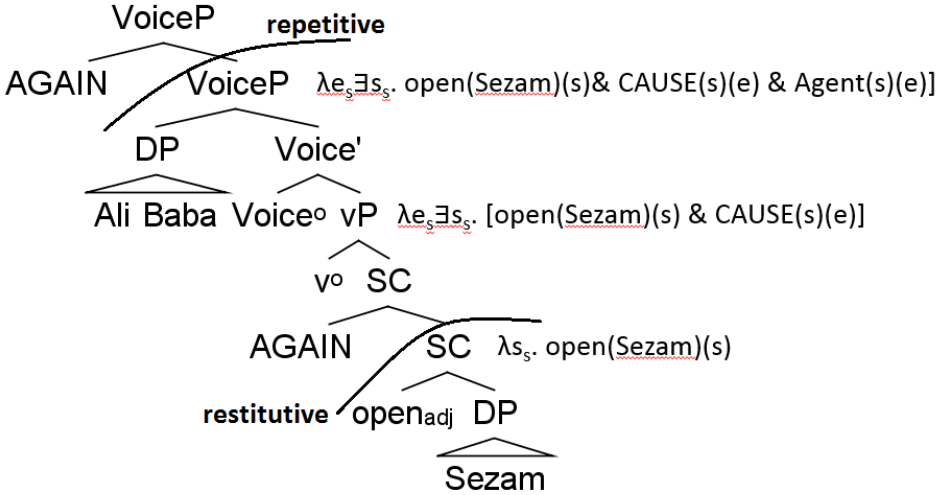

Figure 2: The two readings of AGAIN with lexical accomplishments like ‘open’.

Thus, AGAIN has uniform semantics under the syntactic approach, and the existence of its different readings is derived from the different types of subevents with which it is combined.

4. Reality of restitutive readings: on the entailment problem

One of the challenges for the syntactic approach to AGAIN has been the entailment problem: the repetitive reading of AGAIN seems to entail the restitutive reading. It is hard to come up with a scenario where the two readings could be distinguished by their truth conditions. Consider the example in (17):

- (17) a. Context:
 Maša otrkyla dver', no silnyj poryv vetra zakryl
 Masha opened door.ACC but strong blast of.wind closed
 ejo.
 it.fem.ACC
 ‘Masha opened the door, but the strong blast of wind closed it.’
 b. Maša opjat' otrkyla dver'.
 Masha again opened door.ACC
 ‘Masha opened the door again.’

c. **Repetitive reading** — **TRUE**: There has been an event of Masha's opening the door that temporally precedes the current event of Masha's opening the door.

d. **Restitutive reading** — **TRUE**: There has been an event of the door's being open that temporally precedes the current event of the door's being open.

The sentence in (17b) cannot distinguish the two readings of AGAIN truthconditionally (17c)-(17d), because both readings are true under the context in (17a). The question then arises as to whether it can be shown that the repetitive reading and the restitutive readings are indeed distinct and have different truth conditions.

In the recent work on repetitive morphemes ([3], [19]) it has been demonstrated that the two readings exhibit different truth conditions in contexts with non-monotone quantifiers like 'exactly/ only one student'. Consider the Russian equivalent of the example presented in [19: 2]:

(18) a. Context:

Three students — Masha, Vasja and Petja — were studying in the library. They wanted the window in the library to be open, but the librarian wanted the window to be closed. Masha opened the window, but the librarian closed it. Vasja opened the window, but the librarian closed it. Petja opened the window, but the librarian closed it. Finally, Masha opened the window for the second time.

b. Rovno odin student opjat' otkryl okno.
 exactly one student again opened window.ACC
 'Exactly one student opened the window again.'

c. **Repetitive reading** — **TRUE** (exactly one x > again > x opened the window > the window was open): There exists a student that opened the window and had opened it before, and it is not true that other students opened the window and had opened it before.

d. **Restitutive reading** — **FALSE** (exactly one x > x opened the window > again > the window was open): There exists a student that opened the window and no other student opened the window and the window had been open before.

The sentence in (18b) allows us to set the two readings of AGAIN apart: the repetitive reading is true under the context in (18a), but the restitutive readings is false. This suggests that the entailment problem is superficial. Although in many scenarios the repetitive reading seems to entail the restitutive one, their truth conditions are in fact not identical.

5. Ditransitives AGAIN: English

As we have seen in section 2, English *again* can have both repetitive and restitutive readings in sentences with ditransitive verbs. Beck and Johnson [6] provide an

analysis of this ambiguity, arguing that the two readings arise due to the two different attachments of *again* in the syntactic representation of ditransitive verbs. Under their analysis, ditransitive verbs such as *give* are lexically decomposed into the subevent denoting the action undertaken by an agent (represented in syntax by *v*) and the stative subevent (represented in syntax by a small clause – HAVEP). When *again* modifies the *vP* denoting the whole event (subevent denoting the agent’s action + the stative subevent), the repetitive reading arises. When *again* modifies just the small clause, the restitutive reading emerges. The two readings of the sentence in (4), repeated here as (19), receive the analyses in (20) and (21).

- (19) Thilo gave Satoshi the map again. [Beck & Johnson 2004: 113]
 a. ‘Thilo gave Satoshi the map, and that had happened before.’ *repetitive*
 b. ‘Thilo gave Satoshi the map, and Satoshi had had the map before.’ *restitutive*
- (20) **The repetitive reading of *again* in English DOC**
 [Beck & Jonshon 2004: 114]
 a. [_{VP} [_{VP} Thilo [give [_{BECOME} [_{HAVEP} Satoshi HAVE the map]]]] **again**]
 b. $\lambda e.again_e (\lambda e'.give_e(Thilo) \ \& \ \exists e'' [\text{BECOME}_{e'}-(\lambda e'''.have_{e''}(the_map)(Satoshi)) \ \& \ \text{CAUSE}(e'')(e')])$
 c. Once more, a giving by Thilo caused Satoshi to come to have the map.
- (21) **The restitutive reading of *again* in English DOC**
 [Beck & Jonshon 2004: 114]
 a. Thilo [give [_{BECOME} [_{HAVEP} [_{HAVEP} Satoshi HAVE the map] **again**]]]
 b. $\lambda e.give_e(Thilo) \ \& \ \exists e' [\text{BECOME}_{e'}(\lambda e''.again_e(\lambda e'''.have_{e''}(the_map)(Satoshi))) \ \& \ \text{CAUSE}(e')(e)]$
 c. A giving by Thilo caused Satoshi to come to once more have the map.

Beck and Johnson [6] claim that the presence of both readings of *again* with the double object construction provides support for the small clause analysis of English ditransitives. Under the syntactic approach to *AGAIN*, the ability of *AGAIN* to modify a subevent of a predicate indicates that this subevent is syntactically represented. The fact that dative arguments are understood as participants of stative subevents of ditransitive verbs suggests that they are inside the small clause that represents a given stative subevent syntactically.

Note that Beck and Jonshon’s approach does not imply that components *CAUSE* and *BECOME* are introduced into the syntactic representation. Having a verb that combines with a small clause in syntax is sufficient for their analysis. Components *CAUSE* and *BECOME* emerge in the semantics of (20) and (21) due to the application of a special interpretational principle R:

(22) **Principle R**

adapted from [Beck 2005: 7]

If $\alpha = [\nu\gamma \text{ }_{sc}\beta]$ and β' is of type $\langle s, t \rangle$ and γ' is of type $\langle e, \dots \langle e, \langle s, t \rangle \rangle \rangle$ (an n-place predicate), then $\alpha' = \lambda x_1 \dots \lambda x_n \lambda e. \gamma'_e(x_1) \dots (x_n) \ \& \ \exists e' \text{ } [\text{BECOME}_e(\beta') \ \& \ \text{CAUSE}(e')(e)]$.

This principle, proposed in [33] and extensively discussed in [6] and [7], is responsible for “gluing” the verb (an n-place predicate) with a small clause (a property of events) by inserting CAUSE and BECOME into the semantic representation.

To sum up, the ambiguity of English *again* in the double object construction receives an explanation if we take the restitutive reading of AGAIN to be a detector of constituents that denote result states. According to this line of reasoning, different readings of *again* in ditransitive clauses arise due to its different attachment sites and provide evidence for the lexical decomposition of ditransitive verbs in syntax and for the small clause analysis of the English double object construction. In the following section I am going to address the question of how sentences with ditransitive verbs in Georgian and Russian are different from their English counterparts.

6. Ditransitives AGAIN: Georgian and Russian

In this section I am going to consider several hypotheses about the unavailability of restitutive readings in Georgian and Russian sentences with two objects. I will discuss the properties of Russian *opjat'* and Georgian *isev* (section 6.1.), the existence of a stative subevent in semantics of Russian and Georgian ditransitives (section 6.2.), the existence of an interpretation principle required for combining a verb with a small clause (section 6.3.) and the derivability of small clauses in these languages (section 6.4.).

6.1. Properties of AGAIN

The first hypothesis that I am going to explore is that the properties of Georgian *isev* and Russian *opjat'* are responsible for the unavailability of restitutive readings in structures with two objects in these languages: these adverbs, unlike English *again* and German *wieder*, cannot look inside a decomposition structure of a given verb.

It has been observed ([25], [7]) that not all adverbs can access different subevents inside decomposition structures. For example, although German *wieder* can look into the decomposition structure of lexical accomplishments such as ‘open’ (12), another German adverb meaning ‘again’ – *erneut* – cannot access result states of the same verbs, as is illustrated in (23).

- (23) Maria hat die Tür erneut geöffnet. [Beck 2005: 12]
 Maria has DEF.fem.ACC door again opened
 a. ‘Maria opened the door, and that had happened before.’ *repetitive*
 b. *‘Maria opened the door, and the door had been open before.’ **restitutive*

Could it be that Russian *opjat'* and Georgian *isev* are just like German *erneut* in that they cannot access result states inside decomposition structures? Before answering this question, I would like to examine the issue of how can adverbs differ with respect to their “vision” abilities. In [25] it has been proposed that the ability to attach to a phrase with a phonetically empty head is what distinguishes adverbs that can look inside decomposition structures from those that cannot. This idea was presented as “the visibility parameter” for decomposition adverbs (24).

(24) **The Visibility Parameter for decomposition adverbs**

A D-adverb can / cannot attach to a phrase with a phonetically empty head.
[Rapp & von Stechow 199] via [Beck 2005: 13]

In [7] it was observed that the visibility of result states of complex pre-dicates like resultatives is independent from both the visibility of result states expressed by independent syntactic phrases and the visibility of result states in decomposition structures. For example, German decomposition adverb *fast* ‘almost’ differs from both adverbs like *wieder*, which can access any result state present in syntax, and adverbs like *erneut*, which can modify only independent syntactic phrases: this adverb can modify any phrases with phonetically overt heads, but not result states in decomposition structures. For example, *fast* can access the result state expressed by a result phrase in complex predicate constructions like resultatives (25).

- (25) ...weil Ottilie den Tisch fast sauber gewischt hat.
...that Ottilie DEF. masc.ACC table almost clean wiped has
‘Ottilie’s wiping the table caused the table to become almost clean.’

[Beck 2005: 13]

In order to account for the observed variability in properties of decomposition adverbs, Beck [7] proposes the modified version of the visibility parameter, presented in (26).

(26) **The modified Visibility Parameter for adverbs** adapted from

[Beck 2005: 14]

An adverb can modify

- (i) only independent syntactic phrases German *erneut*
- (ii) any phrase with a phonetically overt head German *fast*
- (iii) any phrase German *wieder*, English *again*

The default setting is (i).

Returning to the properties of Russian *opjat'* and Georgian *isev*, I would like to show that the repetitive adverbs of both languages fall into the third category of adverbs according to the classification provided by the modified visibility parameter. Examples in (27) and (28) show that both Russian *opjat'* and Georgian *isev* can look into the decomposition structure of lexical accomplishments like ‘open’.

- (27) Vasja opjat' otkryl dver'
 Vasja again opened door.ACC
 a. 'Vasja opened the door, and that had happened before.' *repetitive*
 b. 'Vasja opened the door, and the door had been open before.' *restitutive*
- (28) a. Context:
 is k'ari qoveltvis iko ya. gušin is
 this door always was open yesterday this
 p'irvelad daxures.
 for.the.first.time close.AOR.3PL
 'This door had always been open, yesterday it was closed for the first time.'
 b. šota-m k'ari isev ga-a-y-o.
 Shota-ERG door.NOM again PVB-pv-open-AOR.3SG
 'Shota opened the door, and the door had been open before.' *restitutive*

Sentences in (27b) and (28b) demonstrate that *opjat'* and *isev* can have restitutive readings with verbs *otkryvat'* ('open') and *gayeba* ('open'). The ability of Georgian *isev* to access the result state in a decomposition structure is further illustrated in (29) with the verb *dacla* ('empty'). This suggests that both decomposition adverbs do not impose any restrictions on the type of phrase that they can modify.

- (29) a. Context:
 es botli qoveltvis iko carili
 this bottle always was empty
 dyes es p'irvelad saves iko
 today this for.the.first.time full was
 'This bottle had always been empty. Today it became full for the first time.'
 b. šota-m botli isev da-cal-a
 Shota-ERG bottle.NOM again PVB-empty-AOR.3SG
 'Shota emptied the bottle, and the bottle had been empty before.' *restitutive*

To sum up, Russian *opjat'* and Georgian *isev* do not differ from English *again* and German *wieder* with respect to the ability of looking inside a decomposition structure. Both adverbs can modify states that are not expressed by any overt phonetical material, and thus fall into the least restrictive class of repetitive morphemes according to the visibility parameter. This means that the unavailability of restitutive readings in ditransitive structures does not result from the properties of the repetitive adverbs in Russian and Georgian.

6.2. Existence of a stative subevent in semantics

The second hypothesis about the unavailability of restitutive readings in ditransitive structures concerns the semantics of ditransitive verbs. Restitutive readings could

be unavailable in Russian and Georgian ditransitives due to the absence of a stative subevent in semantics of ditransitive verbs. The difference between Russian and Georgian on the one hand and English on the other hand then would not be syntactical in nature: the syntax of ditransitives could be identical in these languages, but the semantics of ditransitive verbs would differ.

This hypothesis definitely cannot be maintained for Russian. Although the stative subevent in Russian ditransitives cannot be singled out by *opjat'*, it can be singled out by another repetitive adverb — *obratno* 'again', as illustrated in (30).

- (30) Maša otдалa /otpravila /vernula Vase knigu
Masha gave /sent /returned Vasja.DAT book.ACC

obratno.

OBRATNO

'Masha gave /sent /returned Vasja the book, and Vasja had had the book before.'

The semantics of Russian *obratno* differs from the semantics of *opjat'*: it involves a return to a state in which an entity had been before [32]. Two restrictions of *obratno* follow from its semantics. First, this adverb can modify only those descriptions which have a target state in the sense of [18]. Second, it can have only restitutive readings. The impossibility of the repetitive reading is illustrated in (31), where in a context with a non-monotone quantifier *rovno odin* 'exactly one' the repetitive reading does not entail the restitutive reading, and only the repetitive reading would make the sentence true.

- (31) a. Context

Three students — Masha, Vasja and Petja — were studying in the library. They wanted the window in the library to be open, but the librarian wanted the window to be closed. Masha opened the window, but the librarian closed it. Vasja opened the window, but the librarian closed it. Petja opened the window, but the librarian closed it. Finally, Masha opened the window for the second time.

- b. #Rovno odin student otkryl okno obratno.
exactly one student opened window.ACC OBRATNO
'Exactly one student opened the window again.'

adapted from

[Tatevosov 2016: 31]

The fact that *obratno* does not allow repetitive readings suggests that *obratno* cannot attach to different constituents in the syntactic representation and does not necessarily take scope over the phrase with which it combines. This adverb looks into the semantics of a verbal phrase with which it merges and searches for a target state in this semantic representation that it can modify. In other words, *obratno* can identify the presence of a stative subevent in a predicate's semantics, but it does not indicate whether it is syntactically represented or not. Thus, the example in (30) shows that

there is a stative subevent in the **semantics** of Russian ditransitives. Therefore, the hypothesis under consideration should be declined.

Georgian represents a more uncertain case with respect to this hypothesis. It is not obvious how to argue for presence or absence of a stative subevent in semantics of Georgian ditransitives, since Georgian does not seem to have any repetitive morphemes with semantics similar to Russian *obratno*. However, note that Georgian ditransitives can be modified by the adverb *uk'an* ('back') (32), which seems to involve a presupposition that an entity denoted by the direct object had previously been in the possession of an individual denoted by the dative argument.

- (32) šota-m levan-s c'igni **uk'an** gada-u-gzavn-a /
 Shota-ERG Levan-DAT book.NOM **back** PVB-3APPL-send-AOR.3SG
 da-u-brun-a
 PVB-3APPL-return-AOR.3SG
 'Shota sent /returned Levan the book, and Levan had had the book before.'

Russian has an analogous adverb *nazad* ('back'), which also can occur in ditransitive sentences:

- (33) ja vzjal etu bumagu, da i otpravil ejo **nazad**
 I took this paper PTCL and sent it.ACC **back**
 lossievskomu s sledujuščim ob''jasnieniem...
 Lossievsky.DAT with following explanation [Пирогов 2008: 419]
 'I took this paper and sent it back to Lossievsky with the following explanation...' (Lossievsky had had this paper before).

The question of whether Georgian *uk'an* and Russian *nazad* single out stative subevents in semantics of the predicates with which they combine remains an open issue that requires further investigation. If it turns out that they do, then it will provide additional support for the existence of stative subevents in Georgian and Russian ditransitives and against the hypothesis that the absence of stative subevents in semantics of ditransitive predicates is responsible for the absence of restitutive readings in these structures.

The two remaining hypothesis that I am going to consider both imply that the small clause (HaveP / PP / LowAppl) analysis is incorrect for ditransitive structures in Russian and Georgian. The difference between them concerns the reasons for the impossibility of small clauses in Russian and Georgian ditransitive sentences. The hypothesis I am going to investigate in the following section suggests that the impossibility of small clause formation in these languages is due to the absence of the special interpretation principle R: the small clause structure can in principle be derived, but cannot be interpreted. The other hypothesis suggests that the problem with the small clause formation is syntactic in nature: small clauses are not derivable in ditransitive contexts in Russian and Georgian. Note that both hypotheses imply that ditransitive structures of Russian and Georgian differ significantly from those of English.

6.3. No small clause due to uninterpretability

The hypotheses that ditransitive sentences of Georgian and Russian do not involve a small clause structure due its uninterpretability concerns the existence of the principle R in these languages [7]. It could be the case that Russian and Georgian lack this special semantic principle, which allows interpreting the combination of a verb and a small clause by “gluing” them together with the help of CAUSE and BECOME components. The lack of this principle would exclude the small clause structure of ditransitives, because such derivation would not be interpretable, and hence would crash. The principle R, introduced in section 5 (22), is repeated here as (34).

(34) **Principle R**

adapted from [Beck 2005: 7]

If $\alpha = [\forall \gamma \text{ } \text{sc}\beta]$ and β' is of type $\langle s, t \rangle$ and γ' is of type $\langle e, \dots \langle e, \langle s, t \rangle \rangle \rangle$ (an n -place predicate), then $\alpha' = \lambda x_1 \dots \lambda x_n \lambda e. \gamma'(x_1) \dots (x_n) \ \& \ \exists e' [\text{BECOME}_{e'}(\beta') \ \& \ \text{CAUSE}(e')(e)]$.

The following question then arises: do Georgian and Russian need such the principle R or its equivalent for interpretation of other constructions in these languages? Do these languages exhibit constructions where a verb successfully combines with a small clause with no problems of interpretability? I would like to argue for the positive answer to this question: both languages can successfully interpret combination of a verb and a small clause.

In order to show that this is the case, I am going to examine AGAIN in the context of verbs with lexical prefixes. My argumentation will be built on the assumption that lexical prefixes of Russian and Georgian enter the derivation as heads of small clauses that are complements of verbs, as has been proposed for Russian lexical prefixes in [31]. Under the view that lexical prefixes head their own projections, they take PPs as their complements and direct objects as their subjects. This is illustrated in Figure 3, which represents the structure of the VP in (35).

- (35) *Vasja za-brosil mjač v vorota.*
 Vasja PVB-throw ball in goal
 ‘Vasja threw the ball into the goal.’

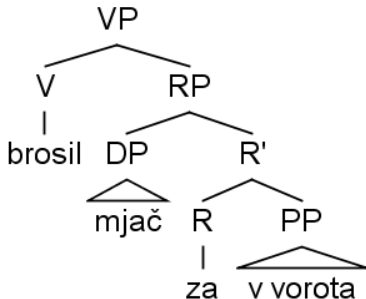

Figure 3: Lexical prefixes as heads of small clauses (35).

When AGAIN modifies verbs with lexical prefixes, it can have the restitutive interpretation. This can be demonstrated for both Russian (36b) and Georgian (36c):

(36) **Restitutive readings of AGAIN with verbs with lexical prefixes**

a. Context:

Shota had never been to this mountain before. One day he was flying in an air balloon and landed on the top of it. Then he went down the mountain. After that...

b. Shota opjat' zabralsja na goru.
 Shota again PVB-climb on mountain
 'Shota climbed up the mountain, and Shota had been on the mountain before.'

c. šota isev a-vid-a mta-ze
 Shota again PVB-go-AOR.3SG mountain-on
 'Shota climbed up the mountain, and Shota had been on the mountain before.'

Note that the context in (36a) makes it clear that Shota had never climbed this mountain before, so the repetitive interpretation is inappropriate under this scenario. The event that is being repeated in (36b)-(36c) is the event of Shota's being on (top of) this mountain. The availability of the restitutive reading of AGAIN in (36b)-(36c) supports the small clause analysis of these predicates. This analysis is sketched out for Russian *zabratsja* ('climb') and Georgian *asvla* ('climb') in Figures 4 and 5 respectively.

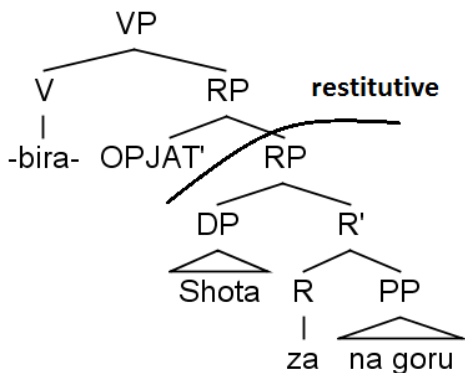

Figure 4: The small clause analysis of Russian *zabratsja* ('climb') (36b).

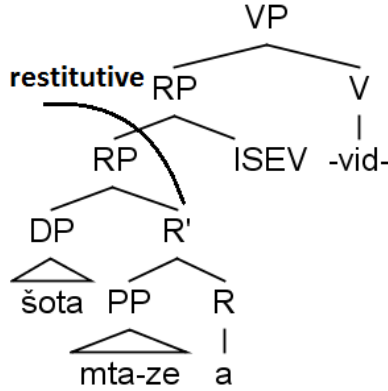

Figure 5: The small clause analysis of Georgian *asvla* ('climb') (36c).

If Russian and Georgian did not have means of interpreting the combination of a verb and a small clause (the principle R or its equivalent), the sentences in (36b) and (36c) should be uninterpretable and lead to the derivation crash. The fact that these sentences are grammatical suggests that Russian and Georgian do not differ from English with respect to the availability of a mechanism that allows to interpret small clauses merging with verbs. Thus, uninterpretability cannot be the problem that prevents building a small clause structure for sentences with ditransitive verbs in Russian and Georgian.⁵

Beck [7] ties the principle of interpretation R together with a more general parameter – the complex predicate parameter that was proposed in [30] and [5]. A formulation of this parameter is presented in (37). The complex predicate parameter is assumed to be responsible for a range of constructions (38): resultatives, verb-particle constructions, put-locative constructions, make-causative constructions and others.

- (37) **Complex Predicate Parameter** [Snyder 2001] via [Beck 2005: 19]
 One grammatical parameter is responsible for the availability of complex predicate constructions (resultatives, verb-particle constructions and others).

⁵There are other candidates for the structure involving a verb combining with a small clause in Georgian: sentences with predicates *kona* 'have' and *močveneba* 'seem' ((i)-(ii)).

- (i) Levan-s [k'ari qoveltvis γia] hkonda
 Levan-DAT door.NOM always open 3SG.have.IMPERF.3SG
 'Levan always had the door open.'
- (ii) Tanya-s [Nino mtvrali] mo-e-chven-a
 Tanya-DAT Nino.NOM drunk PVB-3APPL-seem-AOR.3SG
 'Nino seemed drunk to Tanya.'

(38) **Constructions that depend on the Complex Predicate Parameter**

a.	John painted the house red.	<i>resultative</i>
b.	Mary picked the book up / picked up the book.	<i>verb-particle</i>
c.	Fred made Jeff leave.	<i>make-causative</i>
d.	Fred saw Jeff leave.	<i>perceptual report</i>
e.	Bob put the book on the table.	<i>put-locative</i>
f.	Alice sent the letter to Sue.	<i>to-dative</i>
g.	Alice sent Sue the letter.	<i>double object dative</i>
- (adapted from [Snyder 2001: 4])

If a language has a positive value for this parameter, it can exhibit the constructions in (38). If, however, it has a negative value for the complex predicate parameter, the constructions in (38) should not exist in this language. According to [7], English, German, Japanese, Korean and Mandarin Chinese (among others) have a [+] value for this parameters. Languages like French, Hebrew, Hindi and Spanish, on the other hand, have a [–] value. For Beck [7] what unites all the constructions in (38) is the necessity of the interpretability principle R for their successful interpretation. Languages allowing the constructions in (38) have this interpretation principle; languages that disallow such constructions do not have the principle R in their inventory of semantic principles.

The existence of the complex predicate parameter as it is formulated in [30], [5] and [7] seems dubious in the light of the Russian and Georgian data that we have observed so far. We have seen that both languages have structures where a verb is successfully combined with a small clause — structures with lexical prefixes which are analogous to the verb-particle constructions found in English and German. The principle R is required for interpretation of these sentences just like it is required for other constructions in (38). But then the absence of the double object construction in Russian and Georgian remains a puzzle: if these languages have a [+] value for the complex predicate parameter, why cannot they have a small clause derivation of ditransitive sentences?

Despite the fact that the complex predicate parameter incorrectly ties the constructions in (38) together, there might be some interesting correlation between the existence of resultatives in a language and the presence of a small clause in sentences with ditransitive verbs. Note that English and German, which can have restitutive readings in ditransitive structures that support the small clause analysis, have resultatives ((39)–(40)), while Georgian and Russian, which do not have restitutive readings in ditransitive structures, do not have resultatives of the same sort.

- (39) hammer the metal flat
- (40) den Tisch sauber wischen
 DEF.masc.ACC table clean wipe
 ‘wipe the table clean.’

A possible interconnection between the existence of resultatives and the availability of restitutive readings in ditransitives could have to do with the absence of overt lexical material in the head of a small clause. It could be that Russian and Georgian cannot have small clauses with null heads, unlike languages like English and German. This would explain the absence of the resultative construction and the double object construction in these languages, both of which involve a small clause with a null head. I leave this tentative proposal for further investigation.

To sum up, in this section I have shown that Russian and Georgian can in principle interpret combinations of verbs and small clauses. Hence, uninterpretability cannot be responsible for the absence of small clauses in ditransitives and the unavailability of restitutive readings.

6.4. No small clause due to underivability

In the previous sections (6.1. – 6.3.) I have ruled out three hypotheses about the unavailability of restitutive readings in Russian and Georgian ditransitives. I have demonstrated that properties of *AGAIN* in these languages do not differ from the properties of English *again*, that ditransitive predicates have a stative subevent in their semantics and that the principle required for the interpretation of a verb merging with a small clause is independently needed in both Russian and Georgian.

This points out to the conclusion that ditransitive sentences in Georgian and Russian do not contain small clauses due to their underivability: small clauses cannot be built in ditransitive contexts due to the absence of the relevant functional heads (LowAppl /HAVE / particular kinds of null P/R) in the lexicons of these languages. Thus, the syntax of ditransitive clauses in Georgian and Russian differs significantly from the syntax of similar sentences in English. Georgian and Russian do not have a small clause /LowAppl /HaveP /PP in the structure of ditransitive clauses that is present in English. Unlike in English, in these languages *GIVE* is not syntactically *CAUSE* to *HAVE*. An important consequence of this is that lexical decomposition in syntax is not universal: languages vary with respect to how they map event structures of similar predicates onto syntactic representations.

7. Restitutive readings of *AGAIN* with datives

Although Russian and Georgian ditransitives do not contain small clauses, both languages have other constructions with dative arguments where datives are interpreted as being participants in the stative subevent present in the lexical decomposition of a verb. In this section I am going to discuss one such construction in Georgian (section 7.1.) and one in Russian (section 7.2.), and outline some properties that are common for the two constructions.

7.1. Locative datives in Georgian

Georgian sentences with locative version exemplify the structure where a dative argument is a participant of the stative subevent that can be singled out by the restitutive reading of *AGAIN*. In this construction the dative argument is interpreted as a

goal, and it falls into the scope of AGAIN when it has the restitutive reading. The examples of the restitutive reading of Georgian *isev* in the sentences with locative version are presented in (41)-(43).

(41) a. Context:

Two books have been always lying on the table, one under the other. One day Shota took the upper book from the table (for the first time) in order to read it. After some time...

b. šota-m es c'igni im c'ign-s isev
 Shota-ERG this book.NOM that book.DAT again
 da-a-d-o
 PVB-LOC-put-AOR.3SG

‘Shota put this book on that book, and this book had been on that book before.’

(42) a. Context:

This dress had always had all the buttons. Yesterday Nino accidentally torn one of the buttons from the dress. Today...

b. nino-m yili k'aba-s isev mi-a-k'er-a
 Nino-ERG button.NOM dress-DAT again PVB-LOC-sew-AOR.3SG
 ‘Nino sewed the button to the dress, and the button had been on the dress before.’

(43) a. Context:

Givi and Levan had been inseparable friends since childhood. But one day they had a serious fight and stopped talking to each other. Shota wanted to reconcile the two friends and he succeeded in doing that.

b. šota-m givi levan-s isev
 Shota-ERG Givi.NOM Levan-DAT again
 da-a-axlov-a
 PVB-LOC-bring.close-AOR.3SG

‘Shota brought Givi close to Levan, and Givi and Levan had been close (friends) before.’

The scenarios in (41a), (42a) and (43a) provide contexts for the restitutive reading of AGAIN. In sentences (41b), (42b) and (43b) *isev* attaches in syntax to the constituent that represents the stative subevent of the predicates ‘put’, ‘sew’ and ‘bring close’. We can see from the interpretations that dative arguments are inside these constituents. In (41b) the event that is being repeated is the state of one book being on top of the other book. In (42b) the event of the button being on the dress is repeated. In (43b) the state of Givi’s being friends with Levan takes place again.

The dative arguments in (41b)-(43b) are situated lower than the direct objects, consider (44)-(45):

(44) globalizacia-m didi da p'at'ara kveq'n-eb-i
 globalization-ERG big and small country-PL-NOM

mi-a-b-a **ertmanet-s** (*kveq'n-eb-s
PVB-LOC-tie-AOR.3SG **each.other-DAT** (country-PL-DAT
ertmanet-i)
each.other-NOM)
'The globalization tied big and small countries_i to each other_i.'

[Nash 2016: 12]

- (45) lynch-ma mi-a-ker-a **ertmanet-s**
Lynch-ERG PVB-LOC-sew-AOR.3SG **each.other-DAT**
daukavshirebeli **ep'izod-eb-i** (*epizod-eb-s
unrelated **episode-PL-NOM** (episode-PL-DAT
ertmanet-i)
each.other-NOM)
'Lynch sewed unrelated episodes_i to each other_i.'

[Nash 2016: 12]

The sentences in (44)-(45) show that dative reciprocals can be bound by direct objects, but not the other way around. Hence, dative arguments are c-commanded by direct objects in the construction with locative version.

7.2. Locative applicatives in Russian

Russian also has a construction where the dative argument is a participant of the stative subevent singled out by AGAIN — a construction with locative applicatives ("N-applicatives" in the terminology of [2]). Russian *opjat'* can have the restitutive reading in this construction, and the dative argument falls into the scope of the restitutive *opjat'*. This is illustrated in (46)-(48).

- (46) Maša opjat' položila knigu Vase na stol.
Masha again put book.ACC Vasja.DAT on table
a. 'Masha put the book on the table for Vasja, and that had happened before.' *repetitive*
b. 'Masha put the book on the table for Vasja, and Vasja had had the book on the table before.' *restitutive*
- (47) Maša opjat' pobelila stenu mame v komnate.
Masha again whitened wall.ACC mother.DAT in room
a. 'Masha whitened the wall in the room for the mother, and that had happened before.' *repetitive*
b. 'Masha whitened the wall in the room for the mother, and the mother had had the wall white in the room before.' *restitutive*
- (48) Vasja opjat' posadil dočku Mashe na stol.
Vasja again seated daughter.ACC Masha.DAT on chair
a. 'Vasja seated the daughter on the chair for Masha, and that had happened before.' *repetitive*
b. 'Vasja seated the daughter on the chair for Masha, and Masha had had the daughter sit on the chair before.' *restitutive*

In (46b) the event of Vasja's having the book on the table is being repeated. In (47b) the event of the mother's having the wall white in the room is being repeated. In (48b) the event of Masha's having the daughter sit on the chair is being repeated. In all these sentences the dative argument is interpreted as a possessor of the small clause that represents the stative subevent: "the book is on the table", "the wall in the room is white", "the daughter sits on the chair".

The locative phrase is crucial for the availability of the restitutive reading of *opjat'* in these sentences. Compare (5), repeated here as (49), with (50) and (51). In a ditransitive clause that lacks the locative phrase (49) the restitutive reading is unavailable. When the goal argument is introduced instead of the indirect object with the same verb (*otdavat'* ('give')), the restitutive reading becomes available. What is being repeated in this case is the state of the son being at the school. When a dative argument is added into this structure (50), the restitutive reading remains possible. The event that is being repeated in this case is the state of Petja having the son at his school. The dative argument here is interpreted here as a possessor of the state, not as a recipient.

- (49) Maša opjat' otdala Vase knigu. (=5)
 Masha again gave Vasja.DAT book.NOM
 a. 'Masha gave Vasja the book, and that had happened before.' *repetitive*
 b. *'Masha gave Vasja the book, and Vasja had had the book before.' **restitutive*
- (50) Maša opjat' otdala syna v školu.
 Masha again gave son.NOM in school
 a. 'Masha sent the son to school, and that had happened before.' *repetitive*
 b. 'Masha sent the son to school, and the son had been at school before.' *restitutive*
- (51) Maša opjat' otdala syna Pete v školu.
 Masha again gave son.NOM Petja.DAT in school
 a. 'Masha sent the son to Pete to school, and that had happened before.' *repetitive*
 b. 'Masha sent the son to Pete to school, and Pete had the son at (his) school before.' *restitutive*

The dative argument in the locative applicative structure is merged lower than the direct object. Examples (52)-(53) illustrate that the dative reciprocal can be bound by the direct object, but the accusative reciprocal cannot be bound by the dative argument. This suggests that the dative argument is c-commanded by the direct object. The example in (54) shows that the dative reciprocal that is bound by the direct object can be a participant of the stative subevent identified by *opjat'*.

- (52) Vasja posadil devoček drug drugu na stulja.
 Vasja seated girls.ACC each other.DAT on chairs
 Lit. 'Vasja seated girls_i to each other_i on the chairs.'

- (53) *Vasja posadil drug drugu devočkam na stulja.
 Vasja seated each other.ACC girls.DAT on chairs
 Expected lit. reading: ‘Vasja seated each other_i to the girls_i on the chairs.’
- (54) Vasja opjat’ posadil devoček drug drugu na stulja.
 Vasja again seated girls.ACC each other.DAT on chairs
 a. Lit. ‘Vasja seated girls_i to each other_i on the chairs, and that had happened before.’ *repetitive*
 b. Lit. ‘Vasja seated girls_i to each other_i on the chairs, and the girls_i had sat by each other_i on the chairs before.’ *restitutive*

It can also be demonstrated that the dative argument forms a constituent with the locative phrase. When the dative argument is a *wh*-word, it can pied-pipe the prepositional phrase to the left periphery:

- (55) [Komu na stol] Maša položila knigu?
 who.DAT on table Masha put book.ACC
 Lit. ‘To whom on the table did Masha put the book?’
- (56) [Komu na stul] Vasja posadil devočku?
 who.DAT on chair Vasja seated girl.ACC
 Lit. ‘To whom on the chair did Vasja seat the girl?’
- (57) [Komu v školu] Maša otdala syna?
 who.DAT in school Masha gave son.ACC
 Lit. ‘To whom to school did Masha send the son?’

To sum up, both Georgian and Russian exhibit constructions where the dative argument is a participant of the stative subevent of a predicate that can be singled out by *AGAIN*. These constructions share the following properties. First, predicates that participate in these constructions denote change of an object’s location. Second, there is a goal argument in these constructions. In Georgian the dative argument itself is a goal; in Russian the goal is introduced by a prepositional phrase. Finally, in both the locative version construction and the locative applicative construction the dative argument is *c-commanded* by the direct object.

Note that analogous constructions are impossible in English: English disallows PP-complements in the double object construction [23]. While Russian can add an applied argument to the prepositional phrase (60) that can be further moved above the direct object (59), no such derivation is possible in English (58).

- (58) *They sent her a doctor into the building.
- (59) Oni otpravili ej vrača na dom.
 they sent she.DAT doctor.ACC on home
 Lit. ‘They sent her a doctor home.’
- (60) Oni otpravili vrača ej na dom.
 they sent doctor.ACC she.DAT on home
 Lit. ‘They sent a doctor her home.’

This contrast puts forward another interesting question of whether the absence of a small clause structure in ditransitives is related to the possibility of locative applicative / locative version constructions.

8. Conclusion

In this paper I have investigated a difference between ditransitive clauses in Russian and Georgian on the one hand and in English on the other hand: while AGAIN can have the restitutive reading in English ditransitives, this reading is impossible in Russian and Georgian sentences with ditransitive verbs. I have examined several hypotheses about the nature of this crosslinguistic variation. First, I have demonstrated that this variation is not related to the properties of AGAIN in these languages. Second, I have shown that the unavailability of the restitutive reading in Georgian and Russian ditransitives cannot be explained by the absence of the stative subevent in the semantics of these predicates. Third, I have argued that the difference under consideration could not have emerged due to the absence of a special semantic principle that allows to interpret the combination of a verb and a small clause in Georgian and Russian, since both languages require some version of this principle for interpretation of other constructions. Finally, I have arrived at the conclusion that the crosslinguistic variation with respect to the availability of restitutive readings of AGAIN in ditransitives reflects different syntactic structures present in languages. While English ditransitives involve a small clause /HaveP /LowAppl /PP, there is no such phrase in the structure of Russian and Georgian ditransitive clauses. Any analysis that argues for the same structures of ditransitives in Russian and English [4] or Georgian and English [20], regardless of how it derives DAT > ACC and ACC > DAT orders, misses this generalization.

I have also shown that both Russian and Georgian have constructions where a dative argument is a participant of a stative subevent that is represented syntactically. These constructions in Russian and Georgian are different, but they share several properties: the predicates that participate in these constructions denote change of location, there is a goal argument in these constructions and the dative argument is merged lower than the direct object in the syntactic representation.

There are many important questions that are left open in this paper. First, if the small clause analysis cannot account for the properties of Russian and Georgian ditransitive clauses, the question remains as to what analysis is correct for such sentences in these languages. It seems that there is no uniform structure for ditransitives and both ACC > DAT and DAT > ACC are attested with different ditransitive verbs in these languages, see [8] for discussion of the hierarchical order of arguments in Russian ditransitives and [24] for discussion of the same issues in Georgian. The approach presented in this paper makes the following prediction with respect to the ACC > DAT and DAT > ACC orders. The restitutive reading should be available at least in some ACC > DAT configurations, since when the dative argument is merged low, it can be represented as a participant of a small clause or a prepositional phrase.

Under the DAT > ACC order, however, the restitutive reading of AGAIN would be unexpected, since the dative argument in this configuration is introduced higher than the lowest subevent of the predicate.

Second, it would be interesting to see how repetitive morphemes interact with datives other than that found in ditransitive clauses: benefactive datives, affected arguments, high datives.

Third, further investigation is required on the subject of how different repetitive morphemes interact with dative arguments: what can English *re-* and *back*, Russian *obratno* and *nazad*, Georgian *uk'an* tell us about the syntax and semantics of structures with datives?

Finally, the correlation between the presence of resultatives in a given language and the presence of a small clause in ditransitive sentences presents an interesting puzzle that seems to be worth pursuing.

Notation conventions

1, 2, 3 – 1st, 2nd, 3rd person; NOM – nominative; ERG – ergative; ACC – accusative; DAT – dative; AOR – aorist; IMPERF – imperfect; PVB – preverb; pv – preradical vowel; APPL – applicative; LOC – locative version; SG – singular; PL – plural; DEF – definite; INDEF – indefinite; masc – masculine; fem – feminine; neut – neuter; PTCL – particle; SC – small clause; <_T – the temporal precedence relation; s – type of events; e – type of entities; t – type of truth conditions

References

1. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / [Сост. А.Д. Тюриков] – Иваново, 2008.
2. Пшехотская Е. А. Косвенное дополнение как субкатегоризованный и несубкатегоризованный актанта (на материале русского языка). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012.
3. Alexiadou A., Anagnostopoulou, E., Lechner W. Variation in repetitive morphemes: some implications for the clausal architecture. Talk presented on the Workshop on the State of the Art in Comparative Syntax, University of York, September 25, 2014.
4. Bailyn J. What's inside vp? New evidence on VP internal structure in Russian. Paper given at FASL 18, Cornell University, Ithaca NY, May 17, 2009.
5. Beck S. and W. Snyder. The resultative parameter and restitutive 'again'. *Auditor vox sapientiae: A festschrift for Arnim von Stechow*. Caroline Féry and Wolfgang Sternefeld (ed.). Berlin: Akademie Verlag, 2001. Pp. 48–69.
6. Beck, S. and K. Johnson. Double objects again. *Linguistic Inquiry*, 2004. Vol. 35/1. Pp. 97–124.
7. Beck S. There and back again: a semantic analysis. *Journal of Semantics*, 2005. Vol. 22. Pp. 3–51.

8. Boneh Nora and Léa Nash. The syntax and semantics of dative DPs in Russian ditransitives. Submitted.
9. Cuervo M. Datives at large. Ph.D. Dissertation. MIT, 2003.
10. Fabricius-Hansen C. Wi(e)der and again(st). *Audiatur Vox Sapientiae: a festschrift for Arnim von Stechow*. C. Fery and W. Sternefeld (ed.). Berlin: Akademie, 2001. Pp. 101–130.
11. Harley H. If you have, you can give. *Proceedings of WCCFL XV*. Brian Agbayani and Sze-Wing Tang (ed.). CSLI, Stanford, CA, 1996. Pp. 193–207.
12. Harley H. Possession and the double object construction. *Yearbook of Linguistic Variation*, 2002. Vol. 2. Pp. 29–68.
13. Harley H. and H.-K. Jung. In support of the PHAVE approach to the double object construction. *Linguistic Inquiry*, 2015. Vol. 46.4. Pp. 703–730.
14. Harley H. and S. Miyagawa. *Syntax of ditransitives*. Oxford Research Encyclopedia of Linguistics.
15. Jäger G. and R. Blutner. Against lexical decomposition in syntax. *Proceedings of the Israeli Association for Theoretical Linguistics*. A. Z. Wyner (ed.), 2000. Vol. 15. Pp. 113–137.
16. Jung Y.-J. & S. Miyagawa. Decomposing ditransitive verbs. *Proceedings of the Seoul International Conference on Generative Grammar*, 2004. Pp. 101–120.
17. Kayne R. S. Unambiguous paths. *Connectedness and binary branching*. Dordrecht: Foris, 1984. Pp. 129–164.
18. Kratzer A. Building statives. Paper given at the Berkeley Linguistic Society, February 2000.
19. Lechner W., Spathas G., Alexiadou A. and Anagnostopoulou E. On deriving the typology of repetition and restitution. Paper presented at GLOW 2015, Paris. April 15–17.
20. Lomashvili L. The morphosyntax of complex predicates in South Caucasian Languages. Ph.D. Dissertation, University of Arizona, 2010.
21. McCawley J. D. *Grammar and meaning*. New York: Academic Press, 1976 [1964–1971].
22. McIntyre A. The interpretation of German datives and English have. *Datives and other cases*. D. Hole, A. Meinunger and W. Abraham (ed.). Amsterdam: Benjamins, 2006. Pp. 185–211.
23. McIntyre A. Silent possessive PPs in English double object (+particle) constructions. Handout online. 2011.
24. Nash, L. Version – ჰვერა. What versionizers tell us about the structure of trivalent verbs and dative arguments. A talk given at South Caucasian Chalk Circle, September 22, Paris, France, 2016.
25. Rapp I. and A. von Stechow. ‘Fast “almost” and the visibility parameter for functional adverbs’. *Journal of Semantics*, 1999. Vol. 16. Pp. 149–204.

26. Patel-Grosz P. and S. Beck. Revisiting ‘again’: The view from Kutchi Gujarati. *Proceedings of Sinn & Bedeutung* 18. University of the Basque Country, 2014. Pp. 303–321.
27. Pesetsky D. *Zero syntax: experiencers and cascades*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.
28. Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge, MA: MIT Press. 2008.
29. Schäfer F. *The Syntax of (Anti-)Causatives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008.
30. Snyder W. On the nature of syntactic variation: evidence from complex pre-dicates and complex wordformation. *Language*, 2001. Vol. 77. Pp. 324–342.
31. Svenonius P. Slavic prefixes inside and outside VP, ms. 2004. University of Tromsø; to appear in *Nordlyd* at www.ub.uit.no/munin/nordlyd/.
32. Tatevosov S. Re-entering a state: case for obratno. *FASL25*, 2016.
33. von Stechow A. Lexical decomposition in syntax. *The Lexicon in the Organization of Language*. U. Egli, P. E. Pause, Ch. Schwarze, A. von Stechow and G. Wienhold (ed.). John Benjamins. Amsterdam and Philadelphia, 1995. Pp. 81–118.
34. von Stechow A. The different readings of wieder “again”: A structural account. *Journal of Semantics*, 1996. Vol. 13. Pp. 87–138.

Е.В. Будённая

МГУ им. М.В. Ломоносова / ИЯз РАН, Москва

СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ В РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ: СЛЕДЫ ЕДИНОГО ПРОЦЕССА?¹

1. Введение

Во всех засвидетельствованных древних европейских языках, а также в подавляющем большинстве современных (67% языков мира, по данным [8]), субъектная референция маркируется при помощи глагольных аффиксов, тогда как субъектные местоимения, как правило, употребляются только в случае дополнительной эмфазы. Это можно видеть, в частности, на примере современных романских, западно- и южнославянских языков, литовского, а также древнерусского и латыни:

- (1) Латинский (Декарт):

Cogito², ergo sum.
think.PRS.1.Sg therefore be.PRS.1.Sg
'Мыслю – значит существую.'

- (2) Древнерусский (берестяная грамота № 644, XII в.):

чемоу³ не восол**еши** чето ти есемо водала ковати
'Почему не присылаешь то, что я дала тебе выковать?'

- (3) Литовский:

Myliu tave
love.PRS.1.Sg you.ACC
'Я тебя люблю.'

Однако в ряде языков балтийского ареала (германские, восточнославянские, латышский) произошла перестройка субъектной референциальной модели. Так, от древней стратегии, где референт маркировался преимущественно с помощью глагольных аффиксов, эти языки перешли к маркированию референции с помощью субъектных местоимений. При этом в некоторых из них глагольные аффиксы отчасти сохранили референциальную функцию, а в других, наоборот, со временем потеряли референциальный потенциал или вовсе утратились:

- (4) Немецкий:

Ich liebe dich.
I.NOM love.PRS.1.Sg you.ACC
'Я люблю тебя.'

¹Данное исследование выполнено частично при поддержке гранта РГНФ №11-04-00153.

²Здесь и далее выделение моё — Е. Б.

³Примеры даются в современной орфографии.

- (5) Шведский:
Jag älskar dig.
 I.NOM love.PRS you.ACC
 'Я люблю тебя.'
- (6) Латышский:
(Es) mīlu tevī
 I.NOM love.PRS.1.Sg you.ACC
 'Я тебя люблю.'
- (7) Русский:
(Я) люблю тебя

Из всех этих языков ранее всего — приблизительно к XII в. [9: 1707-1708, 1710] — современная модель была достигнута в германской группе, что, возможно, объясняется экспансией синтаксической модели V2 [19: 272]. В современных германских языках конструкции без субъектного местоимения уже окончательно утратились и являются неграмматичными.

Эволюция же в восточнославянских языках приходится на более позднее время — приблизительно с XI по XVII вв. — и на выходе представляет собой более сложный случай. Так, в отличие от германских языков, где местоимение в принципе опускаться не может, в современном русском языке конструкции с местоимением хотя и преобладают, примерно в трети-четверти случаев (в зависимости от различных дискурсивных факторов) [12] местоимение опускается:

- (8) А **ты** уже **отдыхал**?
 — На Мальдивы **ездил**. А сейчас **открою** вам тайну. Очень **увлекаюсь** охотой и рыбалкой. **Я купил** 50 гектаров земли под Петербургом. У меня сосед — егерь, и у нас там охотугодя. И **я еду** туда с детьми кататься на квадроциклах, на рыбалку.
 (Из интервью Е. Плющенко «Российской газете», 2015 г.)

Данная модель, где представлены не только личные местоимения в качестве референциальных показателей, но также и глагольные окончания, дублирующие их роль, является крайне редкой. По данным [19], в выборке из 402 языков мира она встречается только в германских, северных романских, латышском и восточнославянских языках и в нескольких языках коренных народов Океании. С учётом редкости этой референциальной модели, а также географической близости европейских языков, где она встречается, возникает гипотеза об общем её происхождении — возможно, из германских языков [15: 226].

Исходя из этого, в данной работе будет прослежена стратегия маркирования субъектной референции в русском и латышском языках на предмет возможного заимствования. Будут проанализированы особенности этого явления

в каждом из языков, которые помогут ответить на вопрос, идёт ли речь об одном и том же процессе для всех языков или это всё же изначально разные явления.

2. Русский язык

Одной из отличительных особенностей перестройки субъектной референции в русском языке является неразрывная связь этого процесса с другим внутриязыковым явлением — падением презентных глагольных связок 1-го и 2-го лица⁴: «почти всякий раз, когда фраза без внешне выраженного подлежащего строится уже без связки, в этой фразе появляется местоимение-подлежащее» [4: 240]. На протяжении XII-XVII вв. субъектные местоимения постепенно заменяли глагольные связки в именных и глагольных перфектных клаузах, в результате чего, в частности, было сформировано новое прошедшее время с формами на -л вместо прежнего двусоставного перфекта. Параллельные переводы одного и того же текста в (9) наглядно отражают состояние русской референциальной модели до и после соответствующей перестройки:

(9)

БГ-644, оригинал, первое 20-летие XII в.	Современный перевод [Зализняк 2004: 267]
От нѣжеке ко завиду чемоу не восолеши чето ти есемо вода ла ковати · я дала тобѣ а нѣжатѣ не дала · али чимо есемо виновата а восоли отроко · а вода ле ми еси хамече · а чи за то не даси · а восоли ми вѣсть · а не сестра я вамо оже тако дѣлаете не исправить ми ничето же ·	От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна , то посылай отрока. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь , то извести меня. А я вам не сестра , раз вы так поступаете , не исполняете для меня ничего!

Вопрос о том, что именно здесь было первичным — падение связок или же экспансия местоимений (“a chicken/egg dilemma” [13]) — до сих пор является дискуссионным. Общая траектория процесса экспансии местоимений, благодаря огромному числу сохранившихся памятников XI-XVII вв., на данный момент прослежена достаточно хорошо [1; 4; 17], но вместе с тем обладает рядом особенностей, позволяющих трактовать весь процесс как в пользу первичности падения связок, так и в пользу экспансии местоимений.

⁴Связок 3-го лица в живом древнерусском языке к моменту создания первых памятников уже не было [4: 256].

На всём своём протяжении экспансия местоимений в (древне)русском языке затронула 3 основных вида клауз: именные, глагольные презентные и глагольные перфектные, ставшие впоследствии клаузами с новым прошедшим временем на -л. Ранее всего (до XII в.) перестройка произошла в именных клаузах. Следом за ними, на рубеже XIV-XV вв. (данные исследования [18] о древнерусских памятниках XI-XVII вв., ок. 10000 релевантных клауз) наблюдается увеличение числа местоимений в глагольных презентных клаузах. Тем не менее скорость этого процесса в глагольных клаузах остаётся медленной вплоть до конца XV в. и резко увеличивается с началом массового падения связок в перфекте [4: 255; 17: 91; 18: 396], достигая современного состояния к XVIII в. (по итогам новые претеритные клаузы даже «обгоняют» презентные по доле субъектных местоимений):

(10)

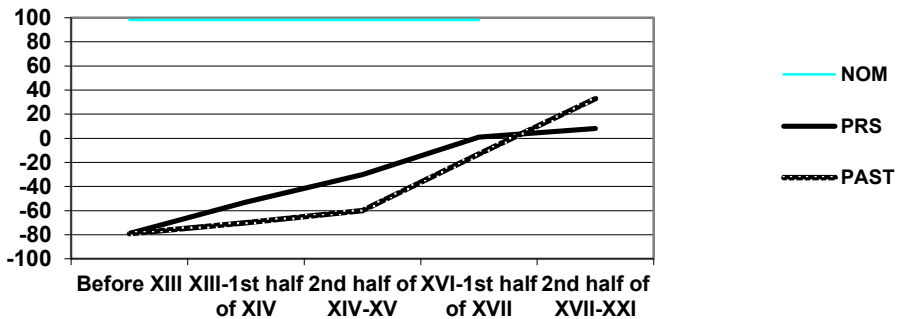

Диаграмма 1. Общая эволюция русской референциальной модели. Вертикальная ось — процентная разница между числом местоименных и безместоименных клауз.

В попытках объяснить данный процесс ряд исследователей [1: 323; 4: 172], склоняются в пользу приоритета экспансии местоимений над падением связок. Одним из косвенных факторов в пользу этой теории может служить референциальная перестройка в презентных клаузах, начавшаяся вслед за именными (11): в этом случае не может идти речь о какой-либо референциальной неоднозначности, вызванной утратой глагольной связки с личными окончаниями, поскольку референт в презенсе всегда маркировался с помощью личных аффиксов. Тем не менее именно «резкое» увеличение числа клауз с местоимением приходится не на презентные, а на бывшие связочные перфектные клаузы, что несколько осложняет ситуацию. Кроме того, в сложных временах древнерусскому языку чужда трёхчленная модель из местоимения, глагола-связки и именной части сказуемого/причастия: «Для 1

и 2 лиц в берестяных грамотах соблюдается следующий основной принцип: в нормальном случае употребляется одна из двучленных моделей: *виноватъ есмь...или я виноват*, но не трёхчленная модель... *я есмь виноватъ*» [4: 178]. Между тем, подобная трёхчленная модель как нельзя лучше свидетельствовала бы в пользу экспансии местоимений, поскольку никак не могла бы быть вызвана утратой связки и возможной референциальной неоднозначностью.

Отчасти в связи с этим, другие исследователи [10: 21; 16: 65; 14: 272] высказывают предположение о первичности падения связки как частного случая унификации глагольной парадигмы — достаточно распространённого в языках мира процесса [15: 236]. Тем не менее здесь стоит отметить, что типичным в языках мира является падение глагольных связок в 3-м, но не в 1-м и 2-м лицах (а между тем, именно последний процесс предполагается как исходная причина экспансии местоимений в древнерусском языке). При этом схожее падение⁵ связки в 3-м лице перфекта в ряде соседних западно- и южнославянских языков [16: 66] не привело к аналогичному выравниванию всей глагольной парадигмы.

На данный момент вопрос о первичности утраты связки VS экспансии местоимений для древнерусского языка окончательно не решён, однако нет сомнений в том, что связь этих двух процессов вплоть до XVII в. оставалась чрезвычайно тесной. В связи с подобной неоднозначной траекторией референциальной перестройки, интерес представляют её региональные особенности в диахронической перспективе: для памятников различных стилей и эпох в процессе экспансии местоимений обнаруживается стойкий приоритет западных регионов (Новгорода, Пскова, Полоцка):

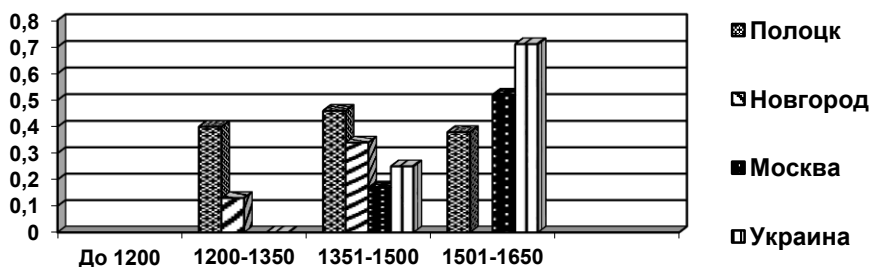

Рисунок 1. Относительная скорость экспансии местоимений в различных регионах (на материале памятников делового стиля, ок. 3000 клауз [18]). Вертикальная ось — доля клауз с местоимением среди всех анафорических глагольных клауз.

⁵В некоторых языках (болгарский, македонский) глагольная связка 3-го лица иногда сохраняется в связи с дополнительными дискурсивными особенностями.

Подобный приоритет западных регионов позволяет предположить возможную внешнюю экспансию местоимений с запада как дополнительный источник смены субъектной референции. Так, все регионы, где местоимения распространялись раньше всего, непосредственно граничили с нижненемецкоязычными Ливонским и Тевтонским Орденом и контактировали с жителями более дальних ганзейских городов посредством морской торговли, что могло приводить к языковому заимствованию. Не исключено, что этим также обуславливается своеобразие траектории этого процесса — попытка объяснить его одними внутренними причинами на данный момент сталкивается со сложностями.

Тем не менее массового (нижне)немецко-древнерусского двуязычия в истории зафиксировано не было, что заставляет относиться к идее подобного референциального заимствования из немецкого с несколько большей осторожностью. В этой связи для сравнения представляют интерес схожие данные латышского языка, значительно сильнее контактировавшего с немецким.

3. Латышский язык

Среди современных балтийских языков стратегия, подобная современной русской, наблюдается в латышском языке [20: 142], (6), тогда как в соседнем литовском, гораздо более архаичном с точки зрения грамматики и лексики, субъектная референция преимущественно маркируется глагольными окончаниями (3). Несмотря на то, что, в отличие от восточнославянских, балтийские языки не имеют письменно зафиксированного языка-предка, с учётом архаичности литовского языка и замечания В. Н. Топорова о балтийском синтаксисе, где в общем случае «группа имени...может отсутствовать вовсе» [6: 41], можно предполагать, что первичной для балтийской группы была модель с референциальными показателями в глаголе. Остатки этой модели периодически проступают и в вымершем к XVIII в. прусском языке. Его редкие памятники XVI в., будучи в массе своей переводами с немецкого, по своей структуре «слепо» воспроизводят синтаксис последнего [2: 268; 6: 83], но иногда всё же содержат модели без субъектного местоимения, тогда как в параллельном немецком переводе местоимение присутствует всегда:

(11) Словарь Грюнау (GrA, GrG), XVI в.:

Прусский	Немецкий
Dam <i>thoi</i> give.PRS.1.SG <i>you.DAT</i> 'Дам тебе'	Ich <i>wils</i> <i>euch</i> <i>geben</i> 'Я хочу вам дать'

Тем не менее анализ балтийских данных осложняется тем, что, в отличие от восточнославянских языков, о диахронических процессах, произошедших в

балтийском случае, мы можем судить только по косвенным данным XIX–XX вв., поскольку первые (XVI–XVII вв.) тексты на латышском языке в силу исторических причин создавались немецкими священниками, слабо владеющими языком [5: 157]. В этих текстах, представленных в корпусе SENIE (<http://www.ailab.lv/SENIE>), доля клауз с местоимением близка к 100%, что соответствует немецкому языку, но вряд ли отражает реальное состояние дел в латышском, где, по данным более поздних произведений⁶, соотношение местоименных и безместоименных клауз и в простых, и в сложных связочных временах стабильно составляет примерно 55%:45%. По этим данным, очевидно, нельзя судить о том, когда именно в латышском языке началась экспансия местоимений, однако можно в целом вычленить систему клауз, затронутых референциальной перестройкой (как и в древнерусском языке, в латышском это были именные, глагольные презентные и глагольные перфектные клаузы) и отметить ряд других стабильных особенностей. Главное отличие от древнерусского языка, диахронически прослеживаемое на всех латышских памятниках, заключается в стабильном сохранении глагольных связок в именных и сложных глагольных клаузах, тогда как субъектное местоимение периодически может опускаться:

- (12) А. Екабс, «Крёстный отец Адам», сер. XIX в.:

esmu	nodomājis	krusttēvam
be.AUX.PRS.1.Sg	intend.PTCP.Pst.M.Sg.Nom	godfather.Sg.DAT.
Ādamam	celt	pieminekli
Adam.DAT	erect.INF	monument.Sg.ACC

‘Я решил поставить крёстному отцу Адаму памятник.’

- (13) П. Банковскис, «Тонкий лёд», кон. XX в.:

Viņš	bija	aizmidzis
he.NOM	be.AUX.PST.3	fall.asleep.PTCP.Pst.Sg.M.Nom

‘Он спал’ (букв. «был заснувшим»).

В отличие от древнерусского языка, где трёхчленная модель из местоимения, глагола-связки и именной части/причастия фактически изначально отсутствовала, в латышском языке во всех проанализированных текстах именно она является доминирующей (70 из 109 клауз XIX–XX вв.). В остальных же случаях опускается местоимение, но не глагольная связка (ср. (16)). Очевидно, для

⁶Данные дайн — народных песен, собранных в XIX в., онлайн на <http://www.dainuskapis.lv/>, и более поздних светских произведений XIX в. (1-я глава романа братьев Каудзите “Mērnīeku laiki” ‘Времена землемеров’, рассказ А. Екабса “Adams Krusttēvs” ‘Крёстный отец Адам’); XX в. (1-я глава романа П. Банковскиса “Plāns ledus” ‘Тонкий лёд’, 1-я глава романа Г. Цирулиса и А. Имерманиса “Dzīvoklis bez numura” ‘Квартира без номера’, сборник И. Зиедониса “Krāsainas pasakas” ‘Разноцветные сказки’).

латышского языка в принципе не приходится говорить о том, что экспансию местоимений могло спровоцировать падение глагольных связок (как это, возможно, было в древнерусском случае), поскольку его зафиксировано не было вообще. Отсутствие дополнительных внутриязыковых процессов в латышском языке коррелирует с отсутствием значимых отличий между экспансией местоимений в именных и глагольных клаузах — по данным проанализированных текстов (ок. 1000 клауз, включая дайны), соотношение местоименных и безместоименных клауз в латышском языке во всех клаузах колеблется от 70:30 до 55:45.

По-видимому, референциальная перестройка в латышском случае представляла собой исключительно внешнюю экспансию местоимений, что хорошо соотносится с идеей возможного заимствования из немецкого языка. Исторические данные так же служат дополнительным фактором в пользу этого, поскольку в течение длительного времени (XI-XVIII вв.) Ливония (территория современной Латвии и Эстонии) находилась под мощнейшим германским господством. С самого начала походов местные жители вступали в контакт с новоприбывшими немецкими колонистами, что привело впоследствии к латышско-немецкому⁷ двуязычию [2: 308]. В результате него в латышском языке были зафиксированы многочисленные заимствования, в т.ч. в синтаксисе [7: 10], и ничто не мешает считать одним из них и современную референциальную стратегию.

4. Заключение

На данный момент схожую референциальную модель в русском и латышском языках, несмотря на её общую типологическую редкость и близость языков, нельзя считать одним и тем же явлением в диахронической перспективе. В обоих языках произошла перестройка от маркирования референта с помощью одних глагольных аффиксов к дополнительному употреблению субъектных местоимений, однако сам процесс проходил по-разному. В (древне)русском языке экспансия местоимений была неразрывно связана с утратой глагольных связок (и, возможно, даже изначально порождена ею), тогда как в латышском языке никаких дополнительных внутриязыковых процессов зафиксировано не было. Для латышского языка наиболее вероятным источником референциальной перестройки представляется внешнее заимствование из соседних германских языков, которое хорошо согласуется с историческими данными. В случае русского языка основную роль, по-видимому, сыграли внутренние процессы, а заимствование могло в некоторых случаях быть дополнительным, но не основным фактором. Возможность дополнительного заимствования древнерусским языком субъектной референциальной модели отчасти

⁷Точнее, сначала (до XV в., время Ганзы) ниже-, а впоследствии верхненемецкое [2: 307]; в данной работе эти различия роли не играют.

подкрепляется региональными языковыми данными (в западных регионах — Пскове и Полоцке — местоимения распространились раньше), но требует дальнейших социолингвистических исследований.

Библиография

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006 [1963].
2. Дини П. У. Балтийские языки. М.: ОГИ, 2002.
3. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК, 2004 [1995].
4. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008.
5. Сталтмане В. Э. Латышский язык. // Топоров В. Н., Завьялова М. В., Кибрик А. А., Рогова Н. В., Андронов А. В., Коряков Ю. В. (ред.). Языки мира: балтийские языки. М.: Академия, 2006. С. 155-193.
6. Топоров В. Н. Балтийские языки. // Топоров В. Н., Завьялова М. В., Кибрик А. А., Рогова Н. В., Андронов А. В., Коряков Ю. В. (ред.). Языки мира: балтийские языки. М.: Академия, 2006. С. 10-50.
7. Balode, L., Holvoet A. The Latvian language and its dialects. The Circum-Baltic languages: typology and contact. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001. Vol.1. Pp. 3-40.
8. Dryer M.S. Expression of pronominal subjects. World atlas of language structures. The interactive reference tool. Haspelmath M., Dryer M.S., Gil D., Comrie B. (eds.). Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. Available online at <http://wals.info/feature/101A>.
9. Faarlund J. T. From ancient Germanic to modern Germanic languages. Language typology and language universals. An international handbook. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 1706-1719.
10. Jakobson R. Les enclitiques slaves. Selected Writings, Vol. II, 16-22. The Hague: Mouton, 1971 [1935].
11. Holvoet A. 2001. Mood and modality in Latvian. Sprachtypologie und Universalienforschung. Vol. 54. No. 3. Pp. 226-252.
12. Kibrik, Andrej A. Anaphora in Russian narrative prose: a cognitive calculative account. Fox B. A. (ed.). Studies in Anaphora. Amsterdam: John Benjamins, 1996. Pp. 266-303.
13. Kibrik, Andrej A. Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma? Branco A., Mitkov R., McEnery T. (eds.). Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC). Lisbon: Edicoes Colibri, 2004. Pp. 87-90.
14. Kibrik Andrej A. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
15. Kibrik Andrej A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 227-263.

16. Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998.
17. Meyer R. The history of null subjects in North Slavonic. A corpus-based diachronic investigation. Habilitationsschrift, Universität Regensburg, 2012.
18. Sidorova E. On the evolution of Russian subject reference: internal factors. P. Suihkonen, L. J. Whaley (eds.). *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 381–400.
19. Siewierska A. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
20. Spencer A., Luis A.R. *Clitics: an introduction*. Cambridge: Cambridge university press, 2012.

А.И. Виняр

НИУ ВШЭ, Москва

ЧУКОТСКИЕ ГЛАГОЛЬНО-ГЛАГОЛЬНЫЕ КОМПАУНДЫ: К ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЮ ИНКОРПОРАЦИИ И СЕРИАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ¹

Введение

Одной из основных типологических характеристик чукотского языка является продуктивная инкорпорация основ различных частей речи в разных синтаксических конструкциях. Тем не менее, кроме инкорпорации прямого объекта [21], [19], [14] и подлежащего [20], другие типы инкорпорации описаны сравнительно мало — в работах [1, 2] представлены только отдельные примеры инкорпорации косвенного дополнения, наречия в глагол, глагола в существительное и глагола в глагол. Именно глагольно-глагольные комплексы являются темой данной работы. Впервые краткое описание и некоторый анализ ограничений на этот тип инкорпорации был представлен только в грамматике [8: 231]. Поэтому первая цель нашей работы — на материале полевых данных² подробно описать существующие типы глагольно-глагольных комплексов³ в чукотском и ограничения на их образование.

В работе [8] высказывалось предположение о сходстве инкорпорации глагола в чукотском и глагольной сериализации в языках мира. Кроме того, на основании некоторых примеров из предыдущих описаний, чукотский язык помещен [16] в группу языков с глагольной сериализацией в типологии полисинтетических языков. К сожалению, термин «глагольная сериализация» до сих пор остается не до конца определенным [3], [12], [15], а его соотношение с «сериализацией глагольных корней», «глагольной инкорпорацией» или «глагольно-глагольными компаундами» представляется еще менее ясным. Как кажется, решение о причислении конструкции, где две глагольные основы составляют одно фонетическое слово, к «сериализации» или «компаундингу» в каждом конкретном языке принимается авторами достаточно произвольно. К примеру, в языке пининь кун-уок (языки гунуиньгу, Австралия) глагольно-

¹Статья подготовлена в ходе проведения исследования (17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017-2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

²Все примеры без указания источника получены автором от носителей чукотского языка в ходе полевой работы в с. Амгуэма (Иультинский район, Чукотский АО) летом 2016 года в совместной экспедиции ФиКЛ НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ.

³В дальнейшем мы не будем различать для глагольно-глагольных комплексов термины «глагольно-глагольные компаунды» и «глагольно-глагольная инкорпорация».

глагольные комплексы называются компаундами [10] (по-видимому, на основании особой формы их основы, участвующей в таком комплексе). В языке йимас (папуасские языки, Новая Гвинея) [11], как и в языке аламблак (Сепикские языки, Новая Гвинея) [6], эти комплексы называются сериализацией, а в языке дакота (языки Сиу, Северная Америка) — инкорпорацией [5]. В обзорных работах, ограничивающих понятие «глагольная сериализация», либо отдельно не говорится об инкорпорации глагола в глагол, либо компаундинг и сериализация различаются на основании принадлежности основ глаголов к одному или двум фонетическим словам [9].

Мы не ставим перед собой цель в очередной раз дать новое определение сериализации как типологическому явлению или доказать, являются ли глагольно-глагольные конструкции в чукотском сериализацией. Более продуктивным и важным представляется сравнение характеристик чукотского материала с теми особенностями, которые обычно приписывают глагольной сериализации [9], [3], [12], и характеристиками тех конструкций в языках мира, которые с точки зрения всех исследователей являются сериализацией. Опираясь на обнаруженные различия, мы рассмотрим языки, где глагольно-глагольные комплексы составляют одно фонетическое слово (и, следовательно, определение этих конструкций как «глагольная сериализация» и «глагольная инкорпорация» является не самым очевидным). Таким образом, вторая цель данной работы — выявить сходства и различия глагольно-глагольных комплексов в чукотском и того, что обычно понимается исследователями под глагольной сериализацией, а затем проверить, могут ли эти различия быть обнаружены и в других языках с похожими конструкциями.

Работа устроена следующим образом. В Разделе 1 описаны представленные в [8] виды глагольно-глагольных компаундов и ограничения на их образование, а также те типы глагольно-глагольных комплексов, которые нам удалось обнаружить на материале полевых данных. В Разделах 2 и 3 подробно описаны эти типы и найденные нами ограничения, а в Разделе 4 даны краткие обобщения и основные характеристики глагольно-глагольных комплексов в чукотском. В Разделе 5 представлены существующие определения и описания глагольной сериализации как типологической категории из работ [9], [3], [12], которые мы сопоставляем с характеристиками исследованного нами чукотского материала. В Разделе 6 приведено отличие свойств чукотского глагольно-глагольного комплекса и глагольной сериализации на примере языка йимас, где основы при сериализации включены в одно фонетическое слово. В Разделе 7 мы попробуем сравнить в контексте этих свойств языки с конструкциями, близкими на первый взгляд к чукотским (пининь кун-уок и аламблак). В Разделе 8 проведен анализ принципов, которые управляют образованием различных типов глагольно-глагольных комплексов в языке дакота. В выводах подведены итоги обоим (дескриптивному и типологическому) направлениям

нашей работы и предложены возможные пути продолжения исследования в обоих направлениях.

1. Типы глагольно-глагольных комплексов в чукотском

В грамматике [8] в чукотском выделяется два семантических типа инкорпорации глагола в основу глагола — инкорпорация глаголов «образа действия» (1) (далее — MannerVI) и «глагола-причины действия» (2) (PurpVI). Как и при инкорпорации имени в глагол и прилагательного в имя, инкорпорируемая основа (далее — V_{inc}) в чукотском напрямую примыкает в препозиции к инкорпорирующей (далее — V_{main}).

- (1) *ɲutkete ʁəʁen ta-ʁʔe mraŋ-qac*
здесь действительно проезжать-ТН право-SIDE
ʔera-ʁaʁa-nenat
скакать-проходить-3SG.A.3PL.O
'Он прошел тут насквозь направо, он быстро их проскочил...'
- (2) *eej! iwke ept-eʁəm*
эх INTJ INTS-1SG.ABS
mə-rʔeʁa-ʁtə-rkən
1SG.S/A.SUBJ-скакать.в.гонке.на.оленьях-GO-IPFV
'Э-эх! Если бы я только участвовал в гонках!'⁴

[8: 231] утверждает, что инкорпорироваться могут только непереходные глаголы, в то время как инкорпорировать — и переходные, и непереходные, а подлежащие обоим глаголам должны совпадать. При этом в грамматике доказывается, что морфемы инхоатива *muo* и комплетива *plətku*, описанные в [1] как глаголы, в чукотском являются грамматикализированными суффиксами, а не вершинами глагольно-глагольного комплекса. Этот взгляд подтверждается и на материале исследуемого нами амгуэмского диалекта.

Кроме конструкций, описанных в [8], нами были обнаружены и другие типы комплексов: инкорпорация глагола со значением действия, предшествующего перемещению, в глагол перемещения (SourceVI, Раздел 3.2) и инкорпорация глаголов из семантического поля «болеть» с инкорпорируемым аргументом части тела в глагол *ʁaʁa* 'проходить' (StimulVI, Раздел 3.3). Так как в последних двух случаях, равно как и при PurpVI, обе основы отображают некоторые отдельные, хотя и связанные действия, а не находятся в отношениях «действие-характер его совершения», как при MannerVI, они будут рассмотрены как отдельная группа «инкорпорации действия» (ActionVI).

⁴Примеры (1, 2) приведены из [8: 231-232], глоссы — из источника с адаптацией к нашим обозначениям.

2. MannerVI

В ходе работы с информантами выяснилось, что наиболее продуктивным и регулярным вариантом инкорпорации образа действия является инкорпорация глаголов способа перемещения в глаголы перемещения, такие как *pkir* ‘прибыть’ (3), *ekwet* ‘уйти’ (4), *ɬqət* ‘пойти’ (7), *yaɬa* ‘пройти, обогнать’ (6) и *peɬqəntet* ‘вернуться’ (5).

- (3) *yaɬya-t* *Ø-riŋe-pkir-ɣʔe-t* *weem-sormə-k*
птица-ABS.PL 2/3.S/A-взлететь-приходить-TH-PL река-SIDE-LOC
‘Птицы прилетели на берег речки.’
- (4) *tə-ra-raswəŋ-akwat-ɣʔa*
1SG.S/A-FUT-бежать.в.гонке-уходить-TH
‘Я побегу в соревнованиях.’
- (5) *ətɬəyə-n* *Ø-rʔiɬe-peɬqəntet-ɣʔi*
отец-ABS.SG 2/3.S/A-скакать.в.гонке.на.оленьях-вернуться-2/3SG.S
‘Отец прискакал обратно на олене.’
- (6) *ŋiŋqeɟ-e* *raswəŋ-yaɬa-ni-ne-t* *neekkeqeɟ-ti*
мальчик-INS бежать-обгонять-3SG.A.3.O-3SG.O-PL девочка-ABS.PL
‘Мальчик обогнал девочек.’

Сами по себе глаголы перемещения в чукотском, по-видимому, не имеют в своей семантике определенного компонента способа перемещения. Этот компонент может восстанавливаться из контекста, выражаться через конструкцию с зависимой нефинитной формой глагола (7b) или, как в примерах выше, инкорпорацией. По-видимому, именно конструкция в (7b), а не конструкция с зависимой конвербной клаузой⁵ в (7c) является аналитическим аналогом конструкции в (7a).

- (7) PurpVI + MannerVI, *V_{inc}* соответствует нефинитной форме на *-e/-a*.
- a. *t-kətyəntə-reo-ɬqət-ɣʔa*
1SG.S/A-бежать-дежурить.ночью-пойти-TH
- b. *t-riu-ɬqət-ɣʔe* *kətyənt-a*
1SG.S/A-дежурить.ночью-пойти-TH бежать-INS
- c.* *t-riu-ɬqət-ɣʔe* *kətyəntə-ma*
1SG.S/A-дежурить.ночью-пойти-TH бежать-SIM
- d. **t-reo-kətyəntə-ɬqət-ɣʔe*
1SG.S/A-бежать-дежурить.ночью-пойти-TH
‘Я побежал на дежурство.’

⁵О различии в чукотском нефинитных форм глагола от нефинитных вершин конвербных клауз см. [8]. В описываемом диалекте свойства конвербов проявляют глаголы, оформленные в том числе показателем локатива *-k*, показателем одновременности *-ma* и показателем причины *em-re-ŋ-e*, а свойства отглагольных модификаторов — основы глаголов, оформленные показателем инструменталиса *-e* [Саркисов, устное сообщение].

(8) ros-eta Ø-a-leq-nker-v?e

- (9) *ros-etā Ø-pker-āleqat-yʔe
 берег-ALL 2/3.S/A-прибывать-плыть-2/3S.SG
 'Он плыл, прибывая к берегу.'

(10) MannerVI V_{int} - TR

- b. *ətləy-c ɣa-nrə-kətyəntat-ɬen saat
отец-INS RES-держать-бежать-RES.3SG.A.3SG.O аркан.ABS
- c. ətləyə-n ɣa-kətyəntat-ɬen saatə-nr-ma
отец-ABS RES-бежать-RES.3SG.S аркан-держать-SIM
'Отец бежал, держа в руке аркан.'

3 ActionVI

представляется, что инкорпорироваться могут только основы глаголов, обозначающих традиционный тип деятельности, связанный с оленеводством (ср. (10b) и (10c), где возможна только интерпретация способа, а не причины перемещения).

3.1. PurpVI

Как отмечено выше, глаголы перемещения *ekwet* ‘уходить’ (11), *ɬqət* ‘пойти’ (13) и лексический суффикс *yt* ‘пойти’ (12) могут инкорпорировать глагол, обозначающий действие-причину перемещения.

(11) PurpVI, возможна инкорпорация *jop*, *riɬe*, но *raswəp* только MannerVI.

- a. *jurɣajuk qoɬ it-ɣʔi*
Юргаяук однажды быть-3SG.S
nə-jop-akwat-qen
STAT-разведывать-отбывать-STAT.3SG
‘Однажды Юргаяук на оленях объезжал территорию.’
- b. *tə-re-rʔiɬ-ekwet-ɣʔe ɛryatə-k*
1SG.S/A-FUT-скакать.в.оленьей.гонке-отбывать-TH закат-LOC
‘Завтра я уеду на гонки на оленях.’ / * ‘Завтра я уеду с гонок на оленях.’
- c. *tə-ra-raswəŋ-akwat-ɣʔa*
1SG.S/A-FUT-бежать.в.гонке-отбывать-TH
‘Я побегу’ / * ‘я отправлюсь на соревнования по бегу.’

(12) PurpVI, лексический суффикс демонстрирует сходное с корнями поведение.

- a. *aliɬosa\\ Ø-ra-rʔeɬa-ɣtə-ɣʔa?*
алёша.ABS.SG 2/3.A/S-FUT-скакать.в.гонке-GO-2/3.SG.S
‘Алёша, ты поедешь на гонки на оленях?’

Аналитическим аналогом для комплекса служит конструкция с зависимой конвербной клаузой причины, конверб в которой маркируется сочетанием морфем рестриктива, дезидератива и инструменталиса, иногда рассматриваемыми вместе как циркумфикс (13).

(13) Инкорпорация действия-причины перемещения в *ɬqət*, аналитический аналог — конструкция с конвербной клаузой.

- a. *tə-riu-ɬqət-ɣʔe kətyənt-a*
1SG.S/A-дежурить.ночью-пойти-1SG.S бежать-INS
- b. *tə-ɬqət-ɣʔe kətyənt-a em-re-riu-ŋ-e*
1SG.S/A-пойти-1SG.S бежать-INS REST-DES-дежурить.ночью-DES-INS
‘Я побегал на дежурство.’

Необходимо отметить, что комплексы с глаголами «покидания Источника» *ekwet* ‘уходить’, *ɬqət* ‘пойти’ и лексическим суффиксом *yt* ‘пойти’ обладают

строго определенным значением «движения с целью», а другие интерпретации временной последовательности ситуаций, выраженных в этих глагольных компаундах, невозможны (11с).

3.2. SourceVI

С другой стороны, конструкции, где V_{main} — глагол перемещения *pkir*, обозначающий «достижение Цели», допускают интерпретацию V_{inc} только как действия, предшествующего перемещению (14).

(14) Инкорпорация в глагол *pkir* ‘прибыть’, возможна только SourceVI интерпретация.

a.	ətɬəyə-n	Ø-riu-pkir-γʔi	
	отец-ABS.SG	2/3.S/A-дежурить.ночью-прибыть-2/3SG.S	
	amɲon-γəpə		
	тундра-ABL		
b.	ətɬəyə-n	Ø-pkir-γʔi	amɲon-γəpə ri-u-k
	отец-ABS.SG	2/3.S/A-прибыть-2/3SG.S	тундра-ABL дежурить-LOC
c.	ətɬəyə-n	Ø-pkir-γʔi	amɲon-γəpə
	отец-ABS.SG	2/3.S/A-прибыть-2/3SG.S	тундра-ABL
	em-re-riu-ŋ-e		
	REST-DES-дежурить-DES-INS		
	‘Отец пришел с дежурства из тундры.’ /		
	*‘Отец пришел на дежурство из тундры.’		

Как мы видим в примере (14с), аналитическим аналогом для SourceVI является другая конструкция с зависимой конвербной клаузой, обозначающей предшествование во времени.

Инкорпорация глагола *qaa-nta* ‘олень-GO.DO’, означающего ‘пасти стадо оленей’ возможна и в глаголы *ɬqət* и *ekwet*, однако для нас наиболее интересна возможность инкорпорации этой основы в глагол *pkir* со значением SourceVI (15), так как для V_{main} глагола *pkir* ‘прибыть’ корень *qaa* ‘олень’ является Источником (прийти с дежурства = прийти из стада), а для вербализирующего лексического суффикса *-ŋəta* ‘пойти и заняться X’ — Целью.

(15) SourceVI, **qaa-** = Goal_{nta}, Source_{pker}.

ajwe	qaa-nta-pker-γʔe
вчера	олень-GO.DO-приходить-2/3SG.S
‘Вчера он приехал с дежурства.’	

Хотя глагольный корень *qaa* и является локативным участником ситуации обоих глаголов, в данном случае роль этого участника в каждой из ситуаций различается.

3.3. StimulVI

Как удалось выяснить, глагол *yaʎa* ‘проходить мимо’ также может инкорпорировать основу глагола, выражающего отдельное действие. Этот тип инкорпорации представляется наименее продуктивным и наиболее лексикализированным. Фактически можно обнаружить всего несколько возможных конструкций, так как в глагольный комплекс могут включаться только глаголы, обозначающие боль и болезнь, такие как *pəʎt* ‘болеть’, *tʃəʎ* ‘испытывать боль’, со в свою очередь инкорпорированными в них названиями частей тела, которые болят. Интересно, что посессор части тела при этом остается свободно стоящим именем в абсолютиве (которое в чукотском может быть опущено по информационно-структурным причинам [8]) и получает индексацию подлежащего на глагольном комплексе (16a, 16b).

(16) StimulVI, инкорпорированное имя – аргумент V_{inc} , а не V_{main} .

- a. *tə-ʎawtə-pəʎtə-yaʎa-ʎʔa-k*
1SG.S/A-голова-болеть-проходить-TH-1SG.S
‘У меня перестала болеть голова.’
- b. *tə-ʎətkə-tʃəʎə-yaʎa-ʎʔa-k*
1SG.S/A-нога-испытывать.боль-проходить-TH-1SG.S
‘У меня перестала болеть нога.’

В данном случае, несмотря на метафоричность всего комплекса⁶, невозможно говорить о том, что инкорпорированное существительное является аргументом глагола *yaʎa*, который сам по себе может быть переходным, однако в другом значении (1). Гораздо более естественная интерпретация инкорпорированных частей тела как пациентивных единственных аргументов (S_p) глаголов боли несколько нарушает обобщение [8] об обязательном совпадении подлежащих глагольных основ в комплексе.

4. Инкорпорация глагола в глагол в чукотском — обобщение

При рассмотрении инкорпорации глагола в глагол в чукотском было установлено, что разные комплексы различаются как своим значением, так и ограничением на образование этих комплексов. Тем не менее можно выделить по крайней мере два типа глагольно-глагольных комплексов: инкорпорация глаголов со значением образа действия (MannerVI) и инкорпорация глаголов, выражающих самостоятельную ситуацию в глаголы перемещения (ActionVI). Конструкции различаются по степени продуктивности, и, похоже, лексикализированности — если MannerVI чрезвычайно продуктивна, особенно с глаголами движения, то ActionVI требует определенных лексических условий (Раздел 3). Особенно среди ActionVI стоит выделить StimulVI (Раздел 3.3), отличающуюся

⁶Информанты отказываются давать аналитический аналог этой конструкции с теми же глаголами.

своей не самой композиционной семантикой. Тем не менее для обоих типов инкорпорации можно выделить сходства в оформлении глагольного комплекса с точки зрения маркирования аргументов глагола.

Несмотря на то, что конструкции всех типов (кроме, пожалуй, StimulVI) склонны к инкорпорации именно непереходного глагола, можно заключить, что оформление всего комплекса всегда отражает аргументную структуру именно инкорпорирующего, а не инкорпорированного глагола. Такой вывод можно сделать на основании того, что глагольно-глагольный комплекс получает переходное оформление, если инкорпорирующий глагол переходный (17), и непереходное оформление с обязательной инкорпорацией «лишнего» участника инкорпорируемого глагола при инкорпорации переходного глагола в непереходный (18) или при инкорпорации глагола с аргументами, которых нет у инкорпорирующего (19).

- (17) MannerVI, $V_{inc} = ITR$, $V_{main} = TR$, переходное оформление.

ŋinqeŋ-e raswəp-ŋaʎa-ni-ne-t neekkeqeŋ-ti
 мальчик-INS бежать-обгонять-3SG.A.3.O-3SG.O-PL девочка-Abs.PL
 'Мальчик обогнал девочек.'

- (18) MannerVI, $V_{inc} = TR$, $V_{main} = ITR$, непереходное оформление и инкорпорация.

a. ətʎəŋ-n ɣa-saatə-nrə-kətyəntat-ʎen
 отец-Abs RES-аркан-держать-бежать-RES.3SG.S
 b. *ətʎəŋ-e ɣa-nrə-kətyəntat-ʎen saat
 отец-INS RES-держать-бежать-RES.3SG.S аркан.ABS
 'Отец бежал, держа в руке аркан.'

- (19) StimulVI, инкорпорированное имя – аргумент V_{inc} , а не V_{main} , инкорпорация.

tə-ʎawtə-rəyt-ə-ŋaʎa-ŋʔa-k
 1SG.S/A-голова-болеть-проходить-TH-1SG.S
 'У меня перестала болеть голова.'

Свидетельствует ли это о том, что возможно включение в глагольный комплекс только глагола, утратившего или получившего совпадающую с главным глаголом аргументную структуру вследствие инкорпорации своего участника, пока невозможно категорично сформулировать. Но можно утверждать, что глагольно-глагольные комплексы в чукотском демонстрируют важную закономерность:

(i) В комплексе глагольные основы образуют иерархические отношения, так как можно выделить инкорпорирующую основу (V_{main}), определяющую индексирование участников ситуации на комплексе.

(ii) В глагольно-глагольном комплексе линейные позиции глаголов соотноствуют их иерархическим отношениям, V_{main} и V_{inc} .

Такая ситуация достаточно хорошо соответствует общим свойствам именной инкорпорации [17]. В следующих разделах будет рассмотрено, как чукотские глагольно-глагольные комплексы связаны с глагольной сериализацией в разных языках мира.

5. Глагольная сериализация — подход к определению и характеристике

Так как эта работа не рассматривает сериализацию как таковую, можно лишь еще раз отметить, что сейчас не представляется возможным использовать термин «глагольная сериализация» ни как окончательный ярлык для какой-то конструкции, ни даже как некоторый лингвистический прототип [15]. Тем не менее здесь мы рассмотрим определение сериализации как **comparative concept** [12] и основные свойства сериальных конструкций в языках мира [9], [3], а затем выясним, по каким параметрам чукотский материал можно сопоставить с этими особенностями и как он укладывается в предложенное определение.

5.1. Сериализация — определение [Haspelmath 2015] и связанные трудности

(ii) Определение сериальной конструкции [12]

Сериальная конструкция — это **композициональная конструкция** в пределах **одной клаузы**, состоящая из нескольких **самостоятельных глаголов**, которые **не соединены особым элементом**, и ни один из глаголов **не находится в предикативно-аргументном отношении** с другим глаголом [12, выделение наше].

В этом определении автор выделяет следующие основания для решения о том, принадлежит ли конструкция к сериальным:

- 1) Конструкция композициональна, то есть ее значение восстановимо из значения глаголов, участвующих в ней;
- 2) Оба глагола формируют одну клаузу;
- 3) Глаголы не являются грамматическими элементами и способны образовывать предикацию без дополнительного маркирования;
- 4) Отсутствует подчинительный или сочинительный элемент, связывающий глаголы;
- 5) Ни один из глаголов не является аргументом другого.

Как мы видим, чукотские глагольно-глагольные комплексы вполне попадают под это определение сериальной конструкции. Однако нерешенным остается вопрос, считать ли четкое разделение основ глаголов в чукотских комплексах (V_{inc} — в препозиции к V_{main}) как показатель подчинения, так как в этих комплексах основы безусловно находятся в иерархических отношениях (см. Раздел 4). Кроме того, аналитические аналоги чукотских инкорпоративных комплексов демонстрируют именно конструкции с подчинением (20), что еще

больше затрудняет применение определения [12], так как для сериальных конструкций в языках без инкорпорации обычно не говорят об аналитическом аналоге.

(20) PurpVI и MannerVI, аналитический аналог — нефинитный глагольный модификатор и подчиненная конструкция с конвербом.

- a. t-kətyəntə-reo-ɬqət-ɣʔa
1SG.S/A-бежать-дежурить.ночью-пойти-1SG.S
- b. tə-riu-ɬqət-ɣʔe kətyənt-a
1SG.S/A-дежурить.ночью-пойти-1SG.S бежать-INS
- c. tə-ɬqət-ɣʔe kətyənt-a em-re-riu-ŋ-e
1SG.S/A-пойти-1SG.S бежать-INS REST-DES-дежурить.ночью-DES-INS
'Я побежал на дежурство.'

5.2. Сериализация — основные характеристики

В работах [9] и [3] приведен набор свойств, характеризующих сериальную конструкцию в языках мира. Некоторые из них, такие как моноклаузальность, разделение глаголами общего подлежащего и единое просодическое оформление, очевидно, являются общими и для примеров сериализации в языках мира, и для чукотского глагольно-глагольного комплекса. Другие характеристики, такие как «представление сериальной конструкцией единой ситуации», в действительности с трудом можно точно определить на конкретном языковом материале. Остановимся на тех особенностях сериальных конструкций, которые могут быть проанализированы на материале разных языков (в том числе и чукотского).

Сериальные конструкции во многих языках мира характеризуются общими принципами, определяющими положение глаголов в них друг относительно друга. Одним из таких принципов является принцип временной иконичности: порядок протекания ситуаций соответствует порядку следования глаголов, их обозначающих (21). Однако, как мы видим, PurpVI в чукотском этот принцип нарушает (ср. 21 и 22).

(21) Белый Хмонг, семья Мяо-яо, принцип иконичности соблюдается.

[Jarkey 1991]⁷

nws ntaus tus dev khaiv kiag
он избивать CLF собака убежать полностью
'Он ударами прогнал собаку.'

⁷Здесь и далее в примерах, относящихся к другим языкам, мы старались сохранить глоссирование источника (если оно имелось). Список условных сокращений в глоссировании приведен в конце работы.

менее не является подлежащим глагола *yok* 'удалиться', подлежащее которого — слово *agl* 'стрела'. Таким образом, ни один из глаголов не является «главным», мы не можем выделить V_{main} , а маркирование аргументов конструкции подчиняется другим принципам (здесь — общее подлежащее всей конструкции маркируется на последнем глаголе).

6. Сериализация в языке с глагольной инкорпорацией

В Разделе 5 было отмечено, что между чукотскими глагольными комплексами и сериализацией глагольных словоформ существует различие: словоформы при сериализации равноправны, а основы при сериализации — нет. Однако существует ли различие между «инкорпорацией глагольных основ» и «сериализацией глагольных основ» (то есть сериализацией в пределах глагольной словоформы)? В этом и следующих разделах мы рассмотрим языки с глагольно-глагольными комплексами, часть из которых описывается как сериализация, а часть — как инкорпорация. Примером такого языка является йимас, один из папуасских языков Новой Гвинеи.

В языке йимас присутствует, хотя и не самая продуктивная, инкорпорация аргументов глагола в глагол (27). При этом возможна множественная инкорпорация, а инкорпорируемое имя стоит в препозиции к инкорпорирующей основе глагола.

- (27) Йимас, Новая Гвинея, инкорпорация О. [Foley 1991]
 ura-mru-na-akri-ari-n
 огонь.О-3PL.A-DEF-спина.V.SG.-к-ласть.в-PRES
 ‘Они повернулись спиной к огню (чтобы согреться).’

Гораздо более продуктивна в языке йимас сериализация, которая выражает разнообразные значения. Важно, что порядок глагольных основ в сериальных комплексах в йимасе, в отличие от чукотского (Раздел 5.2), обусловлен временным и причинно-следственным отношением ситуаций, описываемых этими основами [11].

При этом маркирование аргументов на полисинтетическом глагольном комплексе также указывает на равноправие глагольных основ в нем. Как указывает [11], маркируются аргументы глагола с наибольшим количеством валентностей, независимо от его позиции в комплексе (28), что противоречит принципам (i) и (ii), выделенным нами для чукотского (Раздел 4). Более того, аргумент, не относящийся ко второму глаголу, может быть выражен вне комплекса (ср. с обязательной инкорпорацией в таких случаях в чукотском 29).

- (28) «MannerVI», Сериализация, йимас, Новая Гвинея. [Foley 1991]
 Глагол в препозиции сохраняет аргументную структуру.
 marŋki kia-kay-nanaŋ-**kamat**-kula-ntut
 стебель.листа.VI.PL VI.PL.O-I.PL.A-DUR-**искать**-ходить-RM.PAST
 ‘Мы гуляли, собирая стебли листов.’

- (31) Пининь кун-уок, семья гунуиньгу, инкорпорация в глагол движения. [Evans 2003]

ga-ganj-ngu-nihmi-re
3.S-мясо-есть-IVF-идти.NP
'Он идет, поедая мясо.'

Можно предположить, что именно глаголы в препозиции являются V_{inc} , так как при включении в комплекс они должны быть оформлены особыми суффиксами, отгlossированными выше как IVF [10]. Тем не менее это лишь косвенно указывает на их зависимый характер.

Как видно из примера (30), на комплексе индексируются участники глагола *we* 'бросить', так как префикс *gan-* в этом диалекте обозначает именно сочетание 2 лица Агенса и 1 лица Пациенса [10], а первое лицо является агенсом V_{inc} *golu* 'идти вниз', но пациенсом V_{main} . В примере (31) переходный глагол *ngu* 'есть' инкорпорируется в непереходный глагол с уже инкорпорированным пациенсом, а весь комплекс оформлен непереходно. Комплекс устроен аналогичным образом с чукотскими конструкциями (Раздел 2, пример (10), повторенный (29) в Разделе 6). В грамматике [10] не встретилось примеров, где на комплексе маркировались бы именно участники инкорпорированного глагола, или где на комплексе маркировались бы участники глагола в препозиции. Кроме того, как кажется, в конструкциях (31) и (32) прямой объект V_{inc} обязательно инкорпорируется.

- (32) Пининь кун-уок, семья гунуиньгу, инкорпорация семантически переходного глагола. [Evans 2003]

ga-bo-ngu-nihmi-re
3.S-жидкость-есть-IVF-идти.NP
'Он идет и пьет.'

Учитывая все эти факты, глагольно-глагольные комплексы в языке пининь кун-уок устроены иерархически и вполне соответствуют обобщениям (i), (ii) из Раздела 4.

Помимо этого, в языке наблюдаются примеры конструкций *core serialization*, в которые может вступать ограниченный класс глаголов, в том числе и уже рассмотренный нами на примере инкорпорации глагол *re* (33).

- (33) Пининь кун-уок, семья гунуиньгу, *core serialization*. [Evans 2003]

yiben-bolka-n yi-re!
2.A/3PL.O-следовать.за.запахом-NP 2.S-идти.NP
'Ты (всегда) прожигиваешься, нюхая их (жен или подружек).'

Важно отметить, что в сериальной конструкции мы наблюдаем не только фонетическую и морфологическую автономность глаголов, но и то, что оба из них обладают собственной аргументной структурой. Например, глагол *bolka*

‘следовать за запахом’ (33) индексирует свое прямое дополнение, (ср. (32) и (33), где прямой объект V_{inc} инкорпорирован).

7.2. Аламблак

В грамматике [6] глагольно-глагольные комплексы в языке аламблак обозначены как глагольная сериализация. Одна и та же конструкция в языке может выражать разные значения, такие как последовательность действий (аналог ActionVI) и характер действия (аналог MannerVI) (34).

- (34) Аламблак, сепикские языки, MannerVI/ActionVI. [Bruce 1979]
 dbēhna-noh-mē-r
 болеть-умирать-R.PST-3SG.M
 ‘Он был смертельно болен.’ / ‘Он болел и умер.’

Однако при расположении корней, когда интерпретация временной последовательности невозможна, комплекс выражает только значение образа действия (35), независимо от положения основ друг относительно друга.

- (35) Аламблак, Сепикские языки, MannerVI. [Bruce 1979]
 noh-dbēhna-mē-r
 умирать-болеть-R.PST-3SG.M
 ‘Он был смертельно болен.’ / * ‘Он умер и заболел.’

Стоит отметить, что эти примеры уже не попадают под обобщение (ii) для чукотского, так как, вероятно, основы в глагольно-глагольном комплексе в аламблак располагаются не в фиксированном порядке, а согласно принципу временной иконичности (в то время как имя при инкорпорации в глагол в этом языке примыкает к глагольной основе только в препозиции [6]).

Кроме того, аламблак проявляет «равноправие» глаголов и при маркировании аргументов сериальной конструкции. По примеру (36) мы видим, что глагол в препозиции маркирует своего участника (пациенса) и общее подлежащее на глагольной словоформе. При этом пример с тем же самым глаголом в другой позиции (37) позволяет нам установить, что на комплексе маркируются, как и в языке йимас, участники глагола с наибольшим количеством валентностей⁹, а не какого-то определенного глагола в определенной позиции, как было бы в случае с V_{main} .

- (36) Аламблак, Сепикские языки, ActionVI, положение основ определяется временной последовательностью, выражены аргументы переходного глагола в препозиции. [Bruce 1979]

⁹Перевод в [6] позволяет в данном случае установить, что глагол *tandhi* ‘готовить еду’ является здесь семантически непереходным, и суффикс прямого объекта выражает именно участника глагола *ak* ‘брать’.

wa-rim-ak-ni-n-m

IMPER-ELEV-брать-пойти-2SG-3PL

‘Возьми их и уходи от меня.’

- (37) Аламблак, Сепикские языки, ActionVI, выражены аргументы переходного глагола в «срединной» позиции. [Bruce 1979]

tandhi-ak-ni-dfrën-më-t-m

готовить-брать-пойти-взволнованно-R.PST-3SG.F-3PL

‘Она готовила, взяла их и взволнованно пошла.’

Примечательно, что, согласно [6], в этом языке можно найти и конструкции, аналогичные чукотским комплексам, в которых один из глаголов ведет себя как V_{inc} , утрачивая свою аргументную структуру, так как его единственный актант не индексируется на глаголе (38).

- (38) Аламблак, Сепикские языки, аргумент *finah* ‘прибывать’ не индексируется на глаголе. [Bruce 1979]

këfra-e fëhr tu-finah-më-an-ar

копье-INSTR свинья бросить-прибыть-R.PST-1S-3S.M

‘Я попал в свинью копьем.’

Стоит обратить внимание на то, что в этом случае конструкция «глагольной инкорпорации» обладает меньшей семантической композициональностью, чем конструкции с сериализацией.

8. Дакота. Обе стратегии?

В Разделах 6 и 7 мы убедились, что противопоставление иерархического («глагольная инкорпорация») и равноправного («сериализация») отношения между глагольными основами в словоформе действительно выделяется в языках мира. Тем не менее остается неясным, стоит ли считать индексацию глагольных аргументов параметром для сравнения языков с инкорпорацией и сериальными конструкциями, или же выражение аргументов только одного из глаголов — просто еще одна стратегия маркирования, которая присутствует в некоторых языках, но не противопоставлена тому, что мы привыкли понимать под сериализацией. Однако этот вопрос может решить обнаружение языка с обеими стратегиями, где есть как достаточно продуктивные комплексы, на которых индексируются аргументы обоих инкорпорированных основ, так и комплексы, в которых выражаются только аргументы одной основы. Таким языком является дакота.

Язык дакота — один из языков сиу, на котором говорят индейцы в Северной Америке (США, штат Дакота). Как и рассмотренные до этого языки, дакота считается полисинтетическим, при этом использует активно-стативную стратегию кодирования актантов, в нем присутствует инкорпорация как имени, так

и глагола в глагол [5]. Одной из особенностей языка является то, что и активный, и пассивный участник третьего лица единственного числа маркируются нулевым префиксом (лично-числовые комбинации других лиц маркируются разнообразными префиксами), а значит, действительный локус маркирования зачастую бывает сложно установить¹⁰.

Наиболее продуктивно в глагольно-глагольных комплексах в языке дакота участвуют глаголы перемещения. Рассмотрим некоторые из них, представленные в грамматике [5], (39).

(39) Дакота, языки сиу¹¹.

- a. (*wa)-kte-wa'-hi
(*1SG.ACT)-убивать-1SG.ACT-приходить
'Я пришел, чтобы убить его.'
- b. ('a)-hi'-wa-kte
(LOC)-приходить-1SG.ACT-убивать
'Я пришел и убил его.'
- c. (wa)-k'i'-m-ũka
(1SG.ACT)-вернуться.на.свое.место-1SG.STAT-лечь
'Я вернулся на свое место и лег.'

Из примеров видно, в языке дакота на разных глагольных комплексах может выражаться как активный участник только одного глагола (39a), что определяется по положению лично-числового префикса, так и (факультативно) участники обоих глаголов, что видно по префиксам в (39c), так как один и тот же участник маркируется при основе активного глагола префиксом -wa, а при основе стативного глагола — префиксом -m(a). Аналогично этому «инкорпорированный» глагол перемещения может присоединять локативный префикс (39b), который, с точки зрения [5], также является индексом аргумента.

Тем не менее подобное распределение не является случайным. Как отмечает [5], большинство глагольно-глагольных комплексов действительно устроены как (39a), где префикс примыкает только к глаголу V_{main} , стоящему в постпозиции, и индексирует только аргументы этого «главного» глагола. Однако в некоторых конструкциях возможно выражение и актантов обоих глаголов, как в (39c). Большинство из таких конструкций — комплексы, состоящие из глагола перемещения в препозиции, означающих «совершить перемещение и сделать что-то» [5]. Как нам кажется, разница между конструкцией «движения с целью» (39a) и конструкцией, где целевой компонент отсутствует (39c) —

¹⁰Исходя из этого мы при глоссировании не будем отображать актантов третьего лица единственного числа.

¹¹В грамматике [5] используется отличная от МФА форма транскрипции, и здесь мы приводим примеры из языка дакота именно в этой транскрипции. Так как в грамматике языковой материал не оглоссирован, разделение на морфемы и обозначения — наши, сделанные согласно данным грамматики.

не только семантическая. В комплексе, где нет такой тесной связи между событиями (39с), мы наблюдаем расположение основ глаголов в соответствии с принципом временной иконичности, характерным для сериальных конструкций (см. Раздел 5.2). При этом в конструкции (39а) мы такого не наблюдаем, равно как и в конструкции (40), где между двумя глаголами есть связь каузации.

(40) Дакота, языки сиу, на комплексе выражаются участники V_{main} .

[Boas, Deloria 1941]

yus-c'i'-ši

снимать.шкуру-1SG.ACT/2.STAT-приказать

‘Я сказал тебе снять шкуру.’

Таким образом, конструкции с «последовательностью действий» в языке дакота отличаются от конструкций со «связанными действиями» как принципами, «регулирующими» порядок расположения основ, так и отсутствием иерархических отношений между этими основами и их (основ) равноправием. Это сближает примеры (39b) и (39с) с сериализацией, которая наблюдается в языках йимас (Раздел 6) и аламблак (Раздел 7.2), а примеры (39а) и (40) — с «инкорпорацией глагола», которая представлена в чукотском (Раздел 4) и языке пининь кун-уок (Раздел 7.1).

Если такое описание на материале [5] верно, то в языке дакота сериализация глагольных основ и «глагольная инкорпорация», похоже, распределены семантически.

Выводы

В Разделах 1–4 мы рассмотрели полученные в ходе полевой работы данные о глагольно-глагольных комплексах в чукотском. Как оказалось, некоторые из них образуются чрезвычайно продуктивно (MannerVI, Раздел 2), другие — с определенными лексическими ограничениями (PurpVI и SourceVI, Раздел 3), а комплексы с некоторыми глаголами оказываются достаточно непродуктивными (StimulVI, Раздел 3). Кроме того, глагольные основы в комплексах, как мы выяснили, не являются «равноправными» (Раздел 4), так как можно выделить инкорпорируемую (V_{inc}) и инкорпорирующую (V_{main}) основы. При этом глагольный комплекс индексирует только аргументы V_{main} , а V_{inc} , похоже, утрачивает свою аргументную структуру (в случае с переходными глаголами, это проявляется в инкорпорации их прямого объекта). В дальнейшем представляется интересным описать поведение глагольно-глагольных комплексов с точки зрения взаимодействия с аспектуальными модификаторами, такими, как наречные выражения (которые сами по себе в чукотском языке изучены слабо).

Подобные обобщения стали основанием для сравнения чукотских глагольно-глагольных комплексов с глагольной сериализацией, для которой, как

мы увидели из определения [12] и описания [9], характерно отсутствие подчинительной связи между элементами конструкции и зависимость глаголов в конструкции от семантических, а не иерархических факторов (Раздел 5). В Разделах 6 и 7 мы рассмотрели полисинтетические языки с конструкциями, внешне наиболее похожими на чукотские. Однако, как мы выяснили, конструкции в этих языках существенно различаются между собой. Конструкции языка йимас (Раздел 6) и аламблак (Раздел 7.2) демонстрируют равноправие глаголов в конструкции, в то время как язык пининь кун-уок (Раздел 7.1) имеет, как и чукотский, иерархические отношения внутри глагольно-глагольных комплексов. Наиболее интересной представляются глагольные конструкции в языке дакота (Раздел 8), где два типа глагольно-глагольных комплексов («сериализация» и «глагольная инкорпорация») выражают разные значения.

Значит ли это, что существует отдельное от сериализации явление «глагольной инкорпорации»? Пожалуй, решение этого вопроса не является первоочередным. Мы показали возможные отличия между разными типами комплексов, состоящих из основ глаголов. Однако это не значит, что конструкции чукотского языка и пининь кун-уока следует рассматривать совершенно отдельно от конструкций языка йимас. Между конструкциями в рассмотренных языках много сходств в других аспектах. Например, во всех языках наиболее продуктивно в комплексах участвуют именно глаголы движения.

Нам представляется, что подобное отличие конструкций йимаса и алмаблака от чукотского и пининь кун-уока — свойство самой глагольной сериализации как нестабильной лингвистической единицы, являющейся некоторой **лиминальной категорией** при движении конструкции от двух отдельных клауз к одной [15]. Это отражает и то, что в языке с «сериализацией» (аламблаке) мы обнаружили и «глагольную инкорпорацию» (Раздел 7.2), а в языке с «инкорпорацией» (пининь кун-уок) — пример сериализации (Раздел 7.1). Присутствие обоих типов комплексов в языке дакота может служить своего рода подтверждением возможной диахронической связи обоих конструкций. В этом смысле куда более продуктивным может быть не разделение «глагольной сериализации» и «глагольной инкорпорации», а изучение их с точки зрения одного из возможных путей эволюции «обычной» сериальной конструкции или же «обычной» инкорпорации в языке. Однако материала данной работы недостаточно, чтобы ответить на подобные вопросы, так как в языке алмаблак «глагольная инкорпорация» менее продуктивна и выражает более лексикализованные значения (Раздел 7.2), а в языке пининь кун-уок — наоборот (Раздел 7.1).

Список условных сокращений

Чукотский, паамский, йоруба, белый хмонг, калам

1,2,3 – показатели лица участников ситуации; А – активный участник переходной конструкции; ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ALL – аллатив; CLF –

классификатор; DES – дезидератив; FUT – будущее время; GO – лексический аффикс со значением ‘пойти’; GO.DO – лексический аффикс со значением ‘пойти и начать делать что-то’; INS – инструменталис; INTJ – восклицательная частица; INTS – интенсификатор; IPFV – имперфектив; LOC – локатив; O – прямой объект; OBJ – прямой объект; PL – множественное число; REAL – реалис; RES – результатив; REST – рестриктив; S – единственный актант непереходного глагола; SA – агентивный участник непереходной конструкции; SG – единственное число; SIDE – суффикс со значением ‘край предмета’; SIM – показатель одновременности; STAT – статив; SUBJ – субъюнктив; TH – тематический показатель на глаголе.

Йимас

1, 2, 3 – показатели лица аргументов глагола; I, II, III, IV, V, VI, VII – именные классы; A – агенс переходного глагола; DEF – дефинитив; DUR – дуратив; O – прямой объект переходного глагола; PL – множественное число; PRES – настоящее время; RM.PAST – давнопрошедшее время; SG – единственное число.

Пининь кун-уок

1, 2, 3 – показатели лица аргументов глагола; A – агенс переходного глагола; IMP – императив; IVF – суффиксы, присоединяемые к глаголу при его инкорпорации; NP – непрошедшее время; O – прямой объект переходного глагола; S – единственный аргумент непереходного глагола.

Аламблак

1, 2, 3 – лица аргументов глагола; ELEV – элеватив; F – женский род; IMPER – императив; INS – индексация участника с ролью инструмента; M – мужской род; PL – множественное число; R.PST – давнопрошедшее время; SG – единственное число.

Дакота

1, 2 – показатели лица аргументов глагола; ACT – активный участник ситуации; LOC – показатель локативного участника; SG – единственное число; STAT – стативный участник ситуации.

Библиография

1. Скорик П. Я. Очерк по синтаксису чукотского языка: инкорпорация. Л.: Учпедгиз, 1948.
2. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. М.: Издательство Академии Наук, 1961. Т. 1.
3. Aikhenvald A. Y. Serial verb constructions in typological perspective. Serial verb constructions: a crosslinguistic typology. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 1–68.
4. Bamgbose A. On serial verbs and verbal status. Journal of West African Languages, 1974. No 9.1. Pp. 17–48.

5. Boas F., Deloria E. Dakota grammar. Memoirs of the National Academy of Sciences, 1941. Vol. 23. No 2. Pp. 1–183.
6. Bruce L. P. A Grammar of Alamlak (Papua New Guinea). PhD Thesis. Canberra: ANU, 1979.
7. Crowley T. Serial verbs in Paamese. Studies in Language, 1987. No 11.1. Pp. 35–84.
8. Dunn M. J. A Grammar of Chukchi. PhD Thesis. Canberra: ANU, 1999.
9. Durie M. Grammatical structures in verb serialization. Complex Predicates. Alsina A., Bresnan J., Sells P. (eds.). Stanford: CSLI, 1997. Pp. 289–349.
10. Evans N. Bininj Gun-wok: a pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune. Canberra: ANU, 2003. Vol. 1–2.
11. Foley W. A. The yimas language of New Guinea. Stanford: Stanford University Press, 1991.
12. Haspelmath M. The serial verb construction: comparative concept and cross-linguistic generalizations. Language and Linguistics, 2015. No 17 (3). Pp. 291–319.
13. Jarkey N. Serial verbs in White Hmong: a functional approach. Doctoral Dissertation. Sydney: University of Sydney, 1991.
14. Kozinsky I. S., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object. Passive and voice. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: J. Benjamins, 1988. Pp. 651–706.
15. Lander Yu., Tyshkevich N. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015», 2015. Вып. 2. Pp. 186–200.
16. Mattissen J. A structural typology of polysynthesis. <i>WORD</i>, 2004. Vol. 55. No 2. Pp. 189–216.
17. Mithun M. The evolution of noun incorporation. Language. 1984. No 60 (4). Pp. 847–894.
18. Pawley A. A language which defies description by ordinary means. The Role of Theory in Language Description. Foley W. A. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. Pp. 87–129.
19. Polinskaja M., Nedjalkov V. P. Contrasting the absolutive in Chukchee. Lingua, 1987. No 71. Pp. 239–269.
20. Polinsky M. Subject incorporation: evidence from Chukchee. Grammatical relations: A cross-theoretical perspective. Dziwirek K., Farrell P., Mejias-Bikandi E. (eds.). Stanford: Stanford Linguistics Association, CSLI, 1990. Pp. 349–364.
21. Spencer A. Incorporation in Chukchi. Language, 1995. No 71 (3). Pp. 439–489.
22. Talmy L. Toward a cognitive semantics: Vol. II: Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Ю.Е. Галямина

МГУ им. М.В. Ломоносова / НИУ ВШЭ, Москва

РЕДУКЦИЯ СЛОЖНОСТИ В КЕТСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ¹

1. Введение

1.1. Цели исследования

Кетский язык относится к Енисейской языковой семье. На сегодняшний момент это единственный живой енисейский язык, на котором говорят несколько десятков человек. Степень владения языком напрямую коррелирует с возрастом и во многом зависит от места проживания носителя. Наибольшая концентрация носителей наблюдается в поселке Келлог Туруханского района Красноярского края. Однако и там социолингвистическая ситуация связана с языковым сдвигом: самому младшему носителю кетского языка, который более-менее свободно владеет языком, около 50 лет. Более младшие носители могут продемонстрировать лишь частичное владение языком. Снижение числа носителей коррелирует с сужением сфер и частотой использования языка, что, в свою очередь, приводит к лексическим и грамматическим сдвигам.

В настоящей статье мы покажем, каким образом глагольная морфология кетского языка приспосабливается к новой языковой ситуации и как динамика изменений зависит от возраста и уровня владения языком того или иного носителя. В результате анализа мы продемонстрируем корреляцию между социолингвистическими и грамматическими процессами в языке, связанными со снижением языковой сложности в условиях языкового сдвига. На примере кетской глагольной системы мы покажем, что языковой сдвиг является не односторонним процессом и что язык проявляет устойчивость, в частности, упрощая свою грамматическую структуру и приспосабливаясь к социолингвистическим условиям [2: 125].

Мы проанализируем глагольные парадигмы, которые порождают носители разных возрастов, а также данные словаря [СЛОВАРЬ]. Глагольные формы были записаны в ходе экспедиций в поселки Келлог и Туруханск Туруханского района Красноярского края. Исследование базируется на южном диалекте кетского языка.

Стоит отметить, что интерес к системным грамматическим изменениям в языках в связи с социолингвистическими процессами уже много лет исследуется на материале самых разных языков. Например, [13; 14; 20; 17; 22]. Данные,

¹Работа выполнена в рамках проекта «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РФФИ № 14-06-00449.

полученные от носителей, не обладающих полной языковой компетенцией, прочно вошли в лингвистический оборот и стали основой для нового понимания процессов системного эволюционирования языковых систем. В последние годы эти процессы изучаются в контексте изучения языковой сложности [12: 475;21].

1.2. Экскурс в традиционную глагольную грамматику

Кетский язык традиционно считается языком с очень сложной и с трудом описываемой глагольной морфологией. Такое мнение базируется на нескольких факторах. Во-первых, кетский язык многие исследователи относят к полисинтетическим языкам (с инкорпорацией и полиперсональным маркированием актантов в глаголе) [6; 3; 5]. Во-вторых, выбор модели формирования для того или иного глагольного комплекса ничем на сегодняшний момент не мотивирован.

Классические грамматики кетского языка выделяют от 5 до 7 различных морфологических глагольных моделей [8; 23; 10]. При этом в глаголе выстраиваются довольно длинные аффиксальные цепочки. Однако легкие глаголы и большинство превербов, которые вместе с семантически полными инкорпорируемыми элементами образуют глагольную основу, десемантизированы, итоговое глагольное значение носит некомпозиционный характер. Практически ничем не мотивирован набор поверхностных актантов и выбор той или иной парадигмы спряжения, строй языка не определен.

В настоящей статье при описании глагольной словоформы кетского языка используется порядковая модель описания глагола, которая строится на основе описаний, предложенных [8; 23]. Каждая выделенная в модели позиция заполняется грамматическим/словообразовательным маркером или лексической основой. Существует два порядка, которые могут быть заполнены полнозначными лексическими основами: так называемое ядро (база — по [23]) и модификатор (инкорпорируемое). Наличие в глаголе ядра обязательно, в то время как модификатор встречается не во всех глаголах. В обоих слотах появляются такие лексические основы, которые не встречаются в самостоятельном употреблении, и об их значении «мы можем только догадываться» [8]. При этом, если ядро может содержать в себе только глагольные корни (пусть и с максимально обобщенным значением, вплоть до идеи семельфактивности, итеративности или переходности), то в позиции модификатора находятся основы любой частеречной принадлежности (например, неопределенные местоимения).

Общая формула глагольной словоформы кетского языка изъявительного наклонения:

8	7	6	5	4	3	2	1	0	-1
S1	MOD	S3/O3	DET	T	S2/O2	PRS/PST	S2/O2	✓	S1

Таблица 1.

Выделяется три серии актантных позиций. При этом в двух из них может маркироваться как субъект, так и объект, а одной — только субъект. Стоит отметить, что в порядковой модели эти позиции располагаются в разных слотах. В позиции 8 указывается только лицо и класс субъекта, а число (кроме некоторых исключений) — в позиции 1. Слоты 6, 3, 1 — занимают показатели субъекта или объекта (в позиции 3 при этом располагаются показатели 3 лица, а в позиции 1 — первого и второго). И, как уже отмечалось выше, выбор той или иной модели расположения актантов для каждого глагольного значения задается словарно.

Минимально обязательным набором заполненных позиций в глаголе является ядро — корень [4] — слот 0, маркер времени — слот 2 и один из актантных показателей.

1.3. Языковой сдвиг

Начиная с 50-х годов XX века, в кетском языковом сообществе начинаются процессы, которые в конечном счете приводят к сокращению числа говорящих на кетском языке и прекращению передачи речевых навыков из поколения в поколение [7; 1; 10; 4]. Кроме того, значительно сокращается сфера функционирования языка. Попытки обучать языку не говорящих с детства детей в школе натывается не только на социолингвистические, педагогические и методологические препятствия, но и связано с тем, что «язык очень сложный» (именно так объясняли неуспешность изучения языка как неговорящие, так и говорящие на языке кеты)².

2. Процессы систематизации глагольного спряжения

Описание процесса «упрощения» глагольной морфологии опирается на записи словарей, сделанные в ходе нескольких экспедиций, от носителей разных возрастов. В ходе исследования стала очевидна тенденция по «упрощению» системы кетского глагола: ее выравнивание, деидиоматизация, фиксация языкового строя.

Такой процесс задействует несколько механизмов. Во-первых, это паттерн, который этимологически восходит к инкорпорации. За последние 50–60 лет инкорпорация из живого механизма, сфера действия которого распространяется более чем на один глагол, превратилась в застывшую непродуктивную модель, по которой образуются словарно закрепленные лексемы с идиоматическим значением. Продуктивная инкорпорация сохранилась только для одного глагола.

Нужное значимое слово инкорпорируется в глагол с корнем *bed* ‘делать’ в позицию прототипического прямого объекта.

²Из устных бесед автора с информантами в ходе экспедиции 2015 года.

- (1) (d)-nan- \emptyset -bed- \emptyset
 (S1.3M)-хлеб-PRS-делать-S1.SG
 'Он хлеб делает.'

При этом в позицию модификатора может попасть слово любой части речной принадлежности, включая, например, неопределенные и вопросительные местоимения. Как показано в [5], продуктивность и лексикализованность процесса включения того или иного слова в глагольный комплекс с ядерным глагольным корнем не зависит от того, к какой части речи принадлежит инкорпорируемый элемент.

Итоговый глагольный комплекс, образованный путем инкорпорации, имеет одну модель спряжения с двумя разновидностями: для транзитивного³ и интранзитивного употребления. При этом также не используются уже десемантизированные детерминативы.

Глагол *bed* выбирается носителями вместо модели с полнозначным глаголом, в которой он сомневается (не помнит, как он спрягается, не знает, какой легкий глагол или какой детерминатив употребить).

- (2) a. d-ulsuj-o-l-bed- \emptyset
 (S1.3M)-переходить вброд-T.PST-PST-делать-S1.SG
 'Он перешел вброд.' (А.М.Котусов, пос. Келлог, 1955 г.р.)
 вместо словарного
 b. d-d-o-n-suk- \emptyset
 (S1.3M)-DET-T.PST-PST-переходить вброд-S1.SG
 'Он перешел вброд'
- (3) a. ses d-sennej- \emptyset -bed- \emptyset
 река (S1.3M)-течение-PRS-делать-S1.SG
 'Река течет.' (А.М.Котусов, пос. Келлог, 1955 г.р.)
 вместо словарного
 b. ses d-qì'n-d-a-qan- \emptyset
 река (S1.3M)-течь-PRS-LV-S1.SG
 'Река течет.'

Еще один интересный процесс упрощения парадигмы демонстрируется в речи информанта, навыки владения языком у которого хуже, чем полноценного носителя:

Спрягаемая форма глагола воспринимается как неразложимая и используется в конструкции с *bed*.

словарное:

- (4) a. d-t-b- \emptyset -ij- \emptyset
 (S1.3M)-DET-S2.3TH-PRS-LV-S1.SG

³У носителей, которые в недостаточной степени владеют языком, показатели объекта в транзитивном глаголе могут не маркироваться.

заменяется на

b. d-tibij-Ø-bed-Ø

(S1.3M)-спрашивать-PRS-делать-S1.SG

‘Он спрашивает.’

Второй механизм упрощения глагольной системы — использование вместо разветвленной системы глаголов движения конструкции «наречие+глагол «идти»».

словарное:

(5) a. d-et-a-Ø-daq-Ø

(S1.1)-вверх по реке-T.PRS- PRS-LV-S1.SG

b. d-eta-t-s-aq-Ø

(S1.1)-вверх по реке-DET - PRS-LV-S1.SG

‘Я иду вверх по реке.’ (словарь):

заменяется на

c. eta bo-k-a-tn

вверх.по.реке S3.1SG-DET-PRS-идти

Иногда модель, которая изначально строилась на основе глагола *bed* плюс детерминатив, заменяется на ту же модель без детерминатива:

словарное:

(6) a. d-aldo-k-o-l-bed-Ø

(S1.1)-суп есть-DET-T.PST- PST -делать-S1.SG

заменяется на

b. d-aldo-o-l-bed-Ø

(S1.1)-суп есть-T.PST- PST -делать-S1.SG

‘Я суп ел.’

При этом слова, которые находятся в активном словарном запасе носителя, не подвергаются реновации. Таким образом, складывается впечатление, которое еще необходимо проверить на большем количестве полуязычных носителей, что процессы упрощения глагольной системы более активны для кетов, которые хуже владеют своим языком.

В результате в идиолекте носителя сокращается разнообразие глагольных паттернов, нивелируется необходимость немотивированного выбора одного из них для выражения того или иного глагольного значения. Выстраиваемая новая глагольная система более прозрачна, так как состоит из менее идиоматичных глагольных комплексов, которые строятся на основе семантически мотивированных и логически анализируемых компонентов. Она фиксирует аккузативный строй языка (свойственный модели с *bed*), в то время как классическая система кетского глагола не позволяла отнести его к тому или иному строю, так как фиксировала разное соотношение маркирования ядерных актантов в глаголе.

Надо заметить, что представленный механизм является еще и механизмом ассимиляции, безболезненного для языка включения русских слов в кетский язык, который испытывает колоссальное давление со стороны доминирующего языка.

Мы проанализировали словарные записи, которые были сделаны с носителями разных поколений, глаголов, имеющих изначально различные порядковые модели.

3. Редукция языковой сложности как типологический процесс

Немодифицированная система кетского глагола несомненно обладала повышенной системной сложностью по сравнению с выстраиваемой на наших глазах новой глагольной системой, основанной на пропагации имеющейся в языке модели [9]. Сегодня же система предписаний, которая определяет, как выражать в языке глагольные значения, в связи с языковым сдвигом становится менее объемной (то есть более простой), то есть языковая сложность редуцируется [12].

При этом изменение системы не сильно снижает фонетический вес и структурную сложность, так, ни длительность звучания, ни длина истории дериваций сильно не меняются. Это связано с тем, что при всей своей структурной сложности традиционная модель кетского глагола в какой-то мере сохраняла структурную и фонетическую комбинаторность, которую можно было восстановить путем не только научного, но и наивнолингвистического анализа носителей. Впрочем, в устной речи наблюдались многочисленные явления фузии и стяжения, что явно свидетельствовало о запуске транзита от элементарно-комбинаторной модели к словесно-парадигматической [15; 19], что в целом соответствует процессам «созревания», описанным в [12].

Однако инновационные процессы, вызванные внешними социолингвистическими обстоятельствами, имеют тенденцию прерывания процесса естественного созревания языковой системы. Через внедрение новых моделей она возвращается на прежнюю ступень через пропагацию сохранившейся продуктивной комбинаторной модели.

4. Редукция языковой сложности как проявление языковой устойчивости

В связи с тем, что язык не используется так часто, как прежде, те элементы языка, которые требовали большой нагрузки на память, так как были некомпозиционными и ничем не мотивированными. В период активного использования языка они через закрепление и ритуализацию фиксировались как языковые средства выражения, чья излишняя сложность не мешала их освоению. Однако со временем они стали вытесняться глагольными комплексами с более прозрачной внутренней формой: их не надо запоминать путем многократного повторения (условий для которого не стало), а можно легко восстановить путем конструирования или даже «придумывания» новых слов.

Надо отметить, что к такому языковому творчеству носители исчезающего и не кодифицированного кетского языка относятся с легкостью. Языковое сообщество, говорящее на одном диалекте кетского языка, не смущает то, что разные носители прибегают к разным языковым ресурсам [18: 98]. Идентичность двух идиолектов как представителей одной языковой системы не подвергается сомнению, несмотря на то, что количество говорящих на языке настолько мало, что «вес» каждого идиолекта в итоговом идиоме весьма велик.

Субоптимальное усвоение языка, которое чаще появляется в социолингвистически неблагополучных сообществах влияет на его структуру. А в условиях, когда носителей «эталонного» языка с каждым годом становится все меньше, язык, претерпевший системные изменения при передаче более младшему поколению, становится новым эталоном, несмотря на то, что он во многом не похож на язык бабушек и дедушек.

Таким образом, модель с глаголом *bed* позволяет кетскому языку сохранить свою идентичность и устойчивость как знаковой системы, адаптировав его к существующей социолингвистической ситуации: малого количества коммуникативных ситуаций, в которые попадает носитель кетского, и серьезное конструирующее воздействие русского языка. [2].

Несмотря на то, что кетский язык несомненно исчезает (о доказательности такого утверждения мы говорили выше), он одновременно трансформируется, приспосабливается к нуждам сохранившегося языкового сообщества, то есть активно сопротивляется умиранию.

Список условных сокращений

1 – первое лицо; 3 – третье лицо; BEN – бенефактив; DATLOC – датив-локатив; DET – детерминатив; EP – эпентеза; F – женский класс; GEN – генитив; HES – хезитация; INST – инструменталис; LV – легкий глагол; M – мужской класс; MOD – модификатор; NEG – отрицание; NM – немужской класс; O2 – объект второй серии; O3 – объект третьей серии; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; RFL – рефлексив; S1 – субъект первой серии; S2 – субъект второй серии; S3 – субъект третьей серии; SG – единственное число; T – тематический показатель; TH – вещный класс.

Библиография

1. Вахтин Н. В. Языки народов Севера в XX веке. СПб, 2001.
2. Вахтин Н.В. Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб, 2004.
3. Галямина Ю.Е. Возможны ли падежи в языке с вершинным маркированием// Исследования по типологии и грамматике. СПб, 2008. С. 51–54.
4. Галямина Ю.Е. Влияние процессов языкового сдвига на речевое поведение

- билингвов: исторический анализ на материале кетских текстов // Русско-язычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Международной научно-методической конференции. 21-22 апреля 2011 г. — Пятигорск, 2011. С. 25–31.
5. Галямина Ю.Е.. Инкорпорация в современном кетском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 11, № 3, 2015. С. 134–153.
 6. Которова Е. Г., Нефедов А.В. Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное маркирование?// *Вопросы языкознания*, №5, 2006.
 7. Кривоногов В.П., Кеты на пороге 3 тысячелетия. Красноярск, 1998.
 8. Решетников К.Ю., Г. С. Старостин. Структура кетской глагольной словоформы // *Кетский сборник: лингвистика*. М., 1995. С. 7–21.
 9. Croft W. Explaining language change: an evolutionary approach. Harlow, 2000.
 10. Georg S. The gradual disappearance of a eurasian language family. The case of yenisayan // *Language death and language maintenance*/ed. by Janse M. Amsterdam/Philadelphia, 2003.
 11. Georg S. A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Folkestone, 2006.
 12. Dahl O. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
 13. Dorian N. Grammatical change in a dying dialect // *Language* 49, 1973. Pp. 413–438.
 14. Dorian N. The fate of morphological complexity in language death: Evidence from ESG/ *Language* 54, 1978. Pp. 590–609
 15. Hockett Ch. Two models of grammatical description // *Word* 10, 1958. P 210–231.
 16. Karlsson F., Miestamo M. and Sinnemaki K. (eds). *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
 17. Labov W. *Principles of linguistic change. Volume 2: Social Factors* Oxford, 2001.
 18. Langacker R. *Grammar and conceptualization*// *Cognitive linguistic research*, 14 Berlin, 1999.
 19. Matthews P. *Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
 20. Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
 21. Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey // *Language Complexity as an Evolving Variable*. Oxford, 2009. Pp. 64–79.
 22. Roesch K. *Language maintenance and language death: the decline of Texas Alsatian* / John Benjamins Publishing, 2012.
 23. Vajda E. *Ket*. Muenchen: Lincom Europa, 2004.

D. Gerasimov

ILS RAS, St. Petersburg

PREDICATIVE POSSESSION IN PARAGUAYAN GUARANÍ: AGAINST THE ZERO COPULA HYPOTHESIS¹

1. Predicative possession

Constructions of predicative possession, i.e. those that predicate ownership of some (indefinite) entity to a participant, are a relatively well-studied phenomenon cross-linguistically [4; 31; 12; 34]. Building upon a comprehensive survey of the world's languages, the corresponding chapter in WALS [35] identifies four major types or strategies of predicative possession encoding, illustrated below with parallel translations of the same Bible verse (Matthew 18: 12)².

Under the Transitive Possessive type (aka HAVE-possessive; employed by 63 languages out of Stassen's sample of 240), the relation of ownership is expressed by a specialized transitive verb, the possessor and the possessee functioning as its subject and object, respectively:

(EARLY NEW) ENGLISH

- (1) [I]f a man **have** an hundred sheep, and one of them be gone astray,...

KUOT

- (2) Non migana la a-**manim** 100 sipsip-up.
one man SF 3SG.MASC-have 100 sheep-PL
'A man has a hundred sheep.'

The other three major types differ in that they encode possession as an intransitive predication. In the Oblique Possessive, the possessed item is construed as the subject of existential predicate, with the possessor rendered as an oblique argument of some kind. Most often (48 languages), such oblique marking has some locational or directional relation as its basic meaning, hence the Locational Possessive subtype:

RUSSIAN

- (3) Esli by **u** kogo by-l-o sto ovec,...
if COND at who.GEN be-PST-NEUT.SG hundred sheep.PL.GEN
i odn-a iz nix zabludi-l-a-s',...
and one-NOM.SG.FEM from they.GEN get.lost-PST-FEM.SG-REFL
'If someone had a hundred sheep, and one of them went astray,...

¹I am grateful to the audience of Typology of Morphosyntactic Parameters 2016, especially to Ekaterina Lyutikova, Valentin Vydrin, and Anton Zimmerling, for helpful discussion. The sole responsibility for any shortcomings is on the author.

²Examples (1–8) are taken from Bible translations hosted at www.bible.is and www.bibleonline.ru. I owe Bamana glosses (and corrected tones) in (4) to Valentin Vydrin (p.c.); glosses in other examples are mine based on available grammatical descriptions of respective languages; they should thus probably be taken with certain care.

BAMANA

- (4) Ní sàga kèmɛ bɛ mɔ̀gɔ-` dɔ fɛ,
 if sheep hundred COP human-ART one with
 ní òlú lá kɛlɛn túnun-na,..
 if they to one get.lost-PFV.INTR
 ‘If a man have an hundred sheep, and one of them be gone astray,..’

In another important subtype, that of Genitive Possessive (22 languages), the possessor NP receives marking characteristic of adnominal modifiers and may be construed as such:

HUALLAGA QUECHUA

- (5) Juc runa-**pa** pachac uysha-n-cuna ca-pti-n,
 one man-GEN hundred sheep-3-PL be-ADV.DS-3
 juc uysha panta-ca-r ogra-că-cu-pte-n-ga,..
 one sheep astray-pass-ADV.SS lose-CAUS-REFL-ADV.DS-3-TOP
 ‘If a man have an hundred sheep, and one of them be gone astray,..’

The Topic Possessive (48 languages) is similar to the Oblique Possessive in that the possessed item is construed as the subject of existential predicate; however, the possessor is treated as the sentence topic, setting the discourse frame which restricts the truth value of the sentence that follows it.

MANDARIN CHINESE

- (6) 一个人若有一百只羊,
Yī-gè rén ruò yǒu yī-bǎi zhǐ yáng,
 one-CL person if exist one-hundred only sheep
 一只走迷了路,..
 yī zhǐ zǒu mí-le lù,..
 one only go get.lost-PFV path
 ‘If a man have an hundred sheep, and one of them be gone astray,..’

[2] have recently argued that the Topic Possessive can not be the only possession encoding strategy in a language (as is often claimed for a number of languages from east and southeast Asia) and that at least some purported instances of the Topic Possessive (including the Mandarin Chinese construction illustrated above) call for a re-analysis; their considerations will be of importance to us later.

The Conjunctional Possessive (aka WITH-possessive; 59 languages in the sample) superficially looks like a mirror reflection of the Oblique Possessive type: it is the possessor that is construed as intransitive subject³, while the possessee NP receives oblique marking usually described as comitative or coordinational:

³[35] speaks of “existential predicate”, but the relation expressed by a copular element in such structures is more accurately characterized as identificational or locational, as the existence of the possessor is presupposed rather than asserted.

SWAHILI⁴

- (7) M-tu a-ki-wa **na** kondoo mia,
 CL1-man 3SG.S-SEQ-be with CL10.sheep hundred
 m-moja a-ka-m-potea, je!
 CL1-one 3SG.S-CONS-CL1.O-lose INTJ
 ‘If a man have an hundred sheep, and one of them be gone astray, so!’

The Conjunctional Possessive type is especially prone to predicativization [34: 137ff], a specific kind of reanalysis under which the possessee phrase becomes treated as the sentence predicate. Cf. the following example from Central Alaskan Yupik, where the possessive predication involves a specialized verbalizing suffix, presumably developed from a nominal comitative marker⁵:

CENTRAL ALASKAN YUPIK

- (8) Yuk qusngiute-**ngqer**-qu-ni yuinar-nek tallima-nek,
 man sheep-AFF-COND-3SG.SUB twenty-ABM.PL five-ABM.PL
 atauciq=llu tamar-luni,..
 one.ABS.SG=and lose-APP.3REFL.SG
 ‘if a man have an hundred sheep, and one of them be gone astray,..’

The numbers cited above attest that neither possession type can be viewed as dominant cross-linguistically. Constructions of predicative possession appear to be diachronically unstable, with different strategies often employed even by closely related languages. Thus, among Quechuan languages, a relatively shallow family noted for its grammatical stability and uniformity [15], [35] assigns Imbabura Quechua to the Transitive Possessive type and Central Cuzco Quechua, to the Genitive type, while Santiago del Estero Quechua, judging by the data in [Myler, to appear], employs what can be described as a peculiar case of Locational strategy. Moreover, it is common for natural languages to rely on more than one strategy; for instance, in addition to the Genitive Possessive attested in example (5), Huallaga Quechua also displays the Transitive Possessive [38: 327–328]. On the other hand, the overall distribution of predicative possession types shows considerable areal effects, as can easily be seen from the map accompanying [35], which suggests that expression of possession is prone to contact influence (cf. also [16]).

⁴I follow the traditional nomenclature of Swahili noun classes, as per [3]. Note that animate nouns of class 9/10 select agreement markers of class 1/2 respectively, hence the somewhat unexpected class agreement in the second line.

⁵Note that in [35] a very similar example from West Greenlandic is used to exemplify the Transitive Possessive type, with the suffix *-qar-* (historically related to the Central Alaskan Yupik *-ngqer-* [8: 419–421]) treated as object-incorporating ‘have’-verb. This analysis, presumably surviving from previous editions of WALS, is, however, at odds with much syntactic and comparative data from Eskimo-Aleut languages, and has thus been explicitly rejected in [34: 167fn].

2. TG-type possessive

In addition to the six major types overviewed in the previous section, [34] identifies a number of less widespread encoding strategies. One intriguing case is presented by Tupí-Guaraní languages, most of which have a distinctive construction of predicative possession, minimally consisting of the possessee noun marked with a pronominal prefix that cross-references the possessor. Thus ‘I have an X’ is homonymous to ‘my X’ (except that some languages obligatorily mark core arguments with “referential”/“argumentative” suffix *-a* [1; 27], which is never found on predicated possesseees). Moreover, all languages in question manifest split intransitivity, i.e. divide intransitive predicates into two major classes (“active” vs. “stative” or “inactive”) that take different sets of subject agreement prefixes. Since possessive prefixes on nominals coincide or, at least, show considerable overlap with agreement prefixes attached by inactive verbs, the possessive constructions in question are also superficially identical to inactive intransitive clauses, compare examples (b) in (9–12) to their (a) counterparts:

TAPIETE

- (9) a. sh-aki
1SG-lazy
‘I am lazy.’ [González 2006: 148]
- b. pandepo shi-membî-ré,
five 1SG-woman’s.offspring-PL
mbahapi tap’îpe-re, monkoi kwimbae-re
three woman-PL two man-PL
‘I have five children, three girls and two boys.’ [Ibid.: 127]

TUPINAMBA

- (10) a. xe-catu
1SG-good
‘I am good.’ [Platzmann 1874: 132; cited in Stassen 2009: 193]
- b. xe-pindâ
1SG-harpoon
‘I have a harpoon.’ [Platzmann 1874: 138; cited in Stassen 2009: 192]

TAPIRAPE

- (11) a. Marâxe’i i-kywer
M. 3-thin
‘Marashei is lean.’ [Praça 2007: 27]
- b. marare-Ø i-memyr
cow-REF 3-woman’s.offspring
‘The cow has a calf.’ [Ibid.: 11]

[34: 192] tentatively labels these constructions the TG-type Possessive. Outside Tupí-Guaraní, they have only been reported in Awetí and Sateré-Mawé [7; 17]⁶, the two Tupí languages that have the closest genetic affinity with the subfamily.

⁶Both [11] and [9] are remarkably (and lamentably) silent on the issue of predicative possession.

SATERÉ-MAWÉ

- (12) a. aware i-wato
dog 3-big
'The dog is big.'

[Meira 2006: 197]

- b. Maria i-pohaḡ
M. 3-medicine
'Maria has medicine.'

[Ibid]

The constructions in question have sparked much debate in Tupí-Guaraní linguistics. Traditionally they have been described as instances of verbalization [14: 524–525; 32; 33], reminiscent of Stassen's "predicativization" scenario. Some researchers, however, suggested treating them as existential clauses containing a covert, or zero, copula verb, cf. [6] for the subfamily in general with special focus on Guaranian languages, [26] for Tupinamba, [28] for Emerillon⁷. An essentially similar analysis is proposed in [22] for Tapirape, a language which lacks an existential copula: while no covert predicative element is postulated, possessive clauses are treated as a subset of existential clauses, both types being headed by nominal lexemes unmarked for case (the same is generally true for Tupinamba [27]). A distinct approach is taken by [37], who treats possessive clauses in Mbyá Guaraní as transitive, effectively postulating a zero 'have'-verb.

An argument in favor of the zero copula analysis is provided by those languages that have possessive clauses with an explicit existential copula. In Zo'é, use of the existential copula is obligatory (hence, no genuine "TG-type Possessive" is attested) (13), while in Emerillon it can optionally be recovered (14):

ZO'É⁸

- (13) a. e-rú
1SG-father
'my father'
b. e-rú (i)tḡá
1SG-father COP
'I have a father.'

[Cabral 2001: 152]

[Ibid]

EMERILLON

- (14) (kob) i-baridza
COP 3-knife
'He has a knife.'

[Rose 2011: 197]

⁷While [28] presents perhaps the most articulated version of the zero copula hypothesis, it is based on a rather limited data. It must be noted that this line of analysis is not pursued further in the comprehensive grammar of Emerillon, published later by the same author [29]. After a very detailed discussion of possessive predications [Ibid.: 193–202], Rose concludes that the question of whether they are existential in nature defies a decisive answer.

⁸Zo'é and Paraguayan Guaraní glosses are slightly simplified, not showing the so-called "relational" marking [24].

A typological parallel repeatedly invoked in discussion of nominal predication in Tupí-Guaraní languages is Russian, where equational and attributive predications by default have covert copula in the Present and overt copula in other tenses (15a–b). According to the hypothesis initially put forward in [28], recoverability of existential copula in Emerillon likewise depends on predicative categories, though in this case it is mood rather than tense: overt copula becomes obligatory in subordinate or irrealis contexts (16).

RUSSIAN

- (15) a. Ona krasiva.
 ‘She is beautiful.’ [Rose 2002: 329]
 b. Ona byla krasiva.
 ‘She was beautiful.’ [Ibid.: 331]

EMERILLON

- (16) kob-a-itʃe e-bote-nam, wil-a-kuwa e-ial o-ho
 COP-REF-IRR 1SG-motor-COND quick-REF-IRR 1SG-canoe 3A-go
 ‘If I had a motor, my canoe would go fast.’ [Rose 2002: 330, 2011: 204]

The parallel provided by Russian is far from perfect, however. While Russian data are not that straightforward (with predications containing an overt copula showing preference for Instrumental marking on predicated nouns and full adjectives, cf. [13; 30: 117–140] and references therein), Tupí-Guaraní languages differ in that they attach “verbal” morphology like tense and aspect to predicated nominals, something that Russian never does. In Emerillon at least, even the presence of an overt copula doesn’t preclude such “mismatched” marking: note that while in (16) irrealis is marked on *kob*, the conditional suffix still attaches to the possessee noun. With respect to recoverability of copula, [29: 198–199] rejects her initial hypothesis, as in her data *kob* is often present when no verbal inflection is involved. Marking of the latter on the copula or on the nominal seems to be in free variation

The Tupí-Guaraní system is discussed at lengths in [34: 192–201], primarily relying on data from eight different languages representing five (out of eight) subgroups within the subfamily. Stassen concludes that the constructions in question result from predicationization of original Topic Possessives, still the primary strategy in other branches of Tupian⁹. This process, facilitated by the similarity between possessive prefixes and non-agentive subject prefixes, as well as by the availability of zero-coded nominal predication, has involved omission of existential/locational copula at some intermediate stage. The author, however, seems to allow that the zero copula account may be adequate to different extents for particular languages in which said reanalysis has not yet gone too far, like Urubú-Kaapor.

While Stassen’s survey is insightful and persuasive, it is necessarily sketchy and glosses over much variation between constructions of predicative possession in Tupí-

⁹[5] is rather explicit in treating subject-like possessors in Tupí-Guaraní languages as sentence topics.

Guaraní languages. More detailed accounts doing justice to intricacies of particular languages, like the one provided for Emerillon in [29], are still desirable. In what follows, I will attempt to demonstrate that the zero copula analysis is not viable for modern Paraguayan Guaraní (making no claims concerning other languages of the subfamily).

3. Predicative possession in Paraguayan Guaraní

Paraguayan Guaraní presents a pretty straightforward case of the “TG-type Possessive”, compare (17) to (9–12):

PARAGUAYAN GUARANÍ

- (17) a. Che che-pochy.
 I 1SG-angry
 ‘I am angry.’ [Nordhoff 2004: 56]
- b. Che che-kyse.
 I 1SG-knife
 ‘I have a knife.’ [Ibid]

In this language, the superficial similarity between constructions of predicative possession and those involving stative verbs is especially strong, because corresponding cross-reference paradigms are completely identical. On the other hand, since Paraguayan Guaraní has lost the “argumentative” suffix, predicated possessed nominals are morphologically identical to those in argument position. Thus, the most obvious formal criteria that speak in favor of either verbal or nominal analysis of possessive predication in other Tupí-Guaraní languages are not available.

If possessive predications in Paraguayan Guaraní indeed contain a covert copula, there are, in fact, two possibilities concerning the status of the possessor NPs. On the one hand, the latter may constitute sentence topics, as assumed by [5] and discussed in [34]. In this case, the construction as a whole instantiates the Topic Possessive type. On the other hand, they may theoretically be construed as adnominal possessors, since the latter, like subjects, bear no special marking:

PARAGUAYAN GUARANÍ

- (18) mburuvícha róga
 chief house
 ‘(presidential) palace’ (lit. ‘chief’s house’).

Under this analysis, seemingly given no consideration by Stassen, what we deal with in Paraguayan Guaraní is an instance of the Genitive Possessive.

In the next section, I will zoom in on some properties of predicative possession in Paraguayan Guaraní that are incompatible with either the Topic analysis, the Genitive analysis, or both. Taken together, they demonstrate that treatment of possessive predications as existential clauses containing a covert copula is not feasible for the language in question. Some of these arguments have already been discussed, or at least mentioned, in connection with other Tupí-Guaraní languages, but some are novel. Illustrative data

will mostly be drawn from the New Testament translation and “Kalaíto Pombéro” by Tadeo Zarratea, the first novel entirely written in Paraguayan Guaraní (first edition 1983). A legitimate question is the extent to which these literary texts correspond to the actual speech practice of modern Paraguayan Guaraní speakers. In particular, it is worth mentioning that in addition to the “TG-type Possessive” discussed in the present paper, which [6: 43] ascribes to the “pure Guaraní” hardly spoken by anyone, there is also available a genuine Transitive Possessive strategy, purportedly preferred by users of everyday Spanish-influenced variety. For instance, the verse (Matthew 18:12), employed for illustration in Section 1 above, is rendered as follows:

- (19) ...peteĩ kuimba’e o-**guerekó**-va cien ovecha
 one man 3A-have-REL hundred sheep
 ha peteĩ-va o-kañy-rõ ichu-gui
 and one-REL 3A-disappear-COND 3-ABL
 ‘...one man who has a hundred sheep, and if one of them be gone astray...’

[6: 43] analyzes the transitive construction with the verb *-(gue)reko* as a syntactic calque from Spanish. While contact influence from Romance can not be excluded, it should be noted that similar constructions are found in virtually all Tupí-Guaraní languages for which we have data. Interestingly, the verb involved is an assistive causative (fossilized, in the case of Paraguayan Guaraní) of the predicate ‘to be, to live’¹⁰, so that here the Transitive Possessive can diachronically be traced back to the Conjunctive Possessive.

According to my observations, instances of the “TG-type Possessive” also abound in everyday speech of the Paraguayans. Consider the following example from an oral narrative (recorded during my fieldwork in Ypacaraí in June 2015), containing apparent Spanish borrowings:

- (20) Na-iñ-aka-i ni nda-huguái-ri, o-atravesa kompléto tape,
 NEG-3-head-NEG nor NEG-3.tail-NEG 3A-cross completely road
 o-ñepyrũ ka’aguý-pe ha o-pa ambue hendá-pe
 3A-begin forest-LOC and 3A-finish other 3.place-LOC
 ka’aguý-pe.
 forest-LOC
 ‘It [the anaconda] had neither head nor tail, it bridged the road completely,
 it started in the forest and ended in some other place in the forest.’

Without tackling the complex and politically charged question of the stratification of modern Paraguayan Guaraní, I will assume that the data presented below are relevant for the entire language continuum. What factors motivate the choice between the two major types of predicative possession, both in Paraguayan Guaraní and in Tupí-Guaraní

¹⁰In [1] cognates of *-(gue)reko* in Zo’é and Tembe are analyzed as assistive causative derivatives of the verb ‘to be in motion’.

in general, remains an intriguing topic for further study. It is clear, however, that the distribution can not be explained by socio-linguistics alone.

Throughout this paper, I will remain agnostic as to the categorial (part of speech) status of lexemes heading stative predication, as this issue is tangential to that of zero copula. On the basis of pairs like (17a–b), [19] argues at length that nouns and inactive verbs in Paraguayan Guaraní appear in the same range of morphosyntactic contexts, and thus should be unified into a single word class, which he dubs “stative”. Whether we follow this suggestion or treat nouns and inactive verbs as distinct parts of speech, either account is in principle compatible with the existential analysis of predicative possession constructions, so I won’t enter into discussion here (one possible omission in Nordhoff’s account is exactly that he pays relatively little attention to copular constructions). It is worth mentioning, however, that not all inactively-prefixed nominals in Paraguayan Guaraní receive possessive interpretation when used predicatively: at least for a few nouns denoting humans the default interpretation is ‘to be/become X’, rather than ‘to have X’. Consider the use of the lexical root *karia’y* ‘boy, young man’ in (21–22):

- (21) ...ha o-guejý-re o-ñe-mbo-ja hendá-pe
 and 3A-descend-INTR 3A-REFL-CAUS-approach 3.place-LOC
 peteĩ **karia’y** po’i-mi ij-ao-guariní-va.
 one young.man thin-DIM 3-dress-warrior-REL
 ‘...and when he disembarked, he was approached by a lean young man in a military uniform.’ [Kalaíto Pombéro, 11:71]
- (22) Ko’ãga o-ho kuartel-pe i-**karia’y** haña.
 now 3A-go barrack-LOC 3-young.man PURP
 ‘Today he enrolled into the military in order to become a man.’ [Kalaíto Pombéro, 9:5.1]

As evidenced by (21), where it appears in the subject position with no additional morphology, *karia’y* refers to an individual and is not a property-denoting lexeme with the meaning of ‘manhood, masculinity’ or some such. Consequently, in (22) the inactively marked predication, formally identical to that in (17b), receives identificational, rather than possessive, interpretation. While further investigation is desirable, I tentatively assume that such behavior sets apart the subclass of non-relational human-referring nouns. To my knowledge, this issue has not been tackled for other Tupi-Guaraní languages.

4. Evidence against zero copula in Paraguayan Guaraní

4.1. Encoding of adnominal possession

My first argument against the zero copula hypothesis comes from encoding of adnominal possession. In predicative possession constructions, the possessee is obligatorily marked for person/number of the possessor (23). However, with an adnominal possessor, the possessee NP in argument position is always unprefixes (24, cf. also (18) above):

- (23) **Sándra** **hóga** Paraguáy-pe.
S. 3.house Asunción-LOC
'Sandra has a house in Asunción.'
- (24) Kuarahy o-sẽ rupi
sun 3A-exit around
o-ñe-mbo-ja **Losánto** **róga**-pe tahachi peteĩ.
3A-REFL-CAUS-approach Losanto house-LOC soldier one
'At sunrise, there came to Losanto's house a soldier.'
[Kalaíto Pombéro, 15:1]

Consequently, the possessor in “TG-type Possessive” clauses can not be construed as adnominal, though the data under discussion are still compatible with the more traditional “possessor as topic” assumption.

[34: 196] briefly discusses parallel data from [17: 197] for Sateré-Mawé, apparently without realizing that similar distribution is characteristic of Tupí-Guaraní languages (there is also some misinterpretation of Meira's data on Stassen's part).

4.2. Morphosyntax of copular constructions

Unlike Emerillon (cf. (14) above), Paraguayan Guaraní does not allow for straightforward “recovery” of existential copula in predicative possession, despite its general preference for use of copular verbs over zero-encoded non-verbal predication, noted in [34: 200fn]. Instead, judging by the available texts, overt copular elements are in complementary distribution with prefixal possessive. Compare the construction of predicative possession in (25) with existential clause involving a historical derivate of the same nominal in (26):

- (25) Kuimba'e o-kakuaa-pa-pyré-ko, che-ra'y, **nda-huvichá-i**.
 man 3A-grow-CMPL-RES-EMPH 1SG-son NEG-3.chief-NEG
 'A grown-up man, my sons, has no boss.'
 [Kalaíto Pombéro, 1:56]
- (26) «A-pe nd-**aipó**-ri **mburuvicha**»,
 DEM-LOC NEG-COP-NEG chief
 he'i chu-pe Loréto Sentu.
 3A.say 3-OBL L. S.
 '«There is no leader here (among us)», — Loreto Sentu told him.'
 [Kalaíto Pombéro, 18:39]

Semantically, both sentences assert non-existence of some superior authority figure; they differ precisely in that (25) involves a possession relation, while (26) doesn't. Correspondingly, we find a possessive prefix but no copula in the former, while there is an explicit copula but no possessive marking in the latter. Such complementary distribution suggests that we are dealing with two different syntactic configurations and that in sentences like (17b) or (26) the possessive prefix serves to mark a predicative relation.

4.3. Locus of predicative inflection

Speaking of the recoverability of the supposed existential copula, there are no grammatical contexts that call for an explicit copula (like non-present tenses in Russian

do). Possessive nominal predicates attach the whole range of verbal morphology, as shown in detail in [19].

- (27) Ñane-retã oi-kotevẽ pene-rymba vaka peteĩ-mi-mí-re;
 1PL.INCL-land 3A-need 2PL-animal cow one-DIM-DIM-RE
 ñane-rairõ-ta umi Voli ha o-mo-ngaru,
 1PL.INCL-fight-PROSP DEM.PL Bolivian and 3A-CAUS-eat
 o-mby-**ao** ha o-mo-**mboka**-va'erã o-ño-rairõ-va-pe.
 3A-CAUS-clothing and 3A-CAUS-rifle-DEB 3A-REC-fight-REL-OBL
 'Our country needs a little of your cattle; Bolivians are going to invade us,
 and we must feed, dress, and arm our soldiers.' [Kalaíto Pombéro, 1:63]
- (28) Ko'ãga nda-che-**rape**-vé-i-ma.
 now NEG-1SG-road-CMPR-NEG-IAM
 'Now I don't have a choice anymore'. [Kalaíto Pombéro, 18:124.2]
- (29) Chéma nd-o-ke-vé-i vy'á-gui;
 Selma NEG-3A-sleep-CMPR-NEG happiness-ABL
 mba'e-icha-rei-ete o-mendá-ta,
 thing-MNR-MAL-AUG 3A-marry-PROSP
i-ména-ta, **i-memby-rú**-ta, **hóga-teé**-ta
 3-husband-PROSP 3-child-father-PROSP 3.house-own-PROSP
 ha **ij-yvy-teé**-ta-ma-voi ave.
 and 3-land-own-PROSP-IAM-EMPH also
 'Selma was so happy she could not sleep anymore: all out of a sudden she
 was going to marry, she was going to have a husband, a father of her baby,
 her own home, and now also her own plot of land.' [Kalaíto Pombéro, 18:5]
- (30) Che che-**kyse**-rõ, ro-juká-ne.
 I 1SG-knife-COND 1SG.A/2SG-kill-POT
 'If I had a knife, I would kill you.' [Nordhoff 2004: 37]

Predicated possessive nominals are also able to attach various kinds of semi-grammaticalized auxiliary verbs. Paraguayan Guaraní has an immediate prospective suffix *-pota* grammaticalized from the verb *-pota* 'to want', but homophonous element can still be encountered within larger verbal complexes in the original desiderative meaning:

- (31) I-**pira-pire**-pota-ite-reí-gui hikuái, o-ñe-mbo-hory Jesus
 3-fish-skin-want-AUG-AUG-ABL PL 3A-REFL-CAUS-joyful Jesus
 rehe.
 at
 'As they [the Pharisees] were so fond of money, they derided Jesus.'
 [Luca 16:14]

That we are dealing with bound auxiliary corresponding to the first stage of grammaticalization of the immediate prospective suffix and not with a case of nominal incorporation into the desiderative verb, is evidenced by cross-reference marking. Were the

latter possibility true, the entire verbal complex would bear active prefix, as in (32), since *-pota* is an active verb.

- (32) Ja-pytá-na **ja-y-'u-mi** lo mitã.
 1PL.INCL.A-stay-RESP 1PL.INCL.A-water-consume-DIM ART.PL boy
 'Let's stop to drink some water, guys.' [Kalaíto Pombéro, 5:57]

In sum, predicated possessors in Paraguayan Guaraní are compatible with the full range of predicative morphology, including negation, valency, aspect, modality, evidentiality, and subordination. Neither inflection triggers use of an overt copula. In this respect, possessive predication appears to be markedly different from existential predication: the copula *aipo*, for example, featured in (26) above, is much more frequent in the negative, than in the affirmative.

4.4. Questions

[2] argue that a language can not rely exclusively on Topic strategy for encoding of predicative possession (as claimed in [34: 59, 246] for most languages of China and southeast Asia), since framing topics are not accessible to a number of important mechanisms, for instance, questioning. In particular, they suggest treating existential and possessive uses of Mandarin Chinese 有 *yǒu* as exemplifying two different units. Since possessors in Mandarin can be questioned (33b), they can not be topics, and thus the entire construction can not exemplify the Topic Possessive type of predicative possession.

MANDARIN CHINESE

- (33) a. 他有書。
 Tā yǒu shū.
 s/he have book
 'S/he has a book.'
- b. 誰有書?
 Shéi yǒu shū?
 who have book
 'Who has a book?'

Likewise, in Paraguayan Guaraní it is possible to target the possessor with a wh-question (and still retain the possessive marker), though available evidence is somewhat scarce and further investigation is desirable.

- (34) Ha he'i oju-pe: ani ña-mo-ndoró-tei,
 and 3A.say REC-OBL PROH 1PL.INCL.A-CAUS-tear-PROH
 ña-ha'ã-nte **máva-pa** i-po'a hese.
 1PL.INCL.A-try-RESTR who-Q 3-luck 3.at
 'They said therefore among themselves, Let us not rend it, but cast lots for it,
 whose it shall be...' [John 19:24]

Therefore, the Topic Possessive analysis is not viable for Paraguayan Guaraní as well (these data provide no argument against Genitive-like analysis, however). To my knowledge, data on *wh*-questions have not been previously considered in relation to predicative possession in Tupí-Guaraní. It would be enlightening to gather parallel data for other languages of the subfamily (and other branches of Tupí as well).

4.5. Relativization

Another strong argument for subjecthood of the possessor (and thus against the zero copula hypothesis) is offered by the fact that nominal predicates in the constructions under discussion can undergo relativization:

- (35) Nde re-mbo-*jerovia* karai po-guasú **i-virú-hetá-va**.
 you 2SG.A-CAUS-trust señor hand-big 3-money-many-REL
 ‘You are loyal to important señors who have a lot of money.’
 [Kalaíto Pombéro, 14:98.1]
- (36) Umi o-hendu ha o-japó-va che-ñe’ẽ
 DEM.PL 3A-listen and 3A-do-REL 1SG-speech
 o-jogua petẽ kuimba’e **iñ-akã-porã-va...**
 3A-be.like one man 3-head-good-REL
 ‘[E]veryone who hears these words of mine and puts them into practice
 is like a wise man (= ‘a man who has a good head’)...’ [Matthew 7:24]

The possibility of relativization rules out both the Genitive-like and the Topic-like interpretation of possessors. Sentence topics are obviously not accessible as targets of relativization, just as they are not accessible for questioning. As for adnominal possessors, they can’t be relativized in Paraguayan Guaraní, where only subjects and direct objects present licit targets (at least for the standard relativization marked with *-va*, exemplified in (35–36) above).

A similar observation has been made in [32: 301] for Kamaiurá. However, Seki treats Kamaiurá derivatives with *-ama’e* (cognate to Paraguayan Guaraní *-va*) as nominalizations, without identifying respective clauses as relative, hence she draws no argument concerning the subject status of possessors. What is important to her is that predicated possesseees can be nominalized and thus display another “verbal” property. Again, this is a worthy subject for further study in a comparative Tupí perspective.

5. Conclusions

In this paper, I have attempted to show that the distinctive pattern of predicative possession in Paraguayan Guaraní can not be analyzed as an existential construction involving a covert or zero copula, as has been suggested by [5], among others. For this, I have drawn evidence from distribution of (inactive) cross-reference markers, locus of predicative inflection, and possessor accessibility for questioning and relativization. Some of these arguments echo those proposed earlier for genetically related languages, but others rely on mechanisms of grammar not previously brought into discussion of

predicative possession in Tupí-Guaraní. Therefore, I believe, they open fruitful avenues for further research, especially in the field of diachronic and comparative Tupí studies.

There is an alternative analysis involving a zero transitivizer, proposed in [37] for the closely related Mbyá. While detailed discussion thereof lies outside the scope of the present paper, the fact that possessive clauses in Paraguayan Guaraní can be causativized using the intransitive causative prefix *mbo-* (as shown in (27) above), rather than the suffix *-uka* reserved for causativization of transitive predicates [36], speaks against the transitive analysis.

Nothing presented herein contradicts the hypothesis put forward in [34], namely that the distinctive Tupí-Guaraní (or, rather, Mawetí-Guaraní) strategy of predicative possession has arisen through predicativization of the original existential construction representing the Topic Possessive type. It is unlikely, however, that such starting point construction could contain an overt copula which had been gradually lost, or at least become optional, at subsequent stages of reanalysis. Existential predicates in the languages in question come from a variety of diachronic sources and are generally assumed to represent an innovation [24]. The general diachronic scenario proposed by Stassen is plausible, but its detailed reconstruction is a challenging task, for which understanding of intricate variation between specific Tupí languages is crucial.

Abbreviations

1, 2, 3 – person; A – cross-reference marker of the active series; ABL – ablative; ABM – ablative-modalis case (in Yupik); ADV – adverbial; AFF – affix; APP – appositional mood; ART – article; AUG – augmentative; CAUS – causative; CL – classifier (in Mandarin); CL1,... – noun class marker (in Swahili); CMPL – completive; CMPR – comparative/continuative; COND – conditional; CONS – consecutive; COP – copula; DEM – demonstrative; DIM – diminutive; DS – different subject; EMPH – emphatic; FEM – feminine; GEN – genitive; IAM – iamitive; INCL – inclusive; INTJ – interjection; INTR – intransitive; IRR – irrealis; LOC – locative; MAL – malefactive; MASC – masculine; NEG – negation; NEUT – neuter; NMR – nominalization; O – direct object; OBL – oblique; PFV – perfective; PL – plural; POT – potential; PROH – prohibitive; PROSP – prospective; PST – past; PURP – purpose; Q – interrogative; REC – reciprocal; REF – referential; REFL – reflexive; REL – relativization; RES – resultative; RESP – politeness; RESTR – restrictive; SEQ – sequential; SF – subject focus; SG – singular; SS – same subject; SUB – subordination; TOP – topic.

References

1. Cabral A. S. A. C. Observações sobre a história do morfema *-a* da família Tupí-Guaraní. Queixalós (ed.), 2001. Pp. 133–162.
2. Chapell H., Creissels D. Topicality and the typology of predicative possession. Paper presented at the 49th Annual Meeting of Societas Linguistica Europea, Naples, 31 Aug – 3 Sep 2016.

3. Contini-Morava E. Noun class as number in Swahili. Between grammar and lexicon. Contini-Morava E., Tobin Y. (eds.). Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2000. Pp. 3–30.
4. Creissels D. Les constructions dites possessives, étude de linguistique générale et de typologie linguistique. Thèse d'état, Université Paris IV (Sorbonne), 1979.
5. Dietrich W. Categorias lexicais nas línguas tupi-guaranias (visão comparativa). Queixalós (ed.), 2001. Pp. 21–37.
6. Dietrich W. Lexical evidence for a redefinition of Paraguayan Jopara. STUF, Vol. 63/1, 2010. Pp. 39–51.
7. Drude S. Nominale prädikation im Awetí. Ms., Freie Universität Berlin, 2001.
8. Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. Comparative Eskimo dictionary with Aleut cognates. Fairbanks: University of Fairbanks Alaskan Native Research Center, 1994.
9. Franceschini D. Le langue sateré-mawé: description et analyse morphosyntaxique. Thèse de doctorat, Université Paris VII (Denis Diderot), 1999.
10. González H. A. A grammar of Tapiete (Tupi-Guarani). Ph.D. Thesis, University of Pittsburg, 2006.
11. Graham A., Graham S., Harrison C. H. Prefixos pessoais e numerais da língua sateré-mawé. Estudos sobre línguas tupí do Brasil. Dooley R. A. (ed.). Brasília: SIL, 1984. Pp. 175–205.
12. Heine B. Possession: Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
13. Israeli A. Nominative and instrumental variation of adjectival predicates with the Russian copula *byt'*: reference time, limitation, and focalization. Cognitive paths into the Slavic domain. Divjak D., Kochańska A. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 21–53.
14. Jensen Ch. Comparative Tupí-Guaraní morphosyntax. Handbook of Amazonian languages. Vol. IV. Derbyshire D. C., Pullum G. K. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. Pp. 489–618.
15. Kerke S. van der, Muysken P. The Andean matrix. The native languages of South America: Origins, Development, Typology. O'Connor L., Muysken P. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 126–151.
16. Mazzitelli L. F. The expression of predicative possession: A comparative study of Belarusian and Lithuanian. Berlin – München – Boston: Mouton de Gruyter, 2015.
17. Meira S. Stative verbs vs. nouns in Sateré-Mawé and the Tupian family. What's in a verb? Studies in the verbal morphology of the languages of the Americas. Rowicka G. J., Carlin E. B. (eds.). Utrecht: LOT, 2006. Pp. 189–214.
18. Myler N. Variation in the syntax and semantics of predicative possession in Quechua. Proceedings of the Workshop on structure and constituency in the languages of the Americas 21. University of British Columbia Working papers in linguistics. Keough M. (ed.), to appear.
19. Nordhoff S. Nomen/Verb-Distinktion im Guaraní. Universität zu Köln, Arbeitspapier No.48, 2004.

20. Payne D. L. The Tupí-Guaraní inverse. Voice: Form and function. Fox B., Hopper P. J. (eds.). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1994. Pp. 313–340.
21. Platzmann J. Grammatik der brasilianische Sprache. Leipzig: Teubner, 1874.
22. Praça W. N. Nomes como predicados na língua Tapirapé. Dissertação de Mestrado, Instituto de Letras, Departamento de lingüística, línguas clássicas e vernácula, Universidade de Brasília, 1999.
23. Praça W. N. Morphossintaxe da língua Tapirapé. Dissertação de Doutorado, Instituto de Letras, Departamento de lingüística, línguas clássicas e vernácula, Universidade de Brasília, 2007.
24. Queixalós F. The primacy and fate of predicativity in Tupi-Guarani. Lexical categories and root classes in Amerindian languages. Lois X., Vapnarsky V. (eds.). Bern: Peter Lang, 2006. Pp. 249–287.
25. Des noms et des verbes en Tupi-Guarani: état de la question. Queixalós F. (ed.). München: LINCOM GmbH, 2001.
26. Rodrigues A. D. Alguns problemas em torno da categoria lexical verbo em línguas Tupí-Guaraní. Estudos sobre línguas indígenas I. Cabral A. S. A. C., Rodriguez A. D. (eds.) Belém: EDUFPA, 2001. Pp. 87–100.
27. Rodrigues A. D. Sobre a natureza do caso argumentativo. Queixalós (ed.), 2001. Pp. 103–114.
28. Rose F. 'My hammock' = 'I have a hammock'. Possessed nouns constituting possessive clauses in Emérillon (Tupi-Guarani). Línguas indígenas brasileiras. Fonologia, gramática e história. Atas do I Encontro internacional do grupo de trabalho sobre línguas indígenas da ANPOLL. Cabral A. S. A. C., Rodriguez A. D. (eds.) Belém: EDUFPA, 2002. Pp. 392–402.
29. Rose F. Grammaire de l'émérillon. Une langue tupi-guarani de Guyane française. [Langues et sociétés d'Amérique traditionnell 10]. Leuven — Paris — Walpole, MA: Peeters, 2011.
30. Roy I. A. Non-verbal predication: Copular sentences at the syntax-semantics interface. Oxford: Oxford University Press, 2013.
31. Seiler H. Possession as an operational dimension of language. Tübingen: Gunter Narr, 1983.
32. Seki L. Gramática do Kamaiurá: língua Tupi-Guarani do Alto Xingu. Campinas — São Paulo: Editora da Unicamp — Imprensa Oficial, 2000.
33. Seki L. Classes de palavras e categorias sintático-funcionais em kamaiurá. Queixalós (ed.), 2001. Pp. 39–66.
34. Stassen L. Predicative possession. Oxford: Oxford University Press, 2009.
35. Stassen L. Predicative possession. The World Atlas of Language Structures Online. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.) Leipzig: MPI EVA. (<http://wals.info/chapter/117>, accessed on 2016-10-13).
36. Velázquez-Castillo M. Guaraní causative constructions. The grammar of causation and interpersonal manipulations. Shibatani M. (ed.). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2002. Pp. 507–534.

37. Vieira M. M. D. A natureza transitiva das sentenças possessivas em Mbyá-Guaraní. Queixalós (ed.), 2001. Pp. 67–85.
38. Weber D. J. A grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua. Berkeley — LA — London: University of California Press, 1989.

К.Ю. Дойкина

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ОСОБЕННОСТИ УТРАТЫ МЕСТОИМЕННЫХ ЭНКЛИТИК ПО ДАНЫМ ДУХОВНЫХ И ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТ ВЕЛИКИХ И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ XIV-XV ВВ.

Современный русский язык, в отличие от большинства других славянских языков, например, сербского или хорватского, полностью утратил систему энклитик. Однако в древнерусском языке она существовала. Подробно она описана в книге А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» [2]. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (далее ДДГ [1]) там упоминаются, однако подробного описания их нет, хотя система, представленная в грамотах, представляется интересной. Прежде чем рассматривать конкретный материал, опишем ситуацию с энклитиками в целом применительно к древнерусскому языку.

В древнерусском языке расположение энклитик в предложении (вернее, клаузе) подчинялось закону Вакернагеля. Напомним, что энклитики, относящиеся к глаголу, должны были стоять в конце первой тактовой группы клаузы. Энклитики способны создавать цепочки, внутри которых действует строгая иерархия, которая определяется рангами энклитик. Ранг — это то место, которое занимает энклитика в цепочке. В древнерусском языке их было восемь: 1. **же**, 2. **ли**, 3. **бо**, 4. **ти**, 5. **бы**, 6. местоименные энклитики Д.п. (**ми**, **ти**, **ны**, **вы**), 7. местоименные энклитики В.п. (**мя**, **тя**, **ны**, **вы**, **ся**), 8. связки перфекта (**есмь**, **еси**, **есмъ** и их варианты) [2].

Предметом данного исследования является система местоименных энклитик. Употребление энклитических форм местоимений для древнерусского языка считалось нормой, тогда как появление полноударных форм обуславливается рядом синтаксических и семантических факторов, описанных А. А. Зализняком [2:131]. Полноударная форма употребляется: а) в начале клаузы или после обращения, б) в положении после проклитики для Д.п., в) при наличии приложения и определения, г) для избегания появления в одной тактовой группе энклитик одного и того же ранга, д) в составе сочинительной связи с союзом **и** и в некоторых других случаях

В Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV-XV вв. употребляются следующие местоименные энклитики: **ми**, **ти**, **вы**, **ны** (Д.п.), **мя**, **тя**, **ны**, **вы** (В.п.) (энклитика **ся** в роли показателя возвратности здесь рассматриваться не будет). Наряду с ними существуют их полноударные формы, употребляемые в соответствии с вышеуказанными правилами:

- (1) *а тобѣ слати свои данцики №11 (после проклитики);
..., тог(о) мнѣ, великому кн(я)зю, всег(о) под тобою блюсти №64а (наличие приложения);*

и во все татарские проторы давати ми тобѣ №90 Пб, а выхо^д ти мнѣ давати №69 Ia (избегание употребления энклитик одного ранга); доколь служат мнѣ и моим дѣтем №71 (сочинительная связь с союзом и).

Стоит подчеркнуть, что правила носят обязательный характер, однако в ДДГ есть случаи, когда они не работают. Как уже говорилось, при наличии приложения или определения используется полноударная форма местоимения. В грамотах мы видим примеры, которые нарушают эти правила (2 а, б, с).

- (2) а. *да что мя еси, г(о)с(поди)не, княз(ь) велики, пожалова^т, своего брата молодшего, да^т ми еси Вышегоро^д №55а;*
а что мя еси, г(о)с(поди)не, пожалова^т, княз(ь) велики, свое^т(о) брата молодше^т(о), кн(я)зя Михаила Андрѣви^ч(а), отда^т выхо^д на го^д ...№41.
- б. *а хотѣти ти нам, г(осподи)не, кн(я)зю великому, во всемъ добра №31;*
а того ти, г(о)с(поди)не, великому князю, блюсти №41.
- с. *..., и ты, г(осподи)не, княз(ь) велики, проти^в тѣхъ городо^в и волостей, мои дѣдины, пожалова^т мя еси, своего брата молодшего №58б;*
..., и яз, княз(ь) велики, противу тѣхъ городо^в и волостей, твою дѣдины, пожалова^т тя есмь, свое^т(о) брата молодшего, отступил ся есмь тобѣ Дмитрова №45 I а;
..., и яз, княз(ь) велики, противу тѣхъ городо^в и волостей, твою дѣдины, пожалова^т тя есмь, свое^т(о) брата молодшего, отступил ся есмь тобѣ Дмитрова №45 Пб.

Случаи, помещенные под номером 2а можно объяснить отсутствием контактности между определяемым и определяющим. Приложение, как мы видим, отстоит достаточно далеко, поэтому могло и не повлиять на форму местоимения. В примерах 2б приложение тоже отделено от местоимения, но только обращением. В ДДГ существуют такие случаи, когда обращение просто нейтрализует влияние на форму местоимения последующей части клаузы ..., *того ми, г(о)с(по)дине, и мои^м дѣте^м по^д тобою, по^д великим княземъ, и по^д твоими дѣтми блюсти №16* (сочинительная связь)¹. Третья группа отклонения 2с не может объясняться какой-либо дистантностью между определяемым и определяющим (связки перфекта не акцентно самостоятельны). Следовательно, можно предположить, что в ДДГ правило о наличии полноударной формы местоимения при наличии приложения носило необязательный характер.

¹А. А. Зализняк рассматривает подобные случаи распада клаузы на две части, в том числе для ДДГ [2:131].

Однако появление полноударных форм не всегда регулируется указанными факторами, и тогда это не что иное, как отклонение от первоначального состояния системы местоименных энклитик. Общая схема эволюции заключается в постепенной замене энклитических форм полноударными, пока первые полностью не исчезли.

Одна из особенностей эволюции системы местоименных энклитик — это неравномерность утраты тех или иных ее частей, т.е. одни энклитики утрачиваются быстрее, другие медленнее. Определяющими факторами в нашем случае являются число и падеж. Начнем с оппозиции по числу. Наиболее показательными здесь будут формы Д.п., поскольку в целом местоимения В.п. мн.ч. представлены в текстах слабо, так как имеют мало позиций для употребления.

Считается, что единственное число более консервативно. Материал ДДГ полностью подтверждает это утверждение. Взглянем на грамоты XIV века: здесь вся система местоименных энклитик еще представлена в полном объеме, но уже заметна разница по числу отклонений в ед.ч. и мн.ч. Так, например, энклитика **ми** встречается в текстах 60 раз (3а):

- (3) а. *а дати **ми**, господине, тебѣ с Углича поля №16;*
*а чего **ми** буд(е)ть искати на твоихъ боярехъ №5;*
*..., тѣмъ **ми** ся с тобою дѣлити №11;*
*а коли **ми** буде^т послати на рать №11;*
*а что **ми** дала княгини Федосья №12 и т.д.*

Полноударная форма, не обусловленная приведенными выше правилами, встречается всего дважды (3б):

- б. *а ударить **мнѣ** чело^м хто из великого княженья №11;*
*а что ся **мнѣ** достали мѣста Рязаньская №1.*

Относительно энклитики **ны** мы наблюдаем другую ситуацию: энклитика употребляется в 33 примерах (4а):

- (4) а. *а численныхъ **ны** людии блюсти с одиного №13;*
*а закладнии **ны** в городѣ не держати №13;*
*..., а то **ны** по исправѣ вельти отъдати №13;*
*исправа **ны** учинити №2 (2) и т.д.*

Случаев «незаконного» появления полноударных форм здесь на порядок больше, их 13 (4б):

- б. *а в городѣ **нам** послати своихъ намѣтниковъ №13;*
*..., а тѣхъ **нам** блюсти, как и своихъ №11;*
*..., нятцев **намѣ** отпущати №13;*
*а жити **нам** по первой грамотѣ №16 и т.д.*

Исследование грамот следующего периода (первая половина XV) дало интересный результат: энклитика **ны** встретилась ровно один раз в грамоте начала века *а что ны слыше^е о твое^м добръ №24а.*, далее полностью заменилась на полноударную форму. Энклитика 2 л., Д.п., мн.ч. **вы** имеет похожую судьбу, однако отстает от **ны** на 50 лет. В самом начале века **вы** употребляется широко и свободно (5 а):

- (5) а. ... *а Москва вы со мною держати по дѣда нашего грамотъ №34;*
а Бѣжицкии вы верхъ держати по старинѣ №34;
а в Орду вы безъ моего вѣданья не слати никакие дѣлы №34;
а нятци вы мои, которые у ва^с сидятъ, тѣ вы отпустить свободны №34.

К середине столетия круг контекстов, где она встречается, заметно сужается и в конце концов сводится к очевидным формулам (5 б):

- б. *добра вы на^м хотѣти во се^м №59б;*
..., то вы на^м повѣдати въ правду №59б;
добра вы на^м хотѣти во все^м №63б;
..., то вы на^м повѣдати №63б.

К концу XV века данная энклитика полностью утрачивается (5 с):

- с. *а добра ва^м хотѣти мнѣ ве^сдѣ №76б;*
а что ва^м слыше^е о моемъ добръ №76б;
..., то ва^м повѣдати мнѣ в правду №76б;
а быти ва^м со мною вездѣ заоди^и №76б.

Первичное вытеснение форм множественного числа — не только древнерусская черта. М. Н. Толстая, описывая древнесербские грамоты, отмечает, что энклитики **ни**, **ви** вытесняются формами **нам**, **вам**, **нас**, **вас**. [3:1991]. Такая быстрая утрата связывается с омонимией форм Д.п. и В.п. во множественном числе [2:167].

Внутри энклитик ед.ч. тоже существует своя иерархия при хорошей сохранности этого типа энклитик. До середины XV века энклитики В.п. имеют высокий коэффициент энклитичности, однако контексты, в которых они представлены, достаточно однообразны, в основном это *чѣмъ мя/тя благословилъ Х или что мя/тя пожаловалъ Х*. До середины XV века в этих конструкциях представлена энклитическая форма (6а):

- (6) а. *а чѣмъ тя бл(а)г(о)у(ло)вилъ от(е)цъ твои №13 (2), №11;*
темъ тя есмь пожаловал №11;
чѣмъ мя бл(а)г(о)у(ло)ви^и от(е)цъ мои №20(2).

Затем энклитическая и полноударная формы свободно варьируются (6б):

- b. ..., а что, з(о)^с(поди)не, пожаловала **меня** мати моя №70 Пб;
 а чь^м бл(а)з(о)^с(ло)вилъ **меня** от(е)ць на^ш №72 Пб;
 ..., да что **мя** б(ла)з(о)^с(ло)ви^л о^т(е)ць мои №71;
 а что **тя** бы^л пожалова^л от(е)ць мои №65.

Еще одной отличительной особенностью ДДГ является то, что в текстах не встречается последовательность энклитик Д.п. и В.п. (кроме **ся**). Дело совсем не в том, что таких позиций в грамотах нет или такое сочетание существует чисто теоретически (ср. *аче ти мя убити* в диалогической части Киевской летописи [2:89]). В ДДГ при таком порядке местоимений одно из них всегда принимает полноударную форму при том, что правило рангов этого не требует: *держати ти **меня** собѣ брато^м старѣиши^м* №43. Следовательно, этот пример будет являться отклонением от первоначального состояния системы. Чем это может быть обусловлено? Возможно, это связано с действием определенного механизма, касающегося двух форм дательного падежа, стоящих рядом.

В современном русском языке смысл фразы «Мне тебе рассказать нечего» проясняется благодаря порядку слов на письме и интонационному выделению в устной речи. В ДДГ, где отношения между участниками ситуации особенно важны, дифференциация лиц осуществлялась, видимо, распределением полноударной и энклитической формы между субъектом и объектом: в инфинитивных конструкциях, где субъект и объект выражен формой Д.п., субъект выражается энклитической формой местоимения, а объект — полноударной формой. Приведем некоторые примеры из текстов:

- (7) ..., а то **ми** ва^м повѣдати в правду №34;
 а добра **ми** ва^м хотѣти во все^м №34;
 ..., и то **ти** мнѣ, брате, о^тдати по розочту №38а;
 ..., а на то **ти** мнѣ дати су^д и исправу №38а.

В грамотах обнаруживается результат такого распределения: субъект в силу определенных факторов (наличия проклитики, например) выражается полноударной формой местоимения, однако и объект продолжает выражаться полноударной формой, что порождает ряд отклонений (8).

- (8) а **мнѣ** тобѣ тѣхъ сказати, у кого есмь то серебро заимыва^л №30а
 ..., и **мнѣ** ся **тобѣ** Суходола и Красного села о^тступити №45 Ib а что ны слыше^с о тво^ем добръ или о лись от кого бы ни было, и **намъ** тобѣ то повѣдати въ правду №24а
 а и^с чего гдѣ, з(осподи)нѣ на^ш, выступи^ш, и **на^м** тобѣ о то^м помянути, и тобѣ ся то^с(о) обыскати, а тобѣ на^с жаловати №40
 ..., и **мнѣ** то ва^м повѣдати в правду №24
 ..., а о то^м на^м с тобою розъчести ся, и чего ся не оточте^ш, и **тобѣ** то **мнѣ** поднати тѣ выходы №30б

(а добые^т чело^м мнѣ ...бра^т ..., а пожалуй его его отчиною,) и тобѣ мнѣ Суходола и Красного села отъступити ся бе^з отмыны №45 I а.

На основе этих примеров мы можем предполагать закрепление за объектом полноударной формы в результате аналогии. Рассмотрим еще одну группу примеров, которая подтверждает это предположение (9):

- (9) *а мнѣ, кн(я)зю Федору Юрьевич(ю), держати ми тебя собѣ господино^м и дядею №40;*
держати ти меня собѣ брато^м старъиши^м №43;
а держати вы меня в бра^тство №45 II а.

Здесь, как и должно быть в системе с живыми энклитиками, субъект выражен энклитической формой. При этом, объект может быть также выражен энклитической формой (энклитика относилась бы к другому рангу), но этого не происходит. То есть, по аналогии с Д.п. объект, выраженный В.п., тоже принимает полноударную форму. В итоге перед нами отклонения, появившиеся по аналогии с закономерными конструкциями (*.., а то ми ва^м повѣдати в правду №34*). Скорее всего, под влиянием фраз типа: *.., и мнѣ то ва^м повѣдати в правду №24*, появляются конструкции типа *.., и тобѣ меня боронити №24б*, что тоже является следствием аналогии².

Таким образом, из-за того, что объект в конструкции «инфинитив и два местоимения» выражается полноударной формой, мы обнаруживаем множество отклонений в данной позиции, особенно для местоимений В.п.

Рассмотрев некоторые закономерности и механизмы утраты энклитик, перейдем к общей схеме эволюции системы местоименных энклитик. Основным показателем здесь будет являться коэффициент энклитичности (количество примеров с энклитиками / общее количество примеров с местоимениями, не входящими в зону полноударности). Данные, приведенные в таблице, не учитывают формульность / неформульность контекстов, на коэффициент может влиять недостаточное количество примеров (например, для **тя**).

²Небезынтересным кажется и тот факт, что если субъект при инфинитиве выражен местоимением Д.п., то это всегда энклитическая форма, если нет ограничений на ее использование. Так продолжалось до второй половины XV века. Лишь в этот период начинают появляться «новые» случаи, что не может не свидетельствовать об изменениях в системе энклитик: *а тѣ села тобѣ держати по тому, как при о(т)ци наше^м... №69 II;.., то мнѣ ва^м та^к жо сказати въ правду №76б; а то(о) мнѣ бе^з твое(о) въданыя не отпущити №84б.*

	Д.п.				В.п.			
	Ед.ч.		Мн.ч.		Ед.ч.		Мн.ч.	
	ми	ти	ны	вы	тя	мя	ны	вы
XIV	96% (60/62)	93% (47/50)	72% (33/46)	80% (4/5)	50% (6/11)	82% (14/17)	40% (2/5)	(0/2)
XV пер.пол.	96% (266/276)	92% (262/282)	0 (0/139)	63% (38/60)	76% (26/34)	76% (39/51)	(0/15)	(0/5)
XV втор.пол.	77% (207/269)	82% (204/249)		15% (8/53)	24% (17/69)	30% (25/83)	0	0

Таблица 1. Эволюция системы местоименных энклитик XIV-XV вв.

Общая эволюция системы местоименных энклитик выглядит так: до середины XV местоименные энклитики в достаточной мере представлены в текстах; в середине XV века происходит перелом и энклитики начинают стремительно утрачиваться, о чем свидетельствует снижающийся коэффициент энклитичности; к началу XVI века прочно удерживают свою позицию только энклитики Д.п., ед.ч. **ми** и **ти**. Заметим, что и здесь количество отклонений заметно увеличивается (10).

- (10) а тог(о) **мнѣ** без твоег(о) въданья не отпустити №84б;
отдѣлили есте **мнѣ** в Переславли Перевитескъ №84б;
..., что ся **мнѣ** в дѣло достало №84б;
..., как есми дава^л **тобѣ** после отца №70 Пб;
..., да есмь да^л **тобѣ** Шопъкову слобод^у №73.

ДДГ являются некнижными текстами, поэтому представленная в них система энклитик должна соответствовать системе, существовавшей когда-то в «живом» древнерусском языке. Однако, как любые деловые тексты, в своей основе они содержат некое клише, которое удревяет состояние языка, особенно тогда, когда речь идет о синтаксисе. При изучении грамот те части текста, которые переходят из документа в документ, не претерпевая никаких изменений, рассматривались особо, хотя они и включены в подсчет коэффициентов энклитичности. Как оказалось, и по формулам в некотором плане можно оценить состояние системы местоименных энклитик. Очевидно, что в клише сохраняются более старые формы, но, когда в них появляется уже, например, не энклитика, а полноударная форма, это свидетельствует о сильных изменениях в системе. Например, уже в грамотах XIV века в наиболее формульных контекстах появляется полноударная форма для **ны**, когда как для других местоимений употребляется энклитика (11а).

- (11) а. *а в твои **намѣ** удѣльъ и въ очину данщииковѣ не всылати №13;*
*а въ твои **ми** удѣльъ данщииковѣ своихъ... не всылати №5;*
*а въ твои **ми** удѣл данщииков..не всылати №11.*

Подтверждает это и то, что подобные случаи для самых стойких энклитик обнаруживаются только в конце XV века (11 б)

- б. *то **мнѣ** ва^м та^к жо сказати въ правду №76б.*

Теперь можно сравнить полученные результаты с данными других памятников: берестяными грамотами (некнижная ориентация) и Уваровской летописью XV века (книжная ориентация) [2:163-164]). Выбор памятников обуславливается веком, но не будем забывать о том, что летописи в некоторой мере отражают процесс утраты энклитик, на что указывает слабое снижение коэффициента энклитичности. В качестве параметра возьмем энклитики единственного числа обоих падежей (у А. А. Зализняка данные приведены совместно), а также рассмотрим и Д.п. мн.ч.; В.п. рассматриваться не будет, т.к. в ДДГ очень редко употребляются местоимения этого падежа. Обратимся к схемам 1 и 2. Заметим, что сравниваемые памятники несколько отличаются по временным рамкам: берестяные грамоты охватывают период с XIV века до середины XV века, ДДГ — с середины XIV до конца XV, Уваровская летопись — почти весь XV век.

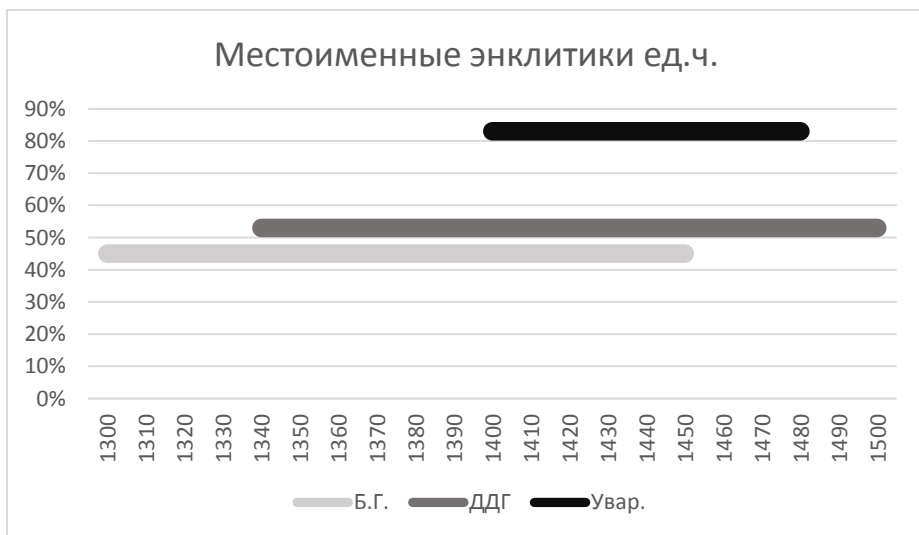

Схема 1. Коэффициент энклитичности энклитик ед.ч.

Схема 2. Коэффициент энклитичности энклитиков Д.п. мн.ч.

Б.Г. — поздние берестяные грамоты

ДДГ — Духовные и договорные грамоты

Увар. — Уваровская летопись

В отношении Д.п. мн.ч., все памятники указывают на низкий коэффициент: в берестяных грамотах он равен нулю, в ДДГ — 2%, в Уваровской летописи — 4%. Общий коэффициент энклитичности для местоименных энклитиков ед.ч. в берестяных грамотах равен 45% к середине XV века (1300–1450). Для ДДГ (1339–1504) этот коэффициент выше — 53%. В Уваровской летописи коэффициент энклитичности недостижимо высок — 83%. Это означает, что, даже несмотря на формульность деловых грамот, они так или иначе отражают процессы, происходившие в живом языке.

Подведем итог. От системы, представленной в текстах XIV века, остались только две местоименные энклитики, которые к началу XVI века продолжают часто употребляться: **ми** и **ти**. Другие либо исчезли совсем (**ны** и **вы**), либо существуют в контекстах, где легко заменяются полноударными формами. Было подтверждено, что единственное число более устойчивыми оказались энклитики Д.п. Думается, что это можно связать с преобладанием инфинитивных конструкций, где субъект и объект выражается Д.п., и некоторыми аналогическими процессами. Сравнение с другими памятниками книжной и некнижной ориентации показало, что, несмотря на лежащий в основе текстов шаблон, ДДГ отражает процессы, происходящие в живом языке, хотя и с некоторым опозданием.

Библиография

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI века М.-Л., 1950.
2. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики М., 2008.

3. Толстая М. Н. Система энклитик в сербских грамотах XIV-XV века // Конференция «Славистика, индоевропеистика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо». Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.

Д.В. Дяченко

ПСТГУ, Москва

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДИАЛЕКТЕ СЕЛА СТАРОШВЕДСКОЕ: ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ¹

Введение

Село Старошведское (шв. Gammalsvenskby; официальное название в наши дни — Зміївка) находится на Украине, в Херсонской области. Оно было основано в 1782 г. шведами — переселенцами с острова Дагё (сейчас он принадлежит Эстонии) — в ходе проводившегося в правление Екатерины II заселения Новороссийского края. Языком переселенцев был диалект Дагё, который являлся одним из шведских диалектов Эстонии. В 2004 г. было обнаружено, что некоторые жители села сохраняют язык, восходящий к диалекту Дагё. Он представляет собой единственный живой скандинавский язык на территории бывшего СССР.

До переселения в Новороссийский край диалект Дагё был в близком контакте с эстонским языком, после переселения — с немецким, русским и украинским. В XIX в. население Новороссийского края было многонациональным, причём большинство его составляли немцы. Согласно данным за 1852 г., в Херсонской губернии на 168 шведов приходилось 31 700 немцев [2: 60–63]. В XIX — начале XX в. Старошведское находилось в окружении немецких поселений, поэтому контакты носителей диалекта с немецким языком не могли не быть активными. Основным языком повседневного общения для всех жителей современного села является русско-украинский (суржик). Кроме того, носители диалекта хорошо владеют стандартным шведским и немецким.

Диалект Старошведского нуждается в срочном описании, поскольку его основными носителями являются пожилые люди, число которых не превышает пятнадцати человек. При этом степень владения диалектом различается даже в этой небольшой группе. Выделяются высококомпетентные (или консервативные) носители, для которых диалект Старошведского с детства был основным, и среднекомпетентные, освоившие этот диалект в ходе общения с его носителями (fluent speakers и semi-speakers).

В предлагаемой работе впервые рассматриваются русские и украинские заимствованные существительные в современном диалекте Старошведского; часть фактического материала также публикуется впервые. В нашей следующей работе мы рассмотрим заимствования, относящиеся к другим частям

¹Исследование осуществлено в 2016 году в рамках проекта «Диалект села Старошведское: изучение лексики и составление электронного словаря» (руководитель — А.Е. Маньков) при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

речи. Их количество, однако, крайне незначительно и несопоставимо с количеством существительных. Статья Х. Лагмана [7] о русских заимствованиях в шведских диалектах Эстонии, при всей её значимости, не может быть источником для описания современного диалекта Старошведского.

Источником фактического материала данной работы являются части словаря диалекта, публикуемые в «Вестнике ПСТГУ»: [4] (и последующие публикации; к настоящему времени публикация словаря доведена до конца буквы *h*). В свою очередь, источником материала для этого словаря являются устные интервью с носителями, записанные А.Е. Маньковым в селе в 2004–2013 гг. Практически все приведённые формы были названы Лидией Андреевной Утас, Анной Семёновной Лютко и Мелиттой Фридриховной Прасоловой, чей вариант диалекта отличается наибольшей устойчивостью системы словоизменения и сохранностью словаря.

1. Фактический материал

Неисконную лексику в диалекте можно разделить на две группы: ассимилированные (в разной степени) заимствования и иноязычные вкрапления, которые не являются стабильными элементами диалектного словаря. Критериями ассимилированности являются: 1) фонетические изменения, отдаляющие слово от его формы в языке-источнике и приближающие его к диалекту; 2) включение слова в диалектную парадигматику. Таким образом, в список ассимилированных заимствований мы включаем, во-первых, формы, которые подверглись в диалекте фонетическим изменениям (даже если они незначительны: ср., например, *goste*), и, во-вторых, формы, которые встретились с диалектными окончаниями (даже если эти формы сохраняют фонетический облик языка-источника: ср. *batarǎjana*, *trakton*, *vóloken*). В список также включаются контаминации, имеющие какой-либо русский/украинский элемент (ср. *ablkós*, *kólendär*). Наконец, мы посчитали необходимым включить в список и те слова, которые в силу фонетической близости допускают заимствование не только из русского/украинского, но и из немецкого или шведского (см. *akátse*, *lamp*, *maşín*).

Существительные приводятся с базовыми окончаниями, например: *álesk*, *-en*, *-ar*, *-a*, где *-en* — определённая форма ед. числа (*alesken*), *-ar* — неопределённое мн. ч. (*aleskar*), *-a* — определённое мн. ч. (*aleska*). Окончания приводятся только в том случае, если эти формы встретились в интервью. Знак / разделяет фонетические, // — морфологические варианты. Во многих случаях мы приводим примеры употребления слов с указанием инициалов информантов. Об орфографии, разработанной для диалекта, см. [4: 96]; обзор фонетики дан в [1], сведения о грамматике взяты нами из статьи [3].

1.1. Ассимилированные заимствования

(1) **ablkôs//ablkôse** n. ‘абрикос’.

Вероятно, слово является контаминацией рус./укр. *абрикос* и нем. *Apriköse* f. Средний род (вместо женского, как в немецком, или мужского, как в русском), возможно, свидетельствует о восприятии этого существительного как собирательного (для собирательных и вещественных существительных в диалекте характерен средний род), ср. примеры: *Före krī väkst-dom 'ō hēr, ablkôs* ЛУ ‘До войны они тоже росли тут, абрикосы’; *Ja höldär 'ō ablkôs, tom jära güar de kūk* ЛУ ‘Я люблю абрикосы, их хорошо готовить’.

(2) **akátse-trā** n. ‘акация’ (опред. мн. ч. — *akátse-trāna*): *Tēr 'ō vār grinde vräi-e 'ūt äitt stuṭṭ akatse-trā mā rētäre* ЛУ ‘Также там у калитки вырвало большую акацию с корнями’; *Ve süpa lāṅs mā mūṅ ända 'titt mūt akátse-trāna som väkst po gatna* ЛУ ‘Мы подметали вдоль забора до самых акаций, которые росли на улице’.

Источником заимствования может быть как немецкий (*Akázie*), так и русский/украинский.

(3) **álesk**, -en, -ar, -a m. ‘галушка’: *To ja kūkar torr aleskar, to skār ja-dom; to ja kūkar sjürmölksalesk-väling, so plukkar ja-dom* ЛУ ‘Когда я готовлю сухие галушки, то я их режу; когда готовлю суп из кислого молока с галушками, то я их рву’. Композит: *alesk-väliṅ* ‘суп с галушками’.

Вероятно, восходит к укр. *галушка*, утратившему начальный [γ].

(4) **aplsín** n. ‘апельсин’. Мн. ч. — *aplsíne*: *Aplsíne fī ve änt sī. Kannske, än-dom vā-noställ* ЛУ ‘Апельсины мы не видели. Возможно, что они были где-то’.

Из-за фонетической близости немецкого, шведского и русско-го/украинского слов точно установить язык-источник затруднительно. Переход в средний род, возможно, обусловлен значением собирательности.

(5) **ägüst/ägust** ‘август’.

Названия месяцев в диалекте восходят, скорее всего, к нем. (ср. *märts* ‘март’), но возможна контаминация с русским. Ударение на первом слоге (ср. нем. *Augúst*) может объясняться как влиянием русского произношения, так и диалектной тенденцией к ударности первого слога. Кроме того, нам неизвестно произношение данного слова в том варианте немецкого языка, на котором говорили жители Старошведского и близлежащих сел (возможно, он отличался от литературного немецкого).

(6) **balk**, -en, -ar, -ana m. ‘бревно’.

Ср. рус. *балка*, нем. *Balken* м., шв. *balk* (общий род). Из-за разницы в роде заимствование из русского менее вероятно, но в интервью с Л. А. Утас данное существительное встретилось с неопределённым артиклем ж. р. (*äin balk*), что может быть вызвано влиянием русского слова.

- (7) **banje** [ˈbɑɲɛ], *banja, banjar, banjana* f. ‘баня’.

Вероятно, русский им. п. ед. ч. слова ‘баня’ был воспринят носителями диалекта как форма определённого ед. ч. женского рода (типа *kirkja* — опр. ед. ч. к *kirke* ‘церковь’), вследствие чего была образована неопределённая форма *banje* и остальная парадигма.

- (8) **bank** f. ‘банка’: *Gill-siple vaskar ja ’ō o sänn läggär ’inn-dom üte butlar häldär üte litäs-, halv-litäs bankar* ЛУ ‘Я промываю шиповник и потом кладу его в бутылки или в литровые, поллитровые банки’.
- (9) **bástan//bastar** м. ‘баштан’: *Tēr väks dom, po han bastan, kävnrar o dinnjar* ЛУ ‘Там растут они, на том баштане, арбузы и дыни’.

Морфологический вариант *bastar* появился из-за восприятия *bastan* как формы определённого ед. ч. (ср. *fiskjan* — опред. ед. ч. к *fiskjar* ‘рыбак’).

- (10) **batarájana** (опред. мн. ч.; встретилась только эта форма) ‘батареи’: *Tom gjüd ’umm allt: täss pípana, täss batarájana* ЛУ ‘Они все переделали: эти трубы, эти батареи’.
- (11) **bázar/bássar**, -e, -är, -e n. ‘базар’: *Fär gī folke defúts ot stäen. Kēna smēr o sjōd smēr, po bázare* ЛУ ‘Раньше люди ходили пешком в город. Били масло и продавали масло, на базаре’.
- (12) **blūd**, -n/-en, -ar, -a// -ana м. ‘блюдец’: *Ja kann ribl ’inn mindäre bitar üte blüdn* ЛУ ‘Я могу покрошить кусочки поменьше в блюдец’. Композит: *katt-blüd* ‘блюдец для кошки’.
- (13) **boklezáne** n. ‘помидор’ < рус. диал. или укр. *баклажан* в значении ‘помидор’. Композит: *boklezáne-plant* ‘куст помидора’. Записанные формы:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>baklazán[i]</i>	<i>baklazán[i]</i>	<i>baklazánär</i>	<i>baklazán[i]</i>
ЛУ	<i>boklezán, boklezáne, boklezáne</i>	<i>boklezáne</i>	<i>baklazánär, boklezánär</i>	<i>boklozánena</i>

Изменение рода (м. > n.) может быть обусловлено значением собирательности, ср. контекст: *Boklezáne rívar ja ’sundär po he fín riv-jēne* ЛУ ‘Помидоры (букв. «помидор») я тру на мелкой тёрке’.

- (14) **boşş** м. ‘борщ’, *sīr-boşş* ‘суп из щавеля’.
- (15) **butl**, опр. ед. ч. *butl*, мн. ч. *butlar*, опр. мн. ч. *butla//butlana* м. ‘бутыль’.

Ср. нем. *Buttel* f., однако из-за разницы в роде более близким источником кажется укр. *бу́тель* m.

- (16) **Bárislav** ‘Берислав’ (районный центр).
 (17) **bûrak** m. ‘бурак’, также *rē-bûrak*: *Tom rē-bûraka* (опр. мн. ч.) *kûka ja blöutar o sänn gjūd ja ‘inn-dom mā* укус о *sugār* ЛУ ‘Я варила бураки, пока они не становились мягкими, и затем заправляла их уксусом и сахаром’.
 (18) **bûrjanar** (только мн. ч.) ‘бурьян’: *Håila rigōðn jár inn-våkst mā bûrjanar* ЛУ ‘Весь огород зарос бурьяном’. Композит: *bûrjanz-bûsk* ‘куст бурьяна’.
 (19) **dinnje**, мн. ч. *dinnjar* f. ‘дыня’.
 (20) **dişl** [diʃ:l] ЛУ n.//f. ‘дышло’. Формы:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>dişl</i>	<i>dişle</i> n.	<i>dişlār</i> n.	<i>dişlena</i> n.
ЛУ	<i>dişl</i>	<i>dişle</i> n.// <i>dişla</i> f.	<i>dişlar</i>	<i>dişlana</i>

Формы ж. р. наряду со средним вызваны восприятием формы *дышло* как определённого ед. ч. (ср. *hēna* — опред. ед. ч. к *hēn* f. ‘курица’).

- (21) **divan** (род не установлен) ‘диван’: *Tēr satt aina po divan* ЛУ ‘Там сидела одна (женщина) на диване’. Вероятно, ближайший источник — русский, т.к. шв. *divån*, нем. *Díwan* m. не являются употребительными обозначениями дивана; фонетически слово ближе к русскому, чем к укр. *ð[i]ван*.
 (22) **djogg** n. ‘дёготь’. Средний род, возможно, вызван влиянием многочисленных исконных вещественных существительных ср. р.
 (23) **doftor/doftär** m. ‘доктор’; произв.: *doftošk* f. ‘женщина-врач’. Формы:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>doftor</i>	<i>dofton</i>	<i>doftarar</i>	<i>doftora</i>
ЛУ	<i>doftär</i>	<i>doftän</i>	<i>doftarar</i>	<i>doftärna</i>

Существительное может быть заимствовано как из рус./укр., так и из шведского.

- (24) **dopär** n. ‘тюрьма’ < ДОПР (Дом принудительных работ). Средний род предположительно объясняется ассоциацией со шв. *fängelse* n., нем. *Ge-fängnis* n.
 (25) **dröb-kün** n. ‘дробинка’ (*kün* — ‘зёрнышко’).
 (26) **dûrak/dûrak**, -en, -ar, -a/-ana m. ‘дурак’: *Hēr jār än dûrak bättrare som anan* ЛУ ‘Тут один дурак лучше другого’.
 (27) **düllje** [dœ:ʎ], *düllja*, *dülljar*, *dülljana* АЛ ЛУ f. ‘груша’ < южнорус./укр. *дуля*: *Gädiņa, tom jäta hoļār üt üte dülljana* ЛУ ‘Осы, они выедают дырки в грушах’.
 (28) **fanār**- в *fanär-fabrikk*, также *fanār-brikk* ‘лесопилка’.

(29) **fūr**, -a, -ar, -ana f. ‘фура’.

Ср. нем. *Fuhre* f. ‘груз; ходка’, шв. *fora* ‘ходка; груз; подвода’, однако ближайшим источником в современном диалекте является, скорее всего, русский.

(30) **fäbrar** ‘февраль’. Ср. нем. *Februar*. Возможно, данное слово является контаминацией нем. и рус. (ср. *ägüst*).

(31) **gartsīts** [γ] f. ‘горчица’: *Livra jär skarp, to-de bräsär, o märgan jär blöütär. Min mann, han öd-e soşş, a ja brük’ hölt öd-e mä lite* уксус o [γ] *artsīts, he jär gūare, to-de dūpar ‘inn-e üte hon [γ] artsitsa* ЛУ ‘Печень твердая, когда жарить, а мозг мягкий. Мой муж ел его так, а я вообще любила с уксусом и горчицей; оно вкуснее, когда макаешь его в горчицу’.

Ср. укр. *горчиця*; произношение с [a] в безударном слого, которое восходит к русскому, соседствует с южнорус./укр. [γ].

(32) **goste** [γ] (другие формы не употребляются) ‘гости’: *Han gi näst nōn de [γ]oste* АЛ ЛУ ‘Он пошёл к кому-то в гости’ < южнорус. (так как произносится с [γ]) или укр.

(33) **grifl/griffel/grifel**, опр. ед. ч. *grifl/grifel*, мн. ч. *grifflar* m. ‘грифель’: *To ja gi ot skūla, so vār änt iņa häftär. To vār täfl som ve skrīva me han grifl* (опр. ед. ч.) ЛУ ‘Когда я ходила в школу, не было тетрадей. Тогда была доска, на которой мы писали тем грифелем’; *Ve häv grifflar* (мн.) *de skrīv ‘me. Griffel vār üte ställe blipp o ştil. Tjöl ştile tarva-de blakk, a tjöl blippen tarva-de de spits-n, a de spits-n tarva-de kniven, soşş vār han grifel* (опр. ед. ч.) *ale bäst* ЛУ ‘У нас были грифели, чтобы писать ими. Грифель был вместо карандаша и пера. Для пера нужны были чернила, а карандаш надо было точить, а чтобы точить его, нужен был нож, поэтому грифель был лучше всего’.

Возможно заимствование из рус., но в пользу нем. *Griffel* m. косвенно говорит то, что Л. А. Утас, в ходе интервью с которой было записано слово, посещала именно немецкую школу.

(34) **gũ**, -a, -ar, -ana f. ‘гриб’: *O äin goņnar häv-dom öd gūar hūp-nappa o häv fādes-kūka-dom, o öd üte se, häv änt iņa brē de kēp, öt tom gūana üta brē* ЛУ ‘И однажды они собрали грибы и сварили их, и съели, у них не было хлеба, они съели те грибы без хлеба’. Композит: *flōo-gũ* ‘мухомор’.

Восходит к рус. диал. *губá* в значении ‘гриб’ [5: 74; 7: 15]. Старое заимствование, попавшее в диалект до переселения, т.к. оно является основным обозначением гриба и в других шведских диалектах Эстонии.

(35) **harb**, -a, -ar, -ana f. ‘телера’: *Harbana hōa brāar po бүтне... o tēr unde harbana brük’ foļke sōa umm dāen bait middan* ЛУ ‘У телег есть доски на дне... и под телегами люди обычно спали днём после обеда’. Композит: *harb-vāvār*

м. ‘телега’: *Üte harb-vāvān lāgge-dom 'inn halm, häi de kēr. O tēr jār än stāa po bō sīana de lüft-e 'upp hēgre, än-dār gōr māire 'inn üte hon harba* ЛУ ‘В телегу кладут солому, сено, чтобы везти. И там есть лестница с обоих боков, чтобы поднимать выше, чтобы входило больше в повозку’.

Скорее всего, восходит к укр. *гарбá*; ср. отражение *g* в *alesk* и *goste*.

(36) **jánvar** ‘январь’.

Возможно, является контаминацией нем. *Jánuar* и русского (ср. *āgüst, fābrar*).

(37) **kádus/kádos/kátüs**, -n, -ar, -a м. ‘фуражка’. Ср. рус. и укр. *кармуз*, шв. *kardús* ‘зарядный картуз’, нем. *Kartüsche* f.; к нижненем. *kartüse/kardüse* [SAOB: K 561]. Значение ‘головной убор, фуражка’ у этого существительного в шведском отсутствует, поэтому *kátüs*, скорее, связано с рус. *кармуз*.

(38) **kádfl** ['kadfl] АЛ/**kátüfl** ['katsfl] ЛУ м. ‘картофель’. Встретившиеся формы:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kadfl</i>	<i>kadfl/kadfln</i>	<i>kadflar</i>	<i>kadfla/kadflana</i>
ЛУ	<i>katüfl</i>	<i>katüfln</i>	<i>katüflar</i>	<i>katüfla/katüflena</i>

Примеры употребления: *boka katüflar* ‘печёная картошка’; *dämt katüflar* ‘тушёная картошка’; *sundär-stampa katüflar* ‘пюре’.

Вероятно, восходит к нем. *Kartoffel* f., но м. р. в современном диалекте может быть вызван ассоциацией с русским словом.

(39) **kamód**, -e (мн. ч. не встретилось) п. ‘комод’: *E kamód vā-dār kastär, üte he kamöde lād ve 'inn klēnar* ЛУ ‘В комод были ящики, в тот комод мы клали одежду’.

Ср. шв. *kommod* [ko'mu:d] (общий род); фонетически диалектное слово ближе к русскому.

(40) **kánoр** ['kanop] п. ‘диван’: *Kanor brük' stō vār gruba* ЛУ ‘Диван раньше стоял у печи’.

Ср. рус. *канане* п., укр. *канана*, нем. *kanapree* п., шв. *kanaré* (общий род). Заимствование из шв. менее вероятно из-за несовпадения рода. В современном диалекте форма *kánoр*, скорее всего, заимствована из рус.; диалектное безударное *о* отражает, возможно, какой-то вариант русского произношения.

(41) **kástrüll** ['kas:trel:] м. ‘кастрюля’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kástrüll</i>		<i>kástrüllar</i>	<i>kástrülla</i>

ЛЮ	<i>kástrüll</i>	<i>kástrüll//kástrüllen</i>	<i>kástrüller</i>	<i>kástrüllana</i>
----	-----------------	-----------------------------	-------------------	--------------------

Ср. эст. *kastrul*; это слово считается русским заимствованием в эстонском языке, через который оно попало в шведские диалекты Эстонии [6: 66].

- (42) **katlåt**, -n, -ar m. ‘котлета’: *De gära katlåtar, so moļa-de kätt 'sundär po kät-kvēne. Ja kann rīv fādes po rīv-jēne än katüfl, he gār blöüthait üte-e katlåtn* ЛЮ ‘Чтобы делать котлеты, перемалываешь мясо на мясорубке. Я могу натереть на тёрке картошку, она даёт мягкость котлете’.

Ср. нем. *Kotelét* n., *Koteléte* f.; шв. *kotlétt*, укр. *котлѐта*. Вероятно, *katlåt* является контаминацией шв. *kotlett* и рус./укр. *котлета*: фонетическая форма восходит к рус. и укр., мужской род обусловлен общим родом в шведском (шв. -en соответствует определённом артиклю м. р. в диалекте). Заимствование из немецкого менее вероятно из-за различия в роде.

- (43) **kåven** [‘ka:vən] m. ‘арбуз’ < южнорус./укр. *кавун*. Формы:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kåven</i>		<i>kåvnar</i>	<i>kåvna</i>
ЛЮ	<i>kåven</i>		<i>kåvnar</i>	<i>kåvna//kåvnana</i>

Композиты: *kåvens-huniņ* n. ‘арбузный мёд’; *kåvens-sirop* m. ‘арбузное варенье’; *kåven-skiv* f. ‘ломтик арбуза’.

Пример полностью ассимилированного заимствования: сформирована полная парадигма, безударный *u* > *e*, ударение переместилось на первый слог, основа входит в состав композитов.

- (44) **kívik/kibít**k, -a, -ar, -ana f. ‘кибитка’.

- (45) **kilómätär** m. ‘километр’.

Ср. нем. *Kilometer* n., шв. *kilometer*. В пользу русского или украинского заимствования свидетельствует совпадение рода (м.), ударение на втором слоге (отражает ненормативный вариант русского произношения).

- (46) **kíno** (встретилась только эта форма) ‘кино’: *Han kann gnāl õ, vill hōa pānar fron me, han vill-do gō ot kíno* ЛЮ ‘Он тоже поет, хочет денег от меня, он же хочет пойти в кино’.

Наиболее вероятным представляется заимствование из нем. *Kíno*, однако возможно заимствование и из рус. с перемещением ударения на первый слог (ср. *bázar, búrak*).

- (47) **kladó**[u]k, -a, -ar, -ana f. ‘кладовка’.

- (48) **kófe** ‘кофе’: *Üte Komi vār iņa kófe, so bränd ve brē po grit-üen, tät än-e jár skarft o svatt, o kasta inn-e ot kūkande vatne. Soşş kūka ve kofe* ЛЮ ‘В Коми не

было кофе, мы палили хлеб на плите, пока он не становился твёрдым и чёрным, и бросали его в кипящую воду. Так мы варили кофе’.

Ср. шв. *kaffe*, нем. *Kaffee*. С фонетической точки зрения диалектное слово ближе всего к русскому.

- (49) **koft** f. ‘кофта’. Слово *kofta* [kɔfta] имеется и в шв., но в пользу рус./укр. происхождения может свидетельствовать то, что Вендель записал его только в Старошведском.

- (50) **kólendär** m. 1с ‘календарь’. Формы:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kolendär</i>		<i>kolendrar</i>	<i>kolendra</i>
ЛУ	<i>kolendär</i>		<i>kolendar</i>	<i>kolendärna</i>

Ср. нем. *Kalénder* m., шв. *kalénder*, рус. *календарь*. Возможно, диалектное слово — результат контаминации рус. и шв./нем.: элементом слова, восходящим к рус. произношению, является гласный *o* (с вторичным переносом ударения на него), возможно, отражающий рус. безударное *a*, поскольку нем. или шв. *a*, а также укр. *a* были бы отражены в диалекте как *a*.

- (51) **k[o]mbáinar** ‘комбайны’.

Современное заимствование, отражающее украинское произношение.

- (52) **kópek**, *-en*, *-ar*, *-ana* m. ‘копейка’.

Старое заимствование, записанное во всех шведских диалектах Эстонии.

- (53) **krant/kran**, опр. ед. ч. *krantn/kran*, мн. *krantar*, опр. мн. *kranta//krantana* m. ‘кран’: *Kran byrja dröp* ЛУ ‘Кран начал течь’.

- (54) **kriss** [kris:], *-a*, *-ar*, *-ana* f. ‘крыса’: *Nōat fosar unde hālmen, äin kriss mäiäddäil* МП ‘Что-то шуршит под соломой – наверно, крыса’; *Ja hēd änt, än-dom vār hēr, krissar, kvār hāv-do kattar, o änt äin katt, a hāv tfō kattar me kattunar. A rottana vār* ЛУ ‘Я не слышала, что они тут были, крысы, у каждого были кошки, и не одна, а две, с котятами. А мыши были’. Композит: *blind-kr[i]ss* f. ‘крот’.

- (55) **kúraj** (названа только эта форма) ‘курай’: *Ve äilda me kúraj üte gruba, o hālm. Kúraj hāv mäiäre hita üte se som hālmen* ЛУ ‘Мы топили печь кураем и соломой. Курай давал больше тепла, чем солома’. Композит: *kúraj(s)-büsk* ‘перекати-поле’.

- (56) **kuṭka** (встретилась только эта форма) ‘куртка’.

- (57) **Káṣon** ‘Херсон’.

- (58) **-lak** в *bäkk-lak* (род не установлен; другие формы не встретились) ‘смоляной лак’.

- (59) **lamp** f. ‘лампа’.

Ср. нем. *Lampe* f., шв. *lampa*; фонетическая близость затрудняет определение языка-источника.

(60) **lapp** f. ‘лапа’.

(61) **maşîn** f. ‘машина’; *häksl-maşîn* ‘машина, на которой резали солому’, *tjål-maşîn* ‘веялка’, *triske-maşîn* ‘молотилка’.

Ср. нем. *Maschine* f, шв. *maskin*. Вероятно, ближайший источник заимствования — рус./укр. (ср. рус. *машина* и диалектную форму определённого ед. ч. *maşîna*); однако из-за фонетического сходства слов точно определить источник затруднительно.

(62) **Neppär/Nēpär** m. ‘Днепр’.

С фонетической точки зрения наиболее вероятным источником заимствования является русский (укр. *Дніпро*).

(63) **paperósana** (опред. мн. ч.; встретилась только эта форма) ‘папиросы’: *Ko mike kvüst täss paperósana?* ЛУ ‘Сколько стоят эти папиросы?’

(64) **par[o]xóda** (опред. мн. ч.; встретилась только эта форма) ‘пароходы’: *Tēr ūte trāske, to buskan komm fron lande, so gī-dom 'nēr ot trāske de drikk allar... O tēr kēd paroxóda po Neppär* ЛУ ‘Там, на речке, когда скот шёл из степи, он весь спускался к речке пить... И там ходили пароходы по Днепру’.

Современное заимствование, отражающее укр. произношение.

(65) **pírak**, -en, -ar, -a m. ‘пирожок’: *To dom lägge titt tom piraka po panna de brāsas, so tække dom 'fast loke po panna* ЛУ ‘Когда кладут пирожки на сковородку жарить, закрывают крышку у сковородки’. Композит: *äpl-pirak* ‘пирожок с яблоком’.

Существительное распространено в шведских диалектах Эстонии и, вероятно, заимствовано через эстонское посредство [6: 67].

(66) **povidl** (другие формы не встретились; род не установлен) ‘повидло’: *Umm-de vill, so kann-de smäre-dom me povidl hāldār dū ūte grāddn* ЛУ ‘Если хочешь, можно намазать их (блины) повидлом или макать в сливки’.

(67) **prānik**, -en, -ar, -a m. ‘печенье’: *Fār vā-dār änt iņa prānika, soļe boka prātsla* ЛУ ‘Раньше не было пряников, мы сами пекли кренделя’.

Возможно, заимствовано из рус. через посредство эстонского [6: 67].

(68) **sakk** m. ‘соха’.

Ср. эст. *sahk*, рус. заимствование в эстонском, попавшее в шведские диалекты Эстонии [6: 80, 185].

(69) **sáldat**, -n, -är// -ar, -a// -ena m. ‘солдат’.

Ср. шв. *soldát*, нем. *Soldát*. Слово, скорее всего, является рус. заимствованием, с отражением рус. безударного *о* как *а* и переносом ударения на первый слог.

(70) **sírop** m. ‘варенье’: *Murmür häist 'inn frön káven som-dom kūka... he kumär 'ūt som kávens-huniñe haldär síropen* ЛУ ‘Бабушка зачерпнула арбузного варенья, которое они варили... это, выходит, арбузный мёд или сироп’. Композит: *kávens-sírop* ‘арбузное варенье’.

Ср. нем. *Sírup* m., шв. *sírap*, укр. *сироп*. Диалектное произношение ближе всего к русскому.

(71) **síp(a)l** n. ‘лук’ (мн. *sípl*, опр. мн. *síple* ‘луковицы’); композиты: *gill-sípl* ‘шиповник’, *säte-sípl* ‘семена лука’, *vintär-sípl* ‘озимый лук’, *sípl-fräi* ‘пёрышки лука’, *sípl-skäft* ‘пёрышко лука’, *sípl-skälär* ‘луковая шелуха’.

Ср. укр. и рус. диал. *цибуля*, а также эст. *sibul*, латыш. *sīpolis*. Источник заимствования неясен; слово распространено во всех шв. диалектах Эстонии и могло попасть в них как напрямую из русского или украинского, так и через эстонский [6: 57].

(72) **skask** f. ‘сказка’ < рус. (ср. укр. *казка*).

(73) **skiss** m. ‘маленькая коса’ < укр. *скісок*.

(74) **skórop** m. ‘кари’, напоминает укр. *кóрон*; неясно происхождение начального *s-* в диалекте.

(75) **snarjád** ‘снаряд’: *Tēr foll-där mindäre snarjádär* ЛУ ‘Там падало меньше снарядов’.

(76) **snopp** m. ‘сноп’: *Färr vār-e soşş: iñä kombáinar vā-där änt de slō kväite, so skār ve mä sårp o band-e mä snoppär* ЛУ ‘Раньше было так: не было комбайнов косить пшеницу, мы косили серпом и вязали снопами’.

(77) **stäka**, также **stäkan** m. ‘стакан’.

Это слово — единственный пример отражения рус. безударного *а* как диалектного *ä*.

(78) **şarf** m. ‘шарф; шаль’.

(79) **şlan** ‘шланг’ (опр. ед. ч. *şlan*, мн. ч. *şlanar*, опр. мн. ч. *şlanä*): *Ja lād 'inn şlan de släpp 'inn vatn ot tunna* ЛУ ‘Я положила шланг, чтобы набрать воду в бочку’.

Ср. шв. *slang* (уст. *schlang* < нем. *Schlange* ‘змея’), однако ближайшим источником заимствования является, скорее, рус./укр.

(80) **tabrétk** f. ‘табуретка’.

(81) **trakton** (опред. ед. ч.; встретилась только эта форма) m. ‘трактор’: *Fār kēd trakton o bläi vār kvār grinde stöande...* ЛУ ‘Раньше ездил трактор и оставался у каждого ворот’.

- (82) **tsimánt/tsemánt** n. ‘цемент’: *Hon sūpa 'hūp-e, kvastn krapša po tsimánte* ЛУ ‘Она подметала, веник шкрябал по цементу’.
- (83) **tšáun** m. ‘чан’ < укр. чаву́н: *Sätt 'upp tšaun po grit-ūen* ЛУ ‘Поставь чан на плитку’.
- (84) **tšerášne-trā** n. ‘черешня’.
- (85) **úse** (другие формы не употребляются) ‘ус; усы’ < рус. (ср. укр. вуси); произв.: *usjatār* ‘усатый’; композит: *katt-use* ‘кошачьи усы’.
- (86) **várnek** m. ‘вареник’: *Han kōn kann-de brās sānn pirakar mā, hāldār gāra var-nekar* ЛУ ‘С капустой можно потом печь пироги или делать вареники’.
- (87) **vínagrad** m. ‘виноград’; композиты: *vínagradz-bűsk* ‘виноградный куст’, *vínagradz-kłips* ‘виноградная гроздь’. Диалектное произношение ближе к русскому.
- (88) **vínegret** m. ‘винегрет’: *Ja gjūd 'fādes vínegret o satt 'upp-en po būde* ЛУ ‘Я сделала винегрет и поставила его на стол’.
- (89) **višne** n. ‘вишня’.
- (90) **vóloken** (опред. ед. ч.) ‘волок’ (рыболовная снасть): *Tom gī drāa fisk mā voloken* МП ‘Они ходили ловить рыбу волоком’.

1.2. Неассимилированные заимствования (все примеры — ЛУ)

больница (также *sjūk-hūse*): *O ja gī 'ān soļe ānda ot stāen ot больница... Ja lō tēr tfo mōna ūte sjūk-hūse* ‘И я ещё сама пошла в город в больницу... Я там пролежала два месяца в больнице’.

Каховка: *Tom lēvd so bra, ān-dom blāi ūta nōat, fōre drikkjande, drakk 'upp allt, ānt stjūe, mān koṭṭāre som-dom hāv e Каховке* ‘Они докатились до того, что остались без ничего из-за пьянки — пропили всё: не дом, а квартиру, которая у них была в Каховке’.

клюква: *Hon mado vār gōande ätt клюква* ‘Она, наверно, ходила за клюквой’; *Mālitta toļa, ān-on var gōande ätt клюкву o brōūt 'girm se ūte he jokke* ‘Мелитта рассказывала, как она пошла за клюквой и провалилась в трясину’.

компот: *Tom bummbäre torrka-dom um vintān de kūk komnom fron* ‘Те грузи сушат на зиму, чтобы варить компот из них’.

прицеп: *Tom jāra de last hāie po прицеп* ЛУ ‘Они грузят сено на прицеп’.

решётка: *Umm-de ānt drāār 'tjānd he skinne, so gōr-e sānn ānt de moļa, kann-e brūt 'sundār решетка po kāt-kvēne* ‘Если не содрать ту шкуру, оно потом не перемелется, может поломать решётку у мясорубки’.

Север: *To ve komm hitt fron Север, so kēft ve hēr 'ō ott-os gāitār* ‘Когда мы приехали сюда с Севера, мы тоже купили себе коз’².

спринцовка: *Tōa 'inn vatn ūte спринцовка* ‘Возьми воды в спринцовку...’

²В диалекте существует также другое слово со значением ‘север’ — *nūden*: *Lāt-n vara fārbānnatār, han nūden* ЛУ ‘Будь он проклят, тот север’ (о Коми АССР).

халат: *Ja fõlda 'umm халат, än-en jär kottare* 'Я подшила халат, чтобы он был короче'.

хлорка, хлоромин: *Хлорка kan jäta 'üt färga... Där jär 'än хлоромин, he jätär änt 'üt färga* 'Хлорка может выесть цвет... Есть ещё хлоромин, он не выедает цвет'.

2. Лингвистическая характеристика заимствований

2.1. Определение языка-источника заимствования

Чёткое разграничение русского и украинского языков как источников заимствований не всегда возможно прежде всего потому, что основным языком общения носителей диалекта является не литературный украинский и не литературный русский, а суржик. Более того, тот суржик, на котором говорят информанты, неоднороден: степень близости их речи к русскому литературному языку неодинакова. Там, где это возможно, разграничение русского и украинского (или, иначе говоря, разграничение форм, которые можно считать восходящими к литературному русскому, и форм, которые, скорее всего, нельзя считать таковыми) проводится по фонетическому и лексическому критериям. Так, в фонетическом отношении следует учитывать отражение в заимствованиях следующих гласных: ударные [i] ~ [i] (рус. vs. укр. *и*); ударные [e] ~ [ɛ] (рус. vs. укр. *е*); безударные [a] ~ [o]. Исходя из этого, диалектное произношение существительных *dívan, kibítċ, povídl, sírop, tabrétk, vínegret, sáldat, kamód, vínagrad*, в которых слышатся [i], [e], [a], ближе, скорее, к русскому; произношение *batarájana, Bârislav, tsemánt, tšerášne* — к украинскому. Во многих случаях противопоставление русского и украинского невозможно из-за их фонетической близости: *ablkôs, akátse, bank, banje, blúd, boşş, boklezáne, búrjanar, dinnje, dişl, djogg, doftor, fanâr, goste, kilómätär, koft, krant/kran, kúraj, kuţka, lamp, paperósana, şarf, şlan, traktor, várnek*. Некоторые лексемы нехарактерны для русского литературного языка: *düllje, kâven, skiss, skórop, tšáun*. С другой стороны, лексемы *búrak, dúrak, kánop, Neppär/Něpär, skask, snopp, úse* являются, скорее, русскими по происхождению.

2.2. Место ударения в заимствованиях

В исконных словах диалекта ударение падает на первый слог. Ударение на первом слоге свойственно также эстонскому языку, поэтому любые заимствования часто имеют ударение на первом слоге. Можно выделить три случая:

1) перенос ударения на первый слог в старых заимствованиях, сохраняющих двусложную основу, которые имеются не только в Старошведском, но и в других шведских диалектах Эстонии; некоторые из этих слов могли попасть в диалект через эстонское посредство: *dúrak, kópek, práńnik, sípl*;

2) перенос ударения на первый слог в словах, заимствованных явно после переселения с Дарё: *bástan, Bârislav, Kášon*;

3) слова, сохраняющие исконное место ударения: *ablkôs, akátse, aplsîn, kamód, maşín, tabrétk, tsemánt, tšerášne*.

2.3. Особенности отражения русских и украинских гласных и согласных в заимствованиях

Ударные рус. *и* и укр. *i* сохраняются: *mašin, skiss, kíbik, povídl, višne*. Безударные рус. *и* и укр. *i* отражаются как [-e]: *use, goste, paperósana, varnek*. Кроме того, *e* появилось на месте *a* и *y* в *boklezáne* (наряду с менее ассимилированной формой *baklazán[i]*), *alesk, káven*.

Ударные рус. *ы*, укр. *и* нередко сохраняются: *d[i]nnje, d[i]šl, kr[i]ss*.

Ударные рус. [e] и укр. [ɛ] сохраняются (в орфографии *e, â*): *tabrétk, Bârislav, Kâšon*.

Ударные рус. и укр. *a* и *o* сохраняются: *banje, bošš, dopär, doftor, koft*.

Безударные рус. *a* и укр. *a* в обычном случае отражаются как *a*: *ablkós, akátse, aplsîn, batarâjana, fanâr-, harb, mašin*; с переносом ударения: *bâzar, bâstan, kâtüs, sâldat, vínagrad*. Особыми случаями являются: *kánop, boklezáne, kólendär, stâka*.

Как ударное, так и безударное рус. и укр. *y* в некоторых словах сохраняется, в некоторых отражается как *ü*, при этом возможны дублеты: *âgüst/âgust, butl, düllje*; с перемещением ударения: *bûrak, bûrjanar, dûrak/dûrak, kûraj*.

Согласные [ʒ], [ɣ], [z], начальное [ʃ], нехарактерные для фонетической системы диалекта, могут сохраняться: *bokle[ʒ]áne, [ɣ]oste, bâzar* (наряду с более ассимилированной формой *bâssar*), *šarf*.

Нехарактерные для диалекта сочетания согласных в ассимилированных заимствованиях изменяются: *борщ* > *bošš*, *доктор* > *doftor*; *кибитка* > *kíbik*; *Днепр* > *Neppär/Nëpär*, *куртка* > *kuřka*, *шланг* > *šlaŋ*.

2.4. Морфологические особенности заимствований

Парадигма существительного в диалекте состоит из четырёх форм: неопределённое ед. ч., определённое ед. ч., неопределённое мн. ч., определённое мн. ч. У заимствованных существительных полная парадигма формируется не всегда. Это выражается в неразличении определённого и неопределённого ед. ч.: см., например, *butl, kađfl, kastrüll, kólendär, šlaŋ*.

Если окончание русского или украинского слова фонетически близко какому-либо окончанию в диалекте, то при заимствовании может происходить морфологическая ассимиляция: так, форма *дыня* напоминает определённое ед. ч. типа *f. 2c* (ср. *briggja* — опред. ед. ч. к *brigge* ‘мост’), откуда возникает парадигма *dinnje, dinnja, dinnjar, dinnjana*. Существительное, таким образом, включается в морфологию диалекта. Аналогичные примеры: *banja, dišl, düllje, harb*.

Существительные в диалекте распределяются по трём родам: мужскому, женскому и среднему. Во многих случаях род заимствованного существительного совпадает с родом в языке-источнике: *banje f., bank f., bastan m., bošš m., bûrak m., dinnje f., dišl n., düllje f., dûrak m., fûr f., ħartšits f., gũ f., harb f., kánop n., kâtüs m., káven m., kíbik f., kladóuk f., koft f., krant m., kriss f., lapp f., mašin f., Neppär m., sírop m., skask f., stâka m., šarf m., tabrétk f., várnek m.* В меньшем числе случаев

род заимствований изменяется: *ablkôs* n., *aplsîn* n., *bázar* n., *blūd* m., *boklezáne* n., *djogg* n., *dopär* n., *kamód* n., *tsemánt* n. В большинстве случаев изменение рода можно объяснить внутридиалектными грамматическими процессами или аналогией. Так, ср. р. слов *ablkôs*, *aplsîn*, *boklezáne*, *djogg*, *tsemánt* можно объяснить влиянием исконных собирательных и вещественных существительных, которые часто относятся к ср. р. Существительное *dopär* могло быть отнесено к ср. р. по аналогии со шведским и немецким обозначениями тюрьмы, которые относятся к ср. р. (*fängelse*, *Gefängnis*).

Заключение

Диалект села Старошведское — это единственный сохранившийся до наших дней скандинавский диалект из группы шведских диалектов Эстонии, существовавших на территории Российской империи. Шведские диалекты Эстонии находились в контакте с русским языком на протяжении всей своей истории. В разные эпохи интенсивность этого контакта была неодинаковой [7: 3]. Диалект Старошведского изолирован от родственных диалектов с 1782 года, и с начала XIX в. он находился в окружении немецкого, а затем русского и украинского языков. Однако доля русских и украинских заимствований в диалекте Старошведского не так значительна, как можно было бы ожидать. В настоящее время общее количество существительных, встретившихся в интервью, составляет около 1000 [3: 58]. Как показывает наше исследование, лишь около 100 из них — русские и украинские заимствования. Вероятно, в ходе дальнейшего изучения лексики число обнаруженных русских и украинских заимствований увеличится, однако едва ли оно будет больше одной десятой части словарного состава диалекта.

Библиография

1. Маньков А. Е. Диалект села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология, 2010. № 1 (19). С. 7–26.
2. Маньков А. Е. Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // Slovene. International Journal of Slavic Studies, 2013. Vol. 2. № 1. С. 60–110.
3. Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Мир шведской культуры / Тоштендаль-Салычева Т. А. (отв. ред.). М: РГГУ, 2013. С. 55–105.
4. Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (a — brist-bäin) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология, 2014. № 3 (38). С. 91–130.
5. Freudenthal A. O., Vendell H. A. Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
6. Lagman H. Svensk-estnisk språkkontakt. Stockholm, 1971.

7. Lagman H. Ryska lånord i estlandssvenska mål. Svio-estonica: Studier utgivna av svensk-estniska samfundet. 1971. Vol. XX. Ny följd 11. Pp. 3-29.
8. Ordbok över svenska språket utgiven av Svenska akademien, I-Lund, 1893 (saob.se, 31.10.2016).

Б.А. Захарьин

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ДВОЙНОЙ АККУЗАТИВ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ

В индоевропеистике предлагается несколько гипотез, касающихся прошлого индоевропейцев вообще и индоиранцев в частности. Основные различия между ними концентрируются вокруг представлений о месте первоначального расселения праиндоевропейцев (южнорусские степи — vs — Малая Азия) и о маршрутах последующего продвижения племен древних индоиранцев в направлении Ирана и Индии (с севера на юг или с юга на север) — см., например, [2: 3–30; 1: 918]. Однако при отвлечении от этих, хотя важных и принципиальных, расхождений сам факт существования в прошлом индоиранского языкового единства признается в настоящее время практически всеми специалистами.

Одним из синтаксических подтверждений этого единства являются конструкции с двойным аккумулятивом, предположительно унаследованные праиндоиранским из общеиндоевропейского, в предложениях которого соответствующие аргументы маркировались инактивным падежом на *-m. Подобные конструкции сохранялись и после отделения индоариев от иранцев и размежевания их языков; они отмечены и в древнеиранских, и в древнеиндийских текстах — см. соответствующие примеры из авестийского (1) и древнеперсидского (2), с одной стороны, и из ведийского (3) и санскрита (4), с другой:

- (1) spəntə-m θwā māngh-ī
праведник-ACC SG ты.ACC SG считать-PAST.1 SG
'Я счел тебя праведником.' [пример В.С.Расторгуевой]
- (2) ... uāna-m jādīy-āmiy auramazdā-m
благо-ACC SG просить-PRES 1 SG Ахурамазда-ACC SG
'Благо испрашиваю (у) Ахурамазды.' [пример В.С.Расторгуевой]
- (3) agnī-m ... avocā-mā suvRktī-m
agni-ACC SG говорить-IMPF 1 PL молитва-ACC SG
'(К богу) Агни обратили-мы(букв. «проговорили») молитву.'
[RV10.80.7]
- (4) māṇavaka-m dharma-m brū-te
юноша-ACC SG дхарма-ACC SG говорить-PRES.MED.3 SG
'Юношу (в) дхарме наставляет' (букв. «дхарму говорит»).

В Древнем индоарийском (ДИА) существовали две разновидности двуаккумулятивных конструкций: а) внутри предложения аккумулятив мог выступать маркером и прямого дополнения (ПД), и объектного компонента предиката — в данной работе подобные образования не рассматриваются; б) аккумулятив ис-

пользовался в составе одного предложения при оформлении и прямого, и косвенного (КД) дополнений — именно такие встречаемости в ДИА и анализируются ниже.

Первым на проблему двуаккузативности обратил внимание выдающийся древнеиндийский лингвист Панини (V в. до н.э.), посвятивший ей отдельное правило (скр. *sūtra*) **1.4.51**; оно имеет следующий вид:

а-	kath-	ita-	m	са
отриц	выражать	pp	Nom/Acc SG	и
‘И также не выраженное.’				[Panini 1989: 89]

Союз *са* «и, тоже; и также» в контексте сутры предполагает метаязыковое использование, указывая на то, что содержащее его правило вторично или дополнительно по отношению к некоторому предшествующему правилу, которое трактуется как главное. В данном случае главной является сутра **1.4.49**, в которой Панини дает определение понятию ‘Пациенс’:

kart-ur	īpsitā-	tama-	m	karma
агенса-GEN SG	желанный	SUPERL	n.NOM SG	пациенс.n.NOM.SG
‘Пациенс – [это то, что является] максимально желательным [для] Агенса’.				
Таким образом, сутра 1.4.51 в окончательном виде приобретает толкование:				
‘Пациенс – [это то, что] максимально желательно [для] Агенса, а также [то, что явно] не выражено/не обозначено [в предложении]’.				

Комментаторы по-разному трактовали правило ‘*akathita*’, пока с XII в. в традиции не утвердилось мнение Кайяты, согласно которому, Панини имел в виду свободу выбора для автора речи между двумя семантически идентичными конструкциями: двуаккузативной, с одной стороны, и таковой с аккумулятивом ПД и косвенным падежом КД, с другой [9: 183–4]. Сравни, например, (5) и эквивалентное ему предложение (5a):

- (5) *rāma-m* *gā-m* *yāc-a-te*
 Рам.m-ACC SG корова.f-ACC SG просить-PRES-MED 3 SG
 ‘[Некто у] Рама корову просит/[Некто] Рама [о] корове просит.’
- (5a) *rām-ād* *gā-m* *yāc-a-te*
 Рам.m-ABL SG корова.f-ACC SG просить-PRES-MED 3 SG
 ‘[Некто] у Рама (букв. ‘от Рама’) корову просит.’

В текстах на мертвом ДИА и в традиционных санскритских грамматиках не содержится сведений о связи варьирования по актуальному членению с преобразованиями в морфосинтаксисе и о том, какими кодирующими средствами такая связь могла бы реализовываться. Для древнеиндийского предложения доминирующим являлся порядок SOV, но в принципе допускались любые изменения в порядке следования составляющих. При подобном положении дел и при обычном отсутствии в текстах вариантов с неаккузативным

оформлением одной из составляющих (подобные варианты имеются только в трудах древнеиндийских грамматистов), неизбежно возникновение неопределенности в отношении того, какая из двух ИГ, маркированных аккузативами в соответствующей конструкции, реализует функцию ПД, а какая — функцию КД. Напомним также в этой связи, что в «Восьмикнижии» указанные синтаксические категории попросту отсутствуют, т.к. грамматическая модель Панини предполагала прямую (без посредничества ПД или КД) соотнесенность тэта-ролей с соответствующими ‘тройками’ падежно-числовых маркеров.

Поскольку опора на морфологию оказывается неэффективной, одним из возможных путей поиска решения для подобных случаев могла бы, вероятно, стать та универсальная синтаксическая процедура, которая успешно использовалась современными лингвистами при исследовании ими английских дву-объектных конструкций вида “John sent the letter to Mary” или “John gave a gift to Mary” (см., например, работы [5; 6]), а именно — операция пассивизации. В соответствии с тестом на пассивизацию та из двух оформленных аккузативом именных групп (ИГ), которая при продвижении в позицию субъекта пассивного трансформа маркируется номинативом, в исходной активной конструкции должна реализовывать функцию ПД. Так, например, приведенное выше активно-залоговое предложение (5) может быть преобразовано в пассивный трансформ (5б), оформленная номинативом ИГ *gau-h* в котором и является субъектом. Соответственно, именно ее следует трактовать как ПД исходного (активного) предложения (5):

- (5б) *rām-ād* *yāc-yá-te* *gau-h*
 Рам.m-ABL SG просить-PASS-3 SG MED корова.f-NOM SG
 ‘У Рама (букв. «от Рама») [кем-то] выпрашивается корова.’

Однако в ДИА выполнение процедуры пассивизации в отношении двуаккузативных конструкций осложняется рядом обстоятельств. В частности, как показал в своей работе грамматист Патанджали [9: 37–38], еще во II в. до н.э. комментировавший труд Панини, номинативом при пассивизации может быть маркирован и первый аргумент исходной конструкции, а второй сохранять оформление аккузативом, т.е., наряду с (5а), грамматически приемлемым оказывается не только предложение (5б), но и предложение (5в):

- (5в) *rām-o* *yāc-yá-te* *gā-m*
 Рам.m-NOM SG просить-PASS-3 SG MED корова.f-ACC SG
 Букв. ‘Рам выпрашивается корову’, (типологически сопоставимое с соответствующими построениями в некоторых северных диалектах русского языка).

Таким образом, грамматичность пассивных трансформов типа (5в) и ему подобных позволяют приписать функцию ПД именно первому (а не второму) аргументу исходного двуаккузативного активно-залогового предложения.

Ранние панинисты не исключали также и возможности маркирования первого аргумента в пассивном трансформе генитивом. В этом случае второй аргумент, продвигавшийся при пассивизации в позицию субъекта, оформлялся номинативом, и таким образом для (5) оказывался допустимым еще и пассивный трансформ (5г):

(5г)	rāma-sya	yāc-yá-te	gau-ḥ
	Рам.м-GEN SG	просить-PASS-3 SG MED	корова.f-NOM SG
	‘Рама корова выпрашивается.’		

Однако в итоге многолетних дискуссий уже средневековые грамматисты Индии пришли к заключению, что в предложениях типа (5г) нарушен исходный смысл, т.к. маркирование первого аргумента генитивом указывает только на отношение принадлежности (в данном случае «отчуждаемой») между первым и вторым участниками ситуации, и таким образом (5г) не должен трактоваться в качестве пассивного трансформ от (5).

«Помехи» при осуществлении пассивизации связаны также и с некоторыми специфичными для ДИ семо-синтаксическими ограничениями. Так, соотносимая с ролью Терминала (= ‘Конечной Точки’) неодушевленная ИГ при любых (транзитивных или интранзитивных) предикатах ‘перемещения в пространстве’ должна маркироваться только аккумулятивом; соответственно, ее продвижение в позицию субъекта пассива не допускается. Например, приемлемым пассивным трансформом от (6) является только (6а), но не (*6б):

(6)	gā-m	náy-a-ti	nadī-m
	корова.f-ACC SG	вести-PRES.ACT-3 SG	пека.f-ACC SG
	‘[Некто] корову ведет к реке.’		
(6а)	gau-r	nī-yá-te	nadī-m
	корова.f-NOM SG	вести.PASS-PRES.PASS-3 SG MED	пека. f-ACC SG
	‘Корова ведется [кем-то к] реке.’		
(*6б)	*nadī-Ø	nī-yá-te	gā-m
	пека.f-NOM SG	вести.PASS-PRES.PASS-3 SG MED	корова.f-ACC SG
	**‘Река ведется корову/к корове.’		

Для ряда переходных глаголов, образующих активные двааккумулятивные конструкции, существуют ограничения на субъектное продвижение аргументов при пассивизации, обусловленные характеристиками соответствующих семантико-валентностных рамок предикатов. Например, *dhū-* «трясти/стряхивать» предполагает валентностную рамку, основанную на отношении «целое — часть», и в клаузе с этим глаголом либо один из аргументов маркируется аблативом, а другой — аккумулятивом, либо оба маркируются аккумулятивом — см. (7):

(7)	vRkṣa-m/-āḍ	phālā-ni	dhū-nu-te
	дерево.м-ACC SG/ABL SG	плод.м-ACC PL	трясти-PRES-3 SG MED
	‘[C] дерева [некто] плоды стряхивает.’		

При пассивизации предложения (7) продвижение в позицию субъекта пассива возможно лишь для аргумента «плоды», обозначающего «часть», а ука-зывающий на «целое» второй аргумент («дерево») утрачивает возможность маркирования аккузативом:

- (7a,b) vRkṣ-ād / *-m phálā-ni
 дерево.m-ABL SG/*-ACC SG плод.m-NOM PL
 dhū-yá-nte
 трясти-PRES.PASS-3 PL MED
 '[C] дерева /*дерево плоды [кем-то] стряхиваются.'

Аналогично *dhū-* ведет себя и *prach-* в значении «(ис)спрашивать/просить»: для него предполагается валентностная схема 'обладатель / источник информации — искомая информация'; аргумент, соотносимый с 'обладателем / источником', может оформляться аблативом либо аккузативом или же возможна двуаккузативная конструкция; при пассивизации в позицию субъекта продвигается только аргумент, реализующий валентность 'искомая информация':

- (8) māṇavaká-m /-ād pánthāna-m
 юноша.m-ACC SG /-ABL SG оберег.n-ACC SG
 pRcch-a-ti
 просить-PRES-3 SG ACT
 '[Кто-то] юношу [об] обереге просит'/'[Кто-то у] юноши оберег просит.'
- (8a) māṇavak-ād /*-am pánthāna-m
 юноша.m.ABL SG /*ACC SG оберег-n. NOM/ACC SG
 pRcch-yá-te
 просить-PASS.PRES -3 SG
 '[Кем-то у] юноши оберег просится/выпрашивается.'

Однако семантически весьма близкий к *prach-* глагол *yāc-* «молить / вы-маливать» с валентностной рамкой 'обладатель — обладаемое' при пассивиза-ции двуаккузативного варианта функционирует иначе, чем *prach-*:

- (9) balí-m / bale-r yāc-á-te vasudhā-m
 Бали.m-ACC SG/ABL SG молить-PRES-3 SG MED земля.f-ACC SG
 '[Кто-то] Бали молит [о] земле'/'[Кто-то у] Бали вымаливает землю.'
- (9a) balí-r / bale-r yāc-yá-te
 Бали.m-NOM /ABL SG молить-PRES.PASS-3 SG MED
 vasudhā-m/-Ø
 земля.f-ACC/NOM SG
 '[Кем-то] Бали умоляется [относительно] земли'/'[Кем-то у] Бали земля вымаливается.'

Иными словами, *yāc-* в отличие от *prach-* при пассивизации двааккузативного построения допускает продвижение в позицию субъекта обоих исходных аргументов, при этом соотносимая с 'обладаемым' ИГ может маркироваться номинативом, но может и сохранять аккузативное оформление.

Таким образом, каждый из глаголов ДИА, допускающий двааккузативные конструкции, должен анализироваться отдельно с учетом характерной для него типовой семантико-валентностной рамки и способности его аргументов к продвижению в субъектную позицию в процессе пассивизации. В целом формировать двааккузативные конструкции в ДИА мог лишь ограниченный класс лексем. В него входили следующие глаголы: *duh-* «доить», *yāc-* «молить / просить», *prach-* «спрашивать», *brū-* «говорить», *śās-* «обучать/наставлять», *daṇḍ-* «наказывать», *rudh-* «закрывать», *pac-* «готовить», *ci-* «собирать», *muṣ-* «красть / похищать», *math-* «пахтать/взбалтывать», *kRṣ-* «тащить / волочь / вести», *ji-* «побеждать», *nī-* «вести», *hR-* «уносить», *vah-*, и некоторые другие. Почти все они в плане лексической семантики относились к т.н. 'фактитивным' предикатам (термин Климова), т.е. предполагали либо поверхностное воздействие на объект, либо перемещение объекта в пространстве или в информационном поле. Напомним, что, если следовать позднему варианту теории эргативности у Климова, именно оппозиция 'агентивность — фактитивность' (а не 'транзитивность — интранзитивность') является важнейшей лексико-грамматической характеристикой глаголов в эргативных языках [4: 95–98].

Состав класса глаголов, способных образовывать двааккузативные конструкции, менялся в ходе эволюции ДИА. Так, согласно МакДонеллу, в ведийском в данном классе в числе прочих (см. выше) присутствовали глаголы *vac-* «говорить», *ī-* «идти, двигаться», *yā-* «идти / подступаться», *dhū-* «трясти / стряхивать», *yaj-* «жертвовать», *kR-* «делать», но в языке Брахман (переходном от ведийского к санскриту) они способность к двааккузативности утратили. Показательно, что, по крайней мере, два члена из составленного МакДонеллом перечня ведийских глаголов, которые позднее перестали образовывать двааккузативные конструкции, а именно — *yaj-* «жертвовать» и *kR-* «делать», должны классифицироваться как «переходные», но не «фактитивные», и это может означать, что указанный переходный период в языковой истории символизировал смену оппозиции в некоторых сферах лексической семантики и грамматики, т.е. частичную замену противопоставления по 'транзитивности' оппозицией 'фактитивности'. Подтверждение этому можно усмотреть и в том, что в это же самое время представленный в языке Брахман класс двааккузативных предикатов пополнился новыми членами, ранее соответствующих конструкций не образовывавшими, а именно — 'фактитивными' глаголами *ā-gam-* «приходить/приближаться», *dhā-* «доить/сосать», *ji-* «выигрывать/побеждать», *jyā-* «вырывать/выдергивать» [7: 305].

В конструкциях ДИА с аккузативным оформлением и ПД, и КД аргументы могли быть взаимно противопоставлены по разным значениям признака ‘одушевленность’ — в подобных случаях процедура соотнесения ИГ с соответствующими тэта-ролями упрощается. См. в этой связи выстроенный на базе несколько измененной клаузы в [RV 1.75.5] пример (10), где аккузативом маркированы и неодушевленная ИГ *pára-m ánta-m* «дальний предел», и одушевленная *tvā* «тебя»; в плане тэта-ролей здесь выявляется соотносимость первой с Целью (Goal), а второй с Источником (Source):

- (10) pRcch-á-ti tvā pára-m
спрашивать-PRES- 1 SG ты.ACC SG дальний-ACC SG
ánta-m
предел-ACC SG
‘[Некто] спрашивает тебя [о] дальнем пределе.’

При пассивизации (10) только ориентированная на Цель неодушевленная ИГ может замещать позицию субъекта в пассивном трансформе:

- (10a) tvāt pára-o ‘ ntaḥ
ты.ABL SG дальний-m.NOM SG предел-m.NOM SG
pRcch-yā -te
спрашивать-PASS-3SG
‘У тебя (букв. ‘от тебя’) [кем-то] спрашивается дальний предел.’

Но в ДИ были представлены и такие двуаккузативные конструкции, в которых оба аргумента характеризовались одинаково по признаку ‘одушевленности’. Подобную ситуацию можно наблюдать в примере (11) из [RV 1.64.5]:

- (11) duh-á-nty ūdhar divy-āni
доить-PRES- 3 PL вымя.n.ACC SG благо.n-NOM/ACC PL
‘[Они из] вымени [божественной коровы] надаивают блага.’

Пассивизация по отношению к (11) предполагает возможность для обеих неодушевленных ИГ продвинуться в субъектную позицию трансформа, и таким образом дать недвусмысленный ответ на вопрос о связи каждого из аргументов с синтаксическими категориями ПД или КД невозможно. Что касается сопряженности ИГ с соответствующими конкретными тэта-ролями, то эта проблема, как кажется, могла бы оказаться решенной при условии безоговорочного следования нормативам Панини, согласно которым тэта-роли должны определяться исключительно на базе семантики, но не синтаксиса (см. выше о сутрах 1.4.49 и 1.4.51).

Рассуждения позднейших комментаторов, старавшихся придерживаться указаний Панини, строились примерно следующим образом: в соответствии с базисной сутрой 1.4.49, ‘максимально желательными’ для Агенса являются обе

ИГ: и *divyāni* «блага», и *ūdhar* «вымя» (и это оправдывает использование в исходном предложении аккумулятива как маркера обеих), но только ИГ *divyāni* «блага» в качестве главной цели действия «доить» имплицитно распространение на нее дополнительной (скр. *anuvṛtti*-), т.е. особой, сутры 1.4.51, а все особое, в соответствии с логикой использования правил в грамматике Панини, неизменно приоритетно по отношению к общему (к 1.4.49), и, значит, именно *divyāni* — ‘главный’ (скр. *pradhāna*-) партиципant ситуации «доения», а *ūdhar* «вымя» — ‘второстепенный’ (*apradhāna*-). При пассивизации именно ИГ, представляющая главного участника, замещает позицию субъекта, следовательно, она и является ПД в исходном предложении. Второстепенный же участник соотносится с КД и с Источником как тэта-ролью; языковая экспликация ситуации и ее партиципантов предполагает, что маркером для ИГ *ūdhar* должен быть аблатив:

(11a) ūdhn-o	duh-	-yá-	-nte
вымя-n.ABL/GEN SG	доить-	PASS	3 PL MED
divvy-āni			
благо.n-NOM/ACC PL			
‘[Из] вымени надаиваются блага.’			

Существовали и отличные от панинийской грамматические школы, основывавшие свои трактовки составляющих предложения не полностью на семантике, но отчасти и на синтаксисе. Одной из них была философская школа *Mīmāṃsā*, сложившаяся приблизительно в то же время, что и таковая панинистов, и репрезентированная в первую очередь трудами ее основателя Шабары (*Śabara*). В частности, в стихотворном грамматическом трактате ‘*Śloka-vārttika*’, созданном Кумарилой Бхаттой (*Kumārila*) и являвшемся комментарием к работам Шабары, в отношении именных компонентов предложения была введена оппозиция ‘главный’ (скр. *pradhāna*-) — ‘второстепенный’ (скр. *guṇa*-), весьма близкая к используемому ныне противопоставлению ‘прямое — косвенное дополнение’. Однако в языковедении древней и раннесредневековой Индии доминировала именно панинийская традиция, и кратко изложенная в ‘*Śloka-vārttika*’ теория Кумарилы, ориентированная и на семантику, и на синтаксис, не получила широкого распространения среди современников-грамматистов. Только уже в эпоху позднего средневековья некоторые комментаторы, в частности, Кайята (XII в.), начали предпринимать попытки ее лаконично изложить и поспорить с автором — см. [9: 183–4, 188, 211–213]. Объем данной статьи не дает возможности для проведения сопоставительного анализа (заочной) полемики Кайяты с Кумарилой по всем соответствующим темам, но один из ее пунктов, как кажется, достоин хотя бы упоминания по причине его очевидных переключений с проблематикой современной лингвистики, а именно — с относительно недавней дискуссией генеративистов по поводу возможности — vs —

невозможности интерпретировать английские переходные глаголы типа ‘to kill’ как ‘cause to die’.

Позиция Кумарилы состояла в том, чтобы рассматривать способные к формированию двуаккузативных конструкций санскритские переходные глаголы типа *duh-/dugh-* «доить» как каузативные, т.е., согласно его интерпретации, как совмещающие два типа активности: одна из них предполагала бы действие ‘каузировать’, направленное как на результат на второе, реальное, действие, которое в свою очередь, будучи исполненным, имело бы результатом соответствующий конечный продукт. В частности, анализировалось исходное активное предложение (12):

- (12) *gā-m* *dogdhi* *payaḥ*
 корова- ACC SG доить.PRES.3 SG молоко.NOM/ACC SG
 ‘[Некто] доит корову [ради] молока’/ ‘[Некто] надаивает молока [от] коровы’, от которого можно было породить два грамматически приемлемых пассивных трансформы:

- (12a) *gā-m* *duh-ya-te* *payaḥ*
 ‘[От] коровы надаивается молоко.’
 (12b) *gau-r* *duh-ya-te* *payaḥ*
 Букв. ‘Корова доится молоко (= молоком).’

Если внимание говорящего концентрировалось на активности ‘каузировать’, то естественным ‘результатом’ (скр. *phala-*) для нее выступала *go-* «корова», и в соответствующем пассивном трансформе, т.е. в (12b), использовалась словоформа *gau-r* с аффиксом именительного падежа. Если для говорящего доминирующей оказывалась вторая активность (‘получение (молока)’), то естественным результатом ее являлось *payas* «молоко» (существительное среднего рода, имеющее один и тот же показатель в именительном и винительном падежах); требуемым грамматикой пассивным трансформом в этом случае выступало предложение (12a) со словоформой *gā-m*, содержащей маркер аккумулятива *-m*.

Итоговая реакция Кайяты на изложенные выше соображения Кумарилы состояла в следующем утверждении, относящемся к сфере морфосинтаксиса: семему ‘каузировать’ должно постулировать в семантике только такого глагола, который содержит деривационный аффикс *-āya-*, являющийся универсальным показателем вторичных (каузативных и деноминативных) основ презенса. Поскольку все глаголы ДИА, образующие двуаккузативные конструкции, маркера *-āya-* не имеют, в их семантической структуре наличия семемы ‘каузировать’ предполагать не следует, и поэтому рассуждения Кумарилы не имеют отношения к проблематике двуаккузативных конструкций.

Кайята в своем комментарии на ‘*Śloka-vārttika*’ немалое внимание уделил также и вопросу о том, прав ли был Панини, предложивший для двуаккузативных конструкций **особую** сутру 1.4.51, и не было бы достаточно **общего**

правила 1.4.49. Следуя за своими предшественниками-комментаторами (Патанджали, Бхартрихари и другими) и возражая оппонентам, Кайята успешно доказал абсолютную необходимость сутры 1.4.51, без которой вся тема двуаккузативности оказалась бы вне поля зрения автора «Восьмикнижия». Но этими рассуждениями Кайята, как, впрочем, и большинство позднейших комментаторов-традиционалистов, и ограничился и, по сути, не добавил ничего принципиально нового к тому, что уже некогда было предложено Патанджали в отношении собственно грамматической интерпретации двуаккузативности в ДИА. Подробнее об анализе Кайяты см. комментарии Джоши и Рудбергена в [9: 182–188], а также [3: 50–57].

В заключение необходимо отметить: привязка именных составляющих предложения с двумя аккузативами в ДИА к синтаксическим категориям ‘прямое (ПД)’ или ‘косвенное (КД)’ дополнения могла бы производиться однозначно только при условии наличия в пределах того же языкового фрагмента семантически эквивалентного предложения-варианта, в котором ИГ, потенциально соотносимая с КД, была бы маркирована морфологически соответствующим падежным показателем, отличным от такового аккузатива. Но подобная ситуация в реальных текстах на ДИА (в отличие от искусственных построений грамматистов) практически невероятна, и потому аргументы двуаккузативных конструкций не могут однозначно определяться как ПД или КД. Похоже, единственное допустимое для таких систем решение — опираясь на теоретические выкладки Драйера, относить ДИА к языкам с противопоставлением ‘*первичный — вторичный объект*’, но не с оппозицией ‘ПД — КД’ [5: 844–845]; к такому выводу подводят и рассмотренные выше трактовки индийских грамматистов-традиционалистов. Согласие с этой точкой зрения, как представляется, позволило бы совершенно по-новому объяснять причины произошедшей позднее — уже в среднеиндийскую и новоиндийскую эпохи — частичную эргативизацию структуры индоарийского.

Библиография

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
2. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории, № 3.
3. Захарьин Б.А. Категория «*karṇa*N» древнеиндийских грамматистов и ее применимость к индоарийскому синтаксису // Сравнительно-историческое и общее языкознание. Сборник статей в честь 80-летия В.А.Кочергиной. М.: “*Studia Academica*”, Издательство «Добросвет». С. 46–57.
4. Климов Г.А. Принципы континентальной типологии, М.: Наука, 1983.
5. Dryer, M.S. Primary objects, secondary objects, and antitativity // *Language*, vol. 62, No. 4 (1986). Pp. 808–845.

6. Larson, R.K. On the double object construction // *Linguistic Inquiry*, vol. 19, No. 3, 1988. Pp. 335–391.
7. Macdonell, A.A., *A Vedic grammar for students*, Reprint: Delhi, 1995.
8. Panini R. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*, Roman transliteration and English translation by Sumitra M.Katre, Delhi-Varanasi-Patna-Bangalore-Madras.
9. Patanjali's *Vyākaraṇa-Mahābhāṣya*. Publications of the centre of advanced study in Sanskrit, Class C, No.10. Introduction, translation and notes by S.D. Joshi and J.A.F. Roodbergen, Poona: University of Poona.

Е.Ю. Иванова

СПбГУ, Санкт-Петербург

Э. Бужаровска

Университет Св. Кирилла и Мефодия, Скопье

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ *ДА НЕ* В МАКЕДОНСКОМ И *ДА НЕ БИ* В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ¹

В данной статье доказывается положение о том, что в македонском и болгарском языках имеются признаки формирования частиц — маркеров вопросов со специфическим эпистемическим значением («пристрастных» вопросов). При этом просодические и морфосинтаксические признаки становления новой вопросительной частицы *да не*² в македонском языке интересуют нас не только как факт формирования особого типа вопросов, но и в связи с тем, что македонский комплекс элементов *да не* строится из грамматического материала, входящего в уже сформированную конструкцию, а именно балкано-славянскую *да*-конструкцию, — сочетание служебной частицы *да* с личными формами глагола, имеющее конъюнктивоподобные функции [36; 21: 287–290; 29; 42; 27].

Несколько более просты грамматические условия для вычленения болгарской частицы *да не би*, представляющей собой модальное наращение над основными компонентами *да*-конструкции или, иначе, являющейся грамматически и семантически расширенным вариантом *да*-конструкции.

Таким образом, в нашей статье ставятся две основные задачи: показать признаки становления частиц с особым эпистемическим значением, формирующих тип «пристрастных» вопросов, и проследить последствия этого становления для тех синтаксических конструкций, из элементов которых формируются интересующие нас частицы.

1. Частица-союз *да* в балканизированных славянских языках

Балканская конструкция, представляющая собой сочетание личных форм глагола со служебной частицей (греч. *va*, рум. *să*, алб. *të*, слав. *да*), распространилась в македонском и болгарском языках, частично в сербохорватском, как результат конвергентных процессов на балканской языковой территории.

¹Участие в данном исследовании Е.Ю. Ивановой поддержано грантами РГНФ № 14-04-00580 и 16-04-50019. Авторы выражают глубокую благодарность Лиляне Митковской, профессору Университета общественных наук (ФОН) г. Скопье, за ценные идеи и советы.

²Впервые положение о становлении комплекса *да не* как самостоятельной частицы было выдвинуто в работе [3].

Да-конструкция имеет как зависимое, так и независимое употребление. В зависимой позиции да-конструкция заменила инфинитив, некоторые виды причастий и конструкции со старыми целевыми союзами [7: 507–508; 1: 141–201 и др.], затем расширив сферу своего действия на другие зависимые предикации, в основном с гипотетическим значением.

В независимом употреблении македонская и болгарская да-конструкция используется в разных функциях. С одной стороны, это императивная и оптативная частица, напр., (25)–(27), (48)–(49) в тексте далее. Частица да в этом употреблении была известна и старославянскому языку, но значительное распространение ее в оптативно-императивной зоне связывают именно с балканским влиянием. С другой стороны, да-конструкция стала выступать и как модально-вопросительная частица. В частности, отмечалось, что с формами настоящего времени и перфекта она формирует вопрос со значением дубитативности, что характерно для аналогичных частиц албанского и румынского языков [1: 189]. Общим семантическим инвариантом для всех разнообразных употреблений независимой да-конструкции в современных балканизированных славянских языках считается нефактивность [24: 328; 28: 56; 2; 31].

Да-конструкция характеризуется значительными модально-темпоральными ограничениями на форму глагола и обязательной контактностью элемента да с глаголом. Эти ограничения она сохраняет в подавляющем большинстве случаев во всех позициях, в которых функционирует в болгарском и македонском языках³.

Так, для современного состояния у зависимой да-конструкции (как наиболее показательного ее употребления: именно с зависимых предикаций началось вытеснение инфинитива) имеется либо только один временной план, не прошедший, выражаемый презентной формой индикатива, как, например, в болгарских предложениях с целевым да (1), либо два — не прошедший и прошедший, как в изъяснительных (2) и (3). Прошедший план обычно выражается перфектом основного глагола (пример (3)):

- (1) болг. *Защо е трябвало да ме пусне, та после да ме гони* (PRES)? (Б. Райнов). ‘Зачем ему нужно было меня отпускать, чтобы потом меня преследовать?’
- (2) болг. *Не вярвам да ме лъже* (PRES.IPFV) / *излъже* (PRES.PFV) ‘Я не думаю, что (букв. Не верю, чтобы) он меня обманывает / обманет’.

³Такое постоянство ее морфосинтаксических характеристик, как и близкая функциональная соотнесенность с условиями употребления конъюнктива/субъюнктива в языках с морфологическим оформлением данного глагольного значения, вновь активизирует дискуссию о том, что, по-видимому, да-конструкция представляет собой особый балканский (аналитический) тип субъюнктива; из более новых работ см., прежде всего, сборник [26], также [27: 89–136; 38; 43], там же и литература.

- (3) болг. *Не вярвам да ме е излъгал* (PERF). ‘Я не думаю, что (букв. Не верю, чтобы) он меня обманул’.

Что касается единичных случаев употребления аориста, то подчеркнутая фактивность этого времени идет вразрез со значением нефактивности, присущей *да*-конструкции, и каждое такое употребление (группа употреблений) требует тщательного анализа [32]. Как мы увидим далее, употребление аориста свойственно и интересующим нас типам вопросов (примеры (43), (44) далее).

Ограничения на модальные формы в *да*-конструкции выражаются в выборе только изъявительного наклонения глагола. Изредка фиксируются также формы пересказа.⁴

Требование контактности между элементами *да*-конструкции реализуется как ограничения на разрыв *да* и глагола (4). Между ними допускаются лишь показатель отрицания *не* и клитики (5). Это касается и случаев, когда *да* выступает как союз, вводящий подчиненную предикацию (6).

- (4) мак. *Да пишуваш појасно!* ‘Пиши отчетливей!’
(5) мак. *Да не* (NEG) *му* (DAT) *се* (REFL) *јавуваш!* ‘Не звони ему’.
(6) мак. *Те замолив да не* (NEG) *му* (DAT) *се* (REFL) *јавуваш*. ‘Я попросил тебя не звонить ему’.

В разделе 3 мы покажем, как становление македонской частицы *да не*, по сути, разрушает грамматические признаки *да*-конструкции.⁵ Будет ли это разрушение иметь те же синтаксические и семантические последствия в употреблении *да*, которые показывают другие славянские языки, развивавшиеся иным путем? Прежде всего речь идет о словенском языке (и, в меньшей степени, о сербском и хорватском), где *да* является подчинительным союзом недифференцированного значения с широкой сферой действия, разрешающим при *да* любые модально-темпоральные формы сказуемого. У словенского союза *да* полностью утрачена модальная семантика, см. обзор всех типов подчиненных клауз в словенском языке в сопоставлении с болгарским в [11]. В балканизированных славянских языках — болгарском и македонском — на месте такого *да* употребляются изъяснительные союзы болг. *че*, мак. *дека* и др., нейтральные по модальности, которые противопоставлены балканскому *да* как модальному союзу, ср. в (8) болг. *че*, но не *да*, на месте словенского *да* (7). Пример (7) иллюстрирует также, что словенское *да*, как обычный

⁴Эта возможность обусловлена тем, что пересказывательность не является граммемой категории наклонения [18: 281–282, 304–327]. Так, пересказывательные формы могут быть образованы, хотя и с некоторыми ограничениями, от глаголов в условном и повелительном наклонении.

⁵Близкие последствия частичной грамматикализации македонских комплексов с *да* как эпистемических маркеров описаны для других сочетаний, включающих *да*: *како да* ‘как бы’ [32] и *мора да* ‘должно быть’ [44].

синтаксический союз, стоит в самом начале зависимой клаузы.

- (7) словен. *Prav tragično je, da je s svojim jezikovnim eksperimentiranjem ... skvaril jezik* (J. Toporišič). 'Весьма трагично, что своими языковыми экспериментами он испортил язык'.
- (8) болг. *Наистина е трагично, че със своето езиково експериментирание е развалил езика* (примеры (7)-(8) из [Деянова 1985: 83]).

В независимом употреблении словенская частица *да* тоже имеет ряд отличий [10: 325–327]. Что касается языков сербохорватской территории, они занимают промежуточное положение, располагая и недифференцированным подчинительным союзом *да*, и, в отличие от словенского, более активной *да*-конструкцией в оптативно-императивной зоне [5].

2. «Пристрастные вопросы» — компоненты толкования и варианты семантических интерпретаций

В македонском и болгарском языках наблюдаются признаки оформления комплексов мак. *да не* и болг. *да не би* как показателей особого типа эпистемических вопросов. В наиболее общем случае для подобных вопросов можно предложить следующий набор семантических компонентов:

- 'говорящий на основании полученной информации или своих наблюдений и выводов предполагает, что Р',
- 'ситуация Р противоречит ожиданиям говорящего или более ранним представлениям (говорящий считал Р маловероятным), но говорящий принимает или готов принять ситуацию Р как данность',
- 'говорящий эмоционально небезразличен к возможности Р',
- 'говорящий запрашивает подтверждение правильности своего предположения'.

Последний семантический компонент требует важной оговорки: в большинстве случаев, как мы покажем далее, истинность новой информации обычно не вызывает у говорящего сомнений, и он склонен принять ее как данность, поэтому иллюкутивный эффект таких вопросов состоит в выражении адмиративности или оценки либо в выражении беспокойства о наступлении нежелательной ситуации, и лишь в более редких случаях запрашивается подтверждение гипотезы говорящего. Таким образом, вопросительная форма выступает во многих случаях лишь как оболочка, в которую облечены «пристрастные» констатирующие высказывания:

- (9) *Да не го исчисти бојлерот?* 'Ты, никак, бойлер почистил?'⁶

⁶В данной статье по умолчанию примеры, содержащие частицу *да не*, представляют македонский язык, а содержащие частицу *да не би* — болгарский. Случаи использования *да не* в болгарском языке будут сопровождаться соответствующим указанием.

- (10) *Да не со нож ја отвори вратата!? Бравата е изгребана!* ‘Ты что, ножом, что ли, дверь открывал!? Замок исцарапан!’
- (11) *Да не би да ми се сърдиш за нещо?* (БНК⁷) ‘Ты что, сердисься на меня за что-то?’ / ‘Да ты, никак, сердисься на меня за что-то?’
- (12) *Бузата го засърбя “адски” Пръстите му напипаха някакви едри мехурчета или пъпки. – Да не би... Да не би защото... (Л. Дилов). ‘У него страшно зачесалась щека. Пальцы нащупали какие-то волдыри или прыщи. – Неужто... Неужто от...’*

Мы условно называем этот тип вопросов пристрастными, хотя данное определение может быть применено ко всем типам вопросов, в которых говорящий считает какую-л. альтернативу более вероятной, чем другая, ср. «biased questions» в работе [35]. При том что и в болгарском, и в македонском языках есть вопросительные частицы, формирующие установку говорящего на ту или иную альтернативу ответа (напр., частицы мак. *зар, нели*, болг. *нима и нали*), мы вкладываем в название «пристрастную» и обязательную эмоциональную составляющую: говорящий высказывает либо, как минимум, эмоциональную реакцию на несоответствие ситуации Р своим представлениям, либо подчеркнутую озабоченность наблюдаемым положением дел, либо в целом отрицательно оценивает возможность Р. Последнее значение, включающее оценку ситуации как нежелательной, известно как апрехенсивное [39; 23: 17; 13], и действительно, толкование апрехенсивного значения укладывается в набор семантических составляющих пристрастных вопросов, см. примеры группы 1 ниже.

Для разных контекстов употреблений на первый план выступают разные компоненты семантической интерпретации. Поэтому в типе пристрастных вопросов можно выделить несколько семантических вариантов, которые эффективно описывать на базе ведущего компонента семантической интерпретации, как, напр., в сборнике [14]. Не давая здесь подробный список возможных реализаций, выделим лишь 3 наиболее частотных варианта, обращая внимание на тот или иной ведущий различительный компонент значения, выявляющийся в наших вопросах; заодно укажем и основные русские параллели.

Вариант 1. Подозрение / догадка

Большинство вопросов с рассматриваемыми частицами более всего близки тому толкованию, которое дала И.Б. Левонтина русскому дискурсивному слову *часом*: оно «включает идею подозрения, то есть подразумевает эмоциональную вовлеченность говорящего в ситуацию и ожидание скорее всего чего-то плохого»: *Митя! А ты часом не алкоголик?* [20]. Все апрехенсивные вопросы также соответствуют этому толкованию:

⁷БНК – Български национален корпус (<http://dcl.bas.bg/bulnc/>).

- (13) *Да не ги потроши сите пари?* ‘Да ты случайно не потратил ли все деньги?’
(14) *Да не е отворена вратата?* ‘А что, там дверь открыта?’ / ‘Уж не открыта ли там дверь?’ (негативное ожидание)
(15) *Вие, господин кмете, да не би нешто? – мрѣдна едва забележимо с прѣсти царят* (П. Христов). ‘А вы, господин кмет, случайно не того...? — царь едва заметно пошевелил пальцами.’

Вне негативного предположения данная разновидность пристрастных вопросов реализуется как догадка. Пытаясь проинтерпретировать наличные факты, «говорящий предлагает единственно возможное объяснение», как это описано для одного из значений русской частицы *что ли* [14: 343], ср. и одно из значений рус. *никак*: говорящий дает «первое ближайшее объяснение» наблюдаемой ситуации [15: 136]:

- (16) *Да не ти влезе нешто во окото? Окоето ти е црвено* ‘У тебя, может, в глаз что-то попало? Глаз у тебя красный’.
(17) *Добро утро, байо, да не би да дириш някого? – каза воденичарят, който, види се, разбра положението на чужденеца* (Е. Пелин). ‘Доброе утро, братец, ты никак ищешь кого-то? — сказал мельник, который, видимо, понял, в каком положении оказался незнакомец’.

Вариант 2. Неожиданность / маловероятность

Семантический компонент ‘неожиданность’ проистекает из того, что ситуация казалась говорящему маловероятной. Значение ‘ситуация для говорящего неожиданна и представлялась маловероятной’ выделяется в рус. вопросах с *уж не... ли* и *неужели* в основном их значении [4: 273–275; 14: 300–309; 20 и др.]. В «пристрастных» вопросах обязательной, однако, является эмоциональная вовлеченность говорящего в ситуацию, его неравнодушие к данному положению дел.

Другим важным отличием *да не (би)*-вопросов от русских вопросов с *неужели* и особенно *разве* является восприятие говорящим ситуации как данности. Ср. отмеченное И.Б. Левонтиной отсутствие этой установки у рус. *разве*: говорящий «не ожидал, что Р <...> и не готов сразу признать, что Р имеет место» [20]. Иное дело — дискурсивная частица *что* — говорящий «не ожидал, что Р, но склонен, хотя и с некоторым усилием, признать, что Р имеет место» [20]. То же верно и для рассматриваемых македонских и болгарских частиц — говорящий склонен признать ситуацию, пусть и представлявшуюся ему маловероятной, как данность.

Близким синонимом поэтому оказывается рус. *никак* в интерпретации ‘глазам своим не верю’: ситуация Р — «очевидный факт, данность, нарушающая, однако, ожидания говорящего» [15: 134], хотя стилистические ограничения на

рус. никак не позволяют пользоваться этим дискурсивным словом во всех случаях перевода:

(18) *Леле, да не дојдоа гостите? А ние уште не сме готови!* ‘Боже, никак, гости пришли! А мы еще не готовы!’

(19) *Да не би да сте омъжена?* ‘А вы что же, замужем?’

Маловероятность ситуации служит основой развития вопроса в **риторический**. Ситуация кажется говорящему настолько маловероятной и неуместной, что он считает ее невозможной, и выражает свое неприятие оформлением риторического вопроса с мак. *да не* или болг. *да не би*:

(20) *А на мен някой да не би да ми плаща за това че гледам реклами????!!* ‘А мне разве кто-то платит за то, что я смотрю рекламу????!!’ (БНК).

Вариант 3. Гиперболизированное неприятие ситуации

В основе данного семантического варианта лежит мнение говорящего о том, что вообще-то представляемое ему положение дел не должно бы иметь места. Ср. об одном из значений рус. *что*: «Говорящий риторически предлагает маловероятную интерпретацию ситуации, чтобы показать, что ситуация, с его точки зрения, совершенно ненормальна» [20]:

(21) *Да не си полудел?!* ‘Ты что, сдурел?’

(22) *Да не си паднал од Марс?!* ‘Ты что, с Луны свалился?’

3. Безударный комплекс *да не* как новая эпистемическая частица?

Признаки становления македонского комплекса частиц *да не* как единой модальной частицы наблюдаются и на просодическом, и на морфосинтаксическом уровне [3].⁸

3.1. Просодические особенности «пристрастных» вопросов с *да не*

Комплекс *да не* в вопросах, которые мы назвали пристрастными, показывает, во-первых, интонационную слитность, во-вторых, безударность (примеры (23)-(24), что значимо на фоне различающихся просодических характеристик отрицательных *да*-конструкций в других иллокутивных функциях (далее в примерах прописными буквами выделены основные слоги в комплексе «*да не* + глагол», несущие ударение).

⁸В [3] вопросы с *да не* анализируются как «эпистемические вопросы» и рассматриваются на фоне других функций *да*-конструкций с отрицанием, а в статье [41] — как вопросы, где *да не* функционирует как маркер сокращения дистанции между говорящим и слушающим.

(23) *Да не Одиш таму?* 'Неужто идешь туда?' / 'Ты что, неужели туда идешь?'

(24) *Да не ПЛАчеш?* 'Ты что, плачешь?!' / 'Да ты, похоже, плачешь!'

Ср. совершенно иные характеристики прохибитивов (25)-(26), которые произносятся с ударением на отрицательной частице при небольшой паузе между *да* и *не*, и превентивов (27), которые произносятся с меньшим акцентированием отрицательного показателя, но все же при его ударности; ударным является и последующий глагол.

(25) *Да НЕ одиш таму!* 'Не ходи туда!' / 'Не надо ходить туда'.

(26) *Да НЕ плачеш!* 'Не плачь!' / 'Не надо плакать'.

(27) *Да НЕ НАстинеш!* 'Смотри не простудись!'

Имеются формально схожие высказывания и вопросительного иллокутивного типа. Это эмоциональные переспросы (в работе [3] они названы «адмиративными» вопросами), которые произносятся с акцентированием и отрицательного показателя, и глагола. Слитности *да* и *не* здесь не наблюдается. В отличие от всех трех предшествующих вариантов высказывания (пристрастных вопросов, прохибитивных и превентивных высказываний, где интонация нисходящая), здесь имеется восходящая конечная интонация, характерная в целом для вопросов в македонском языке.

(28) *Да НЕ Отидеш ТАму!?* 'Как, ты не пошел туда!?' / 'Ты — и чтоб не пошел туда?!'

(29) *Тој ова да НЕ го ТАНаправи?! Не е можно!* 'Он да чтоб этого не сделал? Это невозможно!'

Итак, только в «пристрастных» вопросах комплекс *да не* произносится безударно и слитно.

Дополнительным доказательством просодического обособления этой частицы является ее фонетическая редукция в говорах, особенно в западных диалектах (*да не* > *дан*'; *да не не* > *дане не* > *дан' не*) [3: 44].

3.2. Морфосинтаксические особенности пристрастных вопросов с *да не*

3.2.1. Возможность вставки полноакцентного элемента между *да не* и глаголом. Разрыв осуществляется, как правило, акцентированным элементом (30)-(33):

(30) *Да не УТРЕ доаѓа Марко?* 'Неужели __завтра приходит Марко?'

(31) *Да не ПАК треба да ја платиме казната?* 'Опять, что ли, надо заплатить штраф?' / 'А вдруг __опять надо заплатить штраф?'

(32) *Да не МАРКО сака нешто?* 'А вдруг / А может, Марко хочет что-то?' (если другие не хотят).

(33) **Да не ПРЕМНОГУ** зборував? ‘Я не чересчур [много] говорил?’

Среди случаев вставки между *да не* и глаголом нефокусируемых элементов отметим модальные слова *можеби* (пример (34)) и *случајно* (35), допустимы также инверсированные неакцентированные элементы рематической группы, обозначающей событие в целом, “глобальную ситуацию”, участники которой неопределенны (примеры (36)-(37)):

(34) **Да не можеби** се исплашиле од она малку снежче? букв. ‘Неужто они, может быть, испугались этого маленького снежочка?’ (возможное толкование: ‘Они, никак, испугались?’ со снижением степени достоверности, привносимым посредством *можеби*).

(35) **Да не случајно** сте го изгубиле новчаникот? ‘Вы случайно не потеряли бумажник?’

(36) **Да не нешто** се случи? ‘Уж не случилось ли что-то?’ (‘Неужто что-то случилось?’).

(37) **Да не некој** те удрил? ‘Уж не ударил ли тебя кто-нибудь?’

3.2.2. Употребление маркера негации в случае введения отрицательно оформленной пропозиции (примеры (38), (39б), (40б)). Это свидетельствует о том, что частица *не* в составе комплекса *да не* уже не выполняет отрицательной функции [3: 37]. Ср. также пары предложений в (39)-(40), противопоставленные по противоположной presupпозиции говорящего:

(38) *Каде е Марко?* **Да не НЕ** дојде на време? ‘А где Марко? А вдруг он не придет вовремя?’

(39) а. **Да не** го исчисти бојлерот? ‘Ты, никак, бойлер почистил?’ б. **Да не НЕ** го исчисти бојлерот? ‘Ты что, не почистил бойлер?’

(40) а. **Да не имате пари?** ‘У вас (может / случайно) деньги есть?’ (например, при просьбе одолжить денег). б. **Да не НЕМАТЕ пари?** ‘У вас что, денег нет?’ (например, при сочувствии или при желании исправить ситуацию, одолжив денег).

Последовательность частиц *да не не*, если и разрывается, то только на синтагматической границе между модальным составом *да не* и маркером негации:

(41) **Да не воопшто НЕ** се вратила? ‘А может, [она] вообще не возвращалась?’

(42) **Да не никогаш НЕ** ја платил сметката? ‘Он что же, никогда не оплачивал этот счет?’

3.2.3. Расширение списка временных форм глагола в *да*-конструкции. Как уже было упомянуто, типичной временной формой для *да*-конструкции является настоящее время глагола. В части функций у *да*-конструкции

допускается и второй временной план — план прошедшего, он реализуется преимущественно формами перфекта, см. примеры (41), (42).

Наиболее значимым является употребление в рассматриваемых вопросах формы аориста как наиболее диссонансного времени для нефактивных да-конструкций. Контекст «пристрастных» вопросов оказывается одним из немногих языковых условий, по крайней мере в независимых позициях, где формы аориста появляются в рамках да-конструкции⁹:

(43) *Што се врати толку рано од школо? Да не избега (AOR) од часови?* ‘А что ты вернулся так рано со школы? Ты что, с уроков сбежал?’

(44) *Да не му кажа (AOR) за роденденот?* ‘А ты, случайно, не сказал ему про день рождения?’

Глагол после *да не* в пристрастных вопросах может стоять также в форме аналитического будущего времени — форме, недопустимой в балкано-славянской да-конструкции:

(45) *Да не случајно ќе одиш (FUT) на пазар со кола?* ‘А ты, случайно, на рынок на машине поедешь / собираешься поехать?’

(46) *Што медалот медалот, да не ќе ти го закачат (FUT) на вратот. Труди се да направиш квалитетна статија и медалот ќе си дојде и тоа ќе биде заслужен.* ‘<Да что ты все> медаль да медаль, тебе что, повесят ее на шею? Постарайся написать качественную статью, и медаль придет и будет заслужена’.

4. Болгарская частица *да не би* в «пристрастных вопросах»

В болгарском языке, в отличие от македонского¹⁰, сохранился составной комплекс *да не би* с неизменяемым показателем кондиционала *би* — наследие предшествующего состояния, допускавшего форму сослагательного наклонения после старославянского *да*. В современном языке этот комплекс имеет только вариант с отрицательным показателем. Форма без отрицания сохранилась в диалектах и фольклоре — это частица *да би* с оптимативным значением [25: 522], в основном встречающаяся в заклинаниях: *Набабнала ти кожата, да би* [19: 25–26], букв. ‘Вздулась у тебя кожа пусть бы!’

В современном болгарском языке *да не би* уже является единым нечленимым комплексом. Все его элементы неразрывны и обязательны. Так, показатель кондиционала здесь имеет застывшую форму 2-3 л. ед. ч., при том что в

⁹Ср. и конструкции с *како да*: *Како да слушнав (AOR) нешто* ‘Мне кажется / Вроде бы я слышал что-то’ [32].

¹⁰В македонском языке *да не би* фиксировалось еще несколько десятилетий назад. Его исчезновение связывают с уменьшением роли потенциально-кондиционального маркера *би* в целом в связи с распространением других средств выражения гипотетичности, прежде всего да-конструкции [22].

современном болгарском языке он является изменяемым служебным глаголом. Отрицательная частица уже не выполняет своего назначения, поэтому для введения отрицательно оформленной предикации требуется еще одно отрицание (но уже располагающееся после частицы, в рамках последующей *да*-конструкции), ср.:

- (47) а. *Да не би да дойде?* ‘А вдруг он придет?’ б. *Да не би да не дойде?* ‘А вдруг он не придет?’

В болгаристике частица *да не би* рассматривается в комплексе с последующей *да*-конструкцией, с которой обычно употребляется, т.е., собственно говоря, толкуется как наращение к *да*-конструкции. Следовательно, вычленение этого комплекса как единой частицы не должно напрямую влиять на цельность балкано-славянских *да*-форм (см., однако, настораживающие явления в 4.2.3, которые показывают, что обретение семантической самостоятельности частицы *да не би* все же может оказывать, по крайней мере в спонтанной речи, влияние на морфосинтаксические характеристики последующей *да*-конструкции).

Таким образом, в данном разделе наше внимание будет уделено, помимо семантики *да не би*-форм, доказательствам того, что комплекс *да не би* должен быть вычленен как отдельная частица из союза/частицы *да не би да*. Для этого будут рассмотрены следующие вопросы:

- 1) особенности высказываний с *да не би да* на фоне построений с *да* (т.е. без данного наращения);
- 2) морфосинтаксические доказательства самостоятельности *да не би* как частицы в комплексе *да не би да*, а также вопрос о том, возможно ли употребление *да не би* без последующей *да*-конструкции.

4.1. Особенности высказываний с *да не би да* на фоне отрицательных *да*-конструкций в болгарском языке

Лингвистические условия для оформления *да не би* как отдельной частицы более благоприятные, чем для македонского комплекса *да не*: семантически и грамматически *да не би*-конструкции хорошо вычленяются на фоне обычных отрицательных *да*-конструкций болгарского языка.

Обратим внимание, что в болгарском языке тоже имеются отрицательные *да*-формы с похожим набором значений и иллокутивных функций, что и в македонском языке, но без малейших признаков самостоятельности компонентов *да не* как единого комплекса. Болгарская отрицательная *да*-конструкция может выражать запрет, предостережение, в то время как *да не би* не употребляется в этих функциях:

- (48) *Да не му казваш!* ‘Не говори ему!’
(49) *Да не паднеш!* ‘Смотри не упади!’

Близость отрицательных *да-конструкций* и *да не би да-конструкций* возникает в болгарском языке только в вопросительных по форме высказываниях, ср. (50)-(51). Вопросы с *да не би* маркируют, как нам представляется, как раз тип «пристрастных» вопросов, соответствующий указанным в разделе 2 компонентам семантической интерпретации, см. примеры (51)-(53) и далее¹¹:

(50) болг. **Да не сте от Русия?** ‘А вы не из России?’

(51) **Да не би да сте от Русия?** ‘А вы, случайно, не из России?’ / ‘Так вы что же, из России?’

(52) **Да не би да си подпитвала някого и изобицо да си извършила някоя глупост?** – *промърморих.* (Б. Райнов) ‘Ты случайно не пускалась в расспросы и вообще не совершила ли какую-нибудь глупость? – также шепотом спросил я’ (А. Собкович).

(53) **Да не би да не те обича?** ‘А вдруг он тебя не любит?’

В болгаристике вопросы с *да не би да-* и *да не-* считаются в целом синонимичными, но высказывались мнения о том, что в случае *да не би да* ярче выражена нежелательная возможность [9: 56], как в паре *Да не си се отказал?* и *Да не би да си се отказал?* (см. приблизительно разницу между рус. *Ты что, отказался?* и *Да неужели же ты отказался?*).

Впрочем, это утверждение верно лишь для вопросов с апрехенсивным значением. В ином случае вопрос с *да не би* фиксирует другие упомянутые в разделе 2 компоненты семантической интерпретации — прежде всего эмоциональную ангажированность говорящего, неожиданность или маловероятность ситуации.

Хотя *да не би* в «пристрастных» вопросах используется примерно в тех же значениях, что и македонская безударная частица *да не*, рассмотренная нами в разделе 3, наличие элемента *би* все же вносит дополнительный оттенок гипотетичности, сомнения. Например, *да не би*, в отличие от македонского *да не*, почти не используется в негативных восклицаниях-гиперболизациях (см. македонские примеры (21), (22)). Безапелляционный тон таких высказываний для *да не би* слишком категоричен, как, впрочем, нехарактерна и сама аористная форма.

4.2. Морфосинтаксические особенности пристрастных вопросов с *да не би*

В болгаристике частица *да не би* рассматривается в комплексе с последующей *да-конструкцией*, с которой обычно употребляется, т.е., собственно говоря, как составной союз или составная частица *да не би да*. Комплекс *да не би*

¹¹В зависимых употреблениях *да не би* всегда выступает как маркер апрехенсивного значения [16].

да трактуется как: а) составная частица (в независимом употреблении) для выражения предположения, возможности, опасения в вопросительном предложении; б) составной союз (в подчиненной предикации) для введения прежде всего целевого или причинного придаточного предложения [8: 498; 25: 522, 524].

Мы полагаем, что во всех своих употреблении *да не би* выступает как частица, проявляющая не только семантическую, но и синтаксическую независимость от последующей *да*-конструкции.

4.2.1. Возможность разрыва *да не би* и последующей *да*-конструкции. Основным доказательством самостоятельности комплекса *да не би* как единой частицы является разрыв *да не би* и последующей *да*-конструкции разнообразным синтаксическим материалом.

Вообще говоря, разрыв союзных комплексов, в которые входит элемент *да*, не является чем-то необычным для болгарского языка. Особенно много составных союзных средств появилось под балканским влиянием, когда к элементу *да* прирастали предлоги, образуя новый союз с дифференцированным значением: *без да* ‘без того чтобы’, *за да* ‘для того чтобы’, *освен да* ‘кроме как’. Все эти комплексы в некоторой степени разрывные (кроме болгарского целевого союза *за да*, но и для *за да* этот запрет не семантический, так как в македонском языке разрыв *за да* осуществляется точно так же, как и при других составных союзах с *да*).

Однако между первой частью таких составных союзов и *да* допускается вставка лишь некоторых неразвернутых синтаксических составляющих — обычно однословных тематических неконтрастных подлежащих и/или обстоятельственных компонентов (обычно с временным значением). Так, в примере (54) союз *без да* разорван подлежащим *той* ‘он’, в примере (55) — наречием *повече* ‘больше’ и подлежащим *аз* ‘я’.

(54) *Нито едно събиране... не завършваше, без той да се напие като пѣн* (БНК).

‘Ни одна встреча не заканчивалась без того, чтобы он не напился вдрызг’ (букв. без он чтобы напился как пень);

(55) *И без повече аз да го питам, му прибирам различни неща*. ‘И, больше его не спрашивая (И без больше я чтобы его спрашивал), я собираю всякие его вещи’.

Однако зависимые и независимые употребления с комплексом *да не би да* демонстрируют возможности вставки между *да не би* и последующей *да*-конструкцией самого разнообразного синтаксического материала — и более развернутых групп (см. примеры с группой подлежащего и локатива (56)-(57) и синтаксически более разнообразных составляющих: предикации с обуславливающим значением в виде зависимой клаузы в (58), в виде деепричастного оборота (59), а также комбинация разных элементов в (60)):

- (56) **Да не би** Сократ и другите знаменити мъже след него, които са имали или жени, да са се борили с тях? (К. Топалов). ‘Неужто Сократ и другие знаменитые мужи после него, имевшие злых жен, воевали с ними?’
- (57) **Ти проявяваш към мене наистина необясними грижи, Морис.** ‘...’ **Да не би** в твоя ум между многото рафтове, пълни с полезни неща, да има и някой малък рафт за сантименталности? (Б. Райнов). ‘В самом деле, Морис, ты так заботишься обо мне, что это просто необъяснимо. ‘...’ Неужели в твоей голове среди множества полок, заставленных полезными вещами, нашлась маленькая полочка, отведенная для сантиментальностей?’ (А. Собкович).
- (58) **Е кво да не би, като спра да пуша, да остана вечно жив?** (БНК) ‘И что, неужели, бросив курить (букв. когда брошу курить), я останусь вечно живым?’
- (59) **Казвал съм вече, че човек трябва да внимава, когато четете книги – да не би** самолекувайки се по напечатани медицински и фармацевтични учебници и справочници, да умре от печатна грешка, например (БНК). ‘Я уже говорил, что нужно быть осторожным, читая книги, — чтобы, лечась самостоятельно по медицинским и фармацевтическим учебникам и справочникам, не умереть, например, от опечатки’.
- (60) **Да не би не дай си Боже някой без да иска да обиди тези хора и тяхната култура** – добави премиерът. ‘А то вдруг не дай Бог кто-нибудь, не желая того, обидит этих людей и их культуру...’

4.2.2. Да не би без последующей да-конструкции? Вопрос о том, действительно ли *да не би* обязательно предполагает в правом контексте *да*-конструкцию, пока остается для нас открытым. С одной стороны, приводимые в этом подразделе два типа случаев иного синтаксического продолжения могут получить объяснение как контексты с опущенной *да*-предикацией (61), (62). С другой стороны, нестандартные временные формы в спонтанной речи приводят к «ошибкам» в виде пропуска служебного элемента *да* (см. 4.2.3).

Итак, имеются случаи, в которых *да не би* используется без последующей *да*-конструкции. Это контексты двух типов:

- а) *да не би* при зависимых клаузах со значением причины, пример (61),
- б) *да не би* в неполных высказываниях (62):
- (61) **Само внимавай в какво време да носиш Convers-a, защото някоя наблюдателна баба може да те попита: Ти защо си с кецове, да не би защото нямаш пари?** (БНК) ‘Ты только правильно выбирай время носить Con-vers-ы, а то какая-нибудь наблюдательная бабушка спросит тебя: Ты почему в кедах, у тебя денег, что ль, нет?’ (ближе к оригиналу: ‘...уж не потому ли, что у тебя денег нет?’).
- (62) **Откъде ги извади тия пари БКП-то за изборите – да не би от зомбираните баби на село?! (БНК)** ‘Откуда БКП взяло эти деньги на выборы — не у зомбированных же бабушек в деревнях?’

В примере (61) с придаточным причины, которое следует за *да не би*, можно предположить опущенное логическое звено, которое должно было бы получить свое выражение именно *да*-конструкцией, ср. (61a) с восстановленным сегментом. Тем более очевидно опущение предикации с *да* в неполных предложениях (62a):

(61a) ...*Ти защо си с кецове? Да не би <да си с кецове,> защото нямаш пари?*
'Ты почему в кедах? Уж не потому ли <ты в кедах>, что у тебя денег нет?'

(62a) *Откъде ги извади тия пари БКП-то за изборите – да не би <да ги е извадило> от зомбираните баби на село?! (БНК)* 'Откуда БКП взяло эти деньги на выборы — не <взяло же их> у зомбированных бабушек в деревнях?'

И в том, и в другом случае выводы о возможности использования *да не би* без последующей *да*-конструкции делать преждевременно.

4.2.3. Расширение набора временных форм в *да*-конструкции под влиянием частицы *да не би*. Мы полагаем, что случаи появления нехарактерных для *да*-конструкции временных форм связано с наличием предваряющей частицы *да не би*. Сразу заметим, что все перечисленные ниже случаи, выявленные в национальном корпусе болгарского языка (БНК), с точки зрения современной грамматики являются ошибочными.

Обычно конструкции с *да не би* *да* допускают не только формы настоящего времени, но и перфекта, реже плюсквамперфекта. Однако этот темпоральный набор, в принципе, допустим при разных употреблении балкано-славянской *да*-конструкции. Наиболее показателен для разрушения *да*-конструкции, как уже говорилось выше, допуск формы аориста — формы с наиболее выраженным фактивным значением. Она, хоть и редко, но фиксируется после *да не би* *да* (63). Более того, форма аориста провоцирует и «ошибочный» пропуск *да*, тем самым вообще устраняя *да*-конструкцию: частица *да не би* в примере (64) включена в предикацию с обычным сказуемым в аористе:

(63) *А ти да не би да разпозна (AOR) себе си в тези редове?* 'А ты, никак, себя узнала в этих строках?'

(64) *Тия румънците да не би си преведоха (AOR) песента на английски?* 'Эти румыны что, перевели свою песню на английский?'

В корпусе БНК обнаружены и единичные «ошибочные» формы будущего времени (аналитические образования с частицей *ще*), напр. (65), (66). При них также отсутствует элемент *да*, таким образом, и здесь *да*-конструкция после *да не би* не представлена. Дистанцированность *да не би* от сказуемого, как в (66), тоже является фактором, провоцирующим утрату *да* при основном глаголе и замену *да*-конструкции индикативом, в данном случае — будущим временем:

- (65) *Ти да не би ще кажеш (FUT) пред медиите, че си ти най-добрят?* ‘Ты неужели же скажешь перед СМИ, что ты лучший?’
- (66) *Не знам защо толкова се коментира наградата на кучето че е била пържола.... да не би, като му дадат орден, то, хайванчето, ще разбере (FUT) нещо от него.* ‘Не знаю почему так комментируется, что наградой собаке была отбивная... неужто, если дашь ему орден, оно, животное, поймет что-то в нем.’

5. Выводы

1. В македонском и болгарском языках имеются признаки формирования частиц *макед. да не* и *болг. да не би* как маркеров вопросов со специфическим эпистемическим значением («пристрастных» вопросов). Основными семантическими признаками этих вопросов являются следующие: а) говорящий склонен принять ситуацию Р, которую он считал маловероятной, как данность; б) говорящий эмоционально безразличен к этой ситуации. Эти компоненты значения сближают рассматриваемые вопросительные частицы болгарского и македонского языков с русскими вопросительными словами *часом, никак, что ли*.

Вопросы, которые формируются этими частицами, обладают сниженной иллокутивной силой, — обычно это высказывания с мнимым или малосущественным для говорящего запросом на подтверждение. Говорящий интерпретирует, оценивает ситуацию, что-то подозревает или о чем-то догадывается, и цель его высказывания — заявить об этом, проявляя свою эмоциональную ангажированность. Разный по коммуникативной установке перевод на русский отражает эту иллокутивную неотчетливость, напр. *болг.: <Шефката ми се разсърди.> Да не би да ме уволни?* ‘<Начальница на меня рассердилась.> А вдруг она меня уволит? / Как бы она меня не уволит! / Еще уволит!’.

Эта иллокутивная расфокусировка дает большие возможности для эксплуатации данного типа вопросов в разных жанрах полемического дискурса — в семейном (сварливые замечания, упреки), политическом (манипуляции и обвинения). Например, критикуя склочную манеру общения политических противников, Ц. Петров так характеризует роль в построении их взаимообвинений элемента *да не би*:

„Много неприятно „да не би“, направо да го сритаешАх, дали да не бъде забранено това кошмарно „да не би“?! Има „да не би“ — има проблем. Няма „да не би“ — няма проблем. Колко просто... (Цветан Петров. Да не би — капанът за държавници.

http://frognews.bg/news_15099/Da-ne-bi-%E2%80%93-kapanat-za-darjavnitsi/).

‘Очень неприятное *да не би*, просто так и пнул бы его... Эх, а не взять ли да и запретить это кошмарное *да не би*?! Есть *да не би* — есть проблема. Нет *да не би* — нет проблемы. И все.’

2. В македонском языке частица *да не* формируется из элементов, принадлежащих балкано-славянской *да*-конструкции, в болгарском — из дополнительного для этой конструкции грамматического материала. Просодические и морфосинтаксические изменения, которые происходят при становлении македонской частицы *да не*, оказывают разрушающее действие на *да*-форму: утрачивается контактность *да* и глагола, расширяется список временных форм индикатива после *да*, нейтрализуется отрицательное значение маркера *не*.

Несколько упрощены грамматические условия для вычленения болгарской частицы *да не би*, представляющей собой модальное наращение над предикатом, выраженным *да*-конструкцией, или, иначе, формирующей грамматически и семантически расширенный вариант *да*-конструкции. Тем не менее процессы отчленения болгарского комплекса *да не би* от последующей *да*-формы, как показано в разделе 4.2.3, имеют некоторые последствия (пока расцениваемые как ошибки) для цельности *да*-конструкции.

Библиография

1. Асенова П. Балканско езикознание. София: Фабер, 2002.
2. Бужаровска Е. Независните *да*-конструкции во македонскиот јазик и нивните корелати во грчкиот јазик // Македонски јазик. № 51–52, 1999. С. 217–236.
3. Бужаровска Е., Митковска Л. Негираните независни *да*-конструкции// Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. / Уредник: З. Тополињска. Скопје: МАНУ, 2015. С. 23–46.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Грицкат И. Студије из историје српскохрватског језика. Београд: Народна библиотека Србије, 1975.
6. Грковић Мејдор Ј. Развој хипотактичког *да* у старосрпском језику // Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику, 2004. № 47 (1–2). С. 185–203.
7. Граматика на старобългарския език. Глав. ред. И. Дуриданов. Ред. кол. Е. Дограмаджиева, А. Минчева. София: Издателство на БАН, 1991.
8. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2: Морфология. София, 1983.
9. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3: Синтаксис. София, 1983.
10. Деянова М. За функциите на служебната дума *да* в словенския книжовен език (в сравнение с български) // Български език, 1982. Кн. 4. С. 319–329.
11. Деянова М. Подчинени изречения със съюз *да* в съвременния словенски книжовен език. София, 1985.
12. Деянова М. Из историята на *да*-конструкцията в български език // Български език, 1986. № 6. С. 485–495.

13. Добрушина Н. Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания, 2006. № 2. С. 28–67.
14. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселева, Д. Пайар, М., 1998.
15. Жукова О.В. *Никак, не иначе как*: сравнительный анализ двух дискурсивных слов // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003. С. 131–143.
16. Иванова Е.Ю. Апгрехенсивное значение в русском и болгарском языках // Studi Slavistici. Firenze University Press. 2014. XI. С. 143–168.
17. Иванова Е.Ю. Русские параллели болгарской да-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции. / Уредник: З. Тополињска. Скопје: МАНУ, 2015. С. 107–161.
(<http://ical.manu.edu.mk/books/ZbornikSubjunktivICAL2014.pdf>)
18. Куцаров И. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив: Ун-ско изд-во „Паисий Хилендарски“, 2007.
19. Илиева Л. Отрицанието и езиковата структура: Grammatica contra logicam // Съпоставително езикознание, 1995. № 1. С. 19–28.
20. Левонтина И.Б. Дискурсивные слова в вопросительных предложениях // Die Welt der Slaven, 2014. LIX. 2. С. 201–218.
21. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.
22. Митковска Л. Можниот начин надвор од условниот период во современиот македонски јазик (в печати).
23. Плунгян В.А. Предисловие // Ирреалис и ирреальность. Исследования по теории грамматики. Москва, 2004. С. 9–25.
24. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008.
25. Речник на българския език. Т. 3. София, 1983. <http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/да/>
26. Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции. / Уредник: акад. З. Тополињска. Скопје: МАНУ, 2015.
(<http://ical.manu.edu.mk/books/ZbornikSubjunktivICAL2014.pdf>)
27. Тополињска З. Полски-Македонски: Граматичка конфронтација. 3: Студии од морфосинтаксата. Скопје: МАНУ, 2003.
28. Тополињска З. Полски-Македонски: Граматичка конфронтација. 8: Развитие на граматичките категории. Скопје: МАНУ, 2008.
29. Фридман В. Типологијата на употребата на *да* во балканските јазици // Прилози 12/1. Скопје: МАНУ, 1987. С. 109–119.
30. Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск: Наука и техника, 1981.
31. Amman A., van der Auwera J. Complementizer headed main clauses for volitional mood in the languages of South-Eastern Europe – a Balkanism? О. Mišeska Tomić (ed.), Balkan Syntax and Semantics, Amsterdam: Benjamins, 2004. Pp. 293–314.

32. Bužarovska E. Pathways of semantic change: from similarity marker to sensory evidential. *Slavia Meridionalis. Studia Linguistica et Balcanistica* 6. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2006. Pp. 185–311.
33. Bužarovska E. The distribution of subjunctive relatives in Balkan languages. Mišeska Tomić O. (ed.). *Balkan Syntax and Semantics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. Pp. 293–313.
34. Bužarovska E., Mišeska Tomić O. Subjunctive relative clauses in Macedonian and Bulgarian. Dimitrova-Vulchanova M., Mišeska Tomić O. (eds). *Investigations in the Bulgarian and Macedonian Nominal Expressions*, Trondheim: Tapir Academic Press, 2009. Pp. 204–229.
35. Dukova-Zheleva G. Questions and focus in Bulgarian. Doctoral dissertation. University of Ottawa, Department of Linguistics, Faculty of Arts, Ottawa, Canada, 2010.
36. Gołąb Z. The problem of verbal moods in Slavic languages. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1964. 7. Pp. 1–36.
37. Joseph B. D. The synchrony and diachrony of the Balkan infinitive: A study in areal, general and historic linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
38. Kramer C. E. Analytic modality in Macedonian. München: Verlag Otto Sagner, 1986.
39. Lichtenberk F. Apprehensional epistemics. J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in Grammar and Discourse*, Amsterdam; Philadelphia, 1995. Pp. 293–327.
40. Sedláček J. Modální perifráze da+indikativ v jižní slovanštině. *Slavia*. 51, 1982. Pp. 24–27.
41. Mitkovska L., Bužarovska E., Kusevska M. “Macedonian ‘Da ne’ constructions as distance markers”. Sonnenhauser, A. Meermann (eds.). *Distance in Language, Language of Distance*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015. Pp. 243–262.
42. Topolińska Z. Factivity as a grammatical category in Balkan Slavic and Balkan Romance. *Slavia Meridionalis*. 1, 1994. Pp. 104–122.
43. Wiemer B. Main clause infinitival predicates and their equivalents in Slavic. Jędrzejowski Ł, Ulrike Demske U (eds.). *Infinitives at the Syntax-Semantics Interface: A Diachronic Perspective*. Berlin, Boston: De Gruyter.
44. Wiemer B. *Mora da* as a marker of modal meanings in Macedonian. On correlations between categorial restrictions and morphosyntactic behaviour. Leiss E and Abraham W. (eds.). *Modes of Modality. Modality, typology, and universal grammar*. Amsterdam: Benjamins, 2014. Pp. 127–166.

П.Н. Казакова

НИУ ВШЭ, Москва

ЧЕРЕДОВАНИЕ [А]/[Е] МЕЖДУ МЯГКИМИ СОГЛАСНЫМИ ПОД УДАРЕНИЕМ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ МИХАЛЁВСКАЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Введение

В некоторых говорах на территории России поведение гласных звуков в позиции между мягкими согласными может отличаться от нормы литературного языка: в такой позиции возможно различие меньшего числа гласных, чем перед твердыми согласными. Так, для некоторых, в частности, севернорусских (вологодских и архангельских), говоров характерно явление изменения гласного *а* в гласный *е* между мягкими согласными под ударением [1]. Например, слово *грязь* в таких говорах может быть произнесено как *з[р'эс]*. Настоящее исследование посвящено изучению этого явления в говоре деревни Михалёвская (и в меньшей степени — соседних деревень) Устьянского района Архангельской области.

Исследование проведено на материале корпуса говора бассейна реки Устья [2]. Корпус представляет собой мультимедийное собрание записей свободных интервью с жителями деревни Михалёвская и некоторых близлежащих деревень, аннотированных в соответствии с правилами стандартной русской орфографии [4]. В главные задачи исследования, связанного со сбором данных для корпуса, входит, во-первых, зафиксировать диалект, на котором говорят жители деревень, во-вторых, проследить динамику утраты диалекта в зависимости от различных социолингвистических переменных (гендер, уровень образования, уровень мобильности и т. д.).

Согласно [3], гласный [е] на месте *'а, *'ё может встречаться в следующих позициях:

- 1) в корнях слов (*опять* — о[п'эт'], *пятеро* — [п'эт']еро, *яйца* — [јéј]ца и т. д.);
- 2) в формах глаголов с инфинитивом на -ать (*гулять* — гу[л'эт'], *вручают* — вру[ч'эј]ут и т. д.);
- 3) в окончаниях форм мн. ч. тв. п. существительных с мягкой основой (*днями* — д[н'эм']и, *лошадьми* — лоша[д'эм'и] и т. д.);
- 4) в форме 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения при наличии мягкости окончания *т* в данной форме (*они сидят* — они си[д'эт'], *они говорят* — они гово[р'эт'] и т. д.).

Стоит отметить, что последний контекст нерелевантен для настоящего исследования, так как в говоре деревни в указанных формах не наблюдается палатализированный *t*; вместо этого употребляется стандартный вариант с веляризованным *t* (*они си[д'át]*). Кроме того, в корпусе не найдено ни одного примера с переходом [a] в [e] в формах мн. ч. тв. п. типа *лошадьми*; во всех таких примерах в окончании произносится [a]. Указанные контексты в работе не рассматриваются.

2. Данные

Всего в корпусе было найдено 3352 подходящих примера, содержащих соответствия графическому *a* между мягкими, где *a* находится под ударением; из них в 715 наблюдается переход гласного в [e]. Затем из полученной выборки были исключены все формы существительных мн. ч. тв. п., а также имена собственные и заимствованные слова типа *салями*, *чача*, так как такие слова представляются лексикализированными и переход из [a] в [e] в них не ожидается. Исключение составляет слово *Корякино* — разговорное наименование одной из близлежащих деревень. Из 7 найденных в корпусе употреблений в 5 зафиксирован гласный [e]; более того, из них два примера найдены не в устной речи, а в песнях. Это слово не было исключено из итоговой выборки.

Таким образом, конечная выборка состоит из 3235 примеров от 60 носителей, рожденных с 1922 по 1996 гг., из которых 42 женщины и 19 — мужчины. На графике 1 показана доля консервативных (диалектных) реализаций для каждого информанта: размер точек отражает количество примеров, найденных в корпусе для каждого говорящего; разным цветом изображены мужчины и женщины.

Очевидно, что данные, которые имеются на настоящий момент, достаточно сильно не сбалансированы. Так, среднее значение количества наблюдений от каждого информанта составляет примерно 54 наблюдения, тогда так значение медианы в полтора раза меньше — 36; стандартное отклонение количества вхождений на говорящего также велико — примерно 54. Для некоторых говорящих в корпусе находится значительное число вхождений: для 10 говорящих зафиксировано больше 100 примеров, а максимальное количество составляет 224 примера. В то же время, для 10 информантов найдено менее 10 примеров. Кроме того, выборка не сбалансирована по году рождения говорящих: 75% информантов составляют жители деревни, рожденные до 1960 г. Наконец, большая часть выборки говорящих представлена женщинами — лишь 30% составляют мужчины.

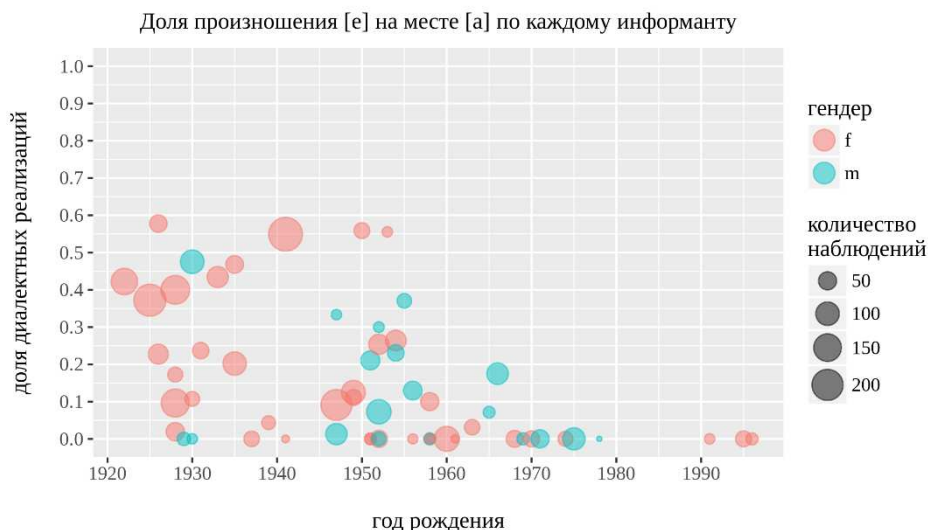

График 1: Доля диалектных примеров для каждого говорящего.

Помимо прочего, график показывает, что изменение [а] в [е] между мягкими как диалектное явление даже в речи пожилых носителей представлено довольно непоследовательно. Максимальная доля диалектных реализаций составляет лишь приблизительно 0.6, и даже среди жителей, рожденных до 1930 г., есть такие, для которых доля примеров с [е] составляет менее 0.1 или вообще нулевая.

Тем не менее, несмотря на несбалансированность выборки, данные обнаруживают некоторые тенденции, которые можно попытаться оценить количественно.

3. Релевантные контексты

Самой частой лексемой в выборке является наречие *опять*: для него зафиксировано 509 вхождений и приблизительно 60% из них демонстрируют диалектное произношение. Консервативная реализация этого наречия сохраняется дольше, чем у других лексем: последнее диалектное произношение *опять* встречается в речи информанта 1966 г. р. Эти наблюдения подтверждают, что произношения наречия *опять* как о[п'эт'], по-видимому, сильно лексикализировано [3].

Следующий по частотности корень представлен лексемами *пять* (361 пример), *пятеро* (41) и *пятница* (6). Для последней лексемы не найден ни один пример диалектного употребления. Консервативные реализации числительного *пятеро* достаточно частотны: таких примеров 23 из 41. Числительное

пять, напротив, последовательно инновативно. Однако есть и несколько исключений. Так, в примере (1) *пять* произносится как [п'ёт']. Кажется, что это вызвано диалектным произнесением слова *опять* ранее в предложении, с которым рифмуется *пять* в известном разговорном выражении:

- (1) *Нет, Воро= в Воронеж улетели... Опять же двадцать пять.*
[mdn1933, <http://www.parasolcorpus.org/Pushkino/OUT/20140626b-mdn-1-983286-989259.wav>]

В следующем примере говорящая сначала произносит *пять* с [e] в корне, но затем поправляет себя и произносит нормативный вариант:

- (2) А я ведь **пять**= **пять** годов живу без Ольги... без= без дедка.
[pfr1928, <http://www.parasolcorpus.org/Pushkino/OUT/I20130625c3-349479-353590.wav>]

Следующие частотные группы однокоренных лексем — *хозяйка*, *хозяйничать*, *хозяйство*, и т. д. (185 примеров) и *чай*, *чайник* (156 примеров). Оба корня последовательно инновативны: во всей выборке встретились только 4 диалектных примера лексемы *хозяин* и по 1 диалектному примеру лексем *хозяйка*, *хозяйство* и *чайник*.

Список всех лексем, для которых найдено хотя бы одно вхождение с произнесением [e] на месте [a] в корне, содержится в Таблице 1.

лемма	количество инновативных реализаций	количество консервативных реализаций	всего вхождений	доля консервативных реализаций
<i>опять</i>	200	309	509	0.61
<i>пятеро</i>	18	23	41	0.56
<i>грязь</i>	7	9	16	0.56
<i>зять</i>	15	18	33	0.55
<i>яйцо</i>	28	9	37	0.24
<i>тянуть, потянуть</i>	10	5	15	0.33
<i>подтягивать, вытягивать</i>	7	2	9	0.22
<i>помянуть</i>	0	3	3	1

<i>горячий</i>	18	2	20	0.1
<i>Распорядить-ся, срядить</i>	0	2	2	1
<i>чайник</i>	21	1	22	0.05
<i>часть</i>	27	1	28	0.04
<i>хозяйка</i>	29	1	30	0.03
<i>хозяйство</i>	67	1	68	0.01
<i>глядеть</i>	1	1	2	0.5
<i>припрятать</i>	1	1	2	0.5
<i>фляга</i>	1	1	2	0.5
<i>племянница</i>	8	1	9	0.11
<i>распрямиться</i>	0	1	1	0.5
<i>пряничек</i>	0	1	1	1
<i>выясневать</i>	0	1	1	1
<i>глянуться (нравится)</i>	2	6	8	0.75
<i>Корякино</i>	2	5	7	0.71
<i>мячик</i>	3	5	8	0.63
<i>пряник</i>	2	3	5	0.6
<i>блядь</i>	56	4	60	0.07
<i>прятать</i>	1	1	2	0.5

Таблица 1: Количество диалектных и нормативных вхождений лексем, в которых засвидетельствован [е] на месте [а] в корне.

Следующая значительная группа примеров, где явление изменения [а] в [е] наблюдается достаточно часто — это формы глаголов с инфинитивом на -*ать*. Как в случае с наречием *опять*, последние диалектные примеры таких форм зафиксированы в речи носителя 1966 г. р., то есть можно предположить, что явление перехода сохраняется в глагольных флексиях дольше, чем в

остальных контекстах. Говоря точнее, эта группа представлена не только собственно глаголами на *-ать*, но и некоторыми другими, отличающимися по формальным признакам, глаголами: 1) глаголом *прясть*; 2) глаголами *сесть*, *лечь*; 3) глаголами типа *взять*, *снять*, *мять*. Последние формально отличаются от других глаголов на *-ать* тем, что возможность чередования [a] с [e] у них возникает только в инфинитивах и формах прошедшего времени. У глаголов *сесть* и *лечь* подходящий контекст для перехода [a] в [e] возникает в формах настоящего-будущего времени типа *сядет*, *сядешь*, *ляжет* (может произноситься как [л'эг']ет), *ляжешь* ([л'эг']ешь).

Таблица 2 демонстрирует количество диалектных и нормативных вхождений для каждой из подгрупп глаголов. Судя по имеющимся данным, контекст таких глаголов, как *взять*, *прясть*, *сесть* и *лечь* даже более релевантен для явления перехода [a] в [e], чем контекст других глаголов на *-ать*, так как доля диалектных реализаций в них выше, или же они являются лексикализованными.

группа	количество инновативных реализаций	количество консервативных реализаций	всего вхождений	доля консервативных реализаций
<i>-ать</i>	665	209	874	0.24
<i>взять</i> , <i>мять</i> , <i>снять</i>	60	45	105	0.43
<i>прясть</i>	17	22	39	0.56
<i>сесть</i> , <i>лечь</i>	10	22	33	0.69

Таблица 2: Количество консервативных и инновативных реализаций глагольных форм разных типов.

В целом, у большинства говорящих доля консервативных реализаций в глагольных флексиях выше, чем доля консервативных реализаций для говорящего вообще. График 2 демонстрирует, что для большинства информантов (для которых найден хотя бы один диалектный пример) бо́льшая доля консервативных реализаций зафиксирована именно в формах глаголов на *-ать* (и некоторых других) или в наречии *опять*.

зовый уровень принята инновативная реализация). В модель включены следующие предикторы: возраст информанта и контекст примера². Контекст имеет четыре уровня: корень слова, глагольная флексия, наречие *опять* и всё остальное. Случайными эффектами являются говорящие и лексемы.

AIC	BIC	logLik
1840.1	1882.7	-913.0
Random effects		
Groups	Variance	Std. Dev.
лексемы	5.149	2.269
говорящие	4.194	2.048
Fixed effects		
Coefficients	Estimate	Std. Error
(Intercept)	-13.00796	1.78320
<i>возраст</i>	0.09374	0.02203
Context <i>корни слов</i>	1.50866	0.75870
Context <i>глагольные флексии</i>	2.97456	0.73990
Context <i>опять</i>	5.78952	2.38907

Таблица 3: Результат применения логистической регрессии со случайными эффектами.

Во-первых, результат применения регрессии демонстрирует, что бóльшая доля вариативности данных обусловлена различием в поведении разных лексем по сравнению с поведением разных информантов, так как дисперсия и стандартное отклонение для лексем выше, чем для говорящих.

Во-вторых, все включенные в модель факторы оказывают статистически значимое влияние на зависимую переменную. В первую очередь, фактор возраста оказывается действительно значимым для вероятности диалектной реализации: чем выше возраст, тем больше вероятность диалектной реализации (коэффициент положительный). Все описанные контексты также демонстрируют статистическую значимость, причем самым важным для возможности

²Первоначально в модель был включен гендер, однако он не показал статистической значимости и при его исключении AIC модели уменьшился.

произнесения [e] между мягкими, согласно модели, является слово *опять* (коэффициент в соответствующей строке таблицы самый большой).

5. Заключение

Итак, количественный анализ имеющихся данных позволяет заключить, что среди примеров с [e] на месте *a* между мягкими выделяются две группы контекстов: корни слов (в частности, корень наречия *опять*) и флексии глаголов с инфинитивом на *-ать*, глаголов *прясть*, *сесть*, *лечь* и глаголов типа *взять*. Результат применение логит-регрессионной модели со смешанными предикторами подтверждает статистическую значимость указанных контекстов. Кроме того, он позволяет сказать, что наиболее релевантным для возможности диалектной реализации оказывается слово *опять*. Наконец, возраст говорящего, как и следовало ожидать, также является статистически значимым.

Библиография

1. Галинская Е. А. Изменение [a] в [e] в истории русских диалектов. // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология, 2005. № 4. С. 42–54.
2. Даниэль М. А., Добрушина Н. Р., Вальденфельс Р. фон. Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи [Электронный ресурс]. 2013–2016. URL: <http://www.parasolcorpus.org/Pushkino/>.
3. Сологуб А.И. Изменение гласного /a/ после мягких согласных в /e/ в положении перед последующим мягкими согласными // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии / В. Г. Орлова и др. (ред.) М.: Издательство «Наука», 1970. С. 17–22.
4. Waldenfels R. von, Daniel M., Dobrushina N. Why standart orthography? Building the Ustya river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ežegodnoj Meždunarodnoj konferencii «Dialog»* (Bekasovo, 4–8 ijunja 2014 g.). Vyp. 13 (20). — Moscow: Izd-vo RGGU.

L. Khokhlova

MSU, Moscow

VIOLATIONS OF TYPOLOGICAL UNIVERSALS IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF WESTERN NIA LANGUAGES

The syntactic history of Modern Western Indo-Aryan provides a lot of opportunities for typological research as literary tradition in the corresponding languages starts at least from the 12th–13th centuries. The necessary data were obtained from the narrative texts created by Jain authors starting from the 15th century. The earliest prose texts in Punjabi (*Janam Sakhi*) belong to the 17th–18th centuries only, thus the Punjabi poetical texts of the 15th–16th centuries included in *Adi Granth* have also been investigated.

Five violations of established typological universals will be discussed in the paper:

1. *The Indo-Aryan languages belonging to the 'B' ergative model do not allow verbal agreement in person* [Trask 1979]

In A-type languages the verb agrees with the direct object in person and number in exactly the same way as it agrees with the subject of the intransitive verb. The verbal agreement with the transitive subject is different: there is often an NP split based on the referential semantics of the NP's of the clause. In B-type the verb may agree with the direct object in number (and in gender languages, also in gender), but not in person. Subject agreement, if present, is identical with that one of transitive verbs. B-type languages often imply a tense/aspect split, in which case the ergative configuration is confined to the perfect or the simple past tense [20: 388].

The perfect ergative system developed in NIA by the time of Middle Indo-Aryan [5]. Agreement in person of the auxiliary verb with the unmarked direct object was one of the important features of consistently ergative morphology at the highest stage of ergative development — the stage of Apabhramsha and early NIA.

Apabhramsha:

- (1) acchami baddhau diheⁿ ðoreⁿ
be.Pres.1/Sg tied long.Instr rope.Instr
'I am tied by a long rope.' (or 'I have been tied') [Ja 3.3.11] [Bubenik 1996]

Old Rajasthani, 16-th century:

- (2) śrīpur-nagar-nāyaki (A)... tiham coraham
Sripur-City-ruler.Instr that.Gen/Pl thief.Gen/Pl
mārīvā nimittu **amhe** (O) mokaliyā **chāⁿ**
killing for we.Nom send.PP.M/Pl be.Pres.1/Pl
'The ruler of the city of Shripur has sent us to kill those thieves/We are sent by the ruler of the city of Shripur to kill those thieves.' [R.G.: 11]

Old Punjabi, 17-th century:

- (3) **hau** (O) paramesar (A) bhejiā **hāⁿ**
I.Nom god.Nom send.PP.M/Sg be.Pres.1/Sg
'I have been sent by God/God has sent me.' [P.P.V.: 36]

The latter sentence demonstrates the transitional stage of typological development when Agent already lost instrumental marker and in many paradigms Agent (A) and Patient (O) started being similarly marked.

The verbal concord in person with the direct object was later blocked in the majority of Western NIA. In Gujarati, Punjabi, Rajasthani, Hindi etc. personal pronouns are always marked by the accusative postposition which blocks agreement in person. The core type of (inflexion based) agreement of the auxiliary verb in person is still preserved in some Modern NIA languages – e.g., in Braj (4) or in some Pahari dialects (5):

- (4) tai neⁿ (A) tīn jaghai **maiⁿ** (O) kāl
 you Erg three place.Loc **I** death
 pai te bacāyau **ūⁿ**
 in from save.PP.M/Sg be.Pres.1/Sg
 ‘You saved me from death in three places.’ (Braj ki lok-kahaniyan).
 [Lipierovsky 1988]
- (5) Garhwali: vai-n **maiⁿ** māryūⁿ
 Kumauni: u-le **maiⁿ** māryūⁿ
 he-ErgI I.SG hit.PP.1/Sg
 ‘He hit me.’ (Juyal 1973: 141) [Stroński 2011: 90]

It is necessary to differentiate between the core type of (inflexion based) agreement of the auxiliary verb in person and the pronominal suffixes, co-indexing Patient’s role on the verb - see sample (6) from Angika:

- (6) **hamē** **to-rā** ego kiṭāb **ḍe-l-i-yo**
 I.Erg **you**.Dat/Acc one book give.Pst.1Sg+2Sg
 ‘I gave you a book.’ (Das 2006: 238) [Stroński 2011: 41]

Similar types of pronominal suffixes exist also in modern Kashmiri [21].

Distinctions between personal agreement and pronominal affixes are not always clear. However, pronominal suffixes have some properties different from the properties of core agreement: 1) bound pronominal suffixes may simultaneously co-index several syntactic roles on the verb, while inflexions usually co-index only one syntactic role; 2) inflexions usually co-index Agent or Patient, while bound pronominal suffixes may co-index Addressee, Experiencer, Possessor etc.; 3) inflexions are usually obligatory, while pronominal suffixes may be either obligatory or optional; 4) in many cases bound pronominal suffixes are used in complementary distribution with their overtly present arguments while inflexions usually co-occur overtly present arguments (with the exception of elliptical constructions); 5) bound pronominal suffixes, but not inflexions, may imply restrictions on which NP classes may be cross-referenced on the verb (e.g., the pronouns in Sindhi, etc.).

It seems that only core agreement, but not the pronominal suffixes, is to be taken into consideration while discussing the violation of Trask's universal.

2. *Ergativity in split systems is usually most strongly marked in plural* [Dixon 1994]

At the early stage of ergativity decline, represented in Old Western Gujarati-Rajasthani texts, the process of case merging resulted in splitting of the consistently ergative case marking system into an ergative one and a neutral one. In Old Rajasthani the 1st and 2nd person plural pronouns, implying the ergative paradigm in singular and the neutral one in plural, thus violated Dixon's universal:

1st person singular pronouns (S=0≠A):

Old Rajasthani, 15-th century

- (7) hauⁿ (S) su haⁿs nāmi purusu
 I.Nom that Hans by name man.Nom
 'I am that very man called Hans.' [R.G.: 8]

Old Rajasthani, 15-th century

- (8) sumitr nāmi maⁿtri, tiṇi (A) hauⁿ (O)
 Sumitr by name minister he.Instr I
 tumh kanhai mokaḷiu
 you near send.PP.M/Sg
 'The minister called Sumitra, by him have I been sent to you/He has sent me to you.' [R.G.: 6]

Old Rajasthani, 16-th century

- (9) maiⁿ (A) purā pūrvi e yogi nūⁿ ves (O)
 I.Erg=Instr before this yogin of.Neut robe.Neut
 pahiriuⁿ nathī
 put on.PP.Neut Neg
 'Never before I have put on this robe of yogin.' [R.G.: 36]

1-st person plural pronouns (S=0=A)

Old Rajasthani, 16-th century:

- (10) **amhe** (S) cyāri cor
 we four thief
 'We are four thieves.' [R.G.: 35]

Old Rajasthani, 15-th century:

- (11) taiⁿ **amhe** (O) ihāⁿ chatā jāṇiyā
 you (Sg).Erg=Instr we here be.Pres.Part.M/Pl know. PP.M/Pl
 'You came to know that we are here (lit. you us being here knew).' [R.G.: 11]

Old Rajasthani, 18-th century (first half):

- (12) **mhe** (A)¹ thāⁿ-nūⁿ rīṇthaⁿbhor diyo
 we you-to Rinthanbhor.M/Sg give.PP.M/Sg
 ‘We gave you Rinthanbhor.’ [R.G.: 48]

3. *Wherever there exist contrasting systems for nouns and pronouns, personal pronouns inflect in an accusative paradigm.* [Dixon 1994]

In Old Rajasthani 1/Sg. pronouns belonged to ergative (see (7)-(9) above), while noun paradigms developed from ergative towards neutral type — as is clear from samples ((13)-(16)), all belonging to 16-th century Rajasthani:

- (13) ākāsi ūriū kumār (S)
 sky.Loc fly up.PP.M/Sg young boy.M/Sg
 ‘The young boy flew up to the sky.’ [R.G.: 36]
- (14) kumār (O) dekhī veśyāiⁿ (A) prīti lagī pūchiūⁿ
 young boy.Nom see.Abs bawd.Instr/Sg love with ask.PP.Neut/Sg
 ‘Seeing the young boy the bawd affectionately asked.’ [R.G.: 37]
- (15) kumārī (A) kaⁿthā (O) pahirī
 young boy.Instr rags.F put on.PP.F/Sg
 ‘The young boy put on rags.’ [R.G.: 36]
- (16) kumār (A) lakūtai te (O) tim hanyā
 young boy.Nom club.Instr they so beat.PP.M/Pl
 ‘...the young boy was striking them with a club so...’ [R.G.: 39]

Sentences (15) and (16) have been extracted from the 16-th century Rajasthani text where in one and the same noun in A-function is marked either by Instrumental (15) or by Nominative (16) case. This variation demonstrates evolution from the ergative towards the neutral alignment in sg. Noun paradigms; the exceptions being nouns ending in =o. Plural paradigms and singular noun paradigms ending in =o retained A/S contrast, and — for some time — preserved the ergative case marking strategy (similar to that one of singular personal pronouns). Later on, with the development of accusative postposition obligatorily marking personal pronouns and animate nouns in O-function, the ergative case marking system changed into the tripartite one, while the neutral system developed into the accusative one [see details in 3; 11; 12; 13; 14].

This tripartite-accusative split in nominal paradigms contradicts the marking patterns along Silverstein’s NP scale [16]: the non-accusative case marking pattern is found on the left end of the hierarchy, the accusative — on the right side. Similar violations of Silverstein’s hierarchy were described in Yazgulami [4], Parachi [1], Tirahi [9] and in some other languages [8].

In the process of ergativity decline the Western NIA became more ‘obedient’ to the general typological rules and showed fewer violations of Silverstein’s hierarchy.

¹(*mhe* is a phonetic variant of *amhe* ‘we’).

Thus, Gujarati has developed the consistently tripartite case marking system in nominal as well as in pronominal paradigms. Contemporary Punjabi has tripartite nominal and accusative pronominal case marking systems. Modern Rajasthani is characterized by tendency to completely lose the ergative marking, though this process has not been completed.

4. *A language cannot simultaneously have the ergative type of verbal concord and the accusative type of case marking.* Anderson (1977), Comrie (1978)

Some nominal classes in Modern Rajasthani imply the consistently accusative case marking system:

- (17) seṭh (A) birāmaṇ (O) nai dekhiyau
 merchant brahman Acc see.PP.M/Sg
 'Merchant saw brahman.'
- (18) birāmaṇ (A) seṭh (O) nai dekhiyau
 brahman merchant Acc see.PP.M/Sg
 'Brahman saw merchant.'
- (19) seṭh/birāmaṇ (S) hāsiyau
 'merchant/brahmin' laugh.PP.M.Sg
 'Merchant/brahmin laughed.'

At the same time Modern Rajasthani has the ergative type of verbal concord in number/ gender which is not blocked by use of the accusative postposition:

- (20) gītā (A) rāwaṇ (O) nai māriyau hai
 Gita.F Rawan.M Acc beat.PP.M/Sg be.Pres/3
 'Gita has beaten Rawan.'
- (21) rāwaṇ (A) gītā (O) nai mārī hai
 Rawan.M Gita.F Acc beat.PP/F be.Pres/3
 'Rawan has beaten Gita.'

The auxiliary verb usually has default agreement in person in all the described language systems with the exception of some Marwari sub-dialects that demonstrate a rare type of the split agreement system: the main verb agrees with the Patient in number / gender, while the auxiliary agrees with the Agent in number/person [15]:

- (22) **mhe** sapnai meⁿ ī āprai sāthai dagau karaṇ rau
we dream in Emph. You.Gen with betrayal do.Obl Gen
vicār kariyau vḥāⁿ tau mhāⁿ nai
 thought.M/Sg do.PP.M/Sg be.Subj/1/Pl then we.Obl Dat
 narak meⁿ ii ṭhaur nī milai
 hell in Emph place Neg fall to one's lot. Pres/3/Sg
 'If – even in a dream – I would think about betraying you, there will be
 (lit. 'is') no place for me even in hell.' [Bahal 1989:107]

- (23) **the** **mhāⁿ** **nai** **kāⁿi** **samajh** **rākhiyā** **hau**
 you we Acc what understand keep.PP.M.Pl. be.Pres.2/Pl
 ‘Who do you take us for?’ [Bahal 1989:81]

Similar type of ‘split’ agreement is possible also in Marathi:

- (24) tu kavītā vāc-l-i-s
 you.Nom poem.F.Sg read.PP.F.Sg+ 2Sg
 ‘You read the poem.’ [Kash Wali 2006:14]

5. *The Agent of the matrix clause cannot antecede NPs in reduced relative clauses*’ [Ross 1967], [Subbarao 1971]

In Modern Western NIA not only the Agent, but even the Possessor of the matrix clause may antecede the noun phrases of the reduced relative clauses:

Modern Urdu:

- (25) us-kī nigāh-e-intixāb apne; bāp ke
 his glance-of-choice self’s father of
 tabāh kiye hue harat par parī
 destroyed Harat on fell
 ‘He chose Harat destroyed by his (lit.self’s) father.’ [Tarar 1972: 63]

However, not all native speakers of Hindi/Urdu and of other languages analyzed here accept reflexive pronoun in the reduced relative clause. Many of them replace it by the 3-rd person demonstrative pronoun.

In conclusion, it should be pointed out that all the described violations of established typological rules took place in languages demonstrating a rather rare type of syntactic evolution: moving first from nominative-accusative towards ergative and then back towards nominative-accusative alignment. Some violations then might be expected as the result of that unusual typological development.

References

1. Ефимов В.А. О типах эргативной конструкции в языке парачи. //Иранское языкознание. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1980. С. 121–134.
2. Липеровский В.П. Очерк грамматики современного браджа. М.: Наука, 1988.
3. Хохлова Л.В. Синтаксическая эволюция западных новоиндийских языков в 15-20 в. //Orientalia et Classica. Труды института восточных культур и античности, вып. XI. Аспекты компаративистики 2. М.: РГТУ, Институт Восточных культур и античности. С. 151–186.
4. Эдельман, Д. И. Язгулянский язык. М.: Наука, 1966.
5. Bubenik V. A historical syntax of late Middle Indo-Aryan (Aṣṭadhyāyī). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998.

6. Comrie, B. Ergativity // Syntactic typology. Lehmann W. P (ed). Austin: University of Texas Press. Pp. 329–95.
7. Dixon, R.M.W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
8. Filimonova, E. The noun phrase hierarchy and relational marking: problems and Counterevidence // Linguistic typology, 2005. № 9. Pp. 77–113.
9. Grierson, G. On the Tirahi language // Journal of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Vol. 57. Issue 03. Pp. 405–416.
10. Kashi Wali. Marathi: A study in comparative South Asian languages. Delhi: Indian Institute of Language Studies, 2006.
11. Khokhlova L.V. 1992. Trends in the development of ergativity in New Indo-Aryan. Hyderabad: Osmania papers in linguistics, 1992. Vol. 18. Pp. 71–98.
12. Khokhlova L.V. The development of patient-oriented constructions in Late Western NIA languages. Hyderabad: Osmania papers in linguistics, 1995. Vol. 21. Pp. 15–54.
13. Khokhlova L.V. Ergativity attrition in the history of Western New Indo-Aryan languages (Hindi/Urdu, Punjabi, Gujarati and Rajasthani) // The yearbook of South Asian languages and linguistics 2001. Tokyo symposium on South Asian languages: contact, convergence and typology. New Delhi-London: Sage Publications. Pp. 159–184.
14. Khokhlova L.V. Ergative alignment in Western New Indo-Aryan languages from a historical perspective // Indo-Aryan ergativity in typological and diachronic perspective. Eystein Dahl & Krzysztof Stron'sky (ed.). John Benjamins Publishing Company, 2016. Pp. 165–199.
15. Magier D. Components of ergativity in Marwari // Papers from the 19-th regional meeting. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1983. Pp. 244–255.
16. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity.//Grammatical categories in Australian languages R.M.W. Dixon (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112–171.
17. Ross J.R. Constraints on variable in syntax, MIT doctoral dissertation. 1967.
18. Stron'ski K. Synchronic and diachronic aspects of ergativity in Indo-Aryan. Poznań: Wydawnictwo Naukowe, 2011.
19. Subbarao K.V. Notes on reflexivization in Hindi syntax // Studies in the linguistic sciences 2.1, 1971. Pp. 180–214.
20. Trask L.R. On the origin of ergativity // Ergativity. Towards a theory of grammatical relations. F. Plank (ed.). London: Academic press, 1979.
21. Wali K. & Koul O.N. Kashmiri: A cognitive descriptive grammar. London: Routledge, 1997.

Referred texts

1. Puratan Panjabi Vartak. Surindar Singh Kohli (ed). Chandigarh: Publication Bureau, 1973.

2. Rajasthani Gadya: Vikas aur Prakash. Narendra Bhanavat (ed). Agra: Shriram Mehta and Company, 1969.
3. Tarar M.S. Andulus Mayn Ajnabi (Stranger in Spain). Lahore: Sang-e-Meel Publications, 1972.

М.Б. Коношенко
РГГУ / МПГУ, Москва

МЕХАНИЗМЫ УТРАТЫ ИМЕННЫХ КЛАССОВ В ЯЗЫКАХ КВА¹

1. Введение

В статье рассматриваются системы именных классов в языках семьи ква (< нигер-конго, Западная Африка) в синхронии и диахронии.

Согласно общепринятой точке зрения, прото-нигеро-конголезский язык имел обширную систему именных классов с многочисленными морфологическими показателями у имен существительных и классным согласованием на нескольких типах мишеней [40]. Однако в современных языках этой макросемьи классные системы сохранились в различной степени [11; 40; 6; 23; 20; 12 и др.]. В литературе можно встретить противопоставление двух основных нигеро-конголезских языковых типов — «тип банту» с сильной агглютинацией и многочисленными именными классами и «тип ква» с тенденцией к изолирующей грамматике и, в крайнем случае, рудиментарной классной системой [19; 12]. Ср. примеры из суахили и фон:

- (1) СУАХИЛИ (< банту)
m-toto	m-dogo	a-mefika
CL1-ребенок	CL1-маленький	CL1-прибыл
‘Маленький ребенок прибыл.’		
- [Katamba 2004: 111]
- (2) ФОН (< гбе)
súnù	dàgbè	ó	wá
человек	хороший	DEF	прибывать
‘Хороший человек прибыл.’			
- [Lefebvre, Brousseau 2002: 113, 350]

Тем не менее, далеко не все языки банту имеют обширную систему классов, и они хорошо описаны — см. [23; 20]. С другой стороны, не все языки ква демонстрируют полное отсутствие именных классов: “it appears that while most Kwa languages lack a noun class system <...>, some Kwa (e.g., Twi) do show a residual class system while others like Ghana — Togo mountain languages have fully developed systems” [2: 11]. Тем не менее, языки ква с именной классификацией обсуждаются в литературе гораздо реже и до сих пор не рассматривались с позиций внутригенетической и общей типологии.

Среди языков семьи ква рудиментарная система именных классов характерна для идиомов акан [30; 31], а богатые системы отличают группу гуанг [37] и так называемые «горные языки Ганы и Того» (Ghana — Togo mountain

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15–34–01237 «Морфосинтаксис языков ква в ареальном освещении». Автор выражает благодарность Дарье Шавариной за помощь в сборе и анализе материала.

languages, GTM), которые представляют собой ареально-типологическое объединение двух групп — Ка-Того и На-Того [17; 4]. Наличие именной классификации в том или ином виде практически во всех языках этих ветвей дает основания считать, что и прото-языки этих групп имели классные системы [17: 182; 24; 37]. Более того, многие классные показатели в современных ква когнатны классным показателям в других языках нигер-конго [4; 21: 46]. Это позволяет предположить, что древняя система именной классификации с классным маркированием имен существительных и согласованием сохранялась в прото-ква, но в значительной степени утратилась в современных языках. Таким образом, многие современные языки ква с большой вероятностью прошли путь от «типа банту» в сторону «типа ква».

По-видимому, система именных классов в прото-ква была типичной для нигеро-конголезской макросемьи — см. [25: 96–97; 21: 44] — и обладала, по крайней мере, двумя свойствами:

- (3) большинство существительных имеют формальные классные показатели, обязательные для выражения и различные для форм единственного и множественного числа;
- (4) именные зависимые, глаголы и анафорические местоимения согласуются с именами существительными по классу.

В статье предпринята попытка рассмотреть различные явления, связанные с утратой формальных классных показателей в современных языках ква у имен существительных, с одной стороны, и классного согласования именных модификаторов и глаголов, с другой.

Под «системой именной классификации» понимается набор морфосинтаксических явлений, связанных с объединением имен существительных на основании множественных семантических признаков, проявляющемся в морфологии существительных и/или других словоформ². Термин «именной класс» используется для обозначения уникального типа морфологического маркирования имени существительного в форме единственного или множественного числа (ср. также распространенное в литературе по африканским языкам противопоставление «классов» как множества словоформ с одинаковым типом маркирования и «родов» как множество пар словоформ, образующих корреляцию по числу [1]). Под «классным согласованием» понимается явление вариативного маркирования несубстантивных словоформ в зависимости от класса имени существительного внутри именной группы и за ее пределами (ср. английские термины “concord” vs. “agreement”, которые могут употребляться для

²Таким образом, наше определение «системы именной классификации» не предполагает обязательного наличия согласования по классу — ср. [5]. Как показано в [12], явления классного маркирования имен и согласования по классу других словоформ в принципе независимы друг от друга в языках Нигер-Конго и встречаются в разных сочетаниях.

обозначения согласования на именных зависимых внутри именной группы vs. вне именной группы).

В разделе 2 дается общая информация о языках ква и, в частности, о языках, рассматриваемых в исследовании. В разделе 3 обсуждается классное маркирование имен существительных; в 4 речь идет о классном согласовании. В 5 подводятся итоги.

2. Языки ква: материал исследования

В настоящей работе мы следуем классификации семьи ква, принятой в [42]. В качестве материала исследования использовались грамматические описания пятнадцати языков из групп ка-того и на-того, часто фигурирующих в литературе как ареально-типологическое объединение «горные языки Ганы и Того», также рассматривались языки группы гуанг и идиомы акан. В языках других групп именная классификация, по-видимому, была полностью утрачена. Данные о рассматриваемых языках представлены в Таблице 1. Выбор языков в значительной степени определялся доступностью источников, однако в целом эту выборку можно считать представительной, так как она включает все ветви языков семьи ква, обнаруживающие элементы именной классификации.

язык	генетическая принадлежность	источники
логба	GTM: на-того	[Dorvlo 2009]
лелеми	GTM: на-того	[Allan 1973]
акебу	GTM: ка-того > кебу-анимере	[Storch, Koffi 2000; Макеева, Шлуинский 2015]
аватиме	GTM: ка-того > аватиме-ньянгбо	[Funke 1909; Schuh 1995]
ньянгбо	GTM: та-того > аватиме-ньянгбо	[Essegbey 2009]
иго	GTM: ка-того > кпосо-ало-бовили	[Gblem 1995]
тувули	GTM: ка-того > кпосо-ало-бовили	[Harley 2005]
икпосо	GTM: ка-того > кпосо-ало-бовили	[Soubrier 2013]
чумбурунг	гуанг > северные	[Hansford 1990]
фоодо	гуанг > северные	[Plunkett 2009]
гонджа	гуанг > северные	[Painter 1970]
нконья	гуанг > северные	[Reineke 1971]
навури	гуанг > северные	[Sherwood 1982]
эфуту	гуанг > южные	[Obeng 2008]
акан	поту-тано > центральные	[Osam 1993ab, Osam 1994]

Таблица 1. Рассматриваемые языки.

3. Именные классы

В настоящем разделе рассматриваются особенности классного маркирования имен существительных.

В большинстве языков именные классы маркируются префиксально, хотя в акебу и фоодо есть как префиксы, так и суффиксы.

3.1. Классные показатели: количественная оценка

Чтобы оценить степень сохранности систем именных классов в рассматриваемых языках, для каждого языка было посчитано количество уникальных именных классных показателей вне зависимости от их числовой семантики. Для иллюстрации принятого подхода приведем систему именных маркеров в языке логба:

	Единственное число	Множественное число
Исчисляемые имена	a-	N-
	u-	e- / ε-
	e- / ε-	N-
	o- / o-	i-
Неисчисляемые имена	N-	
	i-	

Таблица 2. Именные показатели класса в логба [Dorvlo 2008: 47].

В логба есть шесть уникальных префиксов (a-, u-, e-/ε-, o-/o-, N-, i-). Префикс e-/ε- употребляется как в формах единственного, так и множественного числа. Префиксы N- и i- могут использоваться в формах множественного числа у исчисляемых имен и как дефолтные показатели неисчисляемых имен (последние две строки). Плуральный префикс N у исчисляемых существительных соответствует двум разным сингулярным. Если учитывать все эти обстоятельства и считать каждую клетку таблицы, мы получим десять единиц с большим количеством повторов. Поскольку наша задача состоит в том, чтобы оценить, действительно ли в рассматриваемых языках именная классификация носит остаточный характер, в ходе анализа решено было считать только морфологически различные показатели без учета их семантики и сочетаемости. В результате мы получаем нижнюю границу потенциального количества именных классов, возможного в конкретном языке. На самом деле их может быть больше, чем уникальных префиксов (если учитывать числовую семантику и относить к различным классам сингулярные, плуральные словоформы и формы без числовой корреляции), как в логба, но не меньше. Как показано ниже, даже при таком «округлении в меньшую сторону» мы получаем большое количество языков с многочисленными классными показателями.

По результатам подсчетов языки были разделены на три группы в соответствии с количеством классных показателей: сложная система — ≥ 8 показателей; умеренная система — < 8 показателей, но с сохранением классных противопоставлений в формах единственного и множественного числа у большинства существительных; остаточная система. В качестве пограничного значения условно было выбрано восемь показателей, потому что это наименьшее количество классных маркеров, реконструируемых для прото-языков конкретных групп внутри семьи ква — ср. восемь для прото-гуанг [37], девять в [24], тринадцать для (генетического?) объединения GTM [17].

Результаты подсчетов для трех рассмотренных ветвей представлены в Таблице 3. В скобках для каждого языка дано количество уникальных классных показателей.

Именная классификация	Сложная	Умеренная	Остаточная
GTM	лелеми (9) акебу (11) ³ аватиме (13) ньянгбо (10) иго (11) тувули (13)	логба (6)	икпосо
гуанг	фоодо (10) нконья (12)	чумбурунг (7) гонджа (6) навури (7)	эфуту
акан		акан (6)	

Таблица 3. Количество уникальных классных показателей.

Как видно из Таблицы 3, горные языки Ганы и Того тяготеют к сложной системе именной классификации, языки гуанг из выборки демонстрируют умеренное количество показателей. Только два языка (икпосо и эфуту) обнаруживают остаточную именную классификацию.

Так, в икпосо большинство существительных имеют структуру VCV, где начальный гласный является застывшим префиксом, но синхронно не вычленяется у большинства существительных, поскольку только у небольшой группы имен, обозначающих людей, начальный гласный меняется в форме множественного числа.

³Префиксы и суффиксы в акебу и фоодо считались отдельно, поскольку между ними нет одно-однозначного соответствия.

	Единственное число	Множественное число	Значение лек- семы
Люди	ʒ-sī ʒ-lō	á-sī á-lō	‘женщина’ ‘человек’
Прочие имена	útʃū óyó	útʃū nī óyó nī	‘муха’ ‘рука’

Таблица 4. Образование множественного числа в икпосо [39: 75–83].

3.2. Признаки утраты именной классификации

Именные классы в современных языках ква часто описывают при помощи различных эпитетов, обозначающих ту или иную степень утраты регулярной системы именной классификации, ср. “rudimentary”, “vestigial” [40: 184], “residual” [2: 11], “defunct” [32: 117], “undergoing decay” [7: 37]. Действительно, именное словоизменение в рассматриваемых языках обнаруживает различные фонетические, морфологические и семантические особенности, которые свидетельствуют о постепенной утрате изначально полной системы именных классов, подобной (3).

Классные показатели могут подвергаться фонетической эрозии, например, утрачивать сегментный экспонент. Так, в акебу один классный префикс реализуется как низкий тон на первой мере корня знаменательной словоформы.

Единственное число	Множественное число	Значение лексемы
kì-ṭōō-kā	wə-ṭōō-kpā	‘перо’
lèé-t̃ṣ	è-léé-yā	‘калебаса’

Таблица 5. Тональный префикс в акебу [Макеева, Шлуинский 2015].

Кроме того, в ква имеется тенденция к отпадению классных показателей в определенных условиях.

В ньянгбо имена существительные могут реализоваться без классного показателя или с редуцированным показателем без начального согласного, если имя существительное находится в неначальной позиции внутри составляющей. Это касается прямого дополнения в глагольной группе VO (5), предложного зависимого PrepN (6), обладаемого имени в притяжательной группе N_{GEN}N (7).

НЬЯНГБО (< аватиме-ньянгбо)

- (5) ba-ré vɔbɔ ср. ke-vɔbɔ ‘лягушка’
3PL-искать лягушка
‘Они искали лягушку.’

- (6) n' u-vũ-ʒ-m ср. bu-vũ ‘комната’
в CL-комната-DEF-внутри
‘в комнате’

- (7) i-ti-nyí m' élí nyé ср. ki-nyé 'имя'
 1SG-NEG-знать 1SG.POSS мать имя
 'Я не знаю имя своей матери.' [Essegbey 2009: 43]

В акан утрата классного показателя сопряжена с семантикой: некоторые неличные имена не имеют префикса в единственном числе, как показано в Таблице 6.

Единственное число	Множественное число	Значение лексемы
a-bofra	m-bofra	'ребенок'
tetea	n-tetea	'муравей'
siw	e-siw	'холм'

Таблица 6. Факультативные классные префиксы в акан [Osam 1993a:95].

Во многих языках встречается генерализация классного маркирования, которая часто сопряжена с семантическим перестроением системы — от множественных семантических доминант к противопоставлению по признаку одушевленности.

Очень характерный пример такой генерализации дает язык лелеми, где все одушевленные имена с различными префиксами в единственном числе маркируются префиксом *ba-* (ср. аналогичный префикс 2 класса **bà-* в прото-банту [25]) в форме множественного числа, как показано в Таблице 7.

Одушевленные	люди	o-	ba-
	животные	a-	
	племена, птицы, летучие мыши	le-	
	животные, живущие в лесу	ka-	
	одушевленные объекты	ko-	
	звукоподражательные или заимствованные названия животных	∅-	
Неодушевленные	артефакты, культурные злаки, части тела	o-	le-
	кухонные приборы, части тела, естественные события	le-	a-

Таблица 7. Генерализация классного маркирования в лелеми [Allan 1973].

4. Согласование по классу

Типичные мишени согласования по классу в языках Нигер-Конго — это зависимые в составе именной группы (прилагательные, некоторые числительные, демонстративы, неопределенные местоимения), глагольные сказуемые и анафорические местоимения (субъектные, объектные, посессивные и относительные). Глагольное согласование с подлежащим теоретически может быть результатом сравнительно недавней грамматикализации, как это иногда

предполагается для языков банту [26], [13; 14]. Для остальных типов можно предполагать согласование по классу с именами существительными уже в прото-нигер-конго [18].

В языках ква встречается классное согласование на всех перечисленных выше типах мишеней, с одной оговоркой: по-видимому, противопоставление глагольных префиксов и субъектных анафорических показателей для ква не имеет смысла, поскольку субъектная анафора в этих языках осуществляется за счет глагольных префиксов (и, соответственно, глагольные префиксы обычно могут употребляться при лексическом подлежащем и как анафорические субъектные показатели). Ниже в Таблице 8 эти мишени даны как «субъектные префиксы на глаголе».

Сведения о мишенях согласования в рассматриваемых языках собраны в Таблице 8 (сокращение «класс» обозначает согласование по классу; «одуш» — по одушевленности, см. 4.2.1; «фонол» — особый тип фонологического согласования, см.4.2.2.). Поскольку не для всех типов местоимений у нас хватает данных, здесь представлены только субъектные и объектные местоимения 3 лица. Также мы рассматривали только количественные числительные, поскольку они морфологически неизменяемые, в отличие от порядковых.

	Числительные	Прилагательные	Демонстративы	Неопределенные местоимения	Субъектные префиксы на глаголе	Объектные местоимения
логба	класс	0	класс	класс	класс	0
лелеми	класс	0	класс	класс	класс	класс
акебу	класс	0	0	0	0?	0?
аватиме	фонол.	0	фонол.	фонол.	класс	класс
ньянгбо	класс	0	класс	класс	класс	0?
иго	одуш	0	одуш	одуш	одуш	0?
тувули	0 ⁴	число	0	класс	класс	класс
икпосо	0	0	0	0	0	0
чумбурунг	класс	число	0	0	класс	класс
фоодо	класс	класс	класс	класс	класс	класс
гонджа	одуш	0	0	?	одуш	одуш
нконья	одуш	0	0	одуш	одуш	одуш
навури	0	0	0	?	одуш	одуш
эфуту	0	0	0	0	одуш	одуш
акан	одуш	число	0	?	одуш	одуш

Таблица 8. Мишени согласования в ква.

⁴В тувули есть согласование порядковых числительных.

Таблица 8 позволяет сделать два наблюдения. Во-первых, далеко не во всех языках согласование возможно у всех типов мишеней; встречается множество отклонений от гипотетического протоязыка (4), см. 4.1.

Во-вторых, далеко не во всех языках именной класс — основная согласовательная категория. Во многих языках имеется согласование по признаку одушевленности. Это позволяет предположить, что противопоставление множественных семантических доминант, лежащих в основе именной классификации, было преобразовано в семантически однородную систему, основанную на противопоставлении по признаку одушевленности, см. 4.2.1.

4.1. Мишени согласования и проблема прилагательных

Как видно из Таблицы 8, только в фоодо есть классное согласование на всех приведенных типах мишеней; остальные языки обнаруживают те или иные ограничения на мишени согласования.

Икпосо и эфуту, которые в Таблице 3 классифицированы как языки с рудиментарным классным маркированием имен существительных, ведут себя по-разному в том, что касается согласования. В икпосо классное согласование утрачено полностью, а в эфуту местоименные показатели согласуются по признаку одушевленности, их формы даны в Таблице 9.

	Субъектные показатели	Объектные показатели
3SG, одушевленные	mɔ-	ɪ̃
3SG, неодушевленные	ì-	m
3PL, одушевленные	amɔ-	àmò
3PL, неодушевленные	ì-	m

Таблица 9. Местоимения в эфуту [Obeng 2008: 10].

Подобная конфигурация согласования представлена в языке навури, который, в то же время, демонстрирует умеренно сложную именную классификацию существительных. Таким образом, прямой связи между степенью сохранности классного маркирования существительных и классного согласования в языках ква нет — ср. аналогичные наблюдения в [12] о других нигеро-конголезских языках.

Неожиданный результат, полученный в ходе исследования, — это очень малое количество языков с согласованием на прилагательных. Единственный язык из выборки, демонстрирующий полноценное согласование на прилагательных, — фоодо:

- (8) ФООДО (< гуанг)
kò-wɔ́ɔ́-ú	kú-bílù-ú	↓kó-kááló-ú	↓kó-kó
CL3-змея-CL3	CL3-черный-CL3	CL3-маленький-CL3	CL3-INDEF

↓_{nné}

это

‘Это маленькая черная змея.’

[Plunkett 2009: 124]

При этом в фоодо только существительные и прилагательные имеют префиксально-суффиксальное классное маркирование, остальные согласующиеся словоформы (например, неопределенное местоимение) присоединяют только префиксы, ср. (8). Это позволяет предположить недавнее выравнивание морфологии прилагательных по аналогии с существительными. Таким образом, согласование на прилагательных в фоодо — это скорее инновация, чем реликт архаичной протосистемы.

В тувули, чумбурунг и акан прилагательные согласуются с существительными только по числу и, более того, с сильными лексическими ограничениями. Так, в тувули согласование наблюдается только у четырех прилагательных: *te* ‘другой’, *kū* ‘короткий’, *baï* ‘большой’ и *bii* ‘маленький’. Прилагательное *baï* не присоединяет классный показатель и обязательно редулицируется во множественном числе; остальные прилагательные редулицируются факультативно.

ТУВУЛИ (< кпосо-ало-бовили)

(9) *sə-ɔta* *baï*

CL-лист большой

‘большой лист’

(10) *tə-ɔta* *baï-baï*

CL-лист большой~PL

‘большие листья’

(11) *sə-ɔta* *ka-bii*

CL-лист CL-маленький

‘маленький лист’

(12) *tə-ɔta* *ku-bii(-ku-bii)*

CL-лист CL-маленький~PL

‘маленькие листья’

[Harley 2005: 111]

В чумбурунг есть остаточные примеры классного согласования во множественном числе, “a few examples of plural concord which may be evidence of a historical class concord system” [15: 265], ср.:

ЧУМБУРУНГ (< северные гуанг)

(13) *ɔ̃-nyáré* *sóswwè*

CL-мужчина длинный

‘высокий мужчина’

[Hansford 1990: 175]

(14) *à-ŋú* *á-sóswwéé* *á-sóswwéé*

CL-голова CL-длинный CL-длинный

‘очень длинные головы’

[Hansford 1990: 266]

Кроме того, в чумбунг есть одна лексема, которая согласуется с вершинным именем, но только по числу, а не по классу:

- (15) sùkúú kà-`gyíngyí kò
школа SG-маленький INDEF
'некая маленькая школа'

- (16) tòmán`tósè ñ-`gyíngyí
помидоры PL-маленький
'маленькие помидоры'

[Hansford 1990: 266]

Очень любопытные правила адъективного согласования имеются в акан. Прилагательное присоединяет классный префикс только в форме множественного числа, при этом префикс прилагательного не зависит от существительного и определяется лексически. Так, в (18) существительное относится к пятому классу, прилагательное к шестому, а в (20) наоборот.

АКАН (< поту-тано)

- (17) a-tar tuntum
CL2-платье черный
'черное платье'

- (18) n-tar e-tuntum
CL5-платье CL6-черный
'черные платья'

- (19) kyen kakraba
барабан маленький
'маленький барабан'

- (20) a-kyen n-kakramba
CL6-барабан CL5-маленький
'маленькие барабаны'

[Osam 1993a: 97]

В отличие от прилагательных, числительные имеют классное согласование во многих языках ква, кроме тех, в которых согласование на модификаторах либо не представлено вовсе (икпосо, навури, эфуту), либо подверглось тотальной семантической, либо формальной реинтерпретации (аватиме, иго, гонджа, нконья — см. 4.2.).

Малое количество языков ква с продуктивным согласованием прилагательных и, наоборот, с хорошо представленным согласованием числительных необычно в контексте языков нигеро-конголезской семьи. Согласование числительных первым утрачивается в кру и кросс-ривер [6], ср. иерархию стабильности мишеней согласования, предложенную для кросс-ривер в [8]: глагол > прилагательное > числительное и другие модификаторы; где глагольное согласование сохраняется лучше всего, а согласование на числительных утрачивается в первую очередь.

Можно предположить, что адъективное согласование было утрачено еще на этапе прото-ква, но это утверждение также требует объяснения. Возможно, дело здесь в природе самого лексико-грамматического класса прилагательных, который в языках Африки является скорее периферийным и нестабильным. Возможно, в прото-ква прилагательных либо не было вовсе, либо было крайне мало, а в современных языках они имеют различные диахронические источники — ср. аналогичное предположение для кру в [44]. Тем не менее различное поведение числительных и прилагательных нуждается в дальнейших исследованиях.

4.2. Семантическая и формальная генерализация согласовательных систем

Помимо классного согласования в языках ква наблюдаются два других типа согласовательных систем, которые появились в результате семантической (4.2.1) либо формальной (4.2.2.) генерализации исходно согласовательных систем с множественными согласовательными показателями и несколькими семантическими доминантами.

4.2.1. Семантическая генерализация

Во многих языках (прежде всего, иго, гонджа, нконья; также частично в навури, эфуту, акан) наблюдается семантически однородная согласовательная система, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности. При этом в различных подсистемах одного и того же языка это противопоставление может быть устроено по-разному.

В иго согласование числительных противопоставляет личные и неличные имена, а неопределенные местоимения согласуются по-разному с одушевленными и неодушевленными именами [10].

В нконья в подсистеме числительных от 2 до 9 представлено редкое тройное противопоставление, при котором согласование с личным именем маркируется показателем *aba-*, согласование с неличным одушевленным требует показателя *a-*, согласование с неодушевленным именем не маркируется. Заметим, что префиксальное маркирование существительных в нконья образует полноценную систему классов, так что семантической генерализации подверглись только мишени согласования.

Личные	aba-	a-tse n-yebi	aba-sa '3 женщины' aba-sa '3 ребенка'
Неличные одушевленные	a-	m-boe a-kpokpo	a-sa '3 животных' a-sa '3 буйвола'
Неодушевленные	∅-	e-kolo a-wulu	∅-sa '3 лодки' ∅-sa '3 города'

Таблица 10. Согласование числит. *sa* 'три' в нконья [Reineke 1972: 45–46].

Реинтерпретация классных систем на основании признака одушевленности — довольно частый процесс в языках Нигер-Конго [23, 12]. Кроме того, противопоставление по признаку одушевленности может скрыто влиять на системы именной классификации: обычно личные имена ведут себя консервативнее, чем неличные, ср. утрату префиксов у некоторых неличных имен в акан (Таблица 6), ср. аналогичное обобщение для кросс-ривер: “class/gender distinctions are lost for [-human] nouns before [+human] nouns” [8: 51].

4.2.2. Формальная генерализация

Интересный случай представляет язык аватиме, в котором классное маркирование зависимых внутри именной группы было реинтерпретировано формально. В результате появилось так называемое фонологическое согласование, при котором мишень по определенным правилам копирует фонологические, а не морфосинтаксические признаки контролера.

Так, числительные в аватиме имеют префикс вида tV-, в котором начальный согласный неизменен, а гласный копирует признаки у гласного контролера (с точностью до гармонии гласных; i/i и e/a дополнительно распределены по признаку \pm ATR):

(21) АВАТИМЕ (< аватиме-ньянгбо)

o-po to-le ‘одна дверь’

li-po ti-ne ‘четыре двери’

li-ba ti-le ‘одно копыто’

a-ba te-ne ‘четыре копыта’

[Schuh 1995: 139]

В языках западноафриканского ареала фонологическое согласование также засвидетельствовано в нескольких языках кру (гебие, кран, годие, вата) [34].

5. Заключение

Мы рассмотрели различные конфигурации систем именной классификации в нескольких ветвях языковой семьи ква. Во многих из них наблюдается тенденция к отпадению классных показателей у существительных и семантической генерализации классного согласования в пользу противопоставления по признаку одушевленности. Наблюдаемые в современных языках ква отклонения от реконструируемого прототипа в целом довольно типичны и встречаются в других группах — см. [20] о языках банту, [12] о бантоидных, [6] о кру и кросс-ривер. Тем не менее некоторые явления могут оказаться специфическими для языков ква. Так, если согласование числительных — стабильная черта классных систем в языках ква, оно скорее всего утрачивается в кру и кросс-ривер [6]; согласование прилагательных устроено противоположным образом.

Список условных сокращений

CL — показатель именного класса; DEF — определенный; GTM — горные языки Ганы и Того, INDEF — неопределенный; PL — множественное число; SG — единственное число.

Библиография

1. Макеева Н.В., Шлуинский А.Б. Именные классы и согласование в языке акебу // Исследования по языкам Африки, вып. 5. М., 2015. С. 174–200.
2. Aboh, E. O. The morphosyntax of the noun phrase. Topics in Kwa Syntax. Aboh E., Essegbey J. (eds). Studies in Natural Language and Linguistic Theory 78, 2010. Pp. 11–37.
3. Allan E. J. A grammar of Buem. Ph.D. dissertation. London: Univ. of London, 1973.
4. Blench R. Do the Ghana-Togo mountain languages constitute a genetic group? The Journal of West African Languages, 2009. 36.1/2. Pp. 19–36.
5. Corbett G. Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
6. Demuth, K. A.; Faraclas, N. G.; Marchese, L. Niger-Congo noun classes and agreement systems in language acquisition and historical change. Noun classes and categorization. Craig C. (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publ, 1986. Pp. 453–471.
7. Essegbey J. Noun classes in Tutrugbu. Journal of West African Languages, 2009. Pp. 37–56.
8. Faraclas N. G. Cross River as a model for the evolution of Benue-Congo nominal class/concord systems. Studies in African Linguistics, 1986. 17 (1). Pp. 39–54.
9. Funke E. Versuch einer Grammatik der Avatimesprache. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, 1909. 12(3). Pp. 287–336.
10. Gblem H. M. Description systematique de l'Igo. Thèse de doctorat. Grenoble: univ. de Grenoble III, 1995.
11. Givón T. Some historical changes in the noun class system of Bantu: their possible causes and wider implications. Papers in African linguistics. Kim C.W, Stahlke H. (eds.). Champaign, IL: Linguistic research Inc. Pp. 34–54.
12. Good J. How to become a “Kwa” noun.” Morphology. 2012. 22.2. Pp. 293–335.
13. Güldemann T. Grammaticalization. The Bantu languages. Nurse D, Philippson G. (eds.) London: Routledge, 2003. Pp. 182–194.
14. Güldemann T. Proto-Bantu and Proto-Niger-Congo: Macro-areal typology and linguistic reconstruction. Geographical typology and linguistic areas: With special reference to Africa. Hieda O., König C., Nakagawa H. (eds.). Amsterdam: Benjamins, 2011. Pp. 109–141.
15. Hansford K. L. A grammar of Chumburung. Ph.D. thesis. London: Univ. of London, 1990.
16. Harley M. A descriptive grammar of Tuwuli. Ph.D. dissertation. London: SOAS, 2005.
17. Heine B. Die Verbreitung und Gliederung der Togorestsprachen. Berlin: Dietrich Reimer Reimer, 1968.
18. Hepburn-Gray R. A survey of Niger-Congo noun class agreement systems. Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and reconstruction. Paris, 2016.

19. Hyman L. How to become a “Kwa” verb. *Journal of West African Languages* 30, 2004. Pp. 69–88.
20. Katamba F X. Bantu nominal morphology. The Bantu languages, Nurse D., Philippson G. (eds.). *Language family series*, v. 4. London & New York: Routledge, 2004. Pp. 103–120.
21. Kießling R. On the origin of Niger-Congo nominal classification. *Historical Linguistics 2011: Selected papers from the 20th International Conference on Historical Linguistics, Osaka, 25-30 July 2011* (Vol. 326, p. 43). John Benjamins Publishing, 2013. Pp. 43–65.
22. Lefebvre C., Brousseau A.M. *A grammar of Fongbe*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2002.
23. Maho J. F. A comparative study of Bantu noun classes. *Orientalia et africana gothoburgensia*, n. 13. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1999.
24. Manessy G. La classification nominale en Proto-Guang. *Afrikanistische Arbeitspapiere* 9, 1987. Pp. 5–49.
25. Meeussen, A. E. Bantu grammatical reconstructions. *Africana Linguistica* 61, 1967. Pp. 79–121.
26. Nurse D. *Tense and aspect in Bantu*. Oxford: Oxford University, 2008.
27. Obeng S. G. *Efutu grammar*. München: Lincom Europa, 2008.
28. Osam E. K. The loss of the noun class system in Akan. *Acta Linguistica Hafniensia*, z, 1993. Pp. 81–106.
29. Osam E. K. Animacy distinctions in Akan grammar. *Studies in the Linguistic Sciences*, Vol. 23, No. 2, 1993. Pp. 153–164.
30. Osam, E. K. *Aspects of Akan grammar: A functional perspective*. Ph.D. diss. Univ. of Oregon, 1994.
31. Painter C. *Gonja: a phonological and grammatical study*, Ph.D. diss. Indiana University, 1970.
32. Plunkett G C. An overview of Foodo, a linguistic island in Benin. *Journal of West African Languages*, 36:1-2, 2009. Pp. 107–137.
33. Reineke B. *The structure of the Nkonya language*. Leipzig: VEB, 1972.
34. Sande H. *An interface model of phonologically determined agreement*. WCCFL, Berkeley, 2015.
35. Schuh R. Avatime noun class and concord. *Studies in African linguistics* Vol. 24, No. 2: 1995. Pp. 123–149.
36. Sherwood, B. *A grammatical description of Nawuri*. Ph.D. thesis. London: Univ. of London, 1982.
37. Snider K. L. The noun class system of proto-Guang and its implications for internal classification. *Journal of African languages and linguistics*, v. 10, 2, 1988. Pp. 137–163.
38. Storch A., Koffi Y. Noun classes and consonant alternation in Akebu (Kàgbèrākà). *Nominal classification in African languages*. Frankfurter Afrikanistische Blätter 12. Meissner A., Storch A. (eds.). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2000. Pp. 79–98.

39. Soubrier A. L'ikposso uwi. Phonologie, grammaire, textes, lexique. Thèse de doctorat. Lyon: Université Lumière Lyon 2, 2013.
40. Welmers W. African language structures. Berkeley: University of California, 1973.
41. Westermann D., Bryan M. Handbook of African languages: Part II, languages of West Africa. London: Oxford University, 1952.
42. Williamson K, Blench R. Niger-Congo. African languages: an introduction. Bernd H., Nurse D. (eds.). Cambridge: Cambridge University press, 2000. Pp. 11–42.
43. de Wolf P. The noun class system of Proto-Benue-Congo. The Hague: Mouton, 1971.
44. Zogbo L. Did the category “adjective” exist in Proto-Kru? Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and reconstruction. Paris, 2016.

М.А. Ланглиц

МПГУ, Москва

СЕМАНТИКА ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН НА -(U)M, -KI И -KES В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В корейском языке, как и в других алтайских языках, вершиной придаточного предложения может быть нефинитная форма глагола: причастие, деепричастие, номинализация и т.п. Есть несколько аффиксов или конструкций с зависимыми именами, которые образуют номинализации sentenциального уровня; мы рассмотрим основные: -(u)m, -ki, (PTCP/REL) + kes. Морфосинтаксис таких конструкций подробно изучен в работах [1; 2; 4; 5; 6; 10; 11; 12 и т.п.], однако семантика не получила широкого освещения в литературе (в том числе сочетаемость форм на -(u)m, -ki, -kes с конкретными матричными предикатами).

Формы на -(u)m/-ki

Принято считать, что вариативность использования форм на -(u)m/-ki в конструкциях с sentenциальным актантом связана с фактивностью / нефактивностью матричного предиката. Номинализация на -(u)m придает зависимой части предложения признак фактивности (доказано, что; это факт, что), а -ki оформляет такие придаточные, у которых нет данного признака (зависимые глаголов «надеяться, хотеть»). Однако встречаются случаи, для которых признак фактивности/нефактивности является недостаточным (1).

- (1) Na-nun ku-tul-i ceu cikan-ey o-m-ul/ki-lul
я-ТОР он-PL-NOM на время-GEN прийти-M/KI-ACC
kacengha-ko motun kyeyhoyk-ul csa-ss-ta.
предполагать-CVB все план-ACC делать-PST-DECL
'Я подготовил планы, предполагая, что они придут вовремя.'

[Kim 1985]

В (1) возможно использование показателя -(u)m, несмотря на то, что матричный предикат нефактивный. Таким образом, необходимо более подробное описание критериев, влияющих на использование аффиксов номинализации в корейском языке. Так, в статье [7] уточняется, что глаголы перцептивного восприятия и обнаружения взаимодействуют с -(u)m. Фазовые / аспектуальные глаголы и директивные / манипулятивные предикаты взаимодействуют с -ki.

¹Статья написана при поддержке гранта РНФ 14-18-03270 "Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира".

Глаголы «помощи», предикаты пропозициональной оценки и речи могут взаимодействовать с обоими номинализаторами, однако такие предложения приобретают разную коннотацию. В связи с этим Kim предлагает систему из трех критериев, влияющих на использование $-(u)m/-ki$:

- *influence +/-* (наличие импликации реализации / нереализации ситуации, обозначаемой сентенциальным актантом, в семантике матричного предиката)

- (2) a. John-un te mek-ki-lul kecelhayе-ss-ta.
 Джон-TOP еще есть-KI-ACC отказываться-PST-DECL
 'Джон отказался есть больше.'
- b. Kunye-nun meli-lul pis-ki-lul
 Она-TOP волосы-ACC расчесывать-KI-ACC
 sicakhaye-ss-ta.
 начать-PST-DECL
 'Она начала расчесывать волосы.'

[Kim 1985]

Наличие положительного или негативного воздействия в семантике матричного глагола на реализацию действия, закодированного в зависимой предикации, определяет использование номинализатора $-ki$, в то время как отсутствие такого воздействия вообще маркируется при помощи $-(u)m$.

Однако не все так очевидно с глаголами типа *быть против, настаивать, предлагать*. Здесь на выбор аффикса может повлиять фактивность / нефактивность зависимой предикации.

- (3) a. Suni-nun ai-tul-i o-m-ul
 Суни-TOP ребенок-PL-NOM идти-M-ACC
 pantayha-n-ta.
 быть.против-PRS-DECL
 'Суни против прихода детей.'
- b. Suni-nun cip-eу ka-ki-lul
 Суни-TOP дом-LOC возвращаться-KI-ACC
 pantayha-n-ta.
 быть.против-PRS-DECL
 'Суни против возвращения домой.'

[Kim 1985]

В (3a) говорящие воспринимают приход детей, как факт (т.е. уже решено, что дети придут), в (3b) предполагается, что возвращение домой не является фактом (в данном случае — окончательным решением) и Суни может оказать воздействие на реализацию / нереализацию ситуации.

- *modified factivity +/-* (модифицированная, расширенная фактивность: пропозиция сентенциального актанта является либо фактом, либо ее истинность определяется значением матричного предиката (такими, по утверждению Kim, могут быть и глаголы перцептивного восприятия))

- (4) a. Na-nun Suni-ka kongpuha-um-ul cwucangha-n-ta.
я-ТОР Сунь-НОМ учиться-УМ-АСС настаивать-PRS-DECL
'Я настаиваю, что Сунь учится.'
- b. Na-nun Suni-ka kongpuha-ki-lul cwucangha-n-ta.
я-ТОР Сунь-НОМ учиться-КИ-АСС настаивать-PRS-DECL
'Я настаиваю, что Сунь будет учиться.' [Kim 1985]

• *forward implication* +/- (импликация продолженности действия, обозначающего *сентенциальным* актантом)

- (5) a. Na-nun uysa-ka toy-m-ul sangsangha-n-ta.
Я-ТОР врач-НОМ стать-М-АСС мечтать-PRS-DECL
'Я мечтаю стать врачом.'
- b. Na-nun uysa-ka toy-ki-lul sangsangha-n-ta.
Я-ТОР врач-НОМ стать-КИ-АСС мечтать-PRS-DECL
'Я мечтаю быть врачом.' [Kim 1985]

Нельзя однозначно определить, какой номинализатор будет использован в конструкциях с импликацией продолженности действия. Однако отсутствие такой импликации обычно выражается номинализатором *-(u)m*.

Стоит отметить, что в статье [6] предлагаются примеры, для которых актуальны сразу два параметра:

- (6) a. Ku-nun konchwung-i tali-ka yesesi-m-ul
он-ТОР насекомое-НОМ нога-НОМ шесть-М-АСС
paywu-ess-ta.
учить-PST-DECL
'Он узнал, что у насекомых шесть ног.'
- b. Suni-nun tampay-lul phiwu-ki-lul paywu-ess-ta.
Сунь-ТОР сигарета-АСС курить-КИ-АСС учить-PST-DECL
'Сунь научилась (как) курить.' [Kim 1985]

Так, в (6a) использование номинализатора *-(u)m* объясняется действием критериев *influence* – и *modified factivity* +, а (6b) *influence* +, *modified factivity* – определяет употребление *-ki*. Не совсем ясно, какой из этих двух параметров в подобных случаях является важнейшим и насколько универсальным становится критерий фактивности / нефактивности. В связи с этим было решено проверить, какой аффикс номинализации будет использован в фактивных / нефактивных контекстах при одних и тех же матричных предикатах.

Нами была составлена анкета для носителей корейского языка, в которой за счет расширения контекста зависимая часть предложения получала фактивный/нефактивный статус, что, по нашей гипотезе, должно было повлиять на вариативность использования *-(u)m/-ki*.

Influence+

- (7) a. John-un suyoil-e tochaha-ess-ta.
 Джон-ТОП среда-DAT прибывать-PST-DECL
 Khurisumasu-e machwo tolaka-ki-lo
 Рождество-DAT пригодный возвращение-KI-ABL
 кyehoekha-ess-ta.
 планировать-PST-DECL
 ‘Джон приехал в среду. Он так и планировал, что вернется к Рождеству.’
- b. John-un tansin-ul yene-so manna-ki-lo
 Джон-ТОП вы-ACC станция-LOC встретить-KI-ABL
 кyehoekha-ess-ta.
 планировать-PST-DECL
 ‘Джон планировал, что встретит вас на вокзале.’

Примеры типа (7a) воспринимаются носителями языка как факт — вне зависимости от своих планов, *Джон вернулся к Рождеству*; в то время как ситуация в примере (7b) статусом факта не обладает — неизвестно, *будет ли иметь место встреча на вокзале*. Примеры типа (7a) и (7b) показали, что фактивность / нефактивность не влияет на выбор номинализатора. Более того, данный пример доказывает актуальность параметра Kim — наличие воздействия на реализацию / нереализацию ситуации субъектом матричного глагола маркируется аффиксом -ki.

Influence—

- (8) a. Sihem cunpi-ka an toe-m-i
 экзамен подготовка-NOM не есть-M-NOM
 roi-n-ta. ne-ui tap-un ta
 казаться-PRS-DECL вы-GEN ответ-ТОП есть
 tull-i-ta.
 неправильный-DECL
 ‘Мне кажется, что ты не готов к экзамену. Все твои ответы не верны.’
- b. Na-nun palo ku-ka sikyu-lul humchyeo-ss-um-ul
 я-ТОП именно он-NOM часы-ACC красть-PST-UM-ACC
 ro-ass-ta.
 казаться-PST-DECL
 ‘Мне кажется, что именно он украл часы.’

Примеры (8a) и (8b) работают по тому же принципу, что и предыдущие: (8a) воспринимается как факт — *ты не готов к экзамену, т.к. все твои ответы не верны*, в то время как истинность утверждения, что *именно он украл часы* в (8b) ничем не подтверждена. Здесь также определяющим фактором становится критерий Kim, а именно — отсутствие воздействия на реализацию / нереализа-

цию ситуации субъектом матричного предиката, поэтому в обоих случаях использован маркер *-(u)m*.

Modified factivity +/-

- (9) a. Seon-ul sa-ess-ta. Pyeng-i
температура-ACC мерить-PST-DECL болезнь-NOM
na-ko iss-um-ul nukk-yess-ta.
я-CVB есть-UM-ACC чувствовать-PST-DECL
'Померил температуру. Так и чувствовал, что заболел.'
- b. Na-nun rueng-i nas-ko iss-um-ul
я-TOP болезнь-NOM исцелять-CVB есть-UM-ACC
nukki-n-ta.
чувствовать-PRS-DECL
'Я чувствую, что болезнь отступает.'

Использование в (9a) и (9b) номинализатора *-(u)m* противоречит популярному представлению о том, что выбор номинализатора зависит от фактивности / нефактивности матричного предиката. Однако не противоречит критерию Kim о расширенной фактивности, так как, по ее логике, глаголы перцептивного восприятия обеспечивают статус факта ситуации, закодированной в сентенциальном дополнении.

- (10) a. John-un yensu sinceng-i makamha-ess-um-ul
Джон-TOP обучение заявка-NOM завершаться-PST-UM-ACC
palkha-ess-ta. Ku-nun halu nuche-ss-ta.
выяснять-PST-DECL он-TOP день опаздывать-PST-DECL
'Джон выяснил, что запись на стажировку уже завершена. Он опоздал на один день.'
- b. Na-nun Suni-ka sengkongconuso kyensup-ul
я-TOP Сунь-NOM успешно стажировка-ACC
machyess-um-ul palkha-ess-ta
заканчивать-UM-ACC выяснять-PST-DECL
'Я выяснил, что Сунь с успехом закончила стажировку.'

Примеры (10a) и (10b) также являются подтверждением актуальности критерия расширенной фактивности, так как глагол «выяснять» предполагает истинность зависимой предикации, а значит, по Kim, имеет фактивный статус и влечет за собой использование аффикса *-(u)m*.

Forward implication +/-

- (11) a. Na-nun ece chwicik sosik-e taehan
я-TOP вчера работа новость-DAT о
pyeongi-lul pat-ass-ta. Na-eke pyeongi-lo
письмо-ACC получать-PST-DECL я-DAT письмо-ABL

- tongpoha-ki-lul pal-ass-ta.
информировать-KI-ACC надеяться-PST-DECL
'Вчера я получил письмо об успешном трудоустройстве. Я так и надеялся, что меня оповестят по почте.'
- b. Na-nun Suni-ka uri-wa kati hyuka-lul
я-TOP Сунь-NOM мы-COM как каникулы-ACC
ka-ki-lul pal-ass-ta
ехать-KI-ACC надеяться-PST-DECL
'Я надеялся, что Сунь поедет в отпуск вместе с нами.'

Нам не удалось обнаружить, как импликация продолженности действия влияет на выбор показателя номинализации. Разница в восприятии (10a) и (10b) заключается в длительности зависимой ситуации: событие — *оповещение по почте* vs процесс — *совместный отдых*. Однако в обоих примерах номинализация маркирована при помощи -ki.

- (12) a. Uri-nun elma cenae cip-ul pal-ass-ta.
мы-TOP немного назад дом-ACC продавать-PST-DECL
John-ka cip-ul pal-ki wihay aessu-n
Джон-NOM дом-ACC продавать-KI для стараться-PRS
kesi-ta.
влиять-DECL
'Мы недавно продали дом. Джон добивался, чтобы дом продали.'
- b. John-un cip-ul pal-ki wihay kesi-ss-ta.
Джон-TOP дом-ACC продать-KI для влиять-PST-DECL
'Это Джон добился, что дом продали.'

(12a) и (12b), на наш взгляд, являются примерами действия параметра forward implication +/-, однако они также не обнаруживают разницы в кодировании сентенциальной номинализации, в обоих вариантах — -ki.

Изучая вариативность в использовании номинализаторов -(u)m/-ki, нам удалось выяснить, что фактивность / нефактивность матричного предиката в общепринятом значении не является существенным критерием для разграничения сфер употребления каждого аффикса. Однако результаты опроса подтверждают актуальность двух параметров, выявленных Kim: influence +(-ki) / -(u)m и modified factivity +(-(u)m)/-(-ki). Нам не удалось обнаружить подтверждения параметра forward implication +/-: наличие или отсутствие импликации продолженности действия не повлияло на выбор какого-то определенного аффикса номинализации.

Формы на -kes

Зависимое имя -kes имеет самостоятельное значение 'вещь, факт'. На данный момент номинализации, образованные при помощи этого показателя, являются наиболее частотными. -(U)m, -ki и -kes могут быть использованы в од-

них и тех же контекстах, однако семантика таких конструкций будет различаться.

Номинализации на *-kes* кодируют конкретные события, в то время как номинализации на *-ki* выражают более абстрактные цели и намерения говорящего.

- (13) Kunye-nun ay-lul nah-ki-ul wihay
она-TOP ребенок-ACC роджать-KI-ACC для
kitoha-yess-ta.
молиться-PST-DECL

‘Она молится о рождении ребенка.’

- (14) Kunye-nun ay-lul nah-nun kes-ul wihay
она-TOP ребенок-ACC роджать-REL kes-ACC для
kitoha-yess-ta.
молиться-PST-DECL

‘Она молится о рождении ребенка.’

[Kim 1985]

Разница в значениях примеров (13) и (14) заключается в том, что в (13) предикат ‘роджать’+*ki* выражает абстрактное желание женщины забеременеть, в то время как в (14) предикат ‘роджать’+*kes* конкретизируется как процесс рождения — женщина молится о том, чтобы роды прошли благополучно.

Конструкции с использованием зависимого имени *-kes* семантически контрастируют с номинализациями на *-(u)m*. Действие в зависимой предикации с использованием *-kes* приобретает большую динамичность в сравнении с конструкциями на *-(u)m*, кодирующими законченные состояния. Кроме того, примеры с использованием *-(u)m* оцениваются носителями как более официальные (звучащие по-концелярски):

- (15) John-un Suni-eke chayk-ul cwooss-um-ul
Джон-TOP Сунь-DAT книга-ACC возвращать-UM-ACC
kiekhaena-ess-ta.
помнить-PST-DECL

‘Джон вспомнил, что отдал книгу Сунь.’

- (16) John-un chayk-ul Suni-eke tolleochu-n kes-ul
Джон-TOP книга-ACC Сунь-DAT возвращать-REL kes-ACC
kieokna-ss-ta.
помнить-PST-DECL

‘Джон вспомнил, что отдавал книгу Сунь.’

Разница в значениях примеров (15) и (16) заключается в том, что в (15) *-(u)m* кодирует событие — акт передачи книги Сунь, в (16) же у действия появляется процессуальность (ср.: *отдал* vs *отдавал*). Конструкции с номинализатором *-kes* носители языка воспринимают как описывающие длительные по времени действия.

Помимо контекстов, в которых возможна вариативность между -kes/-ki, -kes/-(u)m, есть примеры, в которых употребление какого-либо другого номинализатора (из описанных выше), кроме -kes, невозможно:

- (17) Suni sae heasutail cal eulli-nun kes
 Суни новый стрижка хорошо становится-REL kes
 kat-ta
 думать-DECL
 ‘Мне кажется, Суни идет ее новая прическа.’

В примере (17) конструкция nun+kes (по этому же принципу работает конструкция l/nun/n+kes) представлена в контексте выражения мнения / представления о каком-то событии. Такие контексты являются частотными для использования -kes и не допускают кодирование номинализации другими (из рассмотренных нами) показателями.

Кроме этого, для -kes являются частотными контексты со значением способа действия.

- (18) Sacenge-lul ta-nun kes-ul m-olun-ta.
 велосипед-ACC ездить-REL kes-ACC не-знать-DECL
 ‘Я не умею кататься на велосипеде.’

Так, в (18) -kes можно заменить словом rangper — ‘способ’.

На современном этапе развития корейского языка наиболее употребительными аффиксами номинализации являются -(u)m и -ki и зависимое слово -kes. Выбор номинализатора объясняется коммуникативной задачей говорящего и может быть описан при помощи критериев Kim. Нам удалось подтвердить актуальность двух упомянутых выше критериев: influence+/- и modified factivity+/- . Данные опроса носителей языка показали, что наличие этих признаков влияет на выбор номинализатора: +/- influence (-ki +; -(u)m -); +/- modified factivity (-ki -; -(u)m +). Нам не удалось подтвердить необходимость третьего критерия — forward implication +/-.

Далее, нам удалось показать, что зависимое слово -kes кодирует номинализацию, описывающую конкретные события, в то время как конструкции с -ki выражают более абстрактные цели и намерения говорящего. В сравнении с -(u)m, -kes участвует в образовании номинализаций со значением динамичности (процессуальности) действия. Кроме этого, конструкции с зависимым именем активно используются говорящими для выражения своего представления о каком-либо событии или для описания способа выполнения какого-либо действия.

Библиография

1. Рудницкая Е.Л., Базовые синтаксические структуры корейского языка и его типологическое своеобразие: диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук, Т. 1,2, ИВ РАН.

2. Рудницкая Е.Л., Фразовые аффиксы в корейском языке: проблемы описания и типологические параллели // Вестник РГТУ, 2014. № 6: Востоковедение: Африканистика. С. 212–226.
3. Рудницкая Е.Л., Степень редукции придаточного в корейском сложном предложении // Вестник Новосибирского государственного университета, 2014. Т. 13, вып. 2. С. 45–54.
4. Рудницкая Е.Л., Спорные вопросы корейской грамматики: теоретические проблемы и методы их решения. Москва: Восточная литература, 2010.
5. Jo M.-J. Nominal functional categories in Korean: a comparative study with languages with DP // Studies in generative grammar, 2000. Pp. 427–452.
6. Kim M.-J. To appear. Three types of Kes-nominalization in Korean. Harvard // Studies in Korean Linguistics 10. I. Lee et al. (eds.). Seoul: Hanshin, 2004.
7. Kim Y.-J. Semantic conditions for the occurrence of sentential nominalizers um and ki, Harvard university, 1985. Pp. 168–177.
8. Koptjevskaya-Tamm M. Nominalizations. London, New York, 1993.
9. Lapointe S.G., Nielsen S. A reconsideration of type III gerunds in Korean.// In Japanese // Korean Linguistics: volume 5. Stanford, Calif, edited by Noriko Akatsuka, 1996. Pp. 305–319.
10. Rhee S.-H. Nominalization and stance marking in Korean // Nominalization in Asian languages: diachronic and typological perspectives, 2015. Pp. 393–422.
11. Yoon J. H.-S. A Syntactic account of category-changing phrasal morphology: nominalizations in Korean and English // Morphosyntax in generative grammar / Hee-don Ahn et al. (eds.). Seoul: Hankwuk publishing Company, 1996. Pp. 63–86.
12. Yoon J. H.-S., Park G.-G. Process nominals and morphological complexity // Proceeding of the 13-th Japanese / Korean Linguistics Conference / M. Endo-Hudson, P. Sells (eds.). Stanford (CA): CSLI, 2004.

С.А. Оскольская

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Н.М. Стойнова

ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва

СИСТЕМНОЕ И НЕСИСТЕМНОЕ

В ИНВЕНТАРЕ РАЗНОРОДНЫХ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПОКАЗАТЕЛИ ОТРИЦАНИЯ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский и Приморский край) представлена достаточно богатая и при этом неоднородная система средств выражения глагольного отрицания (ср. 14 форм, приведенных в Таблице 1). Отрицательные формы нанайского глагола можно условно разделить на три морфосинтаксических типа:

а) синтетические формы отрицания, содержащие специализированный суффикс отрицания:

- (1) N'oani žobo-a-se-ni
3SG работать-NEG-PRS-3SG
'Он не работает.'

б) регулярные аналитические формы отрицания, состоящие из отрицательной частицы, нефинитной формы лексического глагола, оформленной тем же самым отрицательным суффиксом, и вспомогательного глагола *ta* 'делать':

- (2) N'oani **əm** žobo-a ta-j-ni.
3SG **NEG** работать-NEG делать-PRS-3SG
'Он не работает.'

в) особые аналитические формы отрицания, каждая из которых образуется каким-либо нестандартным способом; ср., например, отрицательную конструкцию прошедшего времени, включающую деепричастие лексического глагола и показатель экзистенциального отрицания (*aba* 'нет, не существует'):

- (3) N'oani čisəniə žobo-mi=da **aba-ni**.
3SG вчера работать-CVB.SIM.SG=PART.EMPH **NEG-3SG**
'Он вчера не работал.'

В статье предпринята попытка ответить на следующие вопросы.

¹Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 16-34-01015a2 «Отрицание в башкирском, калмыцком и нанайском языках и его взаимодействие с видом и временем».

1) Есть ли в этом большом и на первый взгляд достаточно хаотичном наборе отрицательных форм закономерности функционального и системного характера? Этому вопросу посвящен раздел 2.

2) Как его удобнее всего описывать с разных точек зрения — с синхронной, с диахронической, в контексте ареально и генетически близких языков, в более широком типологическом контексте? Эти вопросы рассматриваются в разделах 3 и 4.

3) Как распределены конкурирующие (соответствующие одной и той же положительной форме) средства отрицания? Этот вопрос — более кратко, чем два предыдущих, — освещается в разделе 5.

2. Инвентарь показателей отрицания: системные закономерности на синхронном уровне

Система основных показателей отрицания приведена в Таблице 1. Таблица отражает материал найхинского говора, в общих чертах соответствующий приводимому в грамматике «литературного нанайского языка» В. А. Авро-рина [1]. Основное обсуждение ниже касается именно этих данных. В других говорах и диалектах наблюдается несколько, а иногда и заметно отличная от описываемой система отрицания, см. раздел 4. В таблице для каждой из отрицательных форм приводится а) ее схематичная структура, сопровождаемая примером, б) морфологический тип (из указанных выше во вводном разделе: С — синтетическая, РА — регулярная аналитическая, ОА — особая аналитическая), в) значение и г) парадигматически соответствующая / соответствующие ей положительные формы. Полу жирным выделены основные формы, которые чаще всего употребляются для выражения отрицания в одной модально-временной зоне.

отрицат.	Морфологи- ческий тип	значение	утвердит.
V-NEG-PRS-PERS <i>(niru-ə-si-ni)</i>	С	PRS/FUT ('не пишет'; 'не будет писать')	PRS <i>(niru-j-ni)</i>
V-NEG- <i>dA</i> -PRS-PERS <i>(niru-ə-də-si-ni)</i>	С	PRS ('совсем не пи- шет')	FUT <i>(niru-ʒə-rə)</i>
<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -PRS-PERS <i>(əm niru-ə ta-j-ni)</i>	РА	PRS ('не пишет')	PRS.ASSERT <i>(niru-rə)</i>
V-NEG-PST-PERS <i>(niru-ə-či-ni)</i>	С	PST ('не написал')	PST <i>(niru-xə-ni)</i>
V-NEG- <i>dA</i> -PST-PERS <i>(niru-ə-də-či-ni)</i>	С	PST ('не написал; не мог написать')	PST.ASSERT <i>(niru-kə)</i>
əčiə V-NEG(-PERS) <i>(əčiə niru-ə(-ni))</i>	ОА	PST ('не написал')	
<i>əčiə=də</i> V-NEG <i>(əčiə=də niru-ə)</i>	ОА	PST ('еще не написал')	

<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -PST-PERS (<i>əm niru-ə ta-xa-ni</i>)	PA	PST ('так и не написал')	
V-CVB.SIM= <i>dA aba</i> -(PERS) (<i>niru-mi=də aba-ni</i>)	OA	PST ('не написал')	
<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -FUT-PERS (<i>əm niru-ə ta-žam-bi</i>)	PA	FUT ('не напишу')	FUT (<i>niru-žə-rə</i>)
<i>əži</i> V-NEG-(2PL) (<i>əži niru-ə</i>)	OA	PROH ('не пиши')	IMP, (IMP2) (<i>niru-ru</i>)
(<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -IMP2) (<i>əm niru-ə ta-xari</i>)	PA	PROH ('не пиши' (в отдаленном будущем))	IMP2 (<i>niru-xari</i>)
<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> - <i>goari</i> (<i>əm niru-ə ta-goari</i>)	PA	HORT ('давайте не будем писать')	HORT (- <i>goari</i>) (<i>niru-guari</i>)
<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -OPT-PERS= <i>tani</i> (<i>əm niru-ə ta-ŋga-i=tani</i>)	PA	OPT ('ладно, не буду писать')	OPT (<i>niru-ŋga-i=tani</i>)
<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -SBJV-PERS (<i>əm niru-ə ta-mča-i</i>)	PA	SBJV ('вот бы мне не писать')	SBJV (<i>niru-mča-i</i>)

Таблица 1. Соотношение отрицательных и утвердительных форм.

В таблицу не включены (и не обсуждаются далее) отрицательные корреляты нефинитных форм. Не включались также некоторые аналитические отрицательные конструкции, которые встретились только при элицитации в некоторых говорах, их статус до конца непонятен:

- (4) *əm* V-NEG *bi*-PRS-PERS *əm* V-NEG *bi*-PSR-PERS
əm niru-ə bi-i-ni *əm niru-ə bi-či-ni*
'все никак не напишет' 'так и не написал'

Особняком стоят аналитические отрицательные конструкции, соответствующие аналитическим же положительным конструкциям имперфекта и плюсквамперфекта. Поскольку про данные положительные конструкции не очевидно, имеет ли смысл включать их в глагольную парадигму (см. обсуждение в [4]), то и их отрицательные пары на этом основании также остались за пределами рассмотрения.

- (5) V-NEG-PRS *bi*-PST-PERS *əčiə* V-NEG *bi*-PST-PERS
niru-ə-si bi-či-ni *əčiə niru-ə bi-či-ni*
'долго не писал' 'раньше не писал (а теперь пишет)'

Первое, что бросается в глаза при взгляде на Таблицу 1, — это что а) инвентарь отрицательных форм в нанайском языке больше инвентаря положительных; б) нет прямого соответствия между инвентарями отрицательных и положительных форм: все отрицательные формы в том или ином смысле относятся к асимметричному типу отрицания в терминах [18], то есть некоторым нетривиальным образом (морфологически, парадигматически и/или семантически) соотносятся с соответствующей положительной формой.

Сопоставляя парадигму отрицательных форм с парадигмой положительных, можно отметить естественную корреляцию между частотностью и положением положительной формы в глагольной парадигме, с одной стороны, и тем, сколько и каких отрицательных форм ей соответствует, с другой.

Периферийным и редко используемым положительным формам (гортатив, юссив, оптатив, конъюнктив, «отдаленный» императив, будущее время) либо соответствует по одной регулярной аналитической форме отрицания, либо не соответствует ни одной специализированной формы отрицания (формы утвердительного наклонения, примерным отрицательным коррелятом которых можно считать соответствующие отрицательные формы индикатива).

Только для парадигматически центральных и наиболее частотных глагольных форм засвидетельствованы: синтетические формы отрицания (настоящее и прошедшее время индикатива); нерегулярные аналитические формы отрицания (прошедшее время индикатива и императив); несколько отрицательных форм, которые можно поставить в соответствие одной положительной (прошедшее и настоящее время индикатива).

В Таблице 2 приведены характеристики разных морфологических типов отрицательных форм в терминах большей или меньшей экономности и регулярности их структуры, которые позволяют отчасти объяснить приведенные выше обобщения. Морфологическая экономность в данном случае оценивалась по длине соответствующей формы: синтетические формы «экономнее» аналитических.

Под морфологической прозрачностью понималось наличие / отсутствие морфонологических процессов, сопровождающих образование формы, сложность / простота формальных правил ее образования: аналитические формы «прозрачнее» синтетических.

Под регулярностью в соотношении с другими формами отрицания — то, насколько часто используется данная форма для образования отрицательного коррелята разных положительных форм глагольной парадигмы (регулярная аналитическая форма используется для образования отрицания от большинства видов-временных форм).

Наконец, помимо этих — обычных — морфологических характеристик для отрицательных форм актуальна также характеристика, названная в таблице регулярностью в соотношении с положительной формой. Это, во-первых, морфологическая симметричность / асимметричность по [18]: отличается ли отрицательная форма от положительной только наличием в ней показателя отрицания (под это определение с некоторыми оговорками подходят синтетические формы), во-вторых, шире, имеется ли хоть какое-то сходство в их морфологическом оформлении (для регулярных аналитических форм оно больше, чем для нерегулярных).

	регулярная аналитическая форма	синтетическая форма	нерегулярная аналитическая форма
морфологическая экономность	нет	да	нет
морфологическая прозрачность	да	нет	да
регулярность в со- отношении с дру- гими формами от- рицания	да	нет	нет
регулярность в со- отношении с поло- жительной формой	да/нет	да	нет

Таблица 2. Характеристики разных типов отрицательных форм.

В этих терминах приведенные выше эмпирические наблюдения можно дополнить и переформулировать следующим образом.

1) Наиболее регулярная во всех отношениях, но менее «экономная» форма — регулярная аналитическая — доступна для наибольшего числа грамматических контекстов, а для самых периферийных и низкочастотных является единственно возможной.

2) Менее регулярная, но при этом более экономная форма — синтетическая — зарезервирована только за небольшим количеством центральных, высокочастотных контекстов (прошедшее и настоящее время индикатива).

3) Менее регулярная и при этом не самая экономная форма — нерегулярная аналитическая — также способна оформлять только центральные, самые высокочастотные контексты (императив, прошедшее время индикатива).

Граница между 1) и 2)–3) интуитивно понятна: низкочастотные парадигматически периферийные контексты — это те контексты, для которых важно минимизировать усилия, затрачиваемые на порождение формы (про обслуживающие их формы предполагается, что они скорее порождаются по правилам, чем хранятся и воспроизводятся готовыми), и не так важно сократить усилия по их произнесению. Менее очевидно, по какому принципу центральные и высокочастотные грамматические контексты распределились между 2) и 3), т. е. почему в парадигме отсутствуют нерегулярная аналитическая форма настоящего времени индикатива, с одной стороны, и синтетическая форма императива, с другой. Отсутствие синтетической формы императива, аналогичной синтетическим формам индикатива, т. е. морфологически симметричной положительной форме императива, можно связать с бóльшим, чем для индикатива, семантическим различием между положительной и отрицательной формами императива (собственно императивом и прохобити-

вом). См., об этой асимметрии, например, [3: 38]; см. также данные [8], согласно которым ок. 40% выборки языков мира используют форму прохибитива, образованную от положительной формы императива способом, отличным от простого присоединения маркера отрицания.

На материале Таблицы 1 можно сформулировать также следующие закономерности, касающиеся видо-временной и модальной семантики контекстов, обслуживаемых теми или иными формами отрицания.

Во-первых, выявляется корреляция между временной зоной и количеством соответствующих ей отрицательных форм. Наименьшим количеством форм обслуживается футуральная зона, наибольшим — зона прошедшего времени:

- (6) БУДУЩЕЕ (буд. вр., императив, гортатив, оптатив) < НАСТОЯЩЕЕ (наст. вр. индикатива) < ПРОШЛОЕ (прош. вр. индикатива)²

Это не кажется неожиданным. Так, известна, например, аналогичная склонность к большей аспектуальной детализации зоны прошлого по сравнению с настоящим и тем более с будущим (см., например, об этом [10: 71–73]).

Во-вторых, морфологический тип отрицательной формы проводит границу между зонами реализа и ирреализа: только зоне реализа оказываются свойственны синтетические формы (настоящее и прошедшее время индикатива, но не будущее время и не императив).

3. Нанайская система отрицания в диахроническом и ареально-генетическом ракурсе

В разделе 2 нанайская парадигма глагольного отрицания была рассмотрена в «структуралистском» духе с последовательно синхронной точки зрения и исключительно на уровне внутрисистемных отношений. Ниже к такого рода анализу будет добавлено диахроническое и ареально-генетическое измерение. Система отрицания в нанайском языке интересна, в частности, тем, что она, как это видно при сопоставлении ее с аналогичными системами в других тунгусо-маньчжурских языках, представляет собой на синхронном уровне результат неоднородной и неравномерной грамматикализации. Это будет продемонстрировано на примере четырех сюжетов.

В п.3.1 дается общая характеристика эволюции нанайской системы отрицания и обсуждается тунгусо-маньчжурский коннегативный суффикс, эволюционирующий в нанайском языке в собственно отрицательный. В пп. 3.2, 3.3, 3.4 рассматриваются отдельные отрицательные формы, в которых обнаруживаются свидетельства диахронической нестабильности и рудименты более ранних стадий развития системы отрицания: смешанная лично-

²Не учитывалась форма субъюнктивa, выражающая ирреальную ситуацию независимо от ее временной референции.

числовая парадигма в синтетической форме настоящего времени, вариативность в оформлении лексического глагола в регулярных аналитических формах и нестандартная позиция клитики в формах категоричного отрицания.

3.1. Эволюция системы отрицания в нанайском языке и проблема «отрицательного» суффикса

Почти во всех отрицательных формах (кроме одной из аналитических форм прошедшего времени) глагольная основа маркируется особым суффиксом (помеченным как -NEG в Таблице 1 выше). Это суффикс $-A^3\sim-ra\sim-da(-tA)$ (вариант зависит от исхода основы, см. [1: 92]). Он формально совпадает с суффиксом положительной формы настоящего времени т.н. утвердительного наклонения⁴ (наклонения с эмфатическим значением типа ‘делает же’, см. [1: 92]), ср. парадигму в Таблице 3.

	SG	PL
1p	<i>nirua^{mbi}</i> ‘я же пишу’	<i>nirua^{pu}</i> ‘мы же пишем’
2p	<i>nirua^{ci}</i> ‘ты же пишешь’	<i>nirua^{su}</i> ‘вы же пишете’
3p	<i>nirura</i> ‘он же пишет’	<i>nirura^l</i> ‘они же пишут’

Таблица 3. Парадигма глагола *niru*- ‘писать’ в настоящем времени утвердительного наклонения.

На синхронном уровне для нанайского языка удобнее описывать эти употребления как употребления двух разных показателей (как это и делается, например, в грамматике В. А. Аврорина). Однако этимологически суффикс, используемый в отрицательных формах и в утвердительном наклонении, возводятся к одному и тому же показателю $*-ra$ (см. об этом [9: 124 ff.; 146])⁵. В составе отрицательной формы он, соответственно, исходно скорее «коннегативный», сопровождающий отрицание, а не собственно отрицательный.

Как коннегатив форму с этим суффиксом естественно описывать для северных тунгусских языков. В них представлена система «уральского типа» (см. об отрицании в уральских языках [18]) с отрицательным глаголом и коннегативной формой лексического глагола на $-A$, ср. (7):

³А реализуется как *a* или *ə* по правилам сингармонизма — в зависимости от подъема гласных в глагольной основе.

⁴В парадигме настоящего времени этот суффикс используется в качестве единственного показателя, он же — в сочетании с особым суффиксом будущего времени — представлен также в формах будущего времени.

⁵Совпадающий с данным по форме суффикс $-ra\sim-da$ выступает также как показатель т.н. одновременного дееспричастия. Про показатель дееспричастия считается, что он исходно состоял из того же суффикса, что в утвердительном наклонении, + падежного суффикса директива ($*ra\sim ki\sim da\sim ki$), впоследствии подвергнувшегося редукции, см. [9: 137, 143].

- (7) e-wa=da ə-si-n baɣa-ja
что-ACC=PART NEG-PRSPST-3SG находить-CONN
'Он ничего не нашел'. — негидальский [Хасанова, Певнов 2003: 88]⁶

Такую систему, видимо, можно считать диахронически исходной для тунгусо-маньчжурских языков: см. общий обзор стратегий отрицания в тунгусо-маньчжурских языках в [15]; обзор тунгусо-маньчжурских отрицательных конструкций в ряду типологически засвидетельствованных конструкций с отрицательными глаголами в [19: 212–215].

В нанайском языке эта исходная система претерпевает существенные изменения: отрицательный глагол постепенно утрачивает статус изменяемой автономной словоформы — на синхронном уровне в этом качестве он уже не представлен, а представлен на двух разных стадиях грамматикализации в разных типах отрицательных форм⁷.

1) В формах, на синхронном уровне описанных выше как аналитические, прежний отрицательный глагол выступает в виде частицы, застывшей в той или иной грамматической форме (носителями с соответствующей формой она уже не соотносится).

В регулярной аналитической форме отрицания это частица *эм*, восходящая к одновременному деепричастию отрицательного глагола на *-mi*: это деепричастие оформляет здесь исходный сентенциальный актант при вспомогательном глаголе *ta-* 'делать':

- (8) *эм* (<*ə-CVB.SIM) *niruə ta-j-ni* = букв. 'не делая писание делает'

В нерегулярных аналитических формах прошедшего времени и императива прежний отрицательный глагол выступает в застывшей форме прошедшего времени и императива соответственно:

- (9) *эčiə* < *ə-PST (прошедшее время отрицательного глагола)
эži < *ə-IMP (повелительное наклонение отрицательного глагола).

Прежняя коннегативная форма остается (за одним исключением, о котором см. ниже) без изменений.

2) В синтетических формах отрицания прежний отрицательный глагол «склеивается» с прежней формой коннегатива⁸:

- (10) *niru-ə-či-* < *niru-ə+ ə-či-* (ə-PST) 'не написал'
niru-ə-si < *niru-ə+ ə-si-* (ə-PRS) 'не пишет'

⁶Глоссирование наше. — С. О., Н. С.

⁷Сведения о диахроническом развитии отрицательных форм в нанайском языке приводятся по [15].

⁸См. в [1: 96] более подробные рассуждения о развитии этих форм, в частности предположения, касающиеся нестандартного порядка компонентов (бывшего коннегатива и бывшего отрицательного глагола) в синтетической форме.

Наряду с формами, произошедшими из конструкции с отрицательным глаголом и формой коннегатива, в нанайском языке появляется также инновационная отрицательная форма прошедшего времени с показателем экзистенциального отрицания *aba*. И это единственная форма, в которой, соответственно, никаких рудиментов коннегатива и отрицательного глагола не обнаруживается:

(11) *niru-mi=də aba-* = букв. ‘пища не существует’

Вернемся к вопросу о суффиксе *-A~-rA~-dA(-tA)*. Описанная перестройка системы отрицательных показателей в нанайском языке влечет за собой, в частности, изменение его статуса от показателя, сопровождающего отрицание, к собственно отрицательному показателю. С какой из стадий этого процесса мы имеем дело на синхронном уровне, не до конца очевидно. Интерпретацию усложняет продемонстрированная выше неоднородность в эволюции показателей отрицания. Для аналитических форм с отрицательной частицей этот суффикс можно было бы по-прежнему считать коннегативным. Для синтетических форм такая интерпретация куда менее приемлема: основа отрицательного глагола в них сливается с обсуждаемым суффиксом, на синхронном уровне не вычленима и морфологически отчетливого отдельного показателя отрицания (такого как отрицательная частица в аналитических формах) не образует. В форме настоящего времени при этом используется уникальный временной показатель *-si* (наследуемый из особого спряжения отрицательного глагола) и — принимая предположение о коннегативном статусе обсуждаемого суффикса — можно было бы считать, что отрицание выражается не им, а (кумулятивно) этим временным показателем (подробнее о синтетической форме настоящего времени см. ниже п.3.2). В форме прошедшего времени временной показатель также нестандартный, но при этом не уникальный для отрицательных форм — этот же аффикс *-či* используется и в одном из непродуктивных типов спряжения положительного глагола: ср. *bi-či-ni* ‘был’, *ga-či-ni* ‘купил’. В связи с этим для синтетической формы прошедшего времени единственным выразителем семантики отрицания оказывается бывший коннегативный суффикс, который в данном случае уже нельзя не считать собственно отрицательным, см. Таблицу 4.

тип форм	показатели
аналитические формы (кроме V-CVB.SIM= <i>dA aba</i>)	отрицат. суффикс + отрицательная частица
синтетическая форма PRS	отрицат. суффикс + особый показатель PRS
синтетическая форма PST	отрицат. суффикс

форма прош.вр. V-CVB.SIM= <i>dA aba</i>	показатель экзистенци- ального отрицания
---	---

Таблица 4. Средства выражения отрицания в разных типах форм.

Если, таким образом, из-за наличия синтетической отрицательной формы прошедшего времени считать обсуждаемый суффикс в нанайском языке на синхронном уровне уже собственно отрицательным, то во всех остальных содержащих его отрицательных формах следует постулировать двойное отрицание, см. ниже п.4.3⁹.

3.2. Синтетическая отрицательная форма настоящего времени

Дополнительного комментария требует синтетическая отрицательная форма настоящего времени. Морфологически она выглядит как V-A-*si*-. Как отмечалось выше, «отрицательный» суффикс -A совпадает с суффиксом утвердительного наклонения. Поскольку парадигматически форма V-A-*si*- соответствует не только настоящему времени индикатива, но и настоящему времени утвердительного наклонения, возникает вопрос о том, нельзя ли считать -A в ее составе не показателем отрицания (V-NEG-PRS.NEG), а показателем утвердительного наклонения и как единственный выразитель семантики отрицания трактовать суффикс -*si* (V-NPST.ASSERT-NEG). Ответить на этот вопрос можно, обратившись к лично-числовой парадигме этой формы. При трактовке ее как индикатива с отрицательным суффиксом парадигма ожидается такая же, как у положительных форм индикатива. При трактовке ее как отрицательной формы утвердительного наклонения — как у положительных форм утвердительного наклонения. В реальности лично-числовая парадигма у этой формы индикативная (что в целом позволяет все-таки отклонить высказанное предположение), но при этом для первого лица единственного и третьего лица множественного числа в качестве параллельных вариантов допускаются и показатели, характерные для утвердительного наклонения, см. Таблицу 5.

	SG			PL		
	NEG	INDIC	ASSERT	NEG	INDIC	ASSERT
1p	- i~-mbi	- <i>i</i>	- <i>mbi</i>	- <i>pu</i>		
2p	- <i>si</i>	- <i>si</i>	- <i>či</i>	- <i>su</i>		
3p	- <i>ni</i>	- <i>ni</i>	- <i>Ø</i>	- či~-l	- <i>či</i>	- <i>l</i>

Таблица 5. Лично-числовая парадигма: презенс под отрицанием vs. презенс индикатива, ассертива.

⁹Ср. альтернативный анализ в [17: 62–63], где для синтетических форм постулируются слитные формы -*Asi* (NEG.PRS) и -*Ači* (NEG.PST) и -A не выделяется в качестве отдельного показателя.

3.3. Проблема вариативности V-NEG ~ V-NEG-m ~ V-NEG-mi

В. А. Аврорин [1: 114] отмечает в найхинском говоре вариативность в оформлении лексического глагола в аналитических формах с *ta-*: помимо отмеченной выше формы V-NEG может встречаться форма V-NEG-*m* или V-NEG-*mi*.

- (12) Ми эм дёбо-а-м(и) та-дям-би
 1SG NEG работать-NEG-CVB.SIM.SG делать-FUT-1SG
 ‘Я не буду работать.’

Суффиксом *-mi* (с возможной редукцией *-m'* и *-m*) оформляется в нанайском языке одновременное деепричастие — то же, к которому восходит застывшая отрицательная частица *эм* в составе рассматриваемых аналитических конструкций. В связи с этим можно предложить следующее объяснение наблюдаемой вариативности. Синтаксическая вершина конструкции — вспомогательный глагол *ta-* — требует в позиции сентенциального актанта формы деепричастия на *-mi* (как, например, фазовые глаголы). Изначально в этой форме был входивший в конструкцию отрицательный глагол (**э-mi*). На синхронном уровне отрицательный глагол превращается в застывшую частицу, которая уже не осознается носителями как форма деепричастия (*эм*), и валентность глагола *ta-* оказывается незаполненной. Образовавшуюся лакуну и заполняет лексический глагол, принимая форму одновременного деепричастия¹⁰.

3.4. Отрицательные формы с =dA

Интересна в контексте проблематики грамматикализации особая серия форм категоричного отрицания, включающая элемент *dA*. За пределами системы отрицания этот показатель выступает как эмфатическая частица с разнородным кругом употреблений (13). По морфосинтаксическим свойствам *=dA* в утвердительном контексте — энклитика.

- (13) **əniə=də:** žog-du bi-i
 мать=PART дом-DAT быть-PRS
 ‘{Отец охотился.} Мама же дома была...’ (текст, найхинский говор, Да-эрга, 2011 г.)

Встраиваясь в систему отрицания, частица *=dA* формирует особую подпарадигму категоричного отрицания (см. Таблицу 1 и п.5). В этом употреблении частица получает нехарактерную позицию суффикса, занимая в синтетичес-

¹⁰В. А. Аврорин также допускает и противоположную интерпретацию, при которой форма V-NEG-CVB.SIM, наоборот, признается исходной (и сохраняющейся в аналитических конструкциях в качестве рудиментарной), а V-NEG инновационной (результатом ее редукции). Данные других тунгусо-маньчжурских языков такую трактовку, впрочем, как будто бы не подтверждают.

ких отрицательных формах место между отрицательным суффиксом и временным показателем, ср.:

V-NEG-dA-TNS-PERS

- (14) i:-rə-**də**-si i:-rə-**də**-si
входить-NEG-PART.EMPH-PRS входит-NEG-PART.EMPH-PRS
'Не заходит, не заходит!' (текст, найхинский говор, Синда, 2011)

Эта морфологическая особенность логично встраивается в приведенную в п.3.1 историю формирования нанайской системы отрицания. «Внутренняя» позиция клитики возникает не за счет позднейшей перестановки (о подобном процессе см., например, [14]), а отражает, видимо, стадию, когда современная синтетическая форма представляла собой сочетание коннегатива с отрицательным глаголом. На этой стадии частица $=dA$ законным образом могла присоединяться к лексическому глаголу как энклитика, и именно эта ее позиция сохраняется на синхронном уровне: $*niru-\partial=d\partial \partial-si-ni > niru-\partial-d\partial-si-ni$ ‘совсем не писал’.

4. Типологическая характеристика нанайской системы отрицания

Неоднородность нанайской системы глагольного отрицания, возникающая за счет описанной выше неравномерной перестройки исходной системы, приводит к тому, что такая система отрицания не в полной мере вписывается в типологические ожидания.

4.1. Нанайские показатели в классификации типов асимметричного отрицания

Ниже дается краткая характеристика нанайской системы отрицания в терминах классификации показателей отрицания в языках мира, разработанной М. Миестамо, и комментируются ее свойства, нетривиальные с точки зрения этой классификации.

В [18] основное деление проводится между т.н. симметричным и асимметричным отрицанием в зависимости от того, наблюдается ли симметрия между отрицательными формами и аналогичными положительными. Асимметричное отрицание, в свою очередь, подразделяется на несколько типов в зависимости от того, в чем именно проявляется разница между положительной и отрицательной формами. В нанайском языке в том или ином виде представлены все основные типы «асимметричного отрицания» из типологического инвентаря М. Миестамо.

Во-первых, выше уже упоминалось, что в нанайской системе отрицания нет однозначного соответствия ни между набором, ни между формой выражения грамматических категорий в парадигме положительных и

отрицательных форм (см. Таблицу 1 и обсуждение в разделе 2 выше и раздел 5 ниже), что характеризуется в классификации М. Миестамо как тип A/Cat.

Во-вторых, разные отрицательные формы нанайского глагола иллюстрируют разные типы формальных несоответствий между отрицательной и положительной формой, в т.ч. редкие и неоднозначные.

а) Аналитические отрицательные формы

Все эти формы относятся к типу A/Fin: асимметричное отрицание, при котором финитной положительной форме под отрицанием соответствует аналитическая конструкция с нефинитным (или утрачивающим отдельные признаки финитности) лексическим глаголом. В классификации М. Миестамо этот тип асимметричного отрицания далее подразделяется на более частные типы в зависимости от того, к чему присоединяется показатель отрицания — к лексическому глаголу (A/Fin/Neg-LV), к финитному элементу (A/Fin/Neg-FE) или ко всей клаузе (A/Fin/Neg-Cl), в отдельный тип вынесены конструкции с отрицательными глаголами (A/Fin/Neg Verb).

Диахронически исходная для большинства аналитических конструкций и не засвидетельствованная собственно в нанайском конструкция с отрицательным глаголом *ə- и формой коннегати́ва принадлежит, соответственно, к последнему типу — A/Fin/Neg Verb. Развившиеся из нее аналитические формы, в которых отрицательный глагол подвергается грамматикализации, а коннегативный суффикс реинтерпретируется как отрицательный, вписываются в эту классификацию с большим трудом и могут быть отнесены к нетривиальным смешанным типам.

В регулярных аналитических формах отрицания *эм* V-NEG *та*- финитным элементом оказывается глагол *та*- ‘делать’ (что типологически характерно для класса A/Fin). Он выступает в положительной форме, а лексический глагол — в отрицательной (по крайней мере, если интерпретировать -A как отрицательный суффикс, см. обсуждение в п. 3.1 выше): в этом смысле этот случай принадлежит к типу A/Fin/Neg-LV (отрицание на лексическом глаголе). При этом в конструкции представлен еще один отрицательный маркер — частица *эм* (застывшая деепричастная форма отрицательного глагола), про которую не вполне очевидно, к какому из элементов конструкции он относится. Структурно — по крайней мере на более раннем этапе диахронического развития — ее можно было бы отнести к финитному вспомогательному глаголу (синтаксически форма деепричастия соответствует позиции сентенциального актанта при нем), линейно она примыкает к лексическому глаголу — и на синхронном уровне это, видимо, следует все же считать двойным маркированием лексического глагола. По данным [18: 183] для типа A/Fin/Neg-LV наиболее частотна ситуация, когда лексический глагол маркируется отрицательным аффиксом, а автономная частица или двойное маркирование частицей и аффиксом для лексического глагола (в отличие от вспомогательного) представлено в типологической выборке единичными примерами.

Аналитическая форма прошедшего времени *ǰiǰ* V-NEG-PERS происходит из конструкции с финитным отрицательным глаголом (в форме прошедшего времени) и формой коннегатива, тип A/Fin/Neg Verb. Финитного вспомогательного глагола вроде 'быть' или 'делать' она, в отличие от рассмотренных выше форм, не содержит. На синхронном уровне *ǰiǰ* утрачивает свойства финитного элемента, и их отчасти приобретает лексический глагол (на нем оказываются маркеры лица и числа, тогда как *ǰiǰ* не имеет никаких выделяемых на синхронном уровне словоизменительных показателей), см. ниже п.4.2. При этом полноценным финитным элементом форму лексического глагола считать, видимо, все же нельзя. Таким образом, данная отрицательная конструкция примыкает к типу A/Fin, не относясь в точности ни к какому из типологически релевантных его подклассов и представляя собой некий промежуточный случай. Можно было бы считать, что этот случай относится к редкому типу A/Fin/Neg-Cl, т. е. что *ǰiǰ* функционирует как частица, отрицающая всю клаузу, — однако этот тип не предполагает наличия других отрицательных показателей. С другой стороны, можно было бы считать, что данная форма относится к типу A/Fin/Neg-LV с двойным маркированием отрицания на нефинитном лексическом глаголе, но в конструкции этого типа ожидался бы еще и вспомогательный глагол. В любом случае типологически нетривиально, что — при обеих интерпретациях — в отрицательной конструкции не содержится никакого «полноценного» финитного элемента.

Стоящая особняком конструкция прошедшего времени с показателем экзистенциального отрицания *aba* и формой одновременного деепричастия лексического глагола также представляет собой неоднозначный случай. Лексический глагол в ней выступает в нефинитной форме без показателя отрицания. Отрицательным элементом является маркер *aba*. По морфосинтаксическим свойствам он не похож в точности ни на одну из имеющихся в нанайском языке часть речи, но более всего напоминает прилагательное в предикативной позиции (ср. *mi: ʒobomi=da aba-i* 'я не работал' = букв. 'я работая отсутствующий (*aba*-1SG)'). Полноценным отрицательным глаголом (тип A/Fin/Neg Verb) его считать нельзя, равно как и супплетивной отрицательной формой бытийной связки (тип A/Fin/Neg-FE), см. подробнее [20].

б) Показатели с частицей =dA

В качестве одного из типологически характерных типов асимметричного отрицания М. Миестамо приводит тип A/Emph, при котором в качестве элемента отрицательной конструкции в нее добавляется маркер с исходным эмфатическим значением. При этом собственно эмфатическое значение частица теряет. В нанайском языке представлены два типа отрицательных конструкций с использованием эмфатического маркера (частицы =dA). Это, во-первых, упоминавшиеся выше (п.3.4) формы категоричного отрицания, а во-вторых, нерегулярная аналитическая форма прошедшего времени V-CVB.SIM=dA *aba*.

Для первых вопрос о рассмотрении в них частицы =dA как собственно элемента отрицательной конструкции при этом остается спорным: будучи достаточно конвенционализированным и имея, как указано выше, более морфологизованный, чем обычно статус, частица сохраняет, тем не менее, семантику, в целом сводимую к исходной эмфатической. Второй случай кажется более «чистым»: в составе аналитической формы прошедшего времени можно говорить о полной десемантизации =dA. Впрочем, следует отметить, что в качестве элемента этой формы частица выступает факультативно. Подробнее см. [20].

4.2. Распределение грамматических категорий между лексическим глаголом и вспомогательным элементом

Интересным с типологической точки зрения оказывается уже упомянутое выше распределение грамматических категорий между лексическим глаголом и вспомогательным элементом в аналитических отрицательных формах. В [11] на материале уральских конструкций с отрицательным глаголом и нефинитной формой предлагается следующая иерархия (см. также ее обсуждение на более широком материале в [16]). На левом конце шкалы находятся категории, склонные к маркированию на отрицательном глаголе, на правом — склонные к маркированию на нефинитной форме лексического глагола.

- (15) вспомогательный элемент > лексический глагол
ИМПЕРАТИВ > ВРЕМЯ/ЛИЦО/ЧИСЛО > НАКЛОНЕНИЕ > АСПЕКТ
 > ЗАЛОГ

Попытка встроить в эту иерархию данные нанайской системы, где бывший отрицательный глагол грамматизируется в частицу (т.е. системы несколько отличной от тех, для которых иерархия была изначально предложена), дает следующие результаты (полужирным в (15) выделены релевантные категории).

1) В императивной форме *aži* V-NEG-PERS собственно императивное значение можно считать выражаемым частицей (частица *aži* используется только в императиве), а лично-числовым показателем оформляется лексический глагол. Это вписывается в иерархию (15)¹¹.

2) Для формы прошедшего времени *ašia* V-NEG-PERS можно считать, что время в ней выражается частицей (ни в каких других формах частица *ašia* не используется, лексический глагол временного показателя не содержит), а лицо/число, как и в предыдущем случае, — лексическим глаголом. Это менее ожидаемо: иерархия (15) подобного расщепления не предсказывает.

¹¹См. также в [15: 143], где прохибитивные конструкции обсуждаются с точки зрения этой иерархии на материале разных тунгусо-маньчжурских языков, в т.ч. таких, в которых, в отличие от нанайского, в показателе прохибитива на синхронном уровне выделяется обычный для данного языка императивный суффикс.

4.3. Нанайские данные с точки зрения циклов грамматикализации

Описанную выше (п.3) реинтерпретацию суффикса -А из коннегативного в отрицательный можно рассматривать с точки зрения т. н. цикла Есперсена, т. е. в контексте широко засвидетельствованной в языках мира циклической смены показателей отрицания с переходным этапом двойного отрицания (см. [16]; [6]; [13] и мн. др.):

(16) NEG1 > NEG1+NEG2 > NEG2

Система, засвидетельствованная в нанайском языке, иллюстрирует в разных ее фрагментах две стадии этого процесса. В аналитических формах мы имеем дело с переходной стадией двойного маркирования отрицания (отрицательная частица и суффикс). Следующий этап представлен в синтетической форме настоящего времени, где в качестве рефлекса отрицательного глагола остается особый временной аффикс (и это, таким образом, можно считать все еще двойным маркированием отрицания (V-NEG1-PRS.NEG2). В синтетической форме прошедшего времени имеет место конечная стадия, когда новый показатель отрицания (суффикс) становится единственным средством его выражения. Начальная же стадия этого процесса не засвидетельствована в нанайском, но обнаруживается в других тунгусо-маньчжурских языках (аналитические конструкции, в которых отрицание выражено только с помощью вспомогательного глагола, а суффикс на лексическом глаголе является коннегативным, а не собственно отрицательным).

Интересно, что обычно цикл Есперсена рассматривается на примере систем, где показатели отрицания грамматикализуются из лексических адвербиальных модификаторов (как во французском языке, для которого этот механизм был впервые описан). Такие модификаторы в силу своих синтаксических свойств могут легко опускаться, поэтому в обычном случае: а) имеет место несколько промежуточных стадий синхронной вариативности, когда двойной показатель используется наряду со старым или новый наряду с двойным, б) конечная стадия является результатом опущения старого показателя. В нашем же случае цикл Есперсена наблюдается в системе другого типа — с отрицательным глаголом, постепенно подвергающимся формальной и семантической редукции. Здесь — в силу совершенно иной синтаксической структуры исходной конструкции — ни старый, ни новый показатель отрицания опускаться не могут. За счет этого промежуточных стадий описанного вида на таком материале не наблюдается (зато имеет место промежуточная стадия другого рода: показатель отрицания + нестандартный временной аффикс как рефлекс второго, утраченного показателя отрицания), а конечной стадии цикл может достигать только за счет полной формальной редукции старого показателя, но не его опущения (как это и происходит с основой

отрицательного глагола в синтетической отрицательной форме прошедшего времени, см. п.3.1).

В контексте цикла Есперсена можно рассматривать и формы категоричного отрицания с эмфатической частицей $=dA$ (см. п.3.4). Если считать, что эмфатическая частица в таких формах движется в сторону реинтерпретации в показатель отрицания (для наблюдаемого этапа, впрочем, можно говорить только о самом начале этого процесса, см. выше), то аналитические формы категоричного отрицания иллюстрируют систему с более экзотическим (хотя и засвидетельствованным в языках мира) сочетанием в одной форме трех показателей отрицания — отрицательной частицы, отрицательного суффикса и эмфатической частицы в отрицательной функции: **am niru-ə=də ta-j-ni**

Еще один цикл грамматикализации, о котором можно говорить применительно к нанайской системе отрицания, — это цикл эволюции показателей экзистенциального отрицания в показатели глагольного отрицания, рассмотренный на типологическом материале В. Крофтом (см. [12]):

(17) ...тип А > тип В > тип С > тип А...

	контекст экзистенциального отрицания	контекст глагольного отрицания
тип А	показатель глагольного отрицания	показатель глагольного отрицания
тип В	показатель экзистенциального отрицания	показатель глагольного отрицания
тип С	показатель экзистенциального отрицания	показатель экзистенциального отрицания

В нанайском языке показатель экзистенциального отрицания *aba* ('нет, не существует') используется как элемент конструкции глагольного отрицания в одной из аналитических форм прошедшего времени — V-CVB.SIM= dA *aba* ('не делал', букв. 'делая не существует'). Формально принадлежа к классу случаев, описанных В. Крофтом, эта форма не вполне вписывается в предлагаемый им цикл эволюции показателей отрицания. Как кажется, аналитическая форма прошедшего времени с *abana* самом деле не возникает в рамках цикла Корфта, предполагающего системную смену показателя глагольного отрицания показателем экзистенциального, а встраивается в систему «на законных основаниях», как эквивалент положительной имперфективной конструкции с глаголом 'быть' (V-CVB.SIM *bi-*, букв. 'делая есть'). См. подробнее об этом процессе [20], ср. также описание подобных случаев на другом материале в [21]; [22].

5. Конкуренция показателей отрицания

Как было сказано выше, в некоторых случаях одной положительной форме в нанайской глагольной системе соответствует несколько отрицательных. В

настоящей статье мы не будем подробно рассматривать конкуренцию показателей отрицания, соответствующих одной клетке положительной парадигмы, а лишь кратко укажем, какого рода конкуренция имеется в виду. Это в разных случаях может быть и свободное варьирование, и междиалектное варьирование, и семантически распределенные варианты.

I. Междиалектное варьирование наблюдается, например, в области отрицательных форм прошедшего времени. В средне- и нижнеамурском диалектах основной отрицательной формой при референции к прошлому является особая аналитическая форма с частицей *əciə*:

- (18) N'oani čisəniwə **əciə** **žobo-a**
3SG вчера NEG.PST работать-NEG
'Он вчера не работал.'

В сикачи-алинском говоре (верхнеамурский диалект), а также в кур-урмийском диалекте, ее место занимает аналитическая конструкция с показателем экзистенциального отрицания *aba* (в среднеамурском диалекте маргинальная, а в нижнеамурском отсутствующая вовсе):

- (19) N'oani čisəniə žobo-m=da aba(-ni)
3SG вчера работать-CVB.SIM=PART.EMPH NEG-3SG
'Он вчера не работал.'

II. К семантическим противопоставлениям, отсутствующим в положительной парадигме, но наблюдаемым в отрицательной, можно отнести прежде всего неоднократно упоминавшееся выше противопоставление категоричного / некатегоричного отрицания (формы на *-da*), ср. пример:

- (20) боңго-дола тэй **отоли-а-си-ни**=гоани,
первый-LOC тот уметь-NEG-PRS-3SG=PART
пачила-м=да **отоли-а-да-си**
бить-CVB.SIM.SG=PART уметь-NEG-PART-PRS
'Вначале **не умел**, бить {в бубен} **совсем не умел**.' (пример из [Бельды, Булгакова 2012: 154], глоссирование наше — С. О., Н. С.).

В некоторых случаях, как кажется на первый взгляд, распределение форм отрицания, соответствующих одной положительной, обусловлено аспектуальной семантикой. Это интересно в свете того, что типологическим ожиданиям скорее соответствует, наоборот, нейтрализация аспектуальных противопоставлений под отрицанием (см., например, [18]; [7]). Корреляция употребления форм отрицания с аспектом требует дополнительного исследования, здесь в качестве примера приведем импрессионистическое наблюдение В.А. Аврорина о распределении синтетической и аналитической отрицательных форм настоящего времени по акциональным классам:

«Можно отметить лишь, что при основах, обозначающих одновременно и краткие и длительные действия, синтетическая форма обнаруживает большее тяготение к кратким действиям, тогда как трехчленная аналитическая, наоборот, тяготеет скорее к длительным действиям» [1: 97].

6. Заключение

Подводя итог описанию показателей глагольного отрицания в нанайском языке, можно отметить несколько ключевых особенностей. Во-первых, отрицательная парадигма нанайского глагола не вполне соответствует аффирмативной парадигме, в т. ч. несколько отрицательных форм / конструкций могут соответствовать одной аффирмативной. В инвентаре средств отрицания наблюдается корреляция между количеством отрицательных форм / конструкций, которые могут соответствовать одной положительной, и их временной референцией (в зоне прошлого наибольшее число отрицательных форм, а в зоне будущего — только одна). Во-вторых, нанайский язык обладает набором средств отрицания, которые различаются прежде всего по своей морфологической структуре. При этом морфологический тип отрицания коррелирует с частотностью и парадигматическим статусом форм: основные, наиболее частотные формы (настоящее и прошедшее время индикатива, императив) выбирают синтетическое отрицание или особую аналитическую конструкцию, маргинальным формам (гортатив, оптатив и пр.) соответствует регулярная, морфологически прозрачная, аналитическая конструкция. Помимо свободного варьирования, выбор той или иной формы отрицания может быть связан с диалектным варьированием или с семантическими особенностями контекста.

С диахронической точки зрения нанайская система отрицания представляет собой результат неравномерной грамматикализации исходной системы с отрицательным глаголом (для разных форм наблюдаются разные ее стадии). Из этого следуют интересные в типологическом ракурсе особенности нанайской системы отрицания. Так, представленная система отрицания не вполне тривиальным образом вписывается в типологию отрицательных показателей (ср. [16]). Кроме того, она обнаруживает на синхронном уровне ряд нетривиальных морфологических особенностей (ср. формы с клитикой =*dA* в суффиксальной позиции, формы лексического глагола на *-mi* в аналитической конструкции, распределение временных и лично-числовых показателей между лексическим глаголом и вспомогательным элементом). Также система отрицания оказывается интересна в контексте грамматикализационных циклов (цикла Есперсена и цикла Крофта): с одной стороны, в нанайском языке можно обнаружить явления, находящиеся на какой-нибудь из стадий приведенных циклов, с другой стороны, эти примеры оказываются не самым типичным в типологическом плане материалом для иллюстрации этих циклов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ASSERT – утвердительное наклонение; CONNEG – коннегатив; CVB – деепричастие; DAT – датив; EMPH – эмфаза; FUT – будущее время; HORT – гортатив; IMP – императив; IMP2 – отдаленный императив; INDIC – индикатив; LOC – локатив; NEG – отрицание; OPT – оптатив; PART – частица; PERS – лично-числовой показатель; PL – множественное число; PROH – прохибитив; PRS – настоящее время; PRSPST – общее время; PST – прошедшее время; SBJV – субъюнктив; SG – единственное число; SIM – одновременность; TNS – время; V – глагольная основа.

Библиография

1. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
2. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций / Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 5–50.
3. Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien / SEC Publications, 2012.
4. Оскольская С. А. Грамматикализация глагола bi- ‘быть’ в нанайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI. Ч. 3. Исследования по монгольским языкам / Рыкин П. О. (ред.). СПб.: Наука, 2015. С. 743–754.
5. Хасанова М. М., Певнов А. М. Мифы и сказки негидальцев / ELPR Publications Series A2-024. Осака, 2003.
6. van der Auwera J. The Jespersen cycles. Cyclical change / Gelderen E. (ed.). Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2009.
7. van der Auwera J., Miestamo M. Negation and perfective vs. imperfective aspect. From now to eternity / Mortelmans J. et al. (eds.). Cahiers Chronos, 20, 2011.
8. van der Auwera J., Lejeune L. (with V. Goussev). The Prohibitive. The World Atlas of Language Structures Online / Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
9. Benzing J. Die tungusischen sprachen: versuch einer vergleichenden grammatik. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1955.
10. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
11. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages. Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Vol. VI / Osmo Ikonen (ed.). Turku: Suomen kielten seura, 1981. Pp. 350–355.
12. Croft W. The evolution of negation. Journal of Linguistics, 27, 1991. Pp. 1–39.
13. Hansen M.–B. M. Negative cycles and grammaticalization. The Oxford Handbook of Grammaticalization / Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 570–579.

14. Haspelmath M. The diachronic externalization of inflection. *Linguistics*, 31, 1993. Pp. 279–309.
15. Hözl A. A Typology of negation in Tungusic. *Studies in Language*, 39 (1), 2015. Pp. 117–157.
16. Jespersen O. Negation in English and other languages. (Kønlige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser I, 5). Copenhagen: Høst, 1917.
17. Ko D., Yurn G. A description of Najkxin Nanai. Seoul: Seoul University Press, 2011.
18. Miestamo M. Standard negation. The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2005.
19. Payne J. R. Negation. *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Clause structure / Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 197–242.
20. Stoyanova N., Oskolskaya S. The evolution of the existential negation marker in Nanai. Handout of the talk given at the 12th conference on typology and grammar for young scholars (Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, 21st of November, 2015).
21. Veselinova L. The negative existential cycle revisited. *Linguistics*, 52 (6), 2014. Pp. 1327–1389.
22. Veselinova L. The negative existential cycle viewed through the lens of comparative data. *Cyclical Change Continued* / Gelderen E. (ed.). Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2016.

М.Ю. Привизенцева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

**ДВОЙНОЕ ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА ИМЕННОЙ
СЛОВОФОРМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО, ГОРНОМАРИЙСКОГО И
МОКШАНСКОГО ЯЗЫКОВ)¹**

1. Введение

Множественное падежное маркирование определяется как наличие на одном существительном двух или более падежных маркеров. В работе [14] используется термин ‘Suffixaufnahme’. Он объединяет случаи, когда существительное, зависящие от другого, содержит более одного падежного показателя. При этом первый падежный маркер, как правило, отражает позицию зависимого имени, а последующие соответствуют синтаксической функции более объемных составляющих. В зависимости от наличия и оформления именной вершины разделяются три типа этого явления: ‘Suffixaufnahme proper’, ‘Suffixhäufung’ и ‘Hypostasis’. Для первого обязательным является наличие вершины с падежными показателями. Он обсуждается наиболее широко в связи с языками тангкской семьи, в частности с языками ладил и каядилд [11; 15; 1]. Вторая разновидность множественного маркирования возникает, если именная вершина присутствует, но не имеет собственных падежных показателей, так что ее падеж выражается только на зависимом. Отличительной чертой третьей типа является отсутствие именной вершины, падеж которой отражается на зависимом. Именно он и будет рассматриваться далее.

Данная статья опирается на материал трех языков: мокшанского, горномарийского и бурятского². Первые два принадлежат к финно-угорской ветви уральской семьи, а последний относится к монгольской ветви алтайской языковой семьи. Во всех трех множественное падежное маркирование возникает в отсутствии именной вершины. Падеж опущенного имени выражается на его зависимом, которое также содержит собственный падежный показатель. Первый из двух падежных показателей мы будем называть внутренним, а второй — внешним.

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02081.

²Данные мокшанского языка собраны в Темниковском районе республики Мордовия в с. Лесное Цибасово и с. Лесное Ардашево. Данные горномарийского языка получены в ходе работы с носителями, проживающими в Горномарийском районе республики Марий Эл, с. Микряково. Материал бурятского языка был собран в с. Барагхан Курумканского района республики Бурятия.

Предложения (1)-(3) содержат примеры двойного падежного маркирования в бурятском, горномарийском и мокшанском соответственно. В (1) существительное *зураг* ‘рисунок’ содержит два падежных показателя. Внутренним падежом в данном случае является комитатив, он выражает зависимость от ближайшей вершины — опущенного имени. В качестве внешнего падежа выступает инструменталис. Он отражает синтаксическую функцию отсутствующей вершины.

(1) БУРЯТСКИЙ

ямар ном-оор багша омогорхо-но-б?
какой книга-INSTR учитель гордиться-PRS-Q
зураг-ууд-тай-гаар
рисунок-PL-COM-INSTR
‘Каким учебником гордится учитель? Тем, что с рисунками.’

(2) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

päšäsä-vlä pört leväš-əm kras-en šokt-en-ət a
рабочий-PL дом крыша-ACC красить-PRF[3SG] успеть-PRF-3PL a
škol-ən-əm uke
школа-GEN-ACC NEG.EX
‘Рабочие покрасили крышу дома, а школьную (крышу) не успели.’

(3) МОКШАНСКИЙ

mon maks-ən' plašč zon't'ik-ftəmә-t'i
я дать-PST.1SG плащ зонтик-CAR-DEF.SG.DAT
‘Я дал плащ тому, у кого нет зонта.’

В разделе 2 рассматривается образование форм с множественным падежным маркированием в бурятском, горномарийском и мокшанском языках. Раздел 3 посвящен взаимодействию двойного падежного оформления с другими именными категориями: допустимо ли отражение на зависимом не только падежного, но и числового или посессивного маркирования вершины. Раздел 4 содержит заключение и выводы.

2. Формообразование

В данном разделе рассматриваются ограничения на образование форм с множественным падежным оформлением в бурятском, горномарийском и мокшанском языках.

В традиционных грамматических описаниях бурятского языка [2: 91; 4: 150–151] отражается наличие в нем различных форм с двойным падежным маркированием. К примеру, указывается возможность одновременного использования двух локативных падежей, как в (4). Такой тип множественного падежного маркирования ярко представлен в дагестанских языках (ср. [9; 10] среди прочих), и в данной работе рассматриваться не будет.

(4) БУРЯТСКИЙ

бадма гэр-тэ-һээ гар-аа
 Бадма дом-DAT-ABL идти-PRT1
 'Бадма вышел из дома.' (Букв.: вышел из в доме)

При множественном падежном оформлении зависимого в отсутствии именной вершины в бурятском в качестве первого могут выступать только падежи, оформляющие заивисмое в именной группе. В первую очередь, это — генитив, комитатив и каритив. Дативное или какое-либо другое оформление именных зависимых в бурятском невозможно:

(5) БУРЯТСКИЙ

аха-да бэшэ-гдэ-һэн /*аха-да бэшэг ута
 брат-DAT писать-PASS-PTCP.PFCT брат-DAT письмо длинный
 'Письмо брату длинное.'

Особенностью образования форм с двойным падежным маркированием является наличие адъективизатора *хи* после генитива как внутреннего падежа (6). Если же в качестве первого падежа выступают комитатив или каритив, адъективизатор не используется, как показано в примере (1) с комитативом и (7) с каритивом.

(6) БУРЯТСКИЙ

минии хүбүүн-дэ тосхон-до ажал үг-өө,
 я.GEN сын-DAT село-DAT дело дать-PRT1
 харин хүрш-ын-хи-дэ /*хүрш-ын-дэ город-то
 а сосед-GEN-ADJ-DAT сосед-GEN-DAT город-DAT
 'Моему сыну дали работу в селе, а соседкиному — в городе.'

(7) ямар гэр соо-һоо бадма гар-аа-б? үүд-гүй-һээ
 какой дом внутрь-ABL Бадма идти-PRT1-Q дверь-NEG-ABL
 'Из какого дома Бадма вышел? Из того, что без двери.'

Помимо этого, показатель *хи* может присоединяется к составляющим различного типа и делать их модификаторами имени. В примере (5) иллюстрируется недопустимость дативного именного зависимого, однако, при добавлении адъективизатора поверх показателя датива такая конфигурация становится грамматичной:

(8) БУРЯТСКИЙ

аха-да-хи бэшэг ута
 брат-DAT-ADJ письмо длинный
 'Письмо брату длинное.'

Аналогичный эффект возникает при присоединении адъективизатора к послеложной группе. Как показано в примере (9), наличие на послелоге показателя *хи* обеспечивает грамматичность расположения послеложной группы непосредственно перед именной вершиной, то есть в позиции, характерной для именных модификаторов.

(9) БУРЯТСКИЙ

*стол дээрэ /^{OK}стол дээрэ-хи юумэ асар-а
 стол на стол на-ADJ вещь.ACC принести-IMP
 'Принеси вещь, которая на столе.'

В связи с грамматичностью дативных зависимых имени при использовании адъективизатора *хи* возникает вопрос о допустимости датива как внутреннего падежа при множественном падежном оформлении. Действительно, в присутствии *хи* такая конфигурация является грамматичной:

(10) БУРЯТСКИЙ

аха-да бэшэ-гдэ-һэн бэшэг эгэшэ-дэ-хи-һээ
 брат-DAT писать-PASS-PTCP.PFCT письмо сестра-DAT-ADJ-ABL
 ута
 длинный
 'Письмо брату длинее письма сестре.'

Помимо дативных и послеложных групп допускается присоединение маркера *хи* к приименному генитиву (11a)³. Его использование с именными зависимыми более низкого уровня, такими как комитативные и каритивные, а также прилагательные, недопустимо.

(11) БУРЯТСКИЙ

- а. ах-ын(-хи) гэр
 брат-GEN-ADJ дом
 'дом брата'
- б. зураг-тай-(*хи) ном
 рисунок-COM-ADJ книга
 'книга с рисунками'
- с. улаан-(*хи) гэр
 красный-ADJ дом
 'красный дом'

³Различие между генитивным зависимым с показателем адъективизации и без него не до конца ясно и требует дополнительного исследования.

В грамматических описаниях горномарийского языка упоминается возможность оформления существительных несколькими падежными показателями [7: 51, 58; 5: 104]. Во-первых, поверх маркеров других падежей может присоединяться компаратив:

(12) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

kat'a xala-štâ-la âl-ân
 Катя город-IN-CMPR быть-PRF[3SG]
 'Катя была в районе города.'

Во-вторых, «нанизывание» падежей возникает в отсутствии именной вершины. Тогда в качестве первого падежа может использоваться только падеж, оформляющий именные зависимые, — генитив, как в примерах (2) и (13).

(13) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

kâdâ toma-štâ tân' âl-â-t? pet'a-n-âštâ
 который дом-IN ты жить-NPST-2SG Петя-GEN-IN
 'В чьем доме ты живешь? В петином.'

В зависимости от референтности обладаемого можно выделить две различные конструкции, в которых именное зависимое оформляется генитивом⁴. Поверхностно они различаются обязательностью показателя генитива и возможностью наличия согласовательной посессивной морфологии на вершине. В примере (14a) представлена генитивная конструкция с нереферентным зависимым. Посессивное маркирование на вершине в таком случае может быть индусировано внешним контекстом, но не самим нереферентным генитивным зависимым. Второй тип генитивной конструкции представлен в (14b): использование генитива является обязательным, зависимое служит триггером посессивного маркера на вершине.

(14) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. ru / ru-n pört
 дерево дерево-GEN дом
 'деревянный дом'
- b. âkâ-m-ân / *âkâ-m / *âkâ
 сестра-POSS.1SG-GEN сестра-POSS.1SG сестра
 kâdâž(-šâ)
 комната-POSS.3SG
 'комната сестры'

⁴Сведение различия между двумя типами генитивных конструкций к референтности, вероятно, несколько огрубляет реальную ситуацию, однако, для целей данного исследования этого различия достаточно.

На первый взгляд, в конфигурациях с двумя падежами тип лежащей в основе генитивной конструкции не отражается, однако, как будет показано в следующих разделах, это определяет многие свойства.

Помимо этого в горномарийском есть адъективизатор, сходный по своим свойствам с бурятским показателем *хи*: он присоединяется к маркированным по падежу существительным, как в примере (15).

(15) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>xala-štâ-šâ</i>	<i>škol-âm</i>	<i>čüč-än-ät</i>
город-IN-ATTR	школа-ACC	закрыть-PRF-3PL

‘Городскую школу закрыли.’

После добавления адъективизатора грамматичным оказывается «наложение» поверх него других падежных показателей:

(16) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>xala-štâ-šâ</i>	<i>škol-âm</i>	<i>čüč-än-ät</i>	<i>a</i>
город-IN-ATTR	школа-ACC	закрыть-PRF-3PL	a
<i>selo-štâ-š-âm</i>	<i>uke</i>		
село-IN-ATTR-ACC	NEG.EX		

‘Городскую школу закрыли, а сельскую — нет.’

При описании множественного падежного маркирования в мокшанском традиционно используется термин «вторичное склонение» ([3; 12] и др.). Образование таких форм связано с обликом именной парадигмы. В мокшанском противопоставлены несколько типов склонения существительного: основное и определенное. В основном склонении различаются показатели 16 падежей⁵, в то время как существительные в определенном склонении могут приминать маркирование трех падежей: номинатива, генитива⁶ и датива. Только эти три падежа и используются в качестве второго при множественном падежном оформлении. Внутренним падежом в диалекте, материал которого обсуждается в данной статье, могут быть четыре падежа основного склонения: генитив, элатив, каритив и экватив⁷. В примере (3) выше представлен случай, когда внутренним падежом является каритив, а внешним — датив. В (17) приводятся другие возможные комбинации.

⁵В различных описаниях количество падежных показателей варьирует. Например, в грамматике [3] их количество равно 12, также выделяется несколько «падежеобразных» форм.

⁶В мокшанском совпадает падеж прямого дополнения и именного зависимого. Традиционно такой падеж называется генитивом.

⁷Также маргинально в этой функции возможно использование пролатива:

(i) *mon s'ev-sa päl'manža-va-t'*
я брат-NPST-3.O.1SG.S колено-PROL-DEF.SG.GEN
‘Я возьму то, что до колен.’

(17) МОКШАНСКИЙ

- a. s'ovən'-stə-t'n'ə-n'd'i er'av-i specal'naj
 глина-EL-DEF.PL-DAT нужно-NPST.3SG специальный
 ščotka
 щетка
 'Для того, что из глины, нужна специальная щетка.'
- b. mon n'ej-in'ə kud-əška-t'
 я видеть-PST.3.O.1SG.S дом-EQU-DEF.SG.GEN
 'Я видела [кучу] размером с дом.'
- c. oš-ən'n'ə-s' sa-j vel'-i
 город-GEN-DEF.SG ехать-NPST.3SG деревня-LAT
 'Городской [человек] приехал в деревню.'

В данном разделе было рассмотрено образование форм с несколькими падежами в бурятском, горномарийском и мокшанском языках. В следующем разделе более подробно обсуждаются свойства некоторых из них. Далее не рассматриваются формы с «нанизываем» двух семантических падежей: сочетание датива и аблатива в бурятском и присоединение компаратива к формам локативных падежей в горномарийском. Также за рамками обсуждения остаются некоторые случаи множественно падежного оформления в бурятском и горномарийском языках, а именно те, при которых падеж, использующийся как внутренний, не может самостоятельно маркировать препозитивное именное зависимое. Это — употребление датива как внутреннего падежа в бурятском и конфигурации с падежами, предшествующими адъективизатору -š- в горномарийском.

3. Взаимодействие с именной морфологией

Как указывалось выше, множественно падежное маркирование возникает при эллипсисе именной вершины, когда зависимое отражает падеж отсутствующей вершины и при этом также имеет собственное падежное оформление. В связи с этим возникает вопрос о том, могут ли другие категории нулевой вершины быть выражены на ее зависимом. Также в данном разделе рассматривается взаимодействие с именными категориями на уровне внутреннего падежа: отличаются ли возможности выражения морфологии в двухпадежной конфигурации.

В бурятском, горномарийском и мокшанском языках есть показатели числа и посессивности. Их взаиморасположение, а также позиция показателя падежа в бурятском языке постоянны и не зависят от каких-либо факторов. Сразу после корня следует показатель числа, затем падеж, а завершает именную словоформу посессивный маркер, как в (18). Более сложная система зафиксирована в горномарийском и мокшанском языках. В них представлена стандартная для финно-угорских языков модель, когда порядок показателей зависит от падежа.

(18) БУРЯТСКИЙ: √-NUM-CASE-POSS

В мокшанском посессивный показатель предшествует показателю падежа в номинативе, генитиве, дативе и следует за ним в формах остальных падежей, как показано в (19). Следует также обратить внимание на то, что выражение числа возможно не во всех формах. Отдельный числовой показатель имеется только в номинативе основного склонения, а в остальных падежах этого типа склонения числовые противопоставления не маркируются. В падежных формах определенного склонения, то есть в номинативе, генитиве и дативе, число и определенность выражаются кумулятивно. Также кумулятивное выражение числа в этих падежах обнаруживается в части посессивных показателей, а именно в формах первого, второго и третьей посессива единственного числа.

(19) МОКШАНСКИЙ

- a. √-POSS-CASE (номинатив, генитив, датив)
- b. √-CASE-POSS (остальные падежи)

В горномарийском языке число, падеж и посессивность выражаются агглютинативно. Маркер числа всегда предшествует падежному, а позиция посессивности зависит от того, в каком падеже стоит существительное, а также от наличия показателя числа. В аккумулятиве и генитиве посессивный показатель находится перед падежом. В дативе зафиксированы две возможности расположения маркера посессива: до или после падежа. В локативных падежах (инессив, иллатив и латив) посессивность следует за показателем падежа. Более сложно устроено взаиморасположение именных показателей при наличии маркера числа, однако, это не важно для целей данной статьи и подробно рассматриваться не будет.

(20) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. √-POSS-CASE (аккумулятив, датив:)
- b. √-(POSS)-CASE-(POSS) (датив)
- c. √-CASE-POSS (инессив, иллатив, латив)

3.1. Мокшанский

Во всех падежах, которые могут быть внутренними, то есть в генитиве, элативе, каритиве и эквативе основного склонения, противопоставление по числу нейтрализовано. В этих падежах существительное может обозначать одного или нескольких референтов без специального морфологического оформления, как в (21a). Такая же ситуация наблюдается и при наслаивании падежей (21b).

(21) МОКШАНСКИЙ

- a. s'ε-n'd'i kona pej-ftəmə er'av-i mol'-əm-s
 тот-DAT который зуб-CAR нужно-NPST.3SG идти-INF-ILL

- vrač-ən'd'i
врач-DAT
- b. rej-ftəmə-t'i er'av-i mol-əm-s
зуб-CAR-DEF.SG.DAT нужно-NPST.3SG идти-INF-ILL
- vrač-ən'd'i
врач-DAT
- ‘Тому, кто без зубов / без зуба, нужно к врачу.’

В качестве внешних выступают падежи определенного склонения, в которых различие по числу маркируется. При «нанизывании» двух падежей числовые противопоставления отсутствующей вершины выражаются обычным образом. Так, в (22) показатель *-t'n'ə-*, кумулятивно выражающий число и определенность, относится к нулевой вершине.

(22) МОКШАНСКИЙ

- s'ovən'-stə-t'n'ə-n'd'i er'av-i specal'naj ščotka
глина-EL-DEF.PL-DAT нужно-NPST.3SG специальный щетка
- ‘Для вещей, которые из глины, нужна специальная щетка.’

В двухпадежной конфигурации возможно выражение посессивности и зависимого имени, и нулевой вершины. При этом показатель посессивности всегда находится между двумя падежными маркерами, вне зависимости от того, к чему он относится. Причиной этому служат особенности расположения именных показателей, описанные выше, а не специфика двойного падежного оформления.

(23) МОКШАНСКИЙ

- a. mon maks-in'ə kn'iga-t'
я дать-PST.3.O.1SG.s книга-DEF.SG.GEN
kuctə-nzə-t'i
дом.EL-3SG.POSS-DEF.SG.DAT
‘Я дала книгу тому, кто в его доме.’
- b. mon maks-ən' kn'iga
я дать-PST.3SG книга-DEF.SG.GEN
kuctə-z'ə-n'd'i
дом.EL-1SG.POSS.SG-DAT
‘Я дала книгу той [моей дочери], которая дома.’

Таким образом, в конфигурации с двумя падежами в мокшанском могут выражаться посессивность и число как именного зависимого, так и нулевой вершины.

3.2. Бурятский

При двойном падежном оформлении в бурятском возможно маркирование числа зависимого и нулевой вершины. То, к чему относится числовой показатель, определяется его позицией в словоформе. Если число предшествует маркеру внутреннего падежа, оно связано с именными зависимым, как в примере (24a). Если же показатель находится после внутреннего падежа, непосредственно перед внешним, он относится к нулевой вершине (24b).

Наличие двух отдельных падежных слотов, также подтверждается данными в примере (24c), где внутри одной словоформы содержатся два показателя числа.

(24) БУРЯТСКИЙ

- а. хэн-эй эзэн-дэ ши бэш-ээ-б-ши?
кто-GEN хозяин-DAT ты писать-PRT1-Q-2SG
эдэ нохой-нууд-ой-хи-до
этот.PL собака-PL-GEN-ADJ-DAT
'Хозяину кого ты писал? Этих собак.'
- б. Бадма ямар карандаш-ууд-аар зура-на?
Бадма какой карандаш-PL-INSTR рисовать-PRS
өөр-ын-гөө эгш-ын-хи-нууд-ээр
сам-GEN-REFL сестра-GEN-ADJ-PL-INSTR
'Чьими карандашами Бадма рисует? Своей сестры.'
- с. ямар аймаг-ууд-та үер бэ?
какой район-PL-DAT наводнение Q
гол горхо-нууд-той-нууд-то
река река-PL-COM-PL-DAT
'В каких районах наводнение? В районах с реками.'

Иначе устроено взаимодействие с показателями посессивности. Наличие посессива после маркера внутреннего падежа недопустимо, хотя в соответствии со структурой бурятской словоформы именно там должен был бы находиться посессивный показатель, относящийся к уровню зависимого. При этом выражение посессивности зависимого возможно. Для этого посессив должен быть расположен после показателя внешнего падежа, то есть, в позиции, где, согласно нашим ожиданиям, должен находиться посессив, соотносящийся с нулевой вершиной. Интерпретация показателя в такой позиции однозначна: он маркирует зависимое, а не нулевую вершину. Морфологическое выражение посессивности нулевой вершины оказывается недоступно.

Иллюстрации этого явления представлены в примере (25a) с комитативом в качестве внутреннего падежа и в (25b), где внутренним падежом является генитив, а за ним следует адъективизатор.

(25) БУРЯТСКИЙ

- а. ямар ном-оор багша омогорхо-но-б?
какой книга-INSTR учитель гордиться-PRS-Q
зураг-тай-гаар-ни / *зураг-тай-мни-гаар
рисунок-COM-INSTR-1SG рисунок-COM-1SG-INSTR
'Каким учебником гордится учитель? Учебником с моими рисунками. / *Моим учебником с рисунками.'
- б. хэн-эй һамган-да шэнэ ажал үг-өө-б?
кто-GEN жена-DAT новый работа дать-PRT2-Q
хүрш-ын-хи-дэ-мни / *хүрш-ы-м-хи-дэ
сосед-GEN-ADJ-DAT-1SG сосед-GEN-1SG-ADJ-DAT
'Чьей жене дали новую работу? Моего соседа.'

3.3. Горномарийский

Как указывалось в разделе 2, в горномарийском языке на свойства конструкций с двойным падежным оформлением влияет то, какой тип генитивной конструкции лежит в основе. Здесь будут рассматриваться только случаи с референтным генитивом.

Категория числа обнаруживает эффект, аналогичный тому, что наблюдается с посессивностью в бурятском языке. Ожидается, что в позиции перед внутренним падежом число будет относиться к зависимому, а в позиции перед внешним — к нулевой вершине. Пример (26а) демонстрирует, что расположение числа перед первым падежным показателем невозможно. В (26b) маркер числа находится непосредственно перед вторых падежом, однако его интерпретация как относящегося к нулевой вершине невозможна, а в (26с) показатель множественного числа в такой позиции указывает на множественность зависимого.

(26) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- а. kü-n tetä-vlä-län mü-än-əm pu-de-lät?
кто-GEN ребенок-DAT мёд-ATTR-ACC дать-NEG.PRF-3PL
*äkä-vlä-m-ən-län
сестра-PL-POSS.1SG-GEN-DAT
Ожид.: 'Чьим детям не дали сладкое? Моих сестер.'
- б. *kat'a-n äzä-žä-vlä-m päšä gęc
Катя-GEN сестра-POSS.3SG-PL-ACC работа от
karangd-en-ët, petä-n-vlä-län premi-m
отодвигать-PRF-3PL Петя-GEN-PL-DAT премия-ACC
pu-en-ët
дать-PRF-3PL
Ожид.: 'Катиних братьев уволили, а Петиним дали надбавку.'

- с. kü-n xozə-lan palšək keleş? pi-n-vlā-lān
кто-GEN хозяин-DAT помощь нужно собака-GEN-PL-DAT
'Хозяину кого нужна помощь? Хозяину этих собак.'

Иначе взаимодействует с множественным падежным маркированием категория посессивности. В примере (27) показатель посессивности предшествует внутреннему падежу и, согласно своей позиции в словоформе, соотносится с зависимым.

(27) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- а. kü-n tetä-lān mü-än-əm pu-de-lāt?
кто-GEN ребенок-DAT мёд-ATTR-ACC дать-NEG.PRF-3PL
ākā-m-ən-lān
сестра-POSS.1SG-GEN-DAT
'Чьему ребенку не дали сладкое? Моей сестры.'

Маркирование посессивности на уровне внешнего падежа в горномарийском невозможно, что иллюстрируют пример (28a-b). В (28a) внешним падежом является инессив. В этой форме посессивность стандартно следует за падежом. В (28b) представлен пример с аккузативом в качестве второго падежа, и в данном случае посессив должен предшествовать падежному показателю. Использование посессивного показателя, соответствующего нулевой вершине, в обоих примерах является неграмматичным. Поверхностное расположение показателя посессивности до или после падежного маркера оказывается нерелевантным.

(28) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- а. maxan' toma-štə tötłə-mäš ke-ä
какой дом-IN отремонтировать-NZR идти-NPST.3[SG]
*ti ədərämäš-ən-əštə-žə / +ədərämäš-ən-əštə
это женщина-GEN-IN-POSS.3SG женщина-GEN-IN
'В каком доме идет ремонт? [В доме] этой женщины.'
- б. päšəžə-vlā pört leväš-əm kras-en šokt-en-ət
рабочий-PL дом крыша-ACC красить-PRF успеть-PRF-3PL
a škol-ən-əm / *škol-ən-əž-əm uke
а школа-GEN-ACC школа-GEN-POSS.3SG-ACC NEG.EX
'Рабочие покрасили крышу дома, а (крышу) школы не успели.'

4. Обсуждение и заключение

В таблице 1 суммированы данные о возможностях расположения числа и посессивности при двойном падежном оформлении имени, рассмотренные в предыдущем разделе.

		Уровень внутреннего падежа	Уровень внешнего падежа
Мокшанский	Число	ОК	ОК
	Посессивность	ОК	ОК
Бурятский	Число	ОК	ОК
	Посессивность	*	ОК (относится к уровню внутреннего падежа)
Горномарийский (референтный генитив)	Число	*	ОК (относится к уровню внутреннего падежа)
	Посессивность	ОК	*

Таблица 1: Взаимодействие с именной морфлогией.

Исходя из свойств показателей в двухпадежных конфигурациях, можно разделить их на три типа. К первому относятся мокшанские число и посессивность, а также число в бурятском. Все они могут модифицировать и зависимое, и нулевую вершину. Ко второму типу относятся посессивность в бурятском и число в горномарийском. Находясь в позиции, соответствующей нулевой вершине, эти показатели модифицируют зависимое. Третий тип представлен посессивностью в горномарийском языке: маркер возможен только на уровне внутреннего падежа.

Наибольшее количество вопросов вызывают показатели второго типа: какие свойства позволяют им относиться к уровню внутреннего падежа, если они расположены в позиции, связанной с уровнем внешнего, и почему при этом они не могут занимать слот, соответствующий их значению.

Некоторые характеристики внутреннего падежа в бурятском позволяют ответить на второй вопрос. В разделе 2 отмечалось, что если первым падежом является генитив, между ним и вторым падежным показателем находится адъективизатор *хи*. Существительные, присоединяющие этот показатель, не могут сочетаться с посессивной морфологией, как показывает пример (29а). Аналогичны свойства приименного комитатива, который используется как внутренний падеж, ср. пример (29b).

(29) БУРЯТСКИЙ

- а. *ах-ын-хи-мни / *ах-ы-м-хи гэр
 брат-GEN-ADJ-1SG брат-GEN-1SG-ADJ дом
 ‘дом моего брата’
- б. *?сэсэг-тэй-мни ваза
 цветок-COM-1SG ваза
 ‘ваза с моим цветком’

Без показателя *хи* приименный генитив сочетается с маркерами посессива (30a). Аналогично, недопустимость посессивного маркирования — не постоянное свойство комитатива в бурятском. Если оформленная комитативом единица не является препозитивным модификатором имени, присоединение посессива оказывается грамматичным. Это иллюстрируется в примере (30b).

(30) БУРЯТСКИЙ

- a. ах-ы-м / ах-ы-мни гэр
 брат-GEN-1SG брат-GEN-1SG дом
 ‘дом моего брата’
- b. Баир Бадм-ые һамга-тайе-нь хар-аа
 Баир Бадма-ACC жена-COM-3SG видеть-PRT1
 ‘Баир видел Бадму с женой.’

Такие данные свидетельствуют о том, что на уровне внутреннего падежа допустимы только единицы с неполной именной структурой. Падеж присоединяется к NumP, а наличие более высокой проекции PossP оказывается невозможным. Ограничения на количество именных проекций, вероятно, индуцируют наличие адъективизатора *хи* после генитива как внутреннего падежа. Отсутствие этого показателя в комитативе связано с тем, что приименный комитатив в любом случае является единицей меньшей, чем PossP.

Также отдельного внимания требует третий тип именных показателей — посессив в горномарийском. В разделе 3.3. утверждается, что в двухпадежных конфигурациях, основанных на генитивных конструкциях с референтным обладаемым, выражение посессивности нулевой вершины невозможно. При другой генитивной конструкции в инессиве посессивный показатель может находиться после падежа.

(31) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- kâdâ kruška-vlä-štä čaj? nânâ-n oxonicä-n-vlä-štä-štä
 какой кружка-PL-IN чай они-GEN стекло-GEN-PL-IN-POSS.3PL
 ‘В каких кружках чай? В их стеклянных.’

В случае с нереферентным генитивным зависимым посессивный показатель на вершине вызван не этим зависимым, а внешним контекстом: в (31) показатель третьего посессива множественного числа контролирует местоимение *nânân* ‘их’. Если в основе конструкции с двумя падежами лежит референтное генитивное зависимое, именно оно и должно индуцировать посессивное маркирование нулевой вершины. Вероятно, запрет в данном случае связан с тем, что согласование по посессивности внутри одной словоформы оказывается невозможным, однако, это предположение требует дополнительной проверки.

В завершение данного раздела обратим внимание на то, что при референтном генитиве линейное расположение посессивного маркера не влияет на грамматичность его употребления. Показатель недопустим как в инессиве, когда он стоит после падежа, так и в аккузативе, где он предшествует маркеру падежа (см. примеры (28a-b) выше). Согласно так называемому ‘зеркальному принципу’ (Mirror Principle), предложенному в работе [8], морфологическое расположение аффиксов соответствует порядку синтаксических операций. Анализ материала большинства финно-угорских языков, очевидно, проблематичен для такого подхода, поскольку взаимное расположение именных показателей варьирует в зависимости от используемого падежа. В существующей литературе представлены различные подходы к описанию структуры именной словоформы в финно-угорских языках. В [13] предлагается анализ, согласно которому, структурная позиция показателей фиксирована, а наблюдаемый порядок достигается в результате морфологических операций. С другой стороны, в работе [6] выдвигается гипотеза о том, что падежи, предшествующие посессивному показателю и следующие за ним, расположены в различных вершинах. Одинаковое функционирование посессивного показателя при взаимодействии с двойным падежным маркированием вне зависимости от его позиции не является достаточным опровержением второго анализа, однако, создает для него некоторую трудность. Рассмотренные данные являются аргументом за то, что по крайней мере в некоторых финно-угорских языках (например, в горномарийском), несмотря на вариативность порядка показателей, порядок функциональных проекций фиксирован.

Список условных сокращений

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADJ – адъективизатор; ATTR – атрибутивизатор; CAR – каритив; CMPR – компаратив (падеж); COM – комитатив; DAT – датив; DEF – определенность; EL – элатив; EQU – экватив; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMP – императив; IN – инессив; INF – инфиритив; INSTR – инструменталис; LAT – латив; NEG – отрицание; NEG.EX – экзистенциальное отрицание; NPST – непрошедшее время; NUM – число; NZR – номинализация; O – объектное согласование; PASS – пассив; PFCT – перфектив; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRF – перфект; PRT – претерит; PST – прошедшее время; PTCP – причастие; Q – вопросительная частица; REFL – рефлексив; S – субъектное согласование; SG – единственное число

Библиография

1. Аркадьев П. М. Теория грамматики в свете фактов языка кадилт // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 106–137.

2. Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. / Г. Д. Санжеев (отв. ред.). М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
3. Коледянков М. Н., Заводова Р.А. (ред.) Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч.1. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
4. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
5. Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola*, 2002.
6. Симоненко А. П. и А. П. Леонтьев. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках гипотезы минимализма // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Кузнецова А. И. (отв. ред.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 262-339.
7. Alhoniemi A. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
8. Baker M. The mirror principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry* 16. 1985. Pp. 373–415.
9. Comrie B. and M. Polinsky. The great Dagestanian case hoax. Case, typology, and grammar. Siewierska A., Song J. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1998. Pp. 95–114.
10. Daniel M. and D. Ganenkov. Case marking in Daghestanian: limits of elaboration. *The Handbook of Case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 668–685.
11. Dench A. and N. Evans. Multiple case-marking in Australian languages. *Australian Journal of Linguistics* 8. 1988. Pp. 1–47.
12. Hamari A. Inflection vs. derivation: The function and meaning of the Mordvin abessive. *Morphology and Meaning: Selected papers from the 15th International Morphology Meeting, Vienna, February 2012*. Rainer F., Gardani F., Luschützky H. C., Dressler W. U. (eds.). *Current Issues in Linguistic Theory*. 2014. Vol. 327. Pp. 163–176.
13. McFadden T. The morpho-syntax of Finno-Ugric case-marking: a DM account. *Proceedings of NELS 32*, 2002. Pp. 347–364.
14. Plank F. (Re-)introducing suffixaufnahme. Double case: agreement by suffixaufnahme. Plank F. (ed.). New York: Oxford University Press, 1995. Pp. 3–110.
15. Round E. *Kayardild morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Н.В. Сердобольская
РГГУ / МПГУ, Москва

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕФАКТИВНЫХ ПРОПОЗИЦИЙ В СОСТАВЕ КОНСТРУКЦИЙ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМ АКТАНТОМ

1. Введение

Многие исследования по семантике актантных предложений основываются на таких понятиях, как факт, событие и пропозиция, ср. [37; 17]; схожие понятия в других терминах вводятся в [38] и [2]; Н. Эшер (Asher 1993) предлагает более дробное деление семантических типов сентенциальных актантов (далее: СА). Перечисленные авторы используют различную терминологию и предлагают различное по дробности членение семантических типов СА, однако в целом релевантность противопоставления фактивных vs. нефактивных СА и событий vs. пропозиций не вызывает сомнений.

Пропозитивные и событийные СА противопоставляются на основании ряда признаков, включая временную соотнесенность, способность включать отрицание, быть объектом чувственного восприятия и т.п. (ср. [1; 13; 37]). Р. Сталнакер описывает пропозиции как «содержание ассерции или мнения» [40: 79]. Таким образом, предполагается, что пропозиции, в отличие от событий, «принадлежат ментальному миру» и имеют истинностное значение. Среди пропозиций выделяются факты, или фактивные пропозиции, которые определяются как пропозиции с пресуппозицией истинности. Самые известные критерии, различающие фактивные и нефактивные пропозиции, основываются на пресуппозиции истинности СА. Например, истинность фактивного актантного предложения сохраняется в случае отрицания матричного предиката, в то время как с пропозитивным актантным предложением этого не происходит:

- (1) *It is odd [that the door is closed]. It is not odd [that the door is closed].*
Удивительно, что дверь закрыта. Не удивительно, что дверь закрыта.
- (2) *Joan said [that the door was closed]. Joan did not say [that the door was closed].*
Джоан сказала, что дверь закрыта. Джоан не говорила, что дверь закрыта.
[Kiparsky, Kiparsky 1971: 349–351]

При отрицании матричной клаузы в (1) истинность СА в пресуппозиции, т.е. говорящий в любом случае исходит из того, что «дверь закрыта». Напротив, в (2) СА ни в одном случае не оценивается как истинный, скорее оценивается его вероятность на основании ряда субъективных параметров, включая мнение говорящего, мнение субъекта матричной предикации (Джоан), склонность говорящего доверять Джоан и т.п. Соответственно, в (1) СА вводит факт, а в (2) — нефактивную пропозицию.

Итак, в настоящей работе анализируются нефактивные пропозиции, т.е. СА, которые принадлежат ассерции (в случае *Я думаю, что дверь была закрыта*) или находятся вне пресуппозиции и ассерции (например, в случаях *Я не верю, что дверь была закрыта*; *Я не знаю, была ли дверь закрыта*; сюда же относятся случаи пресуппозиции ложности СА, ср. *Он солгал, что дверь была закрыта*). Второй тип принадлежит к семантической зоне ирреальной модальности в терминах [36] (как в примере *I don't know if John is here*) и обозначаются М. Нунэном как «ирреальные СА» в [35] («неопределенное истинностное значение» (undetermined truth) в [38] и «полная неуверенность» (complete uncertainty) в [15]). Ниже мы будем условно обозначать как нефактивные пропозиции только ассертивные СА, а СА с ирреальной модальностью называть «ирреальными СА», хотя, конечно, такое разбиение проводится далеко не всеми исследователями.

Конструкции, содержащие нефактивные пропозиции в СА, представляют интересный случай несоответствия синтаксических и семантических свойств. Дело в том, что с точки зрения семантики обе клаузы, и главная, и зависимая, принадлежат к переднему плану (foreground, в противоположность к фону, background) (т.е. обе они либо в ассерции, либо вне пресуппозиции и ассерции) и являются дискурсивно значимыми (например, они могут входить в нарративную цепочку); при этом, однако, с точки зрения морфосинтаксиса, одна из двух клауз является подчиненной. Ниже представлены языковые данные, показывающие, что нефактивные пропозиции зачастую не проявляют синтаксические свойства аргумента матричного предиката, а конструкции с ними могут трактоваться как морфосинтаксически равноправные (balanced, в отличие от неравноправного типа — deranked — в терминах [41]). Таким образом, морфосинтаксические свойства нефактивных пропозиций могут отражать их семантические и дискурсивные свойства.

Уточним, что в работе не рассматриваются матричные предикаты, налагающие строгие ограничения на модальность и временную референцию СА, например, предикаты со значением ‘хотеть’, ‘приказать’ и др. Кроме того, предикаты, у которых такие ограничения наблюдаются только в некоторых значениях (например, ‘сказать’ в значении ‘приказать’ и т.п.) не рассматриваются в этих значениях. Таким образом, работа охватывает СА со следующими свойствами: это пропозиции, находящиеся в ассерции (соответственно, нефактивные) при предикатах, не налагающих ограничений на время/модальность ситуации в зависимой клаузе.

Мы покажем, что рассматриваемый вид СА имеет тенденцию проявлять меньше свойств подчинения, чем фактивные, событийные и (в ряде языков) ирреальные СА. Это отражается на таких морфосинтаксических свойствах рас-

сма триваемых конструкций, как выбор комплементаризера (морфологический/лексический/нет комплементаризера) (раздел 2), аргументные¹ свойства СА (раздел 3), свойства подчинения клауз (раздел 4).

2. Маркирование нефактивных пропозиций

СА в языках мира вводятся как морфологическими (например, показатели номинализации и инфинитива) и лексическими средствами (например, союзы), так и с помощью бессоюзных конструкций (*asyndetic complementation*). Лексические комплементаризеры обычно вводят финитные клаузы — (“s-like” (т.е. похожие на предложения) в терминологии [35])². На типологических шкалах, отражающих степень морфосинтаксического подчинения (см., например, [32; 21: 853–854]), номинализации обычно занимают крайнюю левую позицию, т.е. характеризуются наибольшей степенью подчинения, а бессоюзные конструкции — крайнюю правую позицию, т.е. характеризуются наименьшей степенью подчинения:

нефинитные СА > союзные СА > бессоюзные СА

С этой точки зрения, нефактивные пропозиции в СА чаще всего занимают положение правее, чем фактивные и событийные СА. Например, в кункинском даргинском языке (> нахско-дагестанские) фактивные СА при глаголе ‘знать’ оформляются масдаром (3), событийные СА кодируются простым конвербом (5), а нефактивные пропозиции вводятся стратегией s-like, т.е. финитной предикацией с комплементаризером *ible*, образованным от глагола речи (4). Тот же комплементаризер используется при ирреальных СА.

- (3) [ca=r-i rebilla-j r=ik:-**ni**] cin-i-j b=ux:-an-ce
RFL=F-RFL все-DAT F=хотеть.IPF-MSD RFL-OBL-DAT N=знать.IPF-POT-PART
ca=b-i.
COP=N-COP
‘Она знает, что ее все любят.’
- (4) t:ati-li ham-b=irk-il-de [Ali w=ik:-il-de
отец-ERG помнить-N=LV.IPF-ATR-PST Али M=хотеть.IPF-ATR-PST
ible].
COMP
‘Отец думает, что Али его любит.’

¹В частности, в монографии [18] различаются актантные предложения и стратегии актантного предложения (*complement clauses vs. complementation strategies*). Первые обладают свойствами аргумента матричного предиката, вторые — нет.

²Уточним, что лексические комплементаризеры при финитных клаузах также отмечаются в языках мира, например, в луговом марийском, однако такие случаи в литературе обсуждаются довольно редко.

- (5) dammi w=eh.ig-un-da ela juldaš mišna-le=w
 я.DAT M=видеть.PF-PRET-1 ты.GEN друг машина-SUPER=M
 arg-**le**.
 уходить.IPF-CONV
 ‘Я видел, как твой друг уезжал на машине.’

Таким образом, в кункинском даргинском неактивные и ирреальные пропозиции кодируются финитной предикацией с лексическим комплементаром *ible*, в то время как для фактивных и событийных СА используются нефинитные стратегии. Данное распределение стратегий отражено на схеме 1.

Схема 1. Распределение стратегий кодирования СА в кункинском даргинском.

Согласно [2], сходное распределение отмечается в калмыцком языке (> монгольские): фактивные и событийные СА кодируются причастиями, а неактивные пропозиции вводятся комплементаризерами *gǝ* и *gǝǝd* (деепричастия глагола речи).

Приведенные примеры касаются распределения финитных и нефинитных стратегий кодирования СА. Во многих языках неактивные пропозиции вводятся конструкциями с соположением двух клауз, или бессоюзными конструкциями, в то время как остальные типы СА кодируются лексическими или морфологическими средствами. Например, согласно [16], в пенсильванско-немецком диалекте комплементаризер *as*, который используется при фактивных и неактивных пропозициях, «часто опускается, обычно с глаголами приобретения знания или с глаголами коммуникации, например *meene* ‘думать’. Бессоюзный тип СА структурно идентичен независимому предложению»³ [16: 52]. Иными словами, бессоюзный тип возникает именно при глаголе ‘думать’, который чаще всего вводит неактивные пропозиции.

В осетинском языке неактивные пропозиции при предикате *znqɜl* ‘думать’ вводятся сочинительным союзом *ztɜ* (6), который обслуживает все основные типы сочинения, включая сочинение именных групп (7), клауз и др.

³As “is frequently omitted, routinely so with verbs of cognition or communication like *meene* ‘to think’. The clauses are then structurally identical to main clauses.”

- (6) zž ɛnqɜl dɜn ɜmɜ [dɜ žawɛr-ɛ
я думать быть.PRS.1SG и ты Заур-GEN
a-šajd-t-aj]
PV-обманывать-TR-PST.2SG
'Я думаю, что ты обманул Заура.'
- (7) žawɛr ɜmɜ alan
Заур и Алан
'Заур и Алан'

Сочинительный союз используется при нефактивных пропозициях также в языке камбера, ср. (12) ниже.

3. Аргументные свойства нефактивных пропозиций в конструкциях с СА

Наличие аргументных свойств у различных видов СА — проблема, обсуждавшаяся для ряда языков в [18] и подробно исследованная для различных типов СА в русском языке в работах [5; 6]. А.Б. Летучим показано, что различные стратегии оформления СА в разной мере способны проявлять свойства аргумента матричного предиката.

В языке гоэмай (> чадские), согласно [24], факт в СА при различных матричных предикатах кодируется комплементаризером *goepe* (~*goefe-pe*), ср.:

- (8) hen zem [gɔepɛ m̥ɛps t'wot m-pe
я нравиться COMP они сидеть(PL) LOC-место
gɔe-gɔeme]
NMZ(SG)-один
'(Поэтому) мне нравится, что они сидят на одном месте.'
- [Hellwig 2006: 212]

Данная конструкция проявляет свойства ядерного аргумента матричного предиката, в частности, она предшествует маркеру прогрессива (периферийные аргументы и сирконстанты, наоборот, следуют за данным маркером). Другие стратегии (номинализация, бессоюзные СА, цитатив, целевая конструкция, сериализация и др.) не обладают данным свойством, и характерно, что они вводят нефактивные пропозиции (ср. пример (9) с цитативом) и событийные СА.

- (9) dyen k'wal yin d'in jis wul
PST.YEST разговаривать CIT PST.CLOSE SGM.LOG.SP приезжать
m-b'itlung
LOC-утро
'(Он₁) сказал вчера, что он₁ приехал сегодня (т.е. он приехал вчера с точки зрения реального говорящего).'
- [Hellwig 2006: 219]

В языках с полиперсональным глагольным согласованием довольно частотна ситуация, когда не все типы СА способны контролировать согласовательные показатели матричного предиката. Способность быть контролером согласования зачастую зависит от степени номинализованности зависимой клаузы, например, такова ситуация в ительменском, мокша-мордовском и др. В ряде языков это коррелирует с семантическим типом СА. Рассмотрим примеры из мокша-мордовского (> уральские), адыгейского (> абхазо-адыгские) и языка камбера (малайско-полинезийские).

В языке камбера (см. [31]) номинализации (клаузы с артиклем и с генитивным субъектом) контролируют объектное согласование на матричном глаголе (лично-числовые клитики):

- (10) *nda ku-pí-nya_j [na kambàlik-mu]_{NPj}*
 NEG 1SG.NOM-знать-3SG.DAT ART обманывать-2SG.GEN
 ‘Я не знал, что ты обманывал(а) /Я не знал о твоём обмане.’
 [Klamer 2006: 250]

Эти конструкции занимают ту же линейную позицию, что и именные прямые дополнения, в отличие от других стратегий оформления СА.

Что характерно, номинализации кодируют факт и событие в СА, ср. (10) с пресуппозицией истинности и (11) с событийным СА.

- (11) *ku-manggadipa-nya_o [na meti-na na*
 1SG.NOM-видеть.во.снe-3SG.DAT ART умирать-3SG.GEN ART
ama-nggu]_o
 отец-1SG.GEN
 ‘Мне снилось, что мой отец умирал.’ [Klamer 2006: 255]

Нефактивные пропозиции кодируются сочинительной конструкцией или цитативом:

- (12) *da-rongu-ka ba [na-ngàndi-ya-ka tau*
 3PL.NOM-слышать-PERV и 3SG.NOM-братъ-3SG.ACC-PERV человек
kawini]
 женщина
 ‘Они слышали, что он уже женился.’ [Klamer 2006: 259]

- (13) *[ka ndia] wà-na-ma-a-ngga-i'*
 CIT NEG говорить-APPLIC-3SG.GEN-MOD-MOD-1SG.DAT-ITER
 ‘Он опять отрицал это передо мной (букв. он опять сказал, что нет).’
 [Klamer 2006: 261]

Обе эти стратегии не контролируют глагольные согласовательные показатели. Таким образом, нефактивные пропозиции не демонстрируют свойства аргумента матричного предиката, в отличие от фактивных и событийных СА.

Адыгейский язык демонстрирует интересный случай грамматикализации падежных показателей в комплементаризеры (см. подробнее [9]). В адыгейском принято выделять четыре падежа, включая абсолютив, эргатив (косвенный падеж, см. подробнее [33]), инструментальный и обстоятельственный падеж. Первые два падежа кодируют ядерные актанты глагола (косвенный падеж также вводит периферийные актанты и сирконстанты) и контролируют согласовательные показатели на глагольной словоформе (кроме тех случаев, когда косвенный падеж вводит сирконстанты). Подробнее относительно признаков, противопоставляющих актанты и сирконстанты в адыгейском языке см. [4].

Неядерные падежи, инструментальный и обстоятельственный, вводят сирконстанты и копредикаты, реже — периферийные актанты (инструмент, содержание мнения вида *считает дураком* и др.). В отличие от ядерных падежей, они никогда не контролируют глагольное согласование. Характерно, что именно эти два падежа грамматикализуются в комплементаризеры, которые вводят события и нефактивные пропозиции, соответственно (см. подробнее [9]). Фактивная форма же чаще всего оформляется абсолютивом или косвенным падежом (при некоторых матричных глаголах возможен также инструментальный падеж) — т.е. ядерными падежами.

Таким образом, нефактивные пропозиции кодируются в целом «неактантными» падежными показателями, которые не контролируют глагольное согласование, в то время как факты вводятся актантными показателями, которые контролируют глагольное согласование.

В мокша-мордовском языке выделяется два типа спряжения, субъектное и субъектно-объектное, т.е. парадигмы согласовательных показателей, которые контролируются субъектной ИГ и обеими ИГ, субъектной и объектной. При непереходных глаголах используется субъектное спряжение, а переходные глаголы допускают оба типа. Выбор типа спряжения зависит от референциального статуса прямого дополнения и информационной структуры высказывания: несколько огрубляя, определенные и топикальные ИГ контролируют субъектно-объектное спряжение, а в остальных случаях используется субъектное спряжение (см. подробнее [42]).

Оба типа спряжения возможны также при СА. При этом субъектно-объектное спряжение в основном кодирует фактивные и событийные СА, в то время как для нефактивных пропозиций используется субъектное спряжение (см. подробнее [11]). При некоторых матричных глаголах возможны обе модели согласования, в зависимости от семантики СА. Например, глаголы со значением 'думать' чаще всего присоединяют показатели субъектного спряжения:

- (14) kosə al'ε-c'ə?
 где отец-2SG.POSS.SG
 – mon dumand-an / *dumanda-sa son
 я думать-NPST.1SG думать-NPST.3SG.O.1SG.S he
 rabota-sə
 работа-IN
 'Где твой отец? — Я думаю, что он на работе.'

Однако субъектное-объектное спряжение также возможно в конструкции, где СА находится в пресуппозиции:

- (15) mon iz'in'ə ars'-ə što son t'aftamə s'ir'ə,
 я NEG.PST.3.O.1SG.S думать-CN COMP он(а) так старый
 son pek octə n'eft-i
 он(а) очень новый.EL выглядеть-NPST.3SG
 {Почему ты не помог Марии Ивановне с сумками? Ведь ей уже за 80!}
 Я и не думал, что она такая старая, она выглядит моложе.'

Примеры (14) и (15) демонстрируют различие в информационной структуре: в (14) СА содержит новую информацию (в силу того, что является ответом на вопрос) и находится в ассерции, а в (15) матричный глагол входит в специальную конструкцию «Я и не думал, что», предполагающую пресуппозитивный статус зависимой клаузы. Соответственно, в (14) СА обозначает нефактивную пропозицию, а в (15) — факт. Это отражается на типе глагольного согласования, субъектный тип в первом случае и субъектно-объектный во втором.

Событийные СА в мокша-мордовском в основном требуют субъектно-объектного спряжения, а ирреальные СА — субъектного, как и нефактивные пропозиции. Таким образом, в мокша-мордовском субъектно-объектный тип согласования в целом выбирается для событийных и фактивных СА, а нефактивные пропозиции и ирреальные СА не контролируют объектное согласование на матричном предикате, см. схему 2. Уточним, что приведенные факты касаются союзных СА. (См. подробнее [11].)

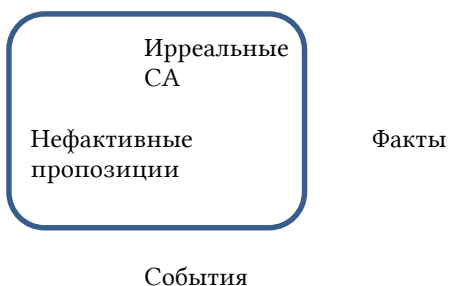

Схема 2. Распределение аргументных свойств различных семантических типов СА в мокша-мордовском языке.

Итак, в настоящем разделе было показано, что во многих языках нефактивные пропозиции, в отличие от фактов (и иногда — событий) не обладают некоторыми аргументными свойствами, одно из которых — способность контролировать согласование матричного глагола.

4. Синтаксические свойства подчинения в конструкциях с СА

В ряде языков актантные клаузы, выражающие нефактивные пропозиции, не обладают свойствами подчиненных клауз. Например, в осетинском языке такие СА отчасти демонстрируют свойства сочинения, а в русском, английском и японском языках они могут включать явления синтаксической неподчинимости, в целом недопустимые в зависимых предикациях различного типа.

Рассмотрим материал **осетинского** языка. В (6) приведен пример конструкции с сочинительным союзом при матричном предикате со значением ‘думать’. Данная конструкция кодирует нефактивные пропозиции, как видно из следующего примера, где она входит в фокус вопроса:

- (16) *znqɜl* *dɜn*, [**zmɜ** *je=mbal-mɜ*
думать быть.PRS.1SG **и** 3SG.POSS=брат-ALL
a-səd-iʃ]
PV-идти-PST.INTR.3SG
[Где твой брат? – Его нет.] ‘Я думаю, что он пошел к своему брату.’

Уточним, что ирреальные пропозиции (в частности, вне ассерции и пресуппозиции) могут также кодироваться этой конструкцией. Фактивные СА вводятся другими союзами, например союзом *kɜj* с местоимением-коррелятом, см. подробнее [39].

С точки зрения синтаксических свойств, СА с сочинительным союзом отчасти демонстрируют свойства подчинения, однако сохраняют некоторые свойства сочинения (см. данные и анализ в [14]), в частности запрет на «вторичное сочинение». Имеется в виду что клаузы с союзом *zmɜ*, как и сочиненные клаузы, не допускают линейное вложение в матричную клаузу и не могут сами включать сочиненные клаузы. Напротив, подчиненные клаузы в полипредикации обычно могут сочиняться, ср. пример СА, оформленных союзом *kɜj*:

- (17) *zɜ* *ʒon-ən* [*ʒawər=ɜj* **kɜj** *ba-kod-t-a*] *fɜlɜ*
я знать.PRS.1SG *ʒawər* он.GEN COMP PV-делать-TR-PST.3SG но
[*wəj* **kɜj** *fɜʃmon* *kɜn-ə*]
тот[NOM] COMP раскаяние делать.PRS.3SG
‘Я знаю, что *ʒawər* сделал это, но раскаивается в своем поступке.’
[Belyaev 2014: 284]

- (18) *χur ruχš kɜn-ə [fɜlɜ wəʒal u] ɜmɜ
солнце свет делать-PRS.3SG но холодный быть.PRS.3SG и
[fɜlɜ =mɜ nɜ fɜnd-ə teʒno kɜn-ən]
но я.GEN NEG хотеть-PRS.3SG прогулка делать-INF
(*‘Светит солнце, но прохладно и но я не хочу идти гулять.’)
[Belyaev 2014: 284]
- (19) *ɜʒ ɜnqɜl dɜn [ɜmɜ =jɜ ʒawər
я (думать) быть.PRS.1SG и он.GEN Заур
ba-kod-t-a] fɜlɜ [ɜmɜ wəj fɜšmon
PV-делать-TR-PST.3SG но и тот[NOM] раскаяние
kɜn-ə]
делать-PRS.3SG
(*‘Я думаю, что Заур сделал это, но раскаивается в своем поступке.’)
[Belyaev 2014: 285]

Таким образом, конструкции с сочинительным союзом при ‘думать’ проявляют синтаксические свойства сложносочиненных конструкций.

Далее, в осетинском языке есть свойство морфосинтаксического «неравнoprавия клауз» (deranking), заключающееся в наличии в главной клаузе местоимения-коррелята. Местоимение-коррелят обязательно в большинстве зависимых клауз осетинского языка — в частности, в обстоятельственных, относительных и фактивных актантных предложениях. Ср. следующее предложение с местоимением wəj ‘он(a,o)/тот’ в главной клаузе, отсылающим к ситуации в СА:

- (20) dɜ= mad-ɜn sɜ-wəl nɜ ʒəχt-aj, [dəwwɜ
твой мать-DAT что-SUPER NEG говорить-PST.2SG два
kɜj ra-jšt-aj], wəj?
COMP PV-получать-PST.2SG тот[GEN]
‘Почему ты не сказал матери, что получил плохую оценку?’ {Получил плохую оценку и не сказал об этом.}

Все осетинские союзы сочетаются с местоимениями-коррелятами, которые находятся в главной клаузе. Падеж местоимения-коррелята при СА определяется матричным глаголом (в данном случае это форма номинатива/генитива).

В конструкциях с СА местоимение-коррелят используется при фактивных СА, как в (20), где СА выражает факт: его истинность находится в пресуппозиции, что видно из контекста. Напротив, при нефактивных пропозициях в постпозиции⁴ коррелят опускается:

⁴Будучи в препозиции, все СА требуют местоимения-коррелята.

- (21) radio-jɜ ra-zərt:-oj, [rajšom wəʒal kɜj
 радио-ABL PV-говорить-PST.3PL завтра холодный COMP
 wə-zɜn]
 быть-FUT[3SG]
 ‘По радио передали, что завтра будет мороз.’

Так же оформляются ирреальные СА:

- (22) ɜʒ nɜ ʒəxt-on, [raʒə dɜn], ɜp:əndɜr nɜsə
 я NEG говорить-PST.1SG согласен быть.PRS.1SG вовсе ничего
 ʃ-zərt:-on
 PV-разговаривать-PST.1SG
 ‘(Почему ты решил, что я согласился?) Я не говорил, что я согласен, я вообще промолчал.’

Событийные СА могут выступать как с местоимением-коррелятом, так и без него, в зависимости от ряда факторов, включая топикальность, предупомянутость и (не)ожидаемость, см. подробнее в [39].

Иными словами, с точки зрения наличия местоимения-коррелята в осетинском языке оказываются противопоставлены, с одной стороны, фактивные и предупомянутые (ожидаемые) событийные СА, с другой — нефактивные пропозиции, ирреальные СА и непредупомянутые (неожидаемые) событийные СА. Это распределение отражено на Схеме 3 ниже.

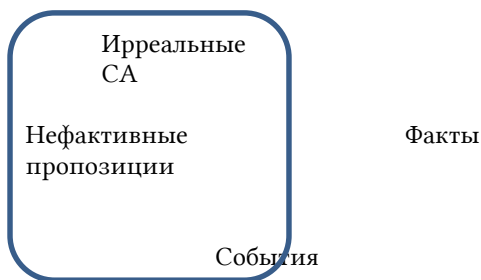

Схема 3. Распределение местоимения-коррелята в различных семантических типах СА в осетинском языке.

Таким образом, в осетинском языке нефактивные пропозиции и ирреальные СА кодируются либо конструкциями с сочинительным союзом, отчасти обладающими синтаксическими свойствами сочинения, либо конструкциями, в которых отсутствует местоимение-коррелят — признак, присущий всем типам зависимых клауз осетинского языка (т.е. актантным, относительным и обстоятельством предложениям).

В связи с понятием морфосинтаксического «неравноправия клауз» интересно рассмотреть т.н. средства синтаксической неподчинимости (main clause

phenomena; русский перевод термина предложен Е.В. Падучевой), выделенные впервые на материале английского языка в [19] и [26]. Сюда включаются лексемы и конструкции, допустимые в независимом предложении, сочиненной клаузе или в главной клаузе полипредикативной конструкции, но невозможные в зависимой клаузе. В **английском** языке к таким свойствам относится вынос пространственных частиц, ср.:

(23) *In flew Peter Pan.*

‘Питер Пэн влетел в комнату.’

Данная конструкция недопустима ни в фактивных (24), ни в ирреальных СА (25).

(24) *Wendy was sorry that she opened the window and in flew Peter Pan.*

[Hooper, Thompson 1973: 479]

‘Венди расстроилась, что она открыла окно и Питер Пэн влетел в комнату.’

(25) *It's probable that Wendy opened the window and in flew Peter Pan.*

[Hooper, Thompson 1973: 479]

‘Вероятно, Венди открыла окно и Питер Пэн влетел в комнату.’

В исследованиях [26; 12], однако, показано, что средства синтаксической неподчинимости могут быть использованы в зависимых клаузах, которые принадлежат к ассерции. Это касается т.н. периферийных обстоятельственных предложений, например, английских зависимых клауз с союзом *while* в значении контраста (см. [23]), а также нефактивных пропозиций в актантных предложениях. Дж. Хупер и С. Томпсон приводят следующий пример:

(26) *Wendy said she opened the window and in flew Peter Pan.*

[Hooper, Thompson 1973: 474]

‘Венди сказала, что она открыла окно и Питер Пэн влетел в комнату.’

Авторы предлагают объяснение, базируясь на понятии ассерции: средства синтаксической неподчинимости реагируют не непосредственно на зависимый статус клаузы, а на ее принадлежность ассерции. Такое обобщение не раз подвергалось критике, см., в частности, [22]; немало уточнений также касается списка матричных предикатов, допускающих средства синтаксической неподчинимости, и списка конструкций синтаксической неподчинимости. Однако в целом можно сказать, что нефактивные пропозиции в значительно большей мере допускают данные средства, чем события, факты и ирреальные СА.

Аналогичное обобщение делается для **японского** языка в работе [34]. Автор анализирует показатель вежливости *-mas-* и топикальную частицы *-wa* как средства синтаксической неподчинимости и показывает, что в актантных предложениях они допустимы исключительно в нефактивных пропозициях.

Например, показатель вежливости возможен в (27), где глагол речи вводит новую информацию, содержащуюся в ассерции, и невозможен в (28), где используется глагол, предполагающий сообщение уже известной информации. Кроме того, он недопустим при фактивном эмотивном глаголе со значением ‘удивляться’ (29) и при ирреальном СА (30).

- (27) Taroo-wa [Hanako-ga ki-mas-ita to] .
 Таро-ТОР Ханako-НОМ придти-НОН-РСТ COMP.NONFCT
 it-ta
 говорить-РСТ
 ‘Таро сказал, что пришла Ханako.’ [Miyagawa 2012: 93]
- (28) Taroo-wa [Hanako-ga kita/*ki-mas-ita koto]-o
 Таро-ТОР Ханako-НОМ пришла/придти-НОН-РСТ COMP.FCT-ACC
 hookokusi-ta.
 сообщать-РСТ
 ‘Таро сообщил, что пришла Ханako.’ [Miyagawa 2012: 93]
- (29) Taroo-wa [Hanako-ga kita/*ki-mas-ita koto]-ni
 Таро-ТОР Ханako-НОМ пришла/придти-НОН-РСТ COMP.FCT-DAT
 odoroi-ta.
 удивляться-РСТ
 ‘Таро удивился, что пришла Ханako.’ [Miyagawa 2012: 93]
- (30) Taroo-wa Hanako-ga ki-ta/*ki-mas-u koto-o
 Таро-ТОР [Ханako-НОМ придти-РСТ/придти-НОН-РСТ COMP.FCT-ACC
 hitei-sita.
 отрицать-РСТ
 ‘Таро отрицал, что придет Ханako.’ [Miyagawa 2012: 93]

Таким образом, С. Миягава показывает, что нефактивные пропозиции допускают средства синтаксической неподчинимости (показатель вежливости и топикальную частицу), в отличие от фактивных и ирреальных СА [34].

Соответственно, в английском и японском языках наблюдается противопоставление нефактивных пропозиций остальным типам СА, см. схему 4.

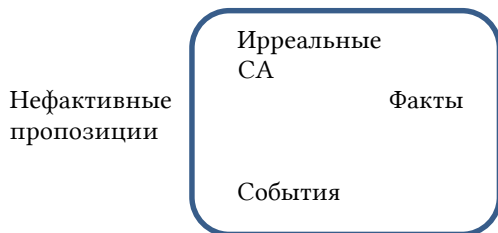

Схема 4. Распределение свойств синтаксической неподчинимости в английских и японских конструкциях с СА.

В **скандинавских** языках одним из средств синтаксической неподчинимости является особый порядок слов. Согласно обзору в работе [20], порядок OVS в зависимой клаузе возможен при нефактивных пропозициях и недопустим при фактивных СА. Ср. тж. [27] относительно датского языка, [28] относительно норвежского и шведского, [43] относительно скандинавских языков в целом.

В **русском** языке бессоюзные СА с глаголом *думать* допускают ряд средств синтаксической неподчинимости (см. [8] и [3] относительно синтаксической неподчинимости в русском языке), например конструкцию с правой дислокацией топики:

- (31) *Мы уж думали, конец вам приходит, городу, как вы у себя такой кувырлак затеяли.* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927)]

В (31) топикальная именная группа *городу* выносится вправо в бессоюзной клаузе при *думать*. В силу наличия частицы *уж* зависимая клауза получает ирреальную интерпретацию (мы думали, конец вам приходит, а оказалось, нет). Согласно нашей интуиции, правая дислокация возможна также, если СА находится в ассерции (32), однако невозможна в фактивных и событийных СА, ср. (33) и (34).

- (32) *Я давно уже наблюдаю за этими событиями и думаю, конец им приходит, городу.*
 (33) *Автор статьи жалел, что конец вам приходит, городу.*
 (34) *Он собственными глазами видел, как конец ему пришел, этому бандиту.*

Таким образом, нефактивные и ирреальные СА, с одной стороны, оказываются противопоставлены событийным и фактивным клаузам, с другой. Это отражено на схеме 5 ниже.

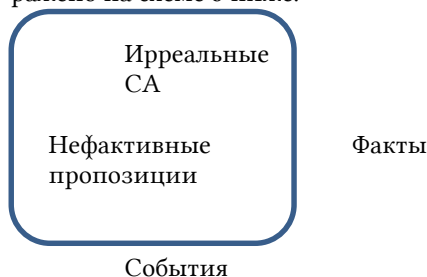

Схема 5. Распределение свойств синтаксической неподчинимости в различных семантических типах СА в русском языке.

5. Заключение

Нефактивные пропозиции в СА во многих языках в меньшей степени демонстрируют свойства подчинения, чем другие типы СА. Это проявляется в

следующих свойствах: во-первых, кодирование СА (выбор комплементаризера / подчиненной формы / бессоюзной клаузы); во-вторых, аргументные свойства СА, в-третьих, подчинительные свойства СА, в-четвертых, способность включать средства синтаксической неподчинимости. Таким образом, нефактивные пропозиции могут синтаксически не проявлять свойства актанта матричного предиката, а также свойства подчиненной клаузы в составе полипредикативной конструкции. Тем самым, данный семантический тип СА довольно часто кодируется синтаксическими конструкциями, независимыми от матричного глагола на синтаксическом уровне. В этом плане языки стремятся отразить специфические семантические свойства конструкций с нефактивными СА: дело в том, что в таких конструкциях зависимая клауза принадлежит ассерции (и даже может целиком составлять ассерцию), что в целом скорее характерно для независимого предложения, чем для зависимой клаузы в полипредикации.

В отличие от нефактивных пропозиций, другие типы СА — фактивные, событийные и ирреальные СА — либо принадлежат пресуппозиции (это касается фактов и — в некоторых случаях — событий) или не принадлежат ни пресуппозиции, ни ассерции (ирреальные СА и иногда события). В силу этого, они более склонны демонстрировать свойства подчинения и свойства аргумента матричного глагола.

Четыре различных семантических типа СА — нефактивные пропозиции, ирреальные СА, события и факты — различным образом кластеризуются по вышеперечисленным параметрам, что отражено на Схемах 1–5. Довольно часто нефактивные пропозиции по тем или иным параметрам объединяются с ирреальными СА (как в осетинском, кункинском даргинском, адыгейском, русском и мокша-мордовском языках), однако встречаются также случаи объединения нефактивных пропозиций с событиями (язык камбера, осетинский). В английском и японском языках нефактивные пропозиции стоят особняком среди других видов СА в плане способности включать средства синтаксической неподчинимости.

Следует уточнить, что мы не утверждаем универсальность сформулированных обобщений и можем назвать контрпримеры для приведенных выше правил (например, бессоюзная конструкция в цахурском языке кодирует события, в отличие от фактов и нефактивных пропозиций, которые вводятся лексическим комплементаризером, см. [7]). Кроме того, довольно частотны случаи, когда семантические различия оказываются гораздо менее важны, чем другие признаки, например, *same subject vs. different subject*, и система кодирования СА в языках в целом подчиняется последним. Утверждения, приведенные в настоящей работе, скорее претендуют на статус одной из важных тенденций, которая может проявляться в различной степени в тех или иных языках (иногда лишь при одном матричном глаголе или только в одной конструкции).

Список условных сокращений

ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ALL – аллатив; APPLIC – аппликатив; ART – артикль; ATR – атрибутив; CIT – цитатив; CN – коннегатив; COMP – комплементаризер; COMP.FCT – фактивный комплементаризер; COMP.NONFCT – нефактивный комплементаризер; CONV – конверб; COP – связка; DAT – датив; EL – элатив; ERG – эргатив; F – женский род; FUT – будущее время; GEN – генитив; GEN – генитив; HON – показатель вежливости; ILL – иллатив; IN – инэссив; INF – инфинитив; INTR – переходная основа; IPF – имперфективная основа; ITER – итератив; LOC – локатив; LOG.SP – логофор, отсылающий к говорящему; LV – легкий глагол; M – мужской род; MOD – показатель модальности; MSD – масдар; N – средний род; NEG – отрицание; NMZ – номинализация; NOM – номинатив; NPST – непрошедшее время; O – показатель согласования с объектом; OBL – косвенная основа или префикс косвеннообъектной деривации; PART – причастие; PERV – перфектив; PF – перфективная основа; PL – множественное число; POT – потенциалис; PRET – претерит; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PST.CLOSE – прошедшее время (ситуация имела место ранее в тот же день); PST.YEST – прошедшее время (ситуация имела место вчера); PV – преверб; PV – преверб; RFL – рефлексив; S – показатель согласования с субъектом; SG – единственное число; SUPER – суперлатив или суперэссив; TOP – топиальная частица; TR – переходность.

Библиография

1. Зализняк Анна А. О понятии “факт” в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Арутюнова Н.Д. (ред.). М.: Наука, 1990. С. 21–33.
2. Князев, М.Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta Linguistica Petropolitana 4[2]). СПб: ИЛИ АН РФ, 2009. С. 525–581.
3. Кобозева И.М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью. Доклад на 3-ей Европейской конференции “Formal Description of Slavic Languages”, университет г. Лейпциг, 2-го декабря 1999. Доступно на сайте www.philol.msu.ru/%2F-otipl%2Fnew%2Fmain%2Farticles%2Fkobozeva%2Fimk-2000-FDSL_NEU.doc.
4. Ландер Ю.А. Актанты и сирконстанты в морфологии и синтаксисе адыгейского языка // Вестник РГГУ, серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, 2015. № 1. С. 7–31.
5. Летучий А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания, № 5, 2012. С. 57–87.

6. Летучий А.Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки, 2014. № 1. С. 62–84.
7. Лютикова Е. А., Бонч-Осмоловская А. А. Актантные предложения // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Кибрик А. Е. (ред.). М.: Наследие, 1999. С. 481–537.
8. Падучева Е.В. Между предложением и высказывания: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves*, 1990. Tome 62. Fascicule 1-2. L'énonciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte / Jean-Paul Sémon, Hélène Włodarczyk (ред.). С. 303–320.
9. Сердобольская Н.В. 2015. Оформление именных и сентенциальных актантов в адыгейском языке: семантический сдвиг в значении падежных показателей // Головкин Е. В., Муслимов М. З., Оскольская С. А., Певнов А. М. (ред.) Языковое разнообразие в Российской Федерации (*Acta Linguistica Petropolitana*, т. XI, ч. 2). СПб: Наука, 2015. С. 535–571.
10. Сердобольская Н.В. 2016. Явления синтаксической неподчинимости в актантных предложениях с глаголом думать // Труды Института русского языка РАН. М. В печати.
11. Сердобольская Н.В., Кожемякина А.Д. 2014. Семантика сентенциального актанта и выбор модели согласования матричного глагола в мокша-мордовском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. / Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко (ред.). М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 179–199.
12. Aelbrecht L., Haegeman L., Nye R. (eds.). *Main Clause Phenomena: New Horizons. Linguistik Aktuell / Linguistics Today*. John Benjamins, 2012.
13. Asher N. *Reference to abstract objects in discourse*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1993.
14. Belyaev O. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. In *Journal of Linguistics*, 2014. Vol. 51. No 2. Pp. 267–326.
15. Boye K. Epistemic meaning: A crosslinguistic and functional-cognitive study (*Empirical Approaches to Language Typology* 43). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
16. Burridge K. Complement clause types in Pennsylvania German. In Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.), 2006. Pp. 49–72.
17. Dik S.C. *The theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and derived constructions*. Hengeveld, K. (ed.). Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1997.
18. Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.) *Complementation. A Cross-Linguistic Typology*. Oxford University Press, 2006.
19. Emonds J. *Root and structure-preserving transformations*. Ph.D. dissertation, MIT, 1970.

20. Franco I. Minimality and embedded V2 in Scandinavian. In Aelbrecht L., Haegeman L., Nye R. (eds.), 2012. Pp. 319–345.
21. Givón T. Syntax: a functional-typological introduction, vol. 2. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1990.
22. Green G.M. Main clause phenomena in subordinate clauses. In *Language*, 1976. Vol. 52. No 2. Pp. 382–397.
23. Haegeman L. Argument fronting in English, Romance CLLD and the left periphery. Negation, tense and clausal architecture: cross-linguistic investigations. R. Zanuttini, H. Campos, E. Herburger, P. Portner (eds.). Washington DC: Georgetown University Press, 2006. Pp. 27–52.
24. Hellwig B. Complement clause type and complementation strategies in Goemai. In Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.), 2006. Pp. 204–224.
25. Hengeveld K., Mackenzie J. L. Functional discourse grammar: A typologically-based theory of language structure. Oxford University Press, 2008.
26. Hooper J., Thompson S.A. On the applicability of root transformations. *Linguistic Inquiry*, 1973. No 4. Pp. 465–497.
27. Jensen T.J., Christensen T.K. Promoting the demoted: the distribution and semantics of “main clause order” in spoken Danish complement clauses. *Lingua*, 2013. Vol. 137. Pp. 38–58.
28. Julien M. Embedded V2 in Norwegian and Swedish. *Working Papers in Scandinavian Syntax*, 2007. Vol. 80. Pp. 103–161.
29. Kim, J.-B. A constraint-based approach to English gerunds. *Language and Information*. 2003. Vol 7. No 2, 2003. Pp. 117–137.
30. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. Semantics: an interdisciplinary reader. Jakobovits, Leon, Danny Steinberg (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Pp. 345–369.
31. Klammer M. Complement clause type and complementation strategy in Kambera. In Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.), 2006. Pp. 245–263.
32. Lehmann Chr. 1988. Typology of clause linkage. In Haiman J., Thompson S. A. (eds). 1988. *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. Pp. 181–225.
33. Letuchiy A. B. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. Ergativity, valency and voice (Empirical approaches to language typology 48). Authier G., Haude K. (eds.). Berlin, Boston, Mass.: Mouton De Gruyter, 2012.
34. Miyagawa Sh. Agreements that occur mainly in the main clause. In Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012. Pp. 79–113.
35. Noonan M. 1985. Complementation. In Shopen, Timothy (ed.). *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 42–140.
36. Palmer F.R. Mood and modality (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
37. Peterson P.L. Fact, Proposition, Event. Dordrecht, 1997.

38. Ransom E.N. Complementation: Its Meanings and Forms (Typological Studies in Language 10). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986.
39. Serdobolskaya N. Semantics of complementation in Ossetic. Complementizer Semantics in European Languages (Empirical Approaches to Language Typology 57). Boye K., Kehayov P. (eds.). Berlin/Boston: Mouton de Gruyter, 2016. Pp. 293–340.
40. Stalnaker R. Assertion. Context and content, Oxford University Press, 1999. Pp. 78–95. (Originally published Syntax and Semantics. 1978. Vol. 9.).
41. Stassen L. Comparison and universal grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
42. Toldova S.Ju. Differential object marking in Moksha. Presentation given at the XII International Congress for Finno-Ugric Studies, Oulu, August 17–21, 2015.
43. Wiklund A.-L., Bentzen K., Hrafn Hrafnbjargarson G., Hróarsdóttir T. On the distribution and illocution of V2 in Scandinavian that-clauses. *Lingua*, 2009. Pp. 1914–1938.

М.А. Сидорова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

КОНКУРЕНЦИЯ ФОРМЫ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА И КОНСТРУКЦИИ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

1.1. Данные

Объектом данного исследования, выполненного на материале хантыйского языка¹, являются основные стратегии оформления существительного (как в конструкции с числительным, так без него) при референции к множеству, состоящему из двух объектов. В статье речь пойдет о факторах, влияющих на выбор стратегии.

Материалом исследования послужил корпус западнохантыйских диалектов² объемом 42174 словоупотреблений, содержащий преимущественно фольклорные тексты и бытовые рассказы. Затем были изучены некоторые тексты, опубликованные в «Кань кунш олӓн» (выпуск 3, 2003 г.). Часть данных была собрана посредством элицитации³.

1.2. Проблема

Языки мира используют различные стратегии для оформления существительного в конструкциях вида «количественное числительное + существительное» (далее — количественные конструкции или КК), см. [13: 211]. В некоторых языках в таком случае строго обязателен числовой показатель, в других же, напротив, существительное не маркируется. Кроме того, существуют языки, совмещающие эти стратегии, и тогда выбор способа оформления регулируется некоторым набором правил, см., например, [15], [3].

В хантыйском языке граммема числа представлена тремя значениями: единственным (SG), двойственным (DU) и множественным (PL) числом. В обычном случае существительное в хантыйских количественных конструкциях не маркируется числовыми показателями, а идея количества выражается с помощью числительного, ср. пример (1) из [11].

- (1) хоӓum jaʃ ‘три брата’
 три брат

¹Хантыйский язык относится к обско-угорской группе угорских языков финно-угорской ветви уральской языковой семьи.

²Доступен по адресу <https://osf.io/uraqx/files/>.

³Экспедиции в с. Овгорт, с. Мужы и с. Восяхово Шурышкарского р-на ЯНАО, с. Теги Березовского р-на ХМАО 2016 г. — шурышкарский диалект и тегинский говор, переходный между казымским и шурышкарским диалектами.

В случае референции к двум объектам возможно как употребление формы двойственного числа, так и КК с числительным *kāt* '2'. В основном склонении показатель двойственного числа выглядит как *-ŋən*, см. (2a), а в посессивной парадигме — как *-ŋat-* / *-ŋil-* (-DU/-POSS/ — двойственное число обладаемого). Если используется конструкция с числительным *kāt* '2', то, как правило, числовой показатель отсутствует, см. (2b). Случаи маркирования существительного в такой конструкции показателем двойственного числа (ср. (3)) встречаются в корпусе в гораздо меньшем количестве, поэтому невозможно вывести закономерности маркирования существительного в КК, опираясь только на корпусные данные.

- (2) а. хэт-**ŋən** б. **kāt** хэт 'два дома'
 дом-DU два дом
 (3) **kāt** рох-**ŋən** 'два сына' (Название сказки)
 два мальчик-DU

При референции к множеству, включающему в себя только два объекта, существительное (без предшествующего ему числительного) может маркироваться также показателем множественного числа. При этом конструкция вида *kāt* '2' + PL маргинальна в корпусе и запрещается при элицитации, однако по [6: 170] употребление множественного числа с количественными числительными является грамматичным.

Вопрос выбора стратегии оформления существительного с двойственным референтом в работах предшественников не затрагивался. В грамматиках хантыйского языка ([6], [4]) и многих работах, посвященных хантыйским числительным и количественным конструкциям ([9], [2]), нет сведений ни о конкуренции формы DU и конструкции *kāt* '2' + SG, ни о конструкции *kāt* '2' + DU. В [10] рассматриваются случаи маркирования существительного в количественных конструкциях показателем числа (в том числе конструкция *kāt* '2' + DU), однако нет данных об употреблении других конструкций и формы DU без числительного.

2. Факторы

Выбор одной из вышеперечисленных стратегий определяется взаимодействием факторов информационной структуры и лексической семантики. С одной стороны, это степень активации референта, с другой — его семантический класс.

2.1. Степень активации

2.1.1. Возможные факторы: данные ненецкого языка

Вопрос маркирования двойственного референта рассматривался в родственном хантыйскому ненецком языке. Поэтому в качестве ближайшего

фона, который можно было бы учитывать при составлении анкеты, мы рассмотрим ненецкие данные. В ненецком языке граммема числа представлена теми же тремя значениями — единственным, двойственным и множественным числом, а в КК с количественными числительными существительное, как правило, так же, как и в хантыйском, не маркируется показателями числа [19: 156].

Использование двойственного числа ограничено таким образом, что оно, согласно данным из [19], коррелирует с определенностью и/или со статусом *данного*. Существительные, маркированные DU, обычно реферируют к уже упомянутому в тексте объекту, известному из предыдущего контекста, а новые референты, впервые упомянутые в дискурсе, обычно выражаются с помощью конструкции «числительное + существительное»: *s'id'a '2' + SG* [19: 58] ⁴.

Допустимость конструкции с числительным (*s'id'a '2' + DU*) в ненецком языке зависит от следующих факторов. Во-первых, это уже упомянутые референциальные характеристики существительного, во-вторых — одушевленность референта (чем выше положение в иерархии одушевленности, тем выше вероятность маркирования). В таких КК числовое маркирование неодушевленных существительных возможно (факультативно) только при наличии посессивного маркирования. Также числовое маркирование является факультативным при сочетании числительного *s'id'a '2'* и существительного с одушевленным неличным референтом. При этом с одушевленными существительными, реферирующими к человеку, маркирование показателем дуалиса почти всегда обязательно.

2.1.2. Хантыйский язык

2.1.2.1. Метод

Факторы, работающие для ненецкого языка, были проверены нами на хантыйском материале. По текстам (корпус и рассказы из сборника «Кань кунш олӓң») проверялся фактор степени активации референта (помимо этого, проверялись коммуникативная структура высказывания и референциальный статус).

В качестве метода, позволяющего определить степень активации, в данной работе используется подход, аналогичный предложенному в [14: 198–199]. Гивон отмечает следующие закономерности: во-первых, аргументы, маркированные как более топикальные (какими бы то ни было грамматическими средствами), как правило, дольше сохраняются в последующем дискурсе (данное явление обозначено как *cataphoric persistence*), а, во-вторых, как минимум для некоторых грамматических средств, кодирующих топик, справедливо, что аргументы, кодируемые ими, были топикальными в предшествующем дискурсе (*anaphoric accessibility*).

⁴Перевод с английского М. С.

Для определения степени активации мы посчитали в 10 клаузах, предшествующих обозначению двойственного референта, количество отсылок к тому же или смежному референту. При этом в нашем исследовании, в отличие от [14], не учитывалось ни количество таких отсылок, ни процентное соотношение занимаемой позиции субъекта или объекта. При наличии отсылок к тому же референту ему присваивается статус *данного*, при отсылках к смежному референту — статус *доступного*, а в случае, когда отсылка нет — статус *нового*.

2.1.2.2. Результат

Влияние фактора активации проверялось нами наряду с фактором коммуникативной структуры высказывания. Дело в том, что многие морфосинтаксические явления в хантыйском языке регулируются именно коммуникативным фактором см., например, [17] о пассивных конструкциях и о выборе типа спряжения.

При описании коммуникативной структуры мы следуем подходу [16] и выделяем статусы топики и фокуса. Под топиком мы понимаем то, о чем говорится в предложении, а под фокусом — новую информацию о топике.

В качестве диагностических нами использовались конструкции, которые, согласно [17], [18], жестко маркируют те или иные отношения в коммуникативной структуре. В частности, если субъект является топиком, а объект — вторичным топиком (т.е. в фокус попадает только предикат), то используется субъектно-объектное спряжение. Объект, находящийся в фокусе, обуславливает употребление субъектного спряжения. Переходная конструкция возможна, если Агенс является топиком, тогда как фокусный Агенс при неодноместном переходном глаголе требует пассивной конструкции.

Предварительная гипотеза заключалась в том, что выбор стратегии числового маркирования может зависеть от коммуникативной структуры высказывания, однако однозначной корреляции в устройстве диагностических конструкций не наблюдается, ср. (4)-(7)⁵.

ТОПИК

- (4) in tom xul-**η**ən, kelše-ηən kawər-l-a-j-ηən
сейчас тот рыба-DU сорога-DU готовить-NPST-PASS-STEM-3DU
'Эти две рыбки, две сороги сварили.'
- (5) **kāt** soltan par-s-a-j-tən, śi neη-ən pa
два солдат велеть-PST-PASS-STEM-2DU этот жена-2/3DU ADD
weł-s-a-j-tən śita.
убить-PST-PASS-STEM-2DU здесь
'Приказали двум воинам, этих двух женщин тоже там же убили.'

⁵Примеры из корпуса

ФОКУС

- (6) ješa wɒl kur-**ɲən**-ajoxət-**l**-ət, xɒlmit xətəl tɒp
 скоро нога-DU-DAT прийти-NPST-3PL третий день только
 ox-əl-a ɛt-s-ət
 голова-3SG-DAT выйти-PST-3PL
 'Вскоре до чьих-то ног дошли — только на третий день голова пока-
 залась.'
- (7) in ma xoś-am-a **ši** wɒl **kāt** wuli
 сейчас я у-1SG-DAT **ФОС** быть.NPST.3 **два** олень
 'Сейчас у меня есть два таких оленя.'

Предположение о наличии корреляции между референциальным статусом ИГ и выбором стратегии также не подтвердилось: использование любой стратегии возможно вне зависимости от данного параметра, например, ср. (8) с неопределенной ИГ и (9) с определенной ИГ.

- (8) Pet'a le-s-Ø **amoj** kāt moxsəŋ / ^{OK}**amoj**
 Петя есть-PST.3SG **какой-то** 2 муксун **какой-то**
 moxsəŋ-ɲən
 муксун-DU
 'Петя съел каких-то двух муксунов.'
- (9) Pet'a le-s-Ø **ši** kāt moxsəŋ / ^{OK}**ši** moxsəŋ-ɲən
 Петя есть-PST.3SG **этот** 2 муксун **этот** муксун-DU
 'Петя съел этих двух муксунов.'

Что касается упомянутого ранее фактора степени активации референта, то его влияние действительно наблюдается, однако некоторые закономерности прослеживаются скорее на уровне тенденций, а не строгих запретов. Результаты (по текстовым материалам), говорящие в пользу гипотезы о степени активации, представлены в Таблице 1 в сочетании с фактором семантического класса, поскольку эти факторы взаимодействуют.

2.2. Парность vs. непарность

2.2.1. Выбор стратегии

Помимо степени активации, существенным фактором является принадлежность объекта к семантическому классу парных объектов. Существительные, реферирующие к объектам, прототипически составляющим естественную пару (таким как, например, некоторые части тела: глаза, уши, руки; природные объекты: берега; артефакты: сапоги, перчатки, весла), демонстрируют поведение, отличное от других: для них предпочтительнее маркирование DU, чем конструкция *kāt* '2' + SG. При этом данный фактор оказывается сильнее, чем фактор степени активации: даже в том случае, когда парный объект является

новым, форма двойственного числа оказывается достаточно частотной см. в Таблице 1.

Объект:	DU	<i>kăt</i> + SG	<i>kăt</i> + DU
парный, данное / доступное	32	0	2
парный, новое	7	6	0
непарный, данное / доступное	24	17	2
непарный, новое	6	19	2

Таблица 1. Взаимодействие факторов.

Это подтверждается и примерами, полученными в ходе элицитации, ср. (10)-(11). В первом случае объект ('руки') является парным, поскольку речь идет о ситуации, когда количество рук, отличное от двух, было бы маркированным, тогда как во втором отсутствует пресуппозиция, что рук должно быть две, поэтому их количество эксплицитно выражается.

- (10) Łuw tŭp **jəš-ŋən** / ^{OK}kăt jəš / *kăt jəš-ŋən
он только **рука-DU** 2 рука 2 рука-DU
tăj-əl-Ø, tŭp kurăt tăj-əl-Ø
иметь-NPST-3SG только нога NEG иметь-NPST-3SG
'У него только две руки, ног нет.' (Контекст: человек вернулся с войны.)
- (11) Mujsər tuorəm ełti joxł-əs-Ø, **kăt jəš** / ^{??}jəš-ŋən/
какой.вид небо от прийти-PST-3SG **2 рука** рука-DU
*kăt jəš-ŋən tăj-əl-Ø
2 рука-DU иметь-NPST-3SG
'Прилетел марсианин (букв.: От другого бога / С другого неба), у него две руки.' (Контекст: описание внешности необычного существа.)

Другой пример, иллюстрирующий ту же самую закономерность, — различный выбор стратегии для парных и непарных предметов одежды, ср. сапоги (12a) и рубашки (12b). В случае с предметами одежды, как и с частями тела, парные объекты предпочитают маркирование двойственным числом, а с непарными выбирается конструкция с числительным.

- (12) а. Tăm xoram-əŋ səx-ət năŋena ni-l-a-Ø?
этот красивый-ATR одежда-PL ты.DAT видеть-NPST-PASS-3SG
Tăm **səpek-ŋən** / ^{OK}kăt səpek / *kăt
этот **сапог-DU** 2 сапог 2
səpek-ŋən pet'a-j-en luot-əs-Ø.
сапог-DU Петя-OBL-2SG купить-PST-3SG
'Видишь эту красивую одежду? Вот те сапоги (пара) купил Петя.'
- б. Tăm xoram-əŋ səx-ət năŋena ni-l-a-Ø?
этот красивый-ATR одежда-PL ты.DAT видеть-NPST-PASS-3SG

Tām kăt jernas / ʔkăt jernas-ŋən / ʔʔjernas-ŋən
 этот 2 рубашка 2 рубашка-DU рубашка-DU
 was'a-j-en luot-əs-Ø.
 Вася-OBL-2SG купить-PST-3SG
 'Видишь эту красивую одежду? Эти 2 рубашки купил Вася.'

2.2.2. Конструкции с *pelək* 'половина'

В языках мира используются различные стратегии для референции к двум объектам, составляющим пару. Во многих уральских языках существительные, реферирующие к прототипически парным сущностям, могут не иметь показателя числа, но при этом обозначать два объекта, см. [5]. Если в языке наблюдается такая система, то референция к одному объекту из пары осуществляется с помощью конструкции «существительное.SG + 'половина'» (*pelək* в хантыйском). Это явление не ограничивается лишь уральскими языками. В языках из некоторых других языковых семей оно может затрагивать не только парные объекты, см. подробнее [13: 80–81].

Основной интерес для данного исследования представляют подобные конструкции в хантыйском языке. В качестве фонового материала привлекаются данные из ижемского диалекта коми языка, контактирующего в ЯНАО с хантыйским, поскольку в нем также существует аналогичная стратегия. В обоих языках эта стратегия постепенно утрачивается (не исключено, что это происходит под русским влиянием). В то же время пока она утрачена не полностью, и интересно, что семантика конструкции с существительным 'половина' в коми и хантыйском языках различается, несмотря на их генетическое родство и тесные контакты в ЯНАО. Для большинства носителей хантыйского языка подобная конструкция выражает прежде всего идею потери функциональности вследствие утраты одного из элементов пары, ср. (13) и (14) — в первом из этих примеров конструкция с *pelək* 'половина' несовместима с семантикой нормального функционирования одного элемента пары, а во втором примере элементы пары не могут адекватно функционировать поодиночке. Конструкция *jəš pelək* (букв. 'половина руки'), как правило, интерпретируется носителями как относящаяся к сломанной руке. В свою очередь, в коми это нейтральный способ реферировать к одному элементу из пары (для прототипически парных объектов), ср. (15).

ХАНТЫЙСКИЙ

- (13) Was'a xir-əl alt-s-əlli i ləŋkər-ən / *ləŋkər
 Вася мешок-3SG нести-PST-3SG.SG1 плечо-LOC плечо
pelək-ən
 половина-LOC
 'Вася нес сумку на одном плече.'

- (14) Ma i pos pelk-em / ^{OK}pos-em ũštə-s-em
я 1 варежка половина-1SG варежка-1SG терять-PST-1SG.SG
'Я потерял одну варежку.'

КОМИ

- (15) Me ну-а сумка-сэ пельпом пöö /
я нести-NPST.1SG сумка-ACC.POSS.3 плечо половина
^{OK}пельпом был-ам
плечо верх-ESS/ILL.POSS.1SG
'Я ношу сумку на одном плече.'

2.3. Фокусное выделение количества

В том случае, когда в фокусе находится только количество, оно должно быть эксплицитно выражено, и тогда используется конструкция *kāt* '2' + существительное, см. (16)-(19). Это весьма значимый фактор, поскольку он вызывает строгие запреты на стратегию «существительное.DU», в том числе у существительных, описывающих парные объекты см. (16)-(17). Таким образом, в хантыйском языке фактор фокусного выделения количества оказывается сильнее фактора семантического класса существительного, который, в свою очередь, сильнее, чем фактор степени активации референта.

- (16) xojat **kāt** jšš / *jšš-ŋən / *kāt jšš-ŋən täj-əl-Ø
человек 2 рука рука-DU 2 рука-DU иметь-NPST-3SG
'У человека только две руки.'
- (17) Ma tūp **kāt** jšš / ??kāt jšš-ŋən / *jšš-ŋən täj-l-əm!
я только 2 рука 2 рука-DU рука-DU иметь-NPST-1SG
'У меня только две руки! <Как я подниму столько сумок?>'
- (18) Pet'a-j-en ar moxsəŋ katl-əs-Ø, was'a-j-en tūp
Петя-OBL-2SG много муксун ловить-PST-3SG Вася-OBL-2SG только
kāt **moxsəŋ** / ???kāt moxsəŋ-ŋəŋ / *moxsəŋ-ŋən
2 муксун 2 муксун-DU муксун-DU
le-s-Ø
есть-PST-3SG
'Петя поймал много муксунов, а Вася съел только двух.'
- (19) kāmən xul nəŋ wel-s-ən? ma wel-s-əm **kāt** **xul** /
сколько рыба ты убить-PST-2SG я убить-PST-1SG2 рыба
*xul-ŋən
рыба-DU
'-Сколько рыб ты поймал? -Я поймал две рыбы.'

2.4. Зависимые

2.4.1. Хантыйский язык

Препозитивные зависимые, отделяющие существительное от числительного, также влияют на числовое маркирование в конструкции «*kāt* '2' + существительное». В [10] их наличие рассматривается как один из факторов, влияющих на появление числового показателя в конструкциях с количественными числительными, отсылающих более чем к одному референту. То есть, с числительным *xiotəm* / *xüləm* '3' препозитивные зависимые вызывают маркирование множественным числом точно так же, как с числительным *kāt* '2' — двойственное маркирование. Вслед за [10] мы будем обозначать этот случай как «потеря контроля». В той же работе, кроме того, упоминается, что появление числового показателя в конструкции с числительным может быть обусловлено «дискурсивной выделенностью», однако ни в [10], ни в текущем исследовании данный фактор подробно не исследовался.

Нами были получены данные, подтверждающие корреляцию между наличием зависимых и допустимостью конструкции *kāt* '2' + DU, см. (22 a-c).

- (20) a. *Täm ün xət-ən ü-l-ətən kāt xojat /*
 этот большой дом-LOC жить-NPST-3DU **2** человек
*OKxojat-əŋən / *kāt xojat-əŋən*
 человек 2 человек-DU
 'В этом большом доме живут 2 человека.'
- b. *Täm ün xət-ən ü-l-ətən kāt oš-əŋ*
 этот большой дом-LOC жить-NPST-3DU **2** ум-ATR
xojat-əŋən / ?kāt ošəŋ xojat / OKoš-əŋ
 человек-DU 2 ум-ATR человек ум-ATR
xojat-əŋən
 человек-DU
 'В этом доме живут два умных человека.'
- c. *Täm ün xət-ən ü-l-ətən kāt ät*
 этот большой дом-LOC жить-NPST-3DU **2** NEG
ujät-ti xojat-əŋən / OKät ujät-ti
 знать-IPFV.PART человек-DU NEG знать-IPFV.PART
xojat-əŋən / ??kāt ät ujät-ti xojat
 человек-DU 2 NEG знать-IPFV.PART человек
 'В этом большом доме живут двое незнакомых людей.'

Кроме того, в ходе элицитации было установлено, что чем больше словоформ отделяет существительное от числительного в конструкции «*kāt* '2' + существительное» (при этом словоформы могут быть как разными зависимыми, так и входить в состав одного зависимого), тем вероятнее не только маркирование существительного показателем DU, но и даже запрет на конструкцию

kāt ‘2’ + SG, см. (22с). При наличии только одной словоформы в составе зависимого многие носители разрешают *kāt* ‘2’ + SG, причем в суждениях носителей о допустимости данной конструкции в ситуации с одной словоформой наблюдается большая вариативность: у одних информантов она выступает в качестве первой реакции, другие же запрещают эту стратегию. Ситуация становится иной при увеличении расстояния между числительным и существительным с помощью препозитивных зависимых: тогда именно *kāt* ‘2’ + DU вероятнее всего в качестве первой реакции, а *kāt* ‘2’ + SG запрещается многими носителями.

- (21) a. *Tām ūn xət-ən ūl-l-ətən kāt ūtəlti-ti*
 этот большой дом-LOC жить-NPST-3DU 2 учить-IPFV.PART
хожат-ηən / ?kāt ūtəlti-ti хожат
 человек-DU 2 учить-IPFV.PART человек
- b. *Tām ūn xət-ən ūl-l-ətən n̄awrem-ət*
 этот большой дом-LOC жить-NPST-3DU ребенок-PL
ūtəlti-ti хожат-ηən ??kāt n̄awrem-ət
 учить-IPFV.PART человек-DU 2 ребенок-PL
ūtəlti-ti хожат
 учить-IPFV.PART человек
 ‘В этом большом доме живут два учителя (букв.: учащих человека / детей учащих человека).’

Те же закономерности наблюдаются в посессивной парадигме, причем, судя по имеющимся примерам, запрет на конструкцию *kāt* ‘2’ + SG при наличии зависимых оказывается еще более строгим, см. (24)-(25). На данный момент особенности выбора стратегии оформления существительного с двойственным референтом в посессивной парадигме более детально не изучены.

- (22) *Tām ūn xət-ən ūl-l-ətən jaj-ηil-al / OKkāt*
 этот большой дом-LOC жить-NPST-3DU старший_брат-DU-3SG 2
jaj-əl / OKkāt jaj-ηil-al
 старший_брат-3SG 2 старший_брат-DU-POSS.3SG
 ‘В этом доме живут двое его старших братьев’.
- (23) *Tām xət-ən ūl-l-ətən kāt ūjət-ti*
 этот дом-LOC жить-NPST-3DU 2 знать-IPFV.PART
*хожат-ηal-al / OKхожат-ηal-al / *kāt ūjət-ti*
 человек-DU-3SG человек-DU-3SG 2 знать-IPFV.PART
хожат-əl
 человек-3SG
 ‘В этом доме живут два его знакомых человека’.

2.4.2. Типологические параллели

Аналогичная закономерность существует и в некоторых других уральских языках. В КК показатель числа тем вероятнее, чем больше расстояние между числительным и существительным (подробнее в [11], [7] о числовом маркировании в КК в мокшанском языке и [8] в горномарийском языке). Например, в мокшанском языке с большими числительными (11–...) употребляется единственное число, но при добавлении хотя бы одного зависимого, которое бы отделяло существительное от числительного, маркирование множественным числом становится предпочтительным. В горномарийском языке количественные числительные требуют единственного числа существительных. При добавлении одного зависимого множественное число по-прежнему запрещается большинством носителей, однако по мере увеличения расстояния между числительным и существительным допустимость множественного числа возрастает.

Похожее явление наблюдается и в других языках мира при согласовании предиката с именной группой: например, в арабском языке тем вероятнее семантическое (то есть, множественное) согласование, чем большее количество элементов занимает позицию между контролером и мишенью согласования ([12: 176], цитата по [13: 209–210]). Этот же фактор работает, например, в башкирском языке [1].

3. Выводы

При маркировании двойственного референта в хантыйском языке наблюдается конкуренция двойственного числа, конструкции «*kāt* '2' + SG» и конструкции «*kāt* '2' + DU». Кроме того, при референции к двум объектам, составляющим естественную пару, может употребляться единственное число, при этом конструкция с *pelək* 'половина', использующаяся в таких случаях для референции к одному из парных объектов, развивает семантику нефункциональности второго объекта из этой пары. Выбор одной из конкурирующих конструкций определяется взаимодействием факторов информационной структуры и лексической семантики. Прототипически парные объекты в большей степени тяготеют к оформлению дуалисом, чем непарные объекты. Влияние дискурсивных факторов заключается в том, что *данное* и *доступное* чаще маркируется DU (исключение составляют парные объекты), чем *новое*: во втором случае выбирается конструкция *kāt* + SG. Похожая ситуация, по данным [19], отмечается в ненецком языке, однако в хантыйском это правило работает на уровне тенденции, а не строгих запретов, как это утверждается для ненецкого языка в грамматике И. А. Николаевой.

Самым сильным фактором является фокусное выделение количества — оно предопределяет выбор конструкции с числительным. Конструкция *kāt* + DU возможна при отделении существительного от числительного зависимыми. Похожая тенденция прослеживается и в некоторых других уральских языках.

Другие факторы, теоретически способные влиять на выбор конструкции (например, посессивность) нуждаются в дополнительной проверке.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ATR — атрибутивизатор; DU — двойственное число, DAT — датив; ESS — эссив; FOC — фокус; ILL — иллатив; IPFV.PART — имперфективное причастие; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; POSS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; STEM — косвенная основа; PFV.PT — перфективное причастие; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Библиография

1. Аплонова Е. С., Сай С. С. Числовое маркирование сказуемого (на материале башкирских устных текстов) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 98–108.
2. Главан А. А. Имя числительное в диалектах хантыйского языка: сопоставительный аспект // Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Томск, 2006.
3. Гращенков П. В. Родительный падеж при русских числительных: типологическое решение одной "сугубо внутренней" проблемы // Вопросы языкознания. № 3, 2002.
4. Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: изд. Полиграфист, 2007.
5. Кузнецова А. И. Типология категории числа в уральских языках // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 340–347.
6. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М., Гамбург, 1995. (Унифицированное описание диалектов уральских языков; 5).
7. Сидорова М. А. Число в мокшанских количественных конструкциях // XII Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (сборник). Санкт-Петербург, 2015.
8. Сидорова М. А. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях // Тезисы на XIII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (forthcoming).
9. Спирякова Л. Т. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (на материале шурышкарского и казымского диалектов) // Диссертация на соискание учёной степени к. ф. н. Санкт-Петербург, 2009.
10. Шматова М. С. Конструкции «числительное — существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка) // Аста

linguistica petropolitana.: труды института лингвистических исследований. Т. VI, ч. 3. СПб, изд. Наука, 2010.

11. Шматова М. С. Количественные конструкции в мордовских языках: числовое маркирование существительных // Тезисы на конференцию "Типология морфосинтаксических параметров", Москва, 16–18 октября 2013 г.
12. Belnap, R.Kirk. A new perspective on the history of Arabic: variation in marking agreement with plural heads. *Folia Linguistica* 33, 1999.
13. Greville G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004 (second edition).
14. Givón T. *Syntax. An introduction* // Volume I. Amsterdam/Philadelphia, 2001. Pp. 199, 457.
15. Greenberg J.H., Kemmer S. 1990, *Generalizations about Numeral Systems (On Language: Selected Writings of Joseph H. Greenberg)* Stanford University Press, Stanford, California.
16. Lambrecht K. *Topic, focus, and the mental representation of discourse referents*. Cambridge, 1994.
17. Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N. Communicative roles in Ostyak syntax // *FinnischUgrische Forschungen*. 51, 1993. Vol. 1–3. Pp. 125–167.
18. Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics* 39, 2001. Pp. 1–49.
19. Nikolaeva I. A. *Grammar of Tundra Nenets* // Berlin: De Gruyter, 2014.
20. Priestly, Tom M. S. Slovene. In: Bernard Comrie and Greville G. Corbett (eds.), *The Slavonic Languages*, 388–451. London: Routledge, 1993.

Источники

1. Корпус в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика». Объем: 42174 слова (<https://osf.io/uraqx/files/>).
2. Фольклорные тексты: «Кань кунш олӓн» (выпуск 3, 2003 г.).

М.В. Скачедубова

ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Плюсквамперфектом называют аналитическое прошедшее время, состоящее из глагола-связки в прошедшем времени и действительного причастия прошедшего времени на -л-. Различают так называемый «книжный» плюсквамперфект, где глагол *быти* стоит в имперфекте или аористе от имперфективной основы (ср. 3 л. **вѣше(ть)/бѣ шелъ**), и «русский», в котором глагол *быти* стоит в перфекте, т.е. в образовании формы в таком случае участвует два вспомогательных глагола (**есмь былъ шелъ**). Как убедительно показано в М.Н. Шевелева, значение последнего сопоставимо с «книжным»: «старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [15: 245]. Вопросам значения и формы плюсквамперфекта в последние десятилетия уделялось много внимания, тем не менее, не на все из них даны ответы. Богатый материал для анализа дают летописные памятники. Хотя отдельные части Ипатьевской летописи, представляющей собой список с южнорусского летописного свода, составленного в 14, и датируемой 1-ой четвертью 15-го [12: вып. I, 238], уже исследовались на предмет плюсквамперфекта [15; 16; 17; 6], остается неохваченный материал, а также аспекты, о которых ранее не говорилось и которые требуют обсуждения.

1. Значение

Плюсквамперфект традиционно характеризуется как относительное, обозначающее «предпрошедшее» время [1: 304]. Многими выделяется дополнительное значение данного времени. Так, в [3: 213], например, отмечается, что исконный славянский плюсквамперфект «также является перфектом, но отнесенным к прошедшему времени». Как пишет М.Н. Шевелева, славянский плюсквамперфект никогда не выражал таксисного значения чистого предшествования в прошедшем, он всегда имел аспектуальное значение перфектности в прошедшем [15: 216].

Однако было бы неправильно отдавать предпочтение первому или второму мнению. Как показывает материал, плюсквамперфект может иметь как значение предпрошедшего, так и значение смещенной перфектности. Кроме того, реже, чем перфектное значение, плюсквамперфект имеет значение недостигнутого или аннулированного результата.

Приведем как примеры из Повести временных лет (ПВЛ), которая ранее с точки зрения функционирования плюсквамперфекта не анализировалась, так

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

и неприводимые ранее примеры из других, исследованных частей летописи (КЛ — Киевская летопись, ГЛ — Галицкая летопись, ВЛ — Волынская летопись). Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 2], разночтения в издании приводятся по Хлебниковскому списку XVI в. и Погодинскому списку XVII в.

1.1. Значение предшествования в прошедшем

(1) ПВЛ Л. 8 **Но мы на пре(д)лежаще възвратимсѧ. и скажемъ что сѧ оудѣвало в лѣта сии. такоже преже почали бѣхомъ**;

(2) КЛ Л. 161 и поиде **Изяславъ ѿ Володимера с полкы своими по королевн. дорозѣ. юже башеть приѣхалъ. на Андрѣя на Володимирича съ Іарославомъ ѿтополчимъ**;

1.2. Значение перфекта в прошедшем

(3) КЛ Л. 127 об. **В то же время Изяславъ посла Киевоу. къ братоу своему Володимероу. того бо башеть поставилъ Изяславъ в Киевѣ и къ митрополитоу Климови**;

(4) ГЛ Л. 262 лѣтоу же наставшоу. собравъшасѧ. идоста на Галичъ. на Мнхана и Ростислава. **затворила бо сѧ бѣаста** во градѣ. и Оугоръ. множество. башеть оу него. и возвративъшисѧ воеваста школо Звенигоро(д);

1.3. Значение антитезиса

(5) ПВЛ Л. 30 и оу **Іарополка жена Грѣкин(и) бѣ. и баше была черницею. юже бѣ привелъ штець его ѿтославъ. и въда ю за Іарополка. красы дѣла лица еѧ — жена Ярополка раньше была монахиней, однако этот факт позднее аннулируется, т.к. она была отдана Ярополку в жены.**

(6) ПВЛ Л. 88 **Шлегъ же выѣже из Рязанѧ. а Мстислав створи миръ с Рязаньци. и поѧ люди свои таже бѣ заточилъ Шлегъ** — Мстислав освободил своих людей, которых захватил Олег. Т.е. плюсквамперфектом **бѣ заточилъ** обозначается отмененное действие, а отменяющим действием, «точкой отсчета» является аорист **поѧ**.

Подробнее хотелось бы остановиться на другой группе примеров, в которой сочетание бытийного глагола с -л- причастием не имеет плюсквамперфектного значения. Условно назовем его «бѣ + -л- причастие».

1.4. бѣ + -л- причастие

У обоих основных значений, предполагаемых для плюсквамперфекта («предшествование в прошедшем» и «результативность в прошедшем») есть

общий семантический компонент, а именно — «предшествование в прошедшем» (к которому уже факультативно может добавляться значение результативности), компонент, который во многом и определяет плюсквамперфектную семантику. Между тем, в Ипатьевской летописи был обнаружен ряд контекстов, в которых сочетание глагола *быти* в прошедшем времени и *-л-* причастия такого компонента не имеет. Рассмотрим примеры:

(7) КЛ Л. 223 и то рекъ. переверде Донѣць и тако приида. ко Усколоу. и жда два дни. брата своего Всеволода тотъ бѣ-шелъ инемъ поутѣ(м̃). ис Коурьска — действие, выраженное аористом, и действие, выраженное плюсквамперфектом, одновременны: Игорь ждал два дня, пока Всеволод ехал другим путем. Таким образом, говорить о предшествовании основному моменту повествования мы здесь не можем. Видеть выделительную функцию плюсквамперфекта (см., например, [2: 185]) вряд ли возможно, скорее наоборот, плюсквамперфектом выражено побочное действие, которое поясняет главное — *жда*.

(8) Л. 262 а Кондратъ повѣже до Лѣховъ чересъ ночь. и потопилисѣ бѣшетъ. ѿ вон его во Вепрю множество — действие, формально выраженное плюсквамперфектом, следует после аориста *повѣже*, поэтому говорить о предшествовании мы здесь не можем (далее следует начало нового сюжета).

(9) КЛ Л. 218 об. Половци же видивше ꙗ. загоныѣ ты Черныхъ Клобоукъ. и таша нѣколко ихъ. не бѣ во тоу добрыхъ. но мало ихъ. вогнали бѣхуѣ в то-вары ихъ. и повѣгоша. — перед нами последовательность событий: Половцы захватили, Черные Клобуки были расстроены, побежали в полк. Мы не можем говорить о том, что плюсквамперфектом выражено предпрошедшее.

(10) КЛ Л. 170 об. Изаславъ же ре(ч̃) и нны вы есмь свторнаѣ. уже есте на мѣ. пришли. а како ми с вами Бъ дастъ. бѣшетъ во пославъ [Х.П. послалъ] и подвелъ Глѣба Дюргевн(ч̃) с Половци — здесь причастие на *-вш-* и *-л-* форма выступают как однородные члены. Несмотря на то, что в Хлебниковском и Погодинском списках мы видим *-л-* форму, сама возможность такого соседства двух причастных образований очень показательна.

Здесь кажется уместным обратиться к проблеме интерпретаций контекстов типа:

(11) КЛ. 200 В то же время. преставилъсѣ бѣшетъ. братъ емѹ мѣньшини миръ въ Берестѣи.

Д.В. Сичинава называет эту функцию плюсквамперфекта «сдвигом начальной точки» [11]. Той же интерпретации придерживается и П.В. Петрухин, который отмечает, что «летописец использует плюсквамперфект в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переключить

внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [6: 231]. М.Н. Шевелева, в свою очередь, говорит о том, что впечатление о функции «сдвига начальной точки» оказывается мнимым, т.к. в действительности в таких контекстах есть регресс по отношению к предшествующему повествованию [15: 235]. Однако, как представляется, даже если предшествование и есть (хотя оно прослеживается далеко не всегда), оно не выступает на первый план; очевидно, что в намерения летописца не входит подчеркивать связь следующего события с предыдущим, задача его — отметить начало следующего рассказа.

Вполне возможно, что перед нами не плюсквамперфект в том смысле, как его принято понимать, а сочетание бытийного глагола с причастием прошедшего времени. В.Н. Топоров высказывал мысль о том, что в отношении старославянского вряд ли правомерно говорить о перфекте (а, следовательно, и плюсквамперфекте) как сформировавшейся морфологической форме: каждая часть являлась автономной и сохраняла свое значение [13: 40–41]. Как пишет М.Н. Шевелева, перфект, скорее всего, «так и оставался образованием, находящимся где-то на границе морфологии и синтаксиса» [14: 204]. Поэтому, видимо, и закономерно, появление таких примеров, где формально перед нами плюсквамперфект, однако в реальности плюсквамперфектное значение не усматривается.

Тем более, многочисленны такие контексты, в которых *-л-* формы употребляются без вспомогательного глагола, ср.:

(12) ПВЛ Л. 42 въ се время разболѣся Володимиръ. учина. и не видаше ничтоже. и тоужаше велии — перфектная семантика в данных контекстах не усматривается. Тем более, много примеров приходится на очень древнюю часть (ПВЛ), поэтому говорить о том, что перфект выступает в значении нейтрального прошедшего, кажется неверным. Если предположить, что *-л-* форма здесь употреблена именно в качестве «обычного» причастия прошедшего времени, то никакого отклонения от стандартного древнерусского синтаксиса не будет.

На мысль о функционировании *-л-* формы в значении причастия прошедшего времени на *-ѣш/-ѣш-* наталкивает следующее.

В ходе анализа форм перфекта в Ипатьевской летописи (ИЛ) был обнаружен ряд контекстов, в которых *-л-* форма не имеет перфектного значения. Часть обнаруженных примеров может быть соотнесена с контекстами, в которых по данным А.А. Пичхадзе [7], обычно употребляется причастие, а не личная форма глагола. Например, в конструкциях, вводимых союзом *яко*, имеющих значение «как, словно», «в качестве», ср.: славенъ боудоу црь великъ въ еллінѣхъ и варварѣхъ, яко толнка црѣ силна дариа оубивъ (Александрия 45). Сравним с аналогичным примером из ИЛ:

(13) ПВЛ Л. 90 **прииде же и Дѣдъ по немъ. яко зѣврь оуловилъ** — «Давид пришел, словно зверя поймав/в качестве поймавшего зверя».

Среди причастных конструкций с подчинительными союзами А.А. Пичахадзе выделяет тип контекстов с союзами, означающими «пока не», ср.: **нико-гоже другомъ твори преже даже не испытавъ, како живеть съ предънимъ дру-гомъ** Пчела 62. Сравним с ними следующий контекст из ГЛ:

(14) ГЛ Л. 261 **королевичъ же. и Дыанишь. и Соудиславъ. изнемогахоу гла-домъ в градѣ. стоаше же .ѿ. недѣль воюа жда ледоу. дондеже перешлѣ на нѣ** — как и в предыдущем примере, перфектное значение здесь не усматривается и -л- причастие по функционированию соотносится с причастиями на -ѣш / -ѣш-.

В другой группе примеров -л- форма стоит в одном ряду с аористом или имперфектом, к которым она может присоединяться с помощью союза *и*. Если ее трактовать как причастие, то мы получаем абсолютно нормальную для древнерусского синтаксиса конструкцию типа «вставъ (и) рече», подробно разобранную А.А. Потебней [9: 213] (причастие обозначает побочное действие, личная форма — главное). Ср. в ИЛ:

(15) КЛ Л. 190 об. — 191 **Мьстиславъ же прише(ѿ) ста по горѣ ѿ бору а пѣщи постави по валови** — появление -л- формы объясняется перфектным значением не может. Усматривать здесь аористную функцию тоже кажется неправильным, т.к. в таком бы случае ожидался союз «и». Употребляется -л- форма, по всей видимости, в классическом причастном значении вместо причастия *пришедъ*. Аналогичен и следующий пример:

(16) ПВЛ Л. 66 об. **волъхвъ всталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. глшетъ во людѣмъ. и творашеть бо (людѣмъ) бѣмъ** — если рассматривать форму *всталъ* как причастие, то перед нами абсолютно стандартная синтаксическая конструкция: главное действие выражено имперфектом *глшетъ*, дополнительное — причастием.

(17) КЛ Л. 137 **ре(ѿ) же Улговичъ Стѣславъ къ Гюргеви. братѣ то намъ ворогъ всимъ Изяславъ брата нашего оубилъ** — перед нами прямая речь. Святослав обсуждает с Юрием, стоит ли оказывать помощь Изяславу, о которой он просит. Святослав говорит, что, несмотря на все уговоры и просьбы, Изяслав останется врагом, т.к. убил его брата Игоря. Цель данного высказывания не в том, чтобы рассказать, что Изяслав убил Игоря, т.к. это собеседникам и так известно, а подчеркнуть, что после этого Изяслав не может быть другом. Поэтому предложение следует понимать, скорее всего, как «Враг нам всем Изяслав, брата нашего убив», а не «Изяслав нам всем враг. Брата нашего убил» (тем бо-

лее что между частями предложения нет причинного союза). Т.о., очень вероятно, что в данном примере *-л-* форма снова функционирует как стандартное причастие.

(18) КЛ Л. 229 об. – 230 и **приде Володимеръ ко королевн. король же понмалъ** [Х.П. **пое(м)**] **Володимера и со всеми полкы поне к Галичю** очевидно, что перфектного значения *-л-* форма здесь не имеет. Можно было бы наделять *-л-* форму аористным значением, однако примеров употребления *-л-* формы в аористном значении в ИЛ практически нет. В то же время соединение причастия и личной формы глагола с помощью союза «и» абсолютно нормально для древнерусского синтаксиса. Тем более, показательно, что в Хлебниковском и Погодинском списках мы видим «обычное» причастие прошедшего времени — **пое(м)**. Конечно, в такой ситуации трудно сказать, какое чтение является исконным, однако если рассматривать форму **понмалъ** в качестве причастия, а не аориста, то не приходится предполагать разницы в синтаксической структуре в двух списках: во всех случаях перед нами конструкция типа «взяв Владимира, пошел с полками к Галичу»; разница лишь в типе причастного образования.

Об употреблении *-л-* причастий непосредственно в причастном значении писал А.А. Потебня [9: 239–243]. Он отмечает, что такие примеры редки, но тем не менее существуют. Автор пишет о вероятности аппозитивного употребления формы на *-л-* в случаях, где удобно заменить ее нынешним причастием на *-вший*, *-вший* или деепричастием, ср.: «**милостыни, съв(ъ)купилась (=совокупившись) съ постомъ и молитвою, отъ смерти изба-вляеть челоуѣка**» (Новг. 1,60).

При этом стоит отметить, что иногда смешение двух причастных образований может объясняться влиянием фонетики. Так, например, совпадением <в> и <л> в [ў] объясняется появление форм типа *всталиши* в [5: 232]. Однако примеров, которые бы говорили о совпадении фонем <в> и <л>, в памятнике не наблюдается.

2. Форма

Как уже было сказано выше, глагол-связка при образовании плюсквамперфекта обычно стоял либо в аористе от имперфективной основы, либо в имперфекте. Долгое время плюсквамперфект вида «аорист вспомогательного глагола + причастие» был известен только в старочешском [18]. В статье [10], посвященной происхождению славянского условного наклонения из плюсквамперфекта, было выдвинуто предположение о существовании праславянской плюсквамперфектной формы с *бухъ*. Как считает автор, в таком образовании нет ничего невероятного, и с типологической точки зрения оно совершенно естественно. Позже такие формы были открыты и в древнерусской письменности. При исследовании текста Софийского Пролога (рукопись рубежа XII –

XIII вв.) В.Б. Крысько были обнаружены и проанализированы две формы, омонимичные условному наклонению, но имеющие плюсквамперфектное значение: **Аще бо не оубькнѣ бы выль...мнѣло бы сѧ мнозѣмъ, тако привидѣнникъ бы(сѣ) и не по истинѣ удѣльсѧ бы въ члѣвѣчьскою плоть** (Если бы [Иисус остался в Вифлееме и] не был бы убит [по приказу Ирода]...казалось бы многим, что Он был привидением и в действительности не облекся в человеческую плоть'); **шбаче аще креси до конца не ѿвергъсѧ бы, нѣ и въ цркъвь приде слоужащю великому Василію, и дары прінесе** (Однако, хотя он [император-аринин Валент] и не до конца отказался от ереси, тем не менее и в церковь пошел, когда служил великий Василий, и дары прием') [3: 830–831].

Как кажется, список этих редких примеров можно дополнить несколькими примерами из Ипатьевской летописи:

(19) ПВЛ Л. 78 **ї прокопа(х̃) велми. і влѣзохъ и видихо(м̃) мощѣ є(г̃) лежашѣ. но съставѣ не распалисѧ выша. ї власи главнии прѣтаскли бяху** — перед нами здесь два однородных плюсквамперфекта в классическом смещенно-перфектном значении. Однако в образовании первой формы вспомогательный глагол стоит в аористе, а не в имперфекте, как во второй форме, и не в аористе от имперфективной основы (два классических способа образования плюсквамперфекта в славянских языках). Стоит отметить, что различений по спискам нет. Кроме того, непонятно, почему в двух совершенно однородных и соседствующих формах используются разные вспомогательные глаголы. Вопрос о семантике вспомогательного глагола не решен и в отношении стандартных форм плюсквамперфекта (с имперфектом и аористом от имперфективной основы). В аористе глагол-связка стоит и в следующем примере:

(20) ГЛ Л. 247 **В лѣ(т̃) .ѿ. ѿ. єі. Оубьенѣ бы(сѣ) ц(сѣ)рь великын Филипп. Римскын...но мы на преднее возвратимсѧ. такоже прежде почали быхомъ.**

Плюсквамперфект со связкой в аористе используется еще дважды, правда, в обоих случаях — и в Хлебниковском, и в Погодинском списках — мы видим связку в перфекте:

(21) КЛ Л. 114 **И се слышавъ Всеволодъ, не поустѣ сѧ своего Ѡтѣслава, ни моужин Новгородскыхъ, иже то бы [Х.П. был] привелъ к собѣ.**

(22) КЛ Л. 172 **Изяславъ же не хоташе ис Кіева понти. зане олюбилъ бы [Х.П. был] Кіевъ єму — с одной стороны, можно предполагать опisku. Правда, тогда непонятно, чем она обусловлена. Тем более, тогда мы имеем дело с «русским» плюсквамперфектом, который не в прямой речи встречается крайне редко. С другой стороны, здесь можно видеть более архаичный вариант**

именно со связкой в аористе, который позднее при переписывании кажется уже неправильным и исправляется.

В данном контексте осталось рассмотреть еще один пример:

(23) КЛ Л. 203 об. **Андрѣи же то слышавъ ѿ Мнѣхъ. и бы(сѣ) въбразъ лица его потоускнѣлъ. и възостриса на рать** — здесь встает вопрос, нужно ли рассматривать данную форму как плюсквамперфект, ведь в таком случае мы имеем дело со связкой не только в форме аориста, но еще и с аутментом, что тем более нетипично для плюсквамперфекта. Плюсквамперфектным значением сочетание **бысть** + **-л-** причастие в данном примере не обладает: перед нами последовательность событий (Андрей услышал, погрузился и посмотрел на рать). Скорее всего **-л-** форма выступает здесь в функции «обычного» причастия.

Таким образом, сочетание **-л-** причастия и бытийного глагола в прошедшем времени в ИЛ не всегда имеет стандартные плюсквамперфектные значения предшествования в прошедшем, перфекта в прошедшем и антирезультатива. Были выявлены примеры, в которых компонент предшествования отсутствует. Кроме того, в контекстах типа «*в то же время* + плюсквамперфект», где значения предшествования также нет, часто может употребляться **-л-** причастие без связки. Вполне вероятно, что в таких случаях мы имеем дело не с плюсквамперфектом как таковым, а синтаксическим сочетанием причастия прошедшего времени и бытийного глагола, который может опускаться. Эту мысль подтверждают и другие примеры, в которых **-л-** форма не имеет перфектного значения и, по всей видимости, функционирует в качестве причастия прошедшего времени на **-ъш/-ъш-**. Во-первых, это контексты, соотносимые с контекстами, характерными для причастных предикаций. Во-вторых, примеры, где **-л-** форма выступает в классическом для причастий контексте типа «*вставъ (и) рече*».

Кроме того, в ИЛ был обнаружен ряд контекстов с плюсквамперфектом, в которых бытийный глагол стоит не в аористе от имперфективной основы и не в имперфекте, а в аористе и которые подтверждают гипотезу Д.В. Сичинавы о происхождении славянского условного наклонения из плюсквамперфекта. Таким образом, можно дополнить малочисленный список таких редких примеров еще несколькими.

Библиография

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981.
2. Жукова Т.С., Шевелева М.Н. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV-XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении

- с великорусскими (в соавторстве с Т. С. Жуковой) // Вопросы русского языкознания, 2010. Вып. 13. С. 171–191.
3. Крысько В.Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.
 4. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
 5. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.
 6. Петрухин П.В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.
 7. Пичхадзе А.А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библиистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. Спб., 2011. С. 462–480.
 8. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
 9. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
 10. Сичинава Д.В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292–312.
 11. Сичинава Д.В. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.
 12. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.). Л., 1987.
 13. Топоров В.Н. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 35–70.
 14. Шевелева М. Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 199–216.
 15. Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении, 2007. №2. С. 214–252.
 16. Шевелева М. Н. 2008. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008, № 2 (16). С. 218–246.

17. Шевелева М. Н. Плюсquamперфект в памятниках XV-XVI вв. Русский язык в научном освещении, 2009. 1 (17). С. 5–43.
18. Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grünenthal. Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht, 1928.

А.К. Станкевич

РГГУ, Москва

**ВАРИАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -ÃO В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Введение

В португальском языке регулярное множественное число у существительных образуется, как и во многих других европейских языках, посредством прибавления -s/-es к основе слова. Род существительного значения не имеет:

- (1) o comboio ‘поезд’ → os comboios (мужской род)
a mesa ‘стол’ → as mesas (женский род)
o computador ‘компьютер’ → os computadores (мужской род)

Однако существует также несколько типов существительных, образующих нерегулярные варианты множественного числа. К ним относятся существительные, оканчивающиеся на -ão, которым посвящена эта статья, а также существительные на -il, -el, -al, о которых также будет сказано несколько слов позднее.

В статье описано экспериментальное исследование вариативности в выборе форм множественного числа у имен существительных с исходом на -ão в португальском языке. Число лексем с исходом на -ão в единственном числе достаточно велико как среди частотных форм, так и среди используемых в узко-профессиональной среде. Например:

- (2) a. mão ‘рука’, pão ‘хлеб’, ladrão ‘вор’
b. punção ‘ланцет, прокол’, mião ‘мюон’

В современном языке существительные с исходом на -ão могут образовывать форму множественного числа по трем различным моделям, получая различные окончания множественного числа -ãos, -ães, -ões: mãos ‘руки’, pães, ‘хлеба’, ladrões ‘воры’. Диахронически эти формы объясняются опущением согласного *n* при переходе от латыни к португальскому языку с назализацией окружающих гласных [2:63]. В истории португальского языка произошло слияние трёх различных латинских типов именных основ, имеющих разный тематический гласный.

- (3) лат. germanum — germanos → порт. irmão ‘брат’ — irmãos
лат. leonem — leones → порт. leão ‘лев’ — leões
лат. panem — panes → порт. pão ‘хлеб’ — pães [Veloso 2005: 326].

Кроме того, в современном языке существуют лексемы, у которых есть несколько конкурирующих форм множественного числа, например: *vulcão* ‘вулкан’ — *vulcões, vulcãos, vilão* ‘злодей’ — *vilãos, vilões, vilões* [2:63]. Вариативность форм характерна как для пиренейской, так и для бразильской нормы португальского языка.

Как было показано в [5; 8], на выбор формы множественного числа у таких лексем с вариативными моделями влияют различные параметры, связанные с частотностью и формальной структурой таких существительных. В работе [8] на материале бразильской нормы было проверено предположение, что на выбор формы множественного числа влияет количество слогов в лексеме. [2] отмечает также глобальную тенденцию для существительных, чья форма множественного числа оканчивается на *-ãos*, *-ães* к переходу в исход *-ões*.

Основной задачей работы стала экспериментальная проверка гипотезы о влиянии слоговой структуры на выбор окончания множественного числа у существительных на *-ão* в пиренейском варианте португальского языка. Также следовало проверить гипотезу о глобальной тенденции к образованию форм множественного числа по более частотной модели на *-ões*.

Для проведения эксперимента было решено представить свой метод сбора и анализа данных, полученных от информантов, в виде компьютерной программы. Материалом для анализа послужили результаты выбора форм множественного числа у псевдослов с различной слоговой структурой. Для сбора материала были опрошены 14 носителей пиренейской нормы португальского языка.

В результате исследования были получены данные о тенденциях к образованию форм множественного числа в португальском языке. Подтверждена сильная тенденция к выбору окончания *-ões*. Также было подтверждено различие между односложными словами, с одной стороны, и двух-/трехсложными, с другой, слов при образовании форм множественного числа.

1. Образование форм множественного числа у существительных на -ão: постановка проблемы

В этой части даются основные сведения об образовании форм множественного числа в современном португальском языке, а также обсуждаются исторические причины вариативности в образовании этих форм.

1.1. Образование форм множественного числа

Существительное, оканчивающееся на *-ão* в единственном числе, во множественном может иметь одно из трех окончаний: *-ões*, *-ãos*, *-ães*. В традиционных грамматиках португальского языка приводятся таблицы лексем для каждого из вариантов окончания [4:134–136].

Первая группа наиболее многочисленна. 97,8% существительных, оканчивающихся на -ão в единственном числе, принимают окончание -ões во множественном [5]. Также в эту группу входят все слова, имеющие увеличительный суффикс [4:134–136].

Вторая по численности группа с окончанием -ãos составляет 1,5% от всех существительных, и самая малочисленная — 0,7% с окончанием -ães.

Примеры [4:134–136].

Аффикс множественного числа	Единственное число	Множественное число
-ões	<i>balão</i> ‘воздушный шар’ <i>botão</i> ‘кнопка’ <i>eleição</i> ‘выборы’ <i>coração</i> ‘сердце’ <i>fração</i> ‘фракция’	<i>balões</i> <i>botões</i> <i>eleições</i> <i>corações</i> <i>frações</i>
	(увеличительный аффикс)	
	<i>moleirão</i> ‘лентяй’ <i>paredão</i> ‘большая стена’ <i>rapagão</i> ‘парень’	<i>moleirões</i> <i>paredões</i> <i>rapagões</i>
-ãos	<i>cidadão</i> ‘гражданин’ <i>cristão</i> ‘христианин’ <i>órfão</i> ‘сирота’ <i>sótão</i> ‘чердак’	<i>cidadãos</i> <i>cristãos</i> <i>órfãos</i> <i>sótãos</i>
-ães	<i>alemão</i> ‘немец’ <i>cão</i> ‘собака’ <i>catalão</i> ‘каталонец’ <i>capitão</i> ‘капитан’ <i>charlatão</i> ‘шарлатан’ <i>pão</i> ‘хлеб’	<i>alemães</i> <i>cães</i> <i>catalães</i> <i>capitães</i> <i>charlatães</i> <i>pães</i>

Таблица 1: Модели образования множественного числа у различных лексем, [Cunha & Cintra 1984:134-136].

Помимо лексем с регулярным образованием множественного числа, в грамматиках обсуждаются лексемы с несколькими формами множественного числа, как правило, они приводятся в виде списков форм. В частности, в [7] представлена обширная, хотя и не полная, таблица подобных существительных.

Единственное число	Варианты множественного числа
<i>aldeão</i> ‘сельский житель’	<i>aldeãos — aldeões</i>
<i>anão</i> ‘гном’	<i>anãos — anões</i>
<i>ancião</i> ‘старейшина’	<i>anciãos — anciães — anciões</i>
<i>castelão</i> ‘владелец замка’	<i>castelãos — castelões</i>
<i>charlatão</i> ‘шарлатан’	<i>charlatães — charlatões</i>
<i>corrimão</i> ‘поручень’	<i>corrimãos — corrimões</i>
<i>deão</i> ‘декан’	<i>deães — deãos — deões</i>
<i>ermitão</i> ‘отшельник’	<i>ermitãos — ermitães — ermitões</i>
<i>guardião</i> ‘опекун’	<i>guardiães — guardiões</i>
<i>sultão</i> ‘султан’	<i>sultães — sultões</i>
<i>verão</i> ‘лето’	<i>verãos — verões</i>
<i>vilão</i> ‘злодей’	<i>vilãos — vilões</i>

Таблица 2: Некоторые лексемы с вариативными формами множественного числа, [Rocha Lima 2007].

1.2. Историческая справка

Согласно [9], одним из фонетических изменений в истории португальского языка было падение *-e* на конце слова с предшествующим *n* в интервокальной позиции и замена *n* на *m* в конце форм единственного числа: лат. *leone* ‘лев’ → *leom*; *canē* ‘собака’ → *cam*. Следует отметить, что, несмотря на падение *-e* в формах единственного числа у подобных существительных, формы множественного остались прежними: лат. *leones* ‘львы’, *canes* ‘собаки’.

Следующим фонетическим изменением после падения *-e* было преобразование звуко сочетаний *-am* и *-om* в назализованный дифтонг *-ão*.

лат. *germanum* — *germanos* → порт. *irmão* — *irmãos* ‘брат — братья’

лат. *leonem* — *leones* → порт. *leão* — *leões* ‘лев — львы’,

лат. *panem* — *panes* → порт. *pão* — *pães* ‘хлеб — хлеба’ [Velo 2005: 326]

Из вышесказанного следует, что наличие нескольких моделей образования множественного числа у существительных на *-ão* исторически обусловлено.

Однако исторические факты не объясняют существования нескольких вариантов форм множественного числа у лексем типа *verão* — *verãos*, *verões* ‘лето — лета’, представленных в Таблице 2 выше, а также образование множественного числа у лексем, не имеющих латинских корней: *sótão* — *sótãos* ‘чердак — чердаки’, *alemão* — *alemães* ‘немец — немцы’. Очевидно, здесь имеют значение другие факторы, такие как частотность конкретных моделей и структуры слова. Исследованию этих факторов и посвящена настоящая работа.

2. Эксперимент

В этой главе рассмотрены предыдущие эксперименты с псевдословами и описан дизайн эксперимента, проводившегося в рамках настоящего исследования.

2.1. Дизайн эксперимента

Для того, чтобы установить то, как различные факторы влияют на формирование множественного числа, решено было провести эксперимент с псевдословами. Это было сделано для того, чтобы исключить формы, правильная форма множественного числа которых, ввиду реального употребления, известна носителю. Также это позволило не учитывать дополнительный фактор — уровень образования и кругозора респондентов.

Для того, чтобы выбрать формат эксперимента, я рассмотрела несколько работ предыдущих исследователей на данную тему. В работе португальской исследовательницы [8] эксперимент с псевдословами был проведен в устной форме. Воображаемые слова в единственном числе были записаны на магнитофон и затем прослушаны носителями. Ответы респондентов также фиксировались на магнитофон. При подсчетах результатов особое внимание уделялось тому, испытывает ли носитель трудности с выбором формы, колеблется ли он, сколько времени он тратит на ответ и исправляет ли он свое решение. Данный формат эксперимента учитывает множество важных особенностей, но он не является приемлемым из-за невозможности создать выборку с достаточным количеством носителей португальского языка, которых возможно проинтервьюировать, в рамках данной курсовой работы. В эксперименте были использованы филлеры — лексемы, оканчивающиеся в единственном числе на -u и -l и также образующие форму множественного числа нерегулярно.

В широко известной работе про Wugs [3] был использован более удобный для воспроизведения письменный формат: школьникам были даны слова в формате “одна птица [wʌlg]”, две птицы и затем место для ответа.

1. Plural. One bird-like animal, then two. "This is a wug
/wʌlg/. Now there is another one. There are two of them.
There are two ____."

Рисунок 1: Эксперимент Wugs [Berko 1958].

Недостаток этого варианта состоит в том, что задание слишком длинно и высчитать, колеблется ли респондент или у него низкая скорость чтения, не возможно.

Возможным вариантом методики сбора информации было создание Google формы, но тогда мы были бы лишены возможности контролировать время ответа, сомнения при выборе варианта.

Поэтому решено было совместить оба подхода и добавить несколько новшеств.

Была написана программа для проведения эксперимента.

В начале, респонденту дается неограниченное время, чтобы прочитать правила. Далее программа показывает слово в единственном числе и под ним возможные варианты окончаний.

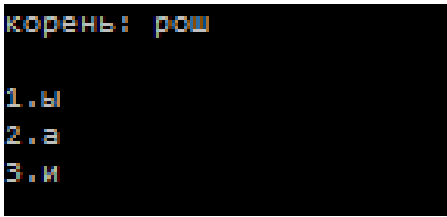

Рисунок 2: Дизайн русского эксперимента.

Респондент читает слово и выбирает номер окончания, которое, по его мнению, подходит данному слову во множественном числе и нажимает клавишу Enter. Время, которое требуется респонденту для ответа, а также номер выбранного варианта записываются в файл формата .txt.

2.2. Эксперимент с русскими псевдословами.

Для того, чтобы установить, сколько времени в среднем требуется человеку для прочтения слов с разным количеством слогов, я решила провести эксперимент, обратный целевому. С помощью [1] я составила упрощенную модель образования множественного числа в русском языке:

Мужской род	Женский род	Средний род
Ы: документ — документы, папа — папы.	А→Ы: мама — мамы, газета — газеты.	О→А: письмо — письма.
И: дядя — дяди, сапог — сапоги.	Я→И: доля — доли, тётя — тётки.	Е→Я: море — моря.

Таблица 3: Образование множественного числа русских слов.

Из существительных русского языка я выбрала те, в чьих формах нет прямого указания на то, какой должна быть форма множественного числа. Например, слова мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже мно-

жественного числа имеют окончания *-ы, -и* (стол — столы, компьютер — компьютеры, переводчик — переводчики, мяч — мячи) или *-а, -я* (глаз — глаза, голос — голоса, стул — стулья). Не существует четких правил, которые определяли бы, какое окончание имеет форма множественного числа того или иного слова.

Также можно предположить, что будет различие во времени, которое требуется для выбора формы множественного числа для выдуманного слова и реального. Поэтому я решила образовать некоторые слова по моделям реальных сложных слов. Однако не стоит забывать, что для русского языка вариативность форм на одну меньше, чем для португальского — всего две вместо трёх.

2.2.1. Псевдослова

Рош, муль, куть, горо, килет, олк, еса, дия, рония, молоник, воколун, пыро-жар, намашуя.

Был проведен эксперимент, в котором носители русского языка, находясь под наблюдением, выбирали варианты окончания лексемы. Респондентам было дано задание отвечать, не задумываясь, что было проконтролировано при прохождении теста. В русском эксперименте принимали участие 12 студентов в возрасте от 18 до 20 лет, 8 человек — девушки, 4 — молодые люди. После проведения эксперимента с русскими словами высчитано среднее время для прочтения носителем языка слова с тем или иным количеством слогов.

Односложные	Двусложные	Трехсложные
6,322739	4,683932	4,120554

Таблица 4: Время прочтения слов.

Как и следовало ожидать, выдуманные слова выводили испытуемых из состояния комфорта, они удивлялись, восклицали. Но ни один из участников эксперимента с русскими словами не отметил того, что они не похожи на типичные слова русского языка.

Совершенно неожиданным оказалось то, что для прочтения и выбора окончания односложных слов испытуемым потребовалось намного больше времени чем для двух- или трехсложных. С чем это связано установить, однако, не удалось.

Стоит отметить, что некоторые слова вызывали у отдельных респондентов трудности и дискомфорт, что сказалось на времени выбора окончания. Поэтому было решено подсчитать среднее время без учета пиковых точек.

При таком подходе результаты получились более ровные, однако разница между временем ответа сохранилась.

Односложные	Двусложные	Трехсложные
5,775773	4,002317	3,659132

Таблица 5: Время прочтения выдуманных слов без учета пиковых значений.

Данные о времени прочтения, полученные в ходе эксперимента с русскими существительными, были использованы для того, чтобы при подсчетах португальского эксперимента исключить данные лексем, выбор окончания которых мог не быть интуитивным. Те задания, на выполнение которых носителям португальского требовалось существенно больше времени, чем среднее время для данного количества слогов, не учитывались.

2. 3. Эксперимент с португальскими псевдословами

За основу списка слов для теста был взят список одно-, двух- и трёхсложных псевдослов, представленный в диссертации [8]. Однозначное преимущество данного списка состоит в том, что он составлен носителем языка, поэтому формы обладают высокой приемлемостью: *lão, lhão, gão, fão, zão, hão, nelhão, zã-dão, mibão, pefão, gurrão, gilhão, bavitão, mofatão, gelhogão, serrizão, zinerrão, vuchoião*. В диссертации М. Северину приведено фонетическое отображение данных слов, я интерпретировала их графически.

Кроме того, в другой работе, посвященной исследованиям в данной области — [10: 11], отмечается, что существительные, оканчивающиеся на *-são/-ção*, образуют форму множественного числа только на *-ões*. Для проверки утверждения Ж. Велозу я добавила в список слов Северину несколько слов в каждую группу по количеству слогов. Для того, чтобы не включить в список слов лексему, существующую в португальском языке, я использовала онлайн толковый словарь www.priberam.pt. При проверке существования слова учитывалось наличие в португальском языке суффиксов с различными значениями (увеличительное, уменьшительное и др.) и проверялось наличие в словаре корня без суффикса. Односложную лексему можно было добавить только одну — «*ção*» т.к. *são* — вспомогательные глагол третьего/второго лица множественного числа.

[5], однако, приводит статистику, гласящую, что односложные существительные на *-ão* образуют множественное число на *-ões* гораздо реже, чем все остальные. Соответственно, я хотела проверить, как поведет себя получившееся противоречивым псевдослово — «*ção*».

Как модель двух-/трёхсложных лексем я использованы придуманные мной существительные: *geção, poção, garsão, prevação, queresão*.

2. 4. Филлеры для эксперимента

В диссертации [8] проводится эксперимент с псевдословами, воспринимаемыми носителями на слух, поэтому для него в качестве филлеров подходят, например, существительные, оканчивающиеся на *-u* (*chapeu* — ‘шляпа’, *seu* — ‘небо’). А также, обладающие фонетическим сходством слова на *-l* (*azul* — ‘голубой’, *papel* — ‘бумага’). Эти существительные так же, как и исследуемые, образуют нерегулярную форму множественного числа.

Поскольку в моем задании изначально сказано, что все слова выдуманные, список филлеров также состоял только из выдуманных слов:

Pipelal (-s; -ais; -as), *migalhel* (-es; -eis; -is), *pilal* (-s; -ais; -as), *lilil* (-s; -eis; -is), *ver-minhil* (-s; -eis; -is) *prival* (-s; -ais; -as), *pricuril* (-es; -eis; -is), *gil* (-s; -eis; -is), *figil* (-s; -eis; -is), *ponhol* (-os; -ois; -is), *vevenal* (-s; -ais; -as) *melel* (-es; -eis; -is), *gelel* (-es; -eis; -is), *umaval* (-s; -ais; -as), *venel* (-es; -eis; -is), *migal* (-s; -ais; -as), *podpol* (-os; -ois; -is), *babail* (-s; -eis; -is), *gelilel* (-es; -eis; -is), *nananol* (-os; -ois; -is), *ail* (-s; -eis; -is), *macil* (-s; -eis; -is), *quil* (-s; -eis; -is), *pol* (-os; -ois; -is), *rompel* (-es; -eis; -is).

2.5. Механика проведения португальского эксперимента

В начале эксперимента респондент запускал программу и видел инструкцию следующего содержания:

Инструкция к тесту	Перевод инструкции
<i>Bom dia!</i> <i>Neste teste você verá diversas palavras imaginários, mas elas parece muito nas palavras da lingus portuguesa. Você precisa escolher a forma plural destes palavras e pressar O NUMERO (1, 2 ou 3) dela.</i> <i>Se você esta pronto para o teste, insera o seu nome e pressione 'Enter'!</i>	‘Добрый день! В этом тесте Вы увидите различные воображаемые слова, но они очень похожи на реальные слова португальского языка. Вам нужно выбрать форму множественного числа этих слов и нажать НОМЕР (1, 2 или 3) этой формы. Если вы готовы к тесту, введите своё имя и нажмите 'Enter'!’

Таблица 6: Инструкция для носителей и ее перевод.

Далее следовала серия корней с тремя вариантами окончаний:

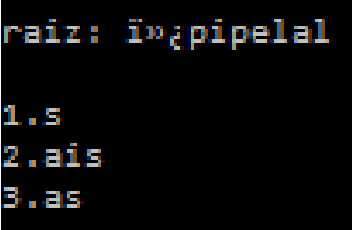

Рисунок 2: Дизайн португальского эксперимента.

В ходе эксперимента респондент выбирает номер приемлемого окончания, время, требующееся на выбор, фиксируется в файле.

Данные, полученные в ходе эксперимента, были обработаны с учетом среднего времени прочтения для слов с разным количеством слогов. Результаты для слов, время которых соответствовало среднему времени для данной группы, были внесены в сводную таблицу, которую можно увидеть в приложении.

3. Результаты

В данном параграфе рассмотрены возможные методы статистического анализа собранных данных. Здесь же проведен анализ данных. Показано, что наши исходные гипотезы подтверждаются данными эксперимента.

3.1. Способ анализа данных

Для анализа собранных данных использован критерий χ^2 . Этот критерий для таблиц сопряженности был разработан в 1900 году английским математиком, статистиком, биологом и философом Карлом Пирсоном. Применяется для анализа таблиц сопряженности, содержащих сведения о частоте исходов в зависимости от каких-либо факторов.

Чтобы определить влияние некоторого параметра (например, количество слогов) на распределение данных по группам (выбор окончания в форме множественного числа), я составила таблицы сопряженности, в строках которых все данные разделены на группы в соответствии с исследуемым параметром (количество слогов), а в столбцах представлено количество словоформ с соответствующим окончанием.

1. Находим значение критерия χ^2 по следующей формуле:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^r \sum_{j=1}^c \frac{(O_{ij} - E_{ij})^2}{E_{ij}}$$

где i — номер строки (от 1 до r), j — номер столбца (от 1 до c), O_{ij} — фактическое количество наблюдений в ячейке ij , E_{ij} — ожидаемое число наблюдений в ячейке ij .

2. Определяем число степеней свободы по формуле: $f = (r - 1) \times (c - 1)$.

3. Сравниваем значение критерия χ^2 с критическим значением при числе степеней свободы f (по таблице).

В том случае, если полученное значение критерия χ^2 больше критического, делаем вывод о наличии статистической взаимосвязи между изучаемым фактором и исходом при соответствующем уровне значимости.

Число степеней свободы, f	χ^2 при $p=0.05$	χ^2 при $p=0.01$
1	3.841	6.635
2	5.991	9.21
3	7.815	11.345
4	9.488	13.277

Таблица 7: Степени свободы для χ^2 .

3. 2. Эксперимент

1. [10: 11] отмечает, что слова, оканчивающиеся на -são/-ção, образуют форму множественного числа только на -ões.

[5], однако, приводит статистику, гласящую, что односложные слова на -ão образуют множественное число на -ões гораздо реже, чем все остальные. Одной из задач эксперимента является проверка того, как поведет себя получившееся противоречивым псевдослово — «ção».

В эксперименте участвовали 6 слов на -são: *reção, poção, garsão, prevação, queresão, ção*.

	-ões	-ãos	-ães
Ção	9	3	2
Другие слова на -são/- ção	49	8	13

Таблица 8: χ^2 для лексем на -são/- ção.

Сравним лексему *ção* с другими существительными на -são/-ção. $P = 0.6$, значит распределение также можно считать случайным. Из этого можно сделать вывод, что гипотеза [5] не подтверждается в эксперименте с лексемой *ção*. Этот эксперимент, однако, нельзя считать полностью релевантным из-за маленького количества респондентов и ответов.

Проведем те же самые подсчеты для лексем с другим количеством слогов. Внесем в таблицу все данные о псевдосуществительных на -são/-ção.

	-ões	-ãos	-ães
Слова на -são/-ção	58	11	15
Другие слова на -ão	335	97	80

Таблица 9: χ^2 для других лексем на -são/-ção.

Для данного распределения количество степеней свободы также равно 2, $\chi^2=9.32$, $P=0.009$. Распределение не случайно. Значение χ^2 в полтора раза выше критического. Следовательно, для всех лексем, кроме противоречивой — *ção* гипотеза Ж.Велозу, касающаяся концовок -são/-ção подтверждается.

Оба свойства, влияющие на выбор окончания — количество слогов и концовка -são/-ção подтверждены в ходе эксперимента.

2. Основной гипотезой данной работы является предположение о том, что на выбор окончания влияет количество слогов в слове. Эта гипотеза была также проверена с помощью таблиц сопряженности.

	-ões	-ãos	-ães
Односложные слова на -ão	45	31	22
Двусложные слова на -ão	199	46	47
Трехсложные слова на -ão	195	62	47

Таблица 10: χ^2 для разносложных слов.

Даже без использования таблицы сопряженности, по одним лишь получившимся выборкам понятно, что это распределение не случайно. Для таблицы 3х3 число степеней свободы — 4. $P = 0.001645$, $\chi^2 = 17.36$, что также значительно превосходит минимальное значение для неслучайного распределения. Следовательно, количество слогов влияет на выбор окончания.

Стоит отметить, что разница между двусложными и трехсложными словами мала, что также подтверждается критерием.

	-ões	-ãos	-ães
Двусложные слова на -ão	199	46	47
Трехсложные слова на -ão	195	62	47

Таблица 11: χ^2 двух- и трехсложные.

Для этой таблицы число степеней свободы — 2. $P = 0.337902$, $\chi^2 = 2.17$. Следовательно, экспериментальные данные не позволяют говорить о значимых различиях в поведении двусложных и трехсложных лексем.

4. Заключение

В этой работе проверены несколько гипотез, касающихся выбора окончаний множественного числа у существительных на -ão в пиренейском варианте португальского языка.

В процессе данной работы было проведено исследование с опросом информантов с помощью компьютерной программы.

Самым важным результатом данного исследования является подтверждение гипотезы о влиянии слоговой структуры слова на выбор окончания множественного числа. Для односложных слов окончание -ões было выбрано только в 45% случаев, тогда как для двух- и трёхсложных этот процент выше — 68%.

Кроме этого, было доказано влияние концовок -são/-ção на выбор форм множественного числа. Для лексем с такой концовкой процент выбора окончания -ões 69%, тогда как для остальных только 63%.

В ходе работы были также получены интересные данные, которые никак не удалось объяснить — на прочтение односложных лексем и выбор формы множественного числа для них носителям требовалось больше времени, чем на прочтение и анализ более длинных графически двусложных и трехсложных лексем.

Библиография

1. Академия наук СССР институт русского языка. Русская грамматика: М.: Наука, 1980.
2. Azevedo, Milton. Portuguese a linguistic introduction. New York: Cambridge University Press, 2005.
3. Berko, Jean. The Child's Learning of English Morphology, 1958. Word, v. 14, Pp. 150–177.
4. Cunha, Celso & Cintra, Lindey. Gramática do Português Contemporâneo, Lisboa, Sá da Costa, 1984.
5. Huback, Anna Paula. Plurais Irregulares do Português Brasileiro: Efeitos de Frequência. Revista da ABRALIN, 2010. v.9, n.1. Pp. 11–40.
6. Litosseliti, Lia (ed.). Research methods in Linguistics London: Continuum, 2010.
7. Lima Rocha. Gramática Normativa da Língua Portuguesa. 46ª ed. Rio de Janeiro: José Olympio, 2007.
8. Severino, Miriam Cristina Almeida. O plural das palavras terminadas em -ÃO: mudança ou variação estável?: Rio de Janeiro, 2013.
9. Teyssier P. História da língua portuguesa. São Paulo. Martins Fontes, 2001.
10. Veloso, João. Estrutura interna e flexão de número dos nomes terminados em “-ão”: onde reside a “irregularidade”? Graça Maria Rio-Torto et al. (Eds). Estudos em Homenagem ao Professor Doutor Mário Vilela. Porto: FLUP, 2005. Volume 1. Pp. 325–338.

5. Приложения

5.1. Сводная таблица для португальского эксперимента со всеми вариантами ответа, оказавшимися релевантными.

bavitão	ões	ães	ãos	2	1	1	1	3	1	1	1	1	1	3	2	3	1	9	2	3
bibão	ões	ães	ãos	1	1	-	1	3	3	1	1	1	1	2	1	2	1	9	2	2
ção	ões	ães	ãos	3	1	2	1	2	1	1	1	1	1	1	3	2	1	9	3	2
cavalhão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	1	1	1	2	3	1	2	1	1	1	10	3	1
dadão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	1	1	1	1	1	3	1	2	2	3	9	3	2
dalhão	ões	ães	ãos	1	1	3	1	2	1	1	1	2	1	3	1	1	1	10	2	2
fão	ões	ães	ãos	2	2	2	2	3	3	1	2	2	3	1	1	3	1	4	6	4
fefão	ões	ães	ãos	1	1	-	1	1	1	1	1	1	1	3	1	3	2	10	1	2
gão	ões	ães	ãos	1	3	2	3	3	1	3	3	2	2	3	1	1	1	5	3	6
garsão	ões	ães	ãos	1	3	3	1	1	3	1	3	3	3	1	1	3	1	7	0	7
gegogão	ões	ães	ãos	2	1	3	1	3	1	1	1	1	1	1	1	2	1	10	2	2
gelhogão	ões	ães	ãos	1	1	1	1	1	1	1	-	1	2	2	1	2	1	10	3	0
gilhão	ões	ães	ãos	2	1	1	1	3	1	1	2	1	1	1	1	2	3	9	3	2
grearrão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	3	1	2	2	3	3	1	1	1	2	7	4	3
gurrão	ões	ães	ãos	3	1	2	1	3	3	1	1	1	1	3	1	2	1	8	2	4
halhão	ões	ães	ãos	2	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12	2	0
hão	ões	ães	ãos	3	2	1	1	3	2	3	1	2	1	2	1	1	1	7	4	3
ivalhão	ões	ães	ãos	2	1	2	1	1	1	1	1	3	1	2	2	1	1	9	4	1
lão	ões	ães	ãos	2	2	2	1	2	2	1	1	2	2	2	1	3	1	5	8	1
larrão	ões	ães	ãos	1	1	3	1	1	1	1	2	1	1	3	1	2	1	10	2	2
lhão	ões	ães	ãos	1	1	3	1	3	1	1	1	2	1	1	1	1	1	11	1	2
lilhão	ões	ães	ãos	2	1	2	1	1	1	1	1	1	3	1	1	2	1	10	3	1
manalhão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	2	1	1	3	3	2	3	2	2	1	6	5	3
mibão	ões	ães	ãos	1	1	3	1	3	1	1	2	3	1	3	1	2	1	8	2	4
mofatão	ões	ães	ãos	2	1	3	1	1	1	1	-	3	1	2	1	3	1	8	2	3

momamão	ões	ães	ãos	2	1	2	1	1	1	1	1	2	3	2	3	1	3	7	4	3
nalhão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	3	1	1	2	1	1	1	1	3	1	10	2	2
narrão	ões	ães	ãos	1	1	1	1	3	1	1	1	2	1	1	1	3	1	11	1	2
nelhão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	1	1	1	2	1	2	3	1	3	1	9	3	2
nenhão	ões	ães	ãos	1	3	2	2	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	9	4	1
nonsão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	3	1	1	1	1	2	3	1	2	1	9	3	2
pefão	ões	ães	ãos	1	1	3	1	3	1	1	2	2	1	2	1	1	1	9	3	2
prevação	ões	ães	ãos	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	14	0	0
prezarrão	ões	ães	ãos	1	1	1	1	3	1	1	3	3	1	2	1	2	2	8	3	3
queresão	ões	ães	ãos	2	3	2	1	1	1	1	1	1	1	3	1	2	1	9	3	2
reção	ões	ães	ãos	1	1	1	1	2	1	1	1	2	3	3	1	1	1	10	2	2
rezarrão	ões	ães	ãos	1	1	1	1	1	1	2	1	2	1	3	1	2	1	10	3	1
rirerrão	ões	ães	ãos	3	1	-	1	3	1	1	3	1	3	1	1	1	1	9	0	4
rurrão	ões	ães	ãos	1	2	2	1	3	1	1	1	1	1	3	1	2	3	8	3	3
salhão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	3	1	1	1	3	1	3	1	1	1	10	1	3
serrizão	ões	ães	ãos	2	1	-	2	3	1	2	2	3	1	1	1	3	1	6	4	3
tatitão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	2	1	1	1	1	1	2	1	3	1	10	3	1
trearrão	ões	ães	ãos	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	3	1	3	3	10	1	3
viralhão	ões	ães	ãos	2	1	3	1	1	1	1	2	1	1	2	1	2	3	8	4	2
vuchoião	ões	ães	ãos	1	3	3	1	1	1	2	2	2	1	1	2	2	2	6	6	2
zadão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	12	2	0
zão	ões	ães	ãos	1	2	3	1	2	2	3	3	1	1	2	2	2	3	4	6	4
zezzizão	ões	ães	ãos	1	1	3	1	2	1	1	1	3	3	1	1	2	1	9	2	3
zinerrão	ões	ães	ãos	1	1	2	1	3	1	1	1	3	1	1	1	3	1	10	1	3

И.В. Тимошенко

ОГУ им. Тургенева, Орёл

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРТИКЛЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ
ТЕКСТОВ)**

Очевидно, что артикли в разных языках имеют свои особенности и отличительные признаки, однако в ходе изучения свойств артиклей возможно выделить универсальный семантический инвариант для каждого артикля, общий для всех языков. На основании соотнесения выделенного инварианта можно анализировать и сравнивать соответствующие артиклевые формы, в том числе и в неблизкородственных языках. Наиболее наглядно это проявляется при сопоставлении параллельных текстов переводов с безартиклевого языка. Общий исходный текст позволяет рассмотреть реализацию общего инварианта в сопоставляемых языках и изучить случаи несовпадения в разных переводах. Отсутствие артиклей в исходном языке позволяет исключить своеобразное психологическое давление на переводчика, который при переводе с артиклевого языка может в некоторой степени копировать артикли, употребленные в оригинальном тексте.

Нами предпринята попытка построения максимально непротиворечивой теории, способной описать реализацию основной текстовой функции артикля, и создания условной модели референциального выбора, осуществляемого адресантом текста на артиклевом языке (в нашем случае в этой роли выступает переводчик). Основную функцию артикля мы определяем как передачу референции имени, т.е. указания на «соотнесённость слова с частью объектов, принадлежащих обозначаемому словом классу, которые говорящие выделяют в своём сознании» [1:83]. Для достижения поставленных целей был проведен контрастивный анализ имен, содержащихся в тексте художественного произведения на языке оригинала и на двух языках перевода.

Рассматриваемые переводы выполнены профессиональными переводчиками-носителями языка перевода, что минимизирует вероятность возникновения ошибок. Анализ параллельных текстов позволяет повысить уровень репрезентативности выборки и, как следствие, точность результатов исследования. При создании переводов специалисты-переводчики не ориентировались на другие переводы, а трактовали значение референции имени или именной группы исключительно на основании указаний, содержащихся в оригинальном тексте. Это позволяет рассмотреть механизмы восприятия типа референции имени (номинативной группы) из оригинальной языковой ситуации адресатом сообщения, в роли которого выступает переводчик во время работы с исходным текстом, и принципы передачи этого типа в тексте перевода, по отношению к которому переводчик является адресантом.

В качестве материала исследования выбраны параллельные переводы глав I и XXV романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки (по два перевода на каждый язык). В ходе анализа сделана выборка всех имен и именных групп, не имеющих в составе детерминантов, отличных от артикля, и несовместимых с ним. Всего зафиксировано 4975 номинатов, отвечающих критериям выборки. Данные номинанты (номинативные группы) составляют 1312 тетрады и триады, соответствующие заявленным критериям и подлежащие сравнению и последующему анализу, из которых 1039 полных квартета и 273 — трио, где в одном переводе отсутствует материал для сравнения.

При рассмотрении функционирования артиклей в тексте нами использовано описание системы артикля, предложенное Ф. А. Литвиным. В этом описании отмечается неопределенность значения терминов «определенность» и «неопределенность» и предложен альтернативный подход к пониманию сущности артикля, предполагающий рассмотрение артиклевых форм как обладателей общего семантического компонента значения, т.е. обладающих «общим семантическим инвариантом своего лексического значения». В рамках этого описания инвариант определенного артикля предлагается рассматривать как «выделение из класса», то есть как указание на то, что «множество, именем которого в языке является данное существительное, представлено в ситуации <...> одним или совокупностью из элементов множества, выделенным (-ой) из общего ряда». Инвариант неопределенного артикля представлен как «отнесение к классу» и понимается как указание на то, что «номинат существительного представлен в референте данного речевого высказывания элементом множества как обладающим признаками, дифференциальными для всего множества». Инвариант нулевого артикля предлагается называть «именованием класса» и понимать как указание на обозначение множества без выделения составляющих его элементов. Данная концепция предусматривает возможность изучения с ее помощью самых разных артиклевых языков независимо от количества артиклевых форм в конкретном языке. Также предлагаемый подход позволяет проводить сравнительный анализ функционирования артиклей в неблизкородственных и даже в неродственных языках. [2: 89–99].

Все проанализированные контексты были распределены в типовые группы согласно их расположению, виду, природе (возможность / невозможность неоднозначной интерпретации исходного контекста). По виду нами выделены совпадения и несовпадения, которые классифицируются далее по локализации как межъязыковые и внутриязыковые. Разделение на группы по критерию природы феномена, наблюдаемого в контексте, основано на возможности / невозможности неоднозначной интерпретации исходного контекста.

Всего зафиксировано 909 совпадений и 378 несовпадений, из которых 294 межъязыковых и 196 внутриязыковых. Из внутриязыковых 88 приходится на английский язык, а 108 — на французский.

Нами выделены четыре вида совпадений / несовпадений артиклей:

- 1) совпадения (переводчики употребили один и тот же артикль);
- 2) одиночные внутриязыковые несовпадения (три переводчика употребили один и тот же артикль, в четвертом переводе использован иной артикль);
- 3) парные внутриязыковые несовпадения (внутри каждой моновязыковой пары переводов);
- 4) парные межъязыковые несовпадения (внутриязыковые совпадения не совпадают друг с другом).

Рассмотрим каждый из выделенных элементов классификации на материале произведенной нами выборки имен и именных групп из глав XXV и I романа.

1. Полные совпадения

Совпадения составляют около 70% всех компонентов выборки. Обозначение типа референции может получать различное лексическое, морфологическое и синтаксическое оформление. Так, в примерах (1), (5) на тип референции указывает в исходном текстовом фрагменте приданное имени определение, позволяющее идентифицировать объект и определить его референциальные отношения с именем как «выделение из класса». Другим указателем на тип референции имени или именной группы является использованная в тексте оригинала уточняющая конструкция, например, причастный оборот (2), (4). Также совпадения могут быть обусловлены наличием в исходном текстовом фрагменте порядковых числительных со значением указания на элемент ограниченного множества в роли подлежащего (3). В каждом из рассматриваемых в этом классе употреблений артикля невозможно расхождение в определении референциального компонента значения имени (именной группы) в исходном тексте.

- (1) *тень чуть зеленеющих лун // the shade of the newly budding linden trees // the shade of the lime trees that were just becoming green // les ombrages de tilleuls à peine verdissants // l'ombre des tilleuls tout juste verdissants* (глава I)
- (2) *но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице // but all along the tree-lined path that ran parallel to Malaya Bronnaya Street // but along the entire tree-lined avenue running parallel to Malaya Bronnaya Street // mais tout au long de l'allée parallèle à la rue Malaïa Bronnaïa // mais dans toute l'allée parallèle à la rue Malaïa Bronnaïa* (глава I)
- (3) *Первый был не кто иной // The first man was none other // The first was none other // Le premier n'était autre // Le premier n'était autre* (глава I)
- (4) *Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками // Bezdomny had painted the central*

character of his poem, that is, Jesus, in very dark colors // Bezdomny had outlined the main character of his poem, that is, Jesus, in very dark colours // Biezdomy avait peint son personnage principal – Jésus-Christ – sous les couleurs les plus sombres // Bezdomny avait certes représenté le personnage principal de son poème, à savoir Jésus, sous des couleurs très noires (глава I)

2. Одиночные внутриязыковые несовпадения

Внутриязыковые несовпадения артиклей в переводах возникают исключительно в результате разной интерпретации референциального компонента значения исходного текста адресантами-переводчиками. Это становится возможным из-за отсутствия в контексте чётких указаний на тип референции. В условиях возможности неоднозначного толкования исходного текстового фрагмента переводчик совершает референциальный выбор, основываясь на собственном восприятии прочитанного высказывания. На это восприятие оказывают значительное влияние языковой и личный опыт, уникальные для каждого человека. Однако передать с помощью артикля возможно только то значение, которое не противоречит оригинальному текстовому фрагменту. Неоднозначность толкования при этом может быть обусловлена наличием более одного указания на характер референции в исходном тексте, при условии, что каждое из этих указаний соотносится с отличными друг от друга инвариантами артиклевого значения (6), (7), (11), (10), (12). В других случаях несовпадения возникают в результате употребления переводчиками отличных друг от друга лексических единиц и синтаксических конструкций, требующих употребления разных артиклей (5). В ходе аналитической работы с материалом выборки были зарегистрированы несовпадения в употреблении артиклей, основанием для возникновения которых является использование в оригинальном тексте в качестве имени многозначного слова, которое может обозначать неисчисляемое понятие, соотносящееся с неограниченным несчетным множеством или счетные объекты, состоящие из этого понятия. В языковых ситуациях, которые допускают неоднозначное понимание этого имени — и как неисчисляемого, и как исчисляемого — его референция может быть воспринята по-разному. Так, в примере (8) имя «лимон» в двух переводах рассматривается как указание на объект, состоящий из неисчисляемого понятия (материи), и в других двух переводах — как указание на объект, состоящий из этой материи и поддающийся подсчету (единичные плоды лимонного дерева), и в примере (9) референция имени «жизнь» в трех переводах рассматривается как «отнесение к классу», в одном переводе — как «именование класса».

- (5) *все, сообщаемое редактором, являлось новостью // everything the editor said was a novelty // everything being imparted by the editor was news // tout cela était nouveau // tout ce que racontait le rédacteur en chef était chose neuve (глава I)*

- (6) *и валялись осколки разбитого кувшина. // and in it were pieces of a broken jug // and the fragments of a smashed jug lay around. // que jonchaient les débris d'un cruchon brisé, et que personne n'avait nettoyée. // et les tessons d'une cruche cassée traînaient ça et là. (глава XXV)*
- (7) *разбил кувшин о мозаичный пол // had smashed the jug on the mosaic floor // had smashed the jug onto the mosaic floor // avait jeté le cruchon sur le sol de mosaïque // avait lancé une cruche sur le sol en mosaïque (глава XXV)*
- (8) *жевал лимон // chew on a slice of lemon // chewed on a lemon // et mâchait du citron, // suçait un citron, (глава XXV)*
- (9) *Да пошлют ему боги долгую жизнь, // may the gods grant him long life // May the gods send him a long life // – Que les dieux lui accordent une longue vie! // – Que les dieux lui accordent une longue vie (глава XXV)*
- (10) *редактор толстого художественного журнала // editor of a literary magazine // the editor of a thick literary journal // rédacteur en chef d'une épaisse revue littéraire // rédacteur en chef d'une revue littéraire épaisse (глава I)*
- (11) *к пестро раскрашенной будочке // for the colorfully painted refreshment stand // towards a colourfully painted booth // vers une baraque peinturlurée // vers un kiosque bariolé (глава I)*
- (12) *и валялись осколки разбитого кувшина // and in it were pieces of a broken jug // and the fragments of a smashed jug lay around // que jonchaient les débris d'un cruchon brisé // et les tessons d'une cruche cassée traînaient ça et là (глава XXV)*

3. Парные внутриязыковые несовпадения

Наличие в каждой из моновязыковых пар переводов несовпадений является частным случаем несовпадений, вызванных отсутствием однозначного указания на тип референции в исходном текстовом фрагменте. В ряде элементов выборки ни один из четырех артиклей не совпадает с другими (13). Эти несовпадения встречаются редко, например, в тексте главы I зафиксировано одно такое несовпадение. Несовпадения этого вида возникают при одновременном влиянии сразу двух значимых факторов: возможностью неоднозначного толкования референции, переданной в исходном тексте и различием в грамматическом строе языков. В гораздо большем количестве проанализированных контекстов зафиксировано употребление двух одинаковых артиклевых форм в переводах на разные языки и двух отличных от них и друг от друга. Этот вид несовпадений обусловлен наличием максимально возможно неоднозначного указания на тип референции, что приводит к формированию трех равноправных (одинаково корректных) вариантов обозначения характера референциальных отношений в тексте перевода, либо сочетанием невозможности однозначного толкования с грамматически обусловленным межъязыковым несовпадением (14), (15), (16), (17). Самым частотным (более половины всех несовпадений

этого вида) является такое употребление разных артиклевых форм в каждой из моновязыковых пар переводов, при котором артиклевые формы в одном переводе на французский язык и одном переводе на английский язык совпадают и аналогичное совпадение имеется во второй межъязыковой паре переводов. Единственной причиной возникновения этого вида несовпадений мы считаем отсутствие указания в исходном тексте на тип референции имени (именной группы), не допускающего множественного толкования (18), (19).

- (13) *поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного // the poet learned more and more interesting and useful things // the more and more interesting and useful were the things the poet learnt // le poète découvrait à chaque pas des choses curieuses et fort utiles // plus le poète apprenait de choses intéressantes et utiles*
- (14) *Ливень хлынул неожиданно // the downpour broke out unexpectedly // Torrential rain gushed unexpectedly // Soudain, la pluie jaillit, torrentielle // Une pluie torrentielle se déclencha inopinément (глава XXV)*
- (15) *опустилась с неба бездна // an abyss descended from the sky // the abyss descended from the sky // l'insondable obscurité descendue du ciel // un abîme descendit du ciel (глава I)*
- (16) *голуби выбрались на песок, // the pigeons had come out on the sand // doves had come out onto the sand // des pigeons se promenaient à nouveau dans les allées, // les colombes ressorties sur le sable roucoulaient, (глава XXV)*
- (17) *и очень умело указывал в своей речи на древних историков, // and in his speech he made very clever allusions to ancient historians // and pointed very skilfully in his speech to the ancient historians // Il fit remarquer par exemple, avec beaucoup d'habileté, que des historiens anciens // et qu'il savait fort à propos se référer, dans son discours, aux historiens anciens (глава I)*
- (18) *Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было. // Yet a third notes laconically that he had no distinguishing characteristics whatsoever. // The third states laconically that the person had no distinguishing features. // Un troisième déclare laconiquement que l'individu ne présentait aucun signe particulier. // Le troisième indiquait en termes laconiques que l'homme ne présentait aucun signe particulier. (глава I)*
- (19) *Цекуба, тридцатилетнее, // – a thirty-year-old Cecubum // – Cecubum thirty years old // – C'est du vin de Cécube. Il a trente ans // – Un cécube, de trente ans d'âge» (глава XXV)*

4. Парные межъязыковые несовпадения

К этому виду несовпадений относятся межъязыковые несовпадения моновязыковых совпадений. Парные межъязыковые несовпадения обусловлены в большинстве своем различиями в системах французского и английского языков (20), (21), (25), (26). Второй причиной возникновения таких несовпадений

является различие в интерпретации указаний на характер референциальных отношений, переданных в исходном текстовом фрагменте, при котором совпадение внутри каждой языковой пары может носить случайный характер (22), (24).

- (20) зубы имел золотые // *had gold teeth // had gold teeth // avait des dents en or // avait des dents en or* (глава I)
- (21) на Патриарших прудах, // *at Patriarch's Ponds // at Patriarch's Ponds // la promenade de l'étang du Patriarche // le square des étangs du Patriarche* (глава I)
- (22) Она уже навалилась своим брюхом на Лысый Чепен, // *the cloud had already spilled its belly onto Bald Skull // Its belly had already fallen on Bald Skull, // Son ventre noir pesait déjà sur le Crâne Chauve // Déjà le ventre du nuage avait croulé sur le Crâne Chauve* (глава XXV)
- (23) Она вливалась в окошки // *the cloud gushed through windows // It was pouring into windows // Elle se coulait par les étroites fenêtres // Il forçait son entrée par les fenêtres étroites* (глава XXV)
- (24) и тогда гроза перешла в ураган // *the thunderstorm turned into a hurricane // and then the thunderstorm turned into a hurricane // L'orage s'était mué en ouragan // et alors l'orage se transforma en ouragan* (глава XXV)
- (25) простиралась неубранная красная, как бы кровавая, лужа // *a red puddle, which looked like blood and had not been cleaned up, was spreading out // stretched an untouched red puddle, as if of blood, // s'étalait une mare rouge comme du sang, // s'étalait une flaque rouge comme du sang, non nettoyée,* (глава XXV)
- (26) в глазах его появился смертельный ужас, // *mortal terror appeared in his eyes // mortal terror had appeared in his eyes, // et, les yeux remplis d'une terreur mortelle, // un effroi mortel était apparu dans ses yeux,* (глава XXV)

Преобладание совпадений подтверждает наше предположение, что принципы функционирования артикля в сопоставляемых языках схожи и основываются на наличии семантического инварианта артикля, общего для всех языков. Совпадения в употреблении артиклей при переводе одного исходного текстового фрагмента, содержащего имя или именную группу, обусловлены наличием в оригинальном тексте однозначного указания на характер референциальных отношений.

Наличие несовпадений в значимом количестве говорит о том, что при отсутствии однозначного обозначения типа референции в исходном тексте переводчик в процессе перевода делает референциальный выбор на основе своего понимания оригинала. Это может приводить к появлению несовпадений в употреблении артиклей в идентичных языковых ситуациях. [3; 4]

В результате проведенного анализа употребления артиклей в параллельных текстах установлено, что несовпадение артиклей, свидетельствует об отсутствии однозначных жестких указаний на тип референции в ближайшем контексте и о влиянии субъективного компонента языковой личности на восприятие исходного текста и на референциальный выбор.

Библиография

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
2. Литвин Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике артикля в разных языках // Общество & человек. СПб.: Алеф-пресс, 2014. № 2 (8). С. 89–99.
3. Тимошенко И.В. Некоторые вопросы функционирования артиклей в английском языке // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск: СмолГУ, 2015. С. 82–84.
4. Тимошенко И.В. Моделирование процесса выбора артикля (на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки) // Scripta manent. – Вып. XXI. – Смоленск: СмолГУ, 2015. С. 156–165.

Материал исследования

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2001.
2. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated by Hugh Aplin. – London: One World Classics, 2008.
3. Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. London Picador, London: Picador, 1997.
4. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Texte présenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. – P. : Éditions Gallimard, 2004.
5. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Traduit du russe par Claude Ligny. – P. : Robert Laffont, 2012.

D. Tiskin

St. Petersburg State University, St. Petersburg

NEGATIVE FLOATING QUANTIFIERS: UNDERESTIMATED EVIDENCE FOR
THE STRANDING ANALYSIS?¹

1. Introduction

The present paper is concerned with the phenomenon of floating quantification, which may be defined as the ability of a quantifier word (itself called a floating quantifier, FQ) to occur detached from its complement NP/DP, which I will henceforth call its *restrictor* due to the semantic function it has. The phenomenon may be illustrated with the following English sentences, of which (2) exemplifies what Testelefs [32] calls “distributive quantifier float”.

- (1) The delegates have **all** arrived.
- (2) The staff gave them **each** a souvenir.

There are two main approaches to floating quantification,² which are not mutually exclusive as FQs of different sorts may be together attested in a given language. One is the *stranding* theory defended by Sportiche [29], which claims that the floating configuration results from the *in situ* configuration via movement:

- (3) have [_{QP} all [_{DP} the delegates]] arrived → [_{DP} the delegates]_i have [_{QP} all t_i]
arrived

Another is the *adverbial* theory [2; 9], which, in contrast to the stranding approach, takes FQs to be base-generated in the adjunct position.

- (4) [_{DP} the delegates]_i have [_{VP} t_i [_{V'} [Q all] arrived]]

On the adverbial view, the quantifier forms a constituent with the verb, therefore in semantics the verb argument should come first. This is reflected in the semantics for FQs given in Hoeksema [13]:

¹Thanks to two anonymous reviewers and to the audience of the conference for their comments. Special thanks to Ekaterina Lyutikova and Yakov Testelefs for fruitful discussion and to Andrej Sideltsev, who encouraged me to submit my abstract when I was in doubt. The remaining errors are solely mine.

²But see also the “predication analysis” [30], according to which the FQ is a secondary subject and as such falls under a general principle to the effect that the subject must be in the semantic relation of predication with its predicate. (The difference from the stranding analysis is that no movement of the restrictor is assumed.) Among its problems, according to Terada [31], is that not all instances of predication allow for an FQ: e.g. *John and Mary both died young* is acceptable, whereas **John and Mary died both young* is not, although *young* is semantically a predicate. The availability of FQs followed by no predicate in some languages is also left unexplained.

- (5) $[[\text{all}_{\text{FQ}}]] = \lambda P. \lambda X. \forall x \in X : P(x) \wedge |X| > 2$

In (5), P stands for the property supplied by the verb, X is a plural individual [16] denoted by the restrictor, and the condition that the cardinality of X (i.e. the number of atomic individuals x contained therein) exceed 2 is added to distinguish *all* from *both*, for which $|X| = 2$ must hold.

Some theorists have attempted to get the best of both theories. For instance, Doetjes [7] claims that the FQ is base-generated in an adverbial position, which is above the base-generation position of the restrictor (generated VP-internally); when the restrictor moves, its trace is bound by the FQ (6). In French, the FQ can also bind a pronoun in its scope, which explains the acceptability of (7) as opposed to sentences where the position of *ils* is occupied by a full-fledged NP instead.

- (6) $[_{\text{DP}} \text{the delegates}]_i \text{ have } [_{\text{VP}} \text{all}_i [_{\text{V}'} \text{arrived } t_i]]$

- (7) Je veux tous qu'ils viennent t_i

I want all that.they come

'I want them all to come.'

[Doetjes 1992: 320]

Other authors combine the two main theories in a different way, showing that a single language may have stranded as well as adverbial FQs. Madariaga [18] argues that Russian displays what she calls "the Japanese pattern" (*mnogo* 'many', *malo* 'few' etc.) of floating together with "the English pattern" (*vse* 'all', *oba* 'both', *odin* 'alone'). The former type takes an NP complement in the Genitive; they are allowed only with non-transitive verbs and only when the quantifier has not undergone any movement before the quantifier moves out of it (8). The latter type agrees with its restrictor; it has no such restrictions (9). (All examples here are taken with modifications from Madariaga [18: 273].)

- (8) a. Vozmožnostej bylo predloženo [pjat' t_i].
 opportunity.GEN.PL were offered five

'As for opportunities, five were offered.'

- b. *Vozmožnostej $_i$ [pjat' t_i] $_j$ bylo predloženo t_j .

- c. *Studentov $_i$ kupilo ètu knigu [mnogo t_i].
 student.GEN.PL bought this book many

- (9) Studenty vse ljubjat prepodavatelja.

student.NOM.PL all love tutor.GEN.SG

'As for students, they all love the tutor.'

Taking the differences in restrictions into account, Madariaga proposes that the Genitive type involves one-step movement (stranding) of the restrictor from its base position where the quantifier remains to an A-bar position (that of a topic), whereas the agreeing type is created via cyclic A-movement of the restrictor; in the latter case the FQ is adverbial. Elaborating on her proposal, Fitzpatrick [10] specifies that with the agreeing type, the restrictor binds a silent base-generated variable (rather than a

In the present article, I will make a case for the stranding approach based on two observations. First, in English, which has negative FQs, it is precisely those FQs that cannot float without a partitive pronominal complement like *of them*. Second, analogous FQs in Russian do not require such a partitive and are moreover unacceptable with it. This, as I argue, adds plausibility to the stranding analysis, as the need for a partitive in English may be viewed as a result of island-crossing movement, in which case the partitive phrase itself is a resumptive pronoun.

The paper is structured as follows. Section 2 is dedicated to the relation of FQ to non-floating constructions (Subsection 2.1) and to the variety of similar phenomena attested cross-linguistically (Subsection 2.2). Section 3 presents the data from English and Russian concerning the behaviour of negative FQs, and Section 4 outlines an argument in favour of the stranding analysis of FQs basing on the data. Section 5 concludes.

2.1. FQs, partitivity and prepositions

Already a short glance on floating quantification in Russian reveals that not every item that may occur detached can also occur adjacent to the restrictor without morphological change in the latter:

- (10) a. Počemu by tvoim druž'jam oboim ne
 why SUBJ your.DAT.PL friend.DAT.PL both.DAT.PL NEG
 prijti.
 come
 'Why wouldn't your friends both come?'
- b. Počemu by oboim tvoim druž'jam ne prijti.
- (11) a. I togda ja podaril eë detjam každomu po
 and then I gave her child.DAT.PL each.DAT.SG DISTR
 sto rublej na igruški.
 100 rubles for toys
 'And then I gave her children each 100 rubles for toys.'
- [M. Zoshchenko, "Lyolya and Min'ka" (1939), RNC³]
- b. *I togda ja podaril každomu eë detjam po sto rublej na igruški.

Bobaljik [3] lists the *in situ* / partitive distinction among the potential problems for the stranding analysis of FQs. However, here having in mind a broader picture comes in handy. As Sportiche [29: 426] notes, English does not have lexical distinctions fine-grained enough to draw conclusions, but French has two lexemes for ‘each’, one

³Examples marked as “RNC” were taken from the Russian National Corpus, <http://ruscorpora.ru>.

floating (*chacun*) and one non-floating (*chaque*). Of those only the first one combines with partitive DPs similar to *each of the girls*. Thus an intimate connection between FQs and partitive phrases is revealed.

Calling those phrases DPs seems incoherent as they are apparently headed by a preposition; however, the partitive *of* has been repeatedly hypothesized⁴ to be mere “phonological spelling out of Case” [29: 427, fn. 4; 6: 194]; the same applies to certain propositions in Romance [33: 253]. This means no syntactic head has to be postulated for the preposition in the pertinent cases, so the closest maximal projection above it should be viewed as DP.

2.2. Similar phenomena

2.2.1. Split Topicalisation

There are a handful of phenomena which are similar to floating quantification in the effects they have for word order but are classified differently in syntactic theory. One is Split Topicalisation (ST), first described for German in van Riemsdijk [25], where a topicalised NP is linked to a quantifier *in situ*:

- (12) Bücher habe ich keine mehr.
books have I none more
‘As for books, I don’t have any anymore.’ [van Riemsdijk 1989: 105, (1)]

Various diagnostics show that in cases of ST, a complete DP remains *in situ* and therefore the configuration in (12) cannot result from the movement of the topicalised NP. First, the declension of the quantifier reflects the presence of an empty N head [25: 109]. Second, the complement position of the quantifier may even be filled by overt material; whereas van Riemsdijk specifies that only partitive-taking NPs are allowed (13), the examples in Ott [21] demonstrate a wider range of possibilities: (14) is acceptable, even though **ein paar Bussarde seltene Raubvögel* is not.

- (13) Wein habe ich nur **zwei Flaschen** dabei.
wine have I only two bottles with.me
[van Riemsdijk 1989: 120, (37)]
- (14) Seltene Raubvögel hat Jürgen nur **ein paar Bussarde**
rare birds.of.prey has J. only a few buzzards
gesehen.
seen
‘As for rare birds of prey, Jürgen only saw a few buzzards.’
[Ott 2012: 289, (21a)]

⁴Interestingly, Takami [30: 149] invites the reader to contrast *All of the students came to the party* with *The students all came to the party*, and only later notes that the former is “roughly equivalent” to *All the students came to the party*.

Ott's analysis of ST postulates movement, but not out of the complement position of the quantifier: he rather assumes the pre-movement structure for (12) as in (15). Here the complement of *keine* is the null NP, which may alternatively be overt (14). The question mark indicates that the structure cannot be labeled (as, roughly, it is uncertain whether it should be DP or NP), which triggers movement of the NP, whereupon the remaining structure is labeled as DP.

- (15) ... [_? [_{DP} *keine* [_{NP} *e*]] [_{NP} *Bücher*]] ...

The closest Russian analogues for (13)–(14) are perhaps sentences like (16)⁵, although sometimes, more readily with mass nouns, the noun remains *in situ* (17). Such examples are outside the scope of the present paper. They should be distinguished from cases where no overt NP is present in the complement position (18); those are analysed as instances of stranding [18; 12].

- (16) Vzryvatelej MP i D-1 pri plane 3 mln. ne sdano
fuse.GEN.PL MP and D-1 with plan 3M NEG produced
ni odnoj štuki.
not a single thing
'As for fuses, out of 3 million planned not a single thing was produced.'
- (17) U nog Olen'ki ležali dve štuki polotna i neskol'ko
at feet O.GEN lay two pieces linen.gen and several
svěrtkov.
parcels
'Two pieces of linen and several parcels were lying at Olenka's feet.' (trans. by R. Wilks) [A. Chekhov, "The Shooting Party" (1884), RNC]
- (18) I radara_i ja tam ni odnogo _____i ne uvidel...
and radar.GEN.SG I there not a single NEG saw
'And as for radars, I haven't seen any there.'

2.2.2. Q-Pro Flip

Another phenomenon that may be confused with FQ is the so-called "Q[uantifier]-Pro[noun] Flip" [24; 18], which is the name for cases where the quantifier and the restrictor, despite of the inverse order, form a constituent (19), so apparently nothing floats too far away. Summarising the data, Brisson [4: 239–240] concludes that the phenomenon is restricted to pronouns in the accusative.

- (19) I gave [them both] a hug and left.

As Bobaljik [3] notes, these facts can be accounted for if one assumes Shlonsky's [26] proposal that *all* is the head of a special maximal projection QP and that its

⁵The situation is complicated by the sporadic occurrence of nominative/accusative topics: *Otkrytye butylki* (NOM/ACC) *ne otдали ni odnoj štuki* 'As for open bottles, they didn't give a single thing back'.

complement DP can move to its Spec position, thus reverting the base-generated word order.

3. Negative FQs in Russian and beyond

Some authors who provide lists of potential floaters do not include negative quantifiers [12; 27]; however, such elements have been attested in several languages. In particular, Hoeksema [13] gives an English example (20), whereas Hoekstra [14] is fully dedicated to the analysis of a lexeme in Fering-Öömrang (a dialect of Frisian) which has, among other uses, the same function (21).

(20) They have **none of them** arrived.

(21) Diar mä hed wi dach wel **neemen** mä reegent.
there with had we really well no.one with reckoned
'None of us had reckoned with that.' [Hoekstra 2013: 197, (8a)]

In what follows, I will be dealing with similar cases in Russian. Those include negative FQs *nikto* and *ni odin* 'no one'⁶ as well as the quantifier of small quantity *malo kto* 'few':⁷

(22) Oni **nikto** (*iz nix) ne ponimali ètogo do samogo konca.
they none of them NEG understood this till very end
'They none of them understood that till the very end.'

(23) A voobšče ne stala ja ego smotret' iz-za
and generally NEG started I it watch because.of
aktris: oni mne **ni odna** ne npravjatsja.
actresses they me.DAT none NEG like
'But generally, it was because of the actresses that I didn't start watching it: I like none of them.'

(24) Ja беру пример so sportsmenov, a oni **malo kto** begajut
I take example from sportsmen and they few run
v očkax.
in glasses
'I follow sportsmen's example, and few of them run wearing glasses.'

⁶In some cases of this kind the verb may take the singular, as in *Ja pereprobovala mnogo diet, no oni ni odna ne srobotala* 'I tried many diets, but none of them worked'. The status of such examples is unclear, and they will not be discussed here.

⁷Paperno [22: 736] translates *malo kto* as 'few people'. Indeed, although *kto* may refer to any animate object and non-floating *malo kto* does occur with the names of animals (...*malo kto iz ètix životnyx ljubit ix* 'few of those animals [rabbits] like them'; *Malo kto iz korov na takoe soglašajetsja* 'Few cows agree to such things'), sentences like *??Kroliki malo kto ljubjat tykvu* (intended: 'As for rabbits, few of them like pumpkin') seem significantly degraded.

All of (22)–(24) have partitive counterparts. Additionally, *pluralia tantum* nouns may occur *in situ* as complements of *ni odni* (25); moreover, plurals allow for the reading of *ni odni* on which it means, roughly, ‘no salient subset of’ or ‘no subset of w.r.t. some salient way of subset formation’, as illustrated in (26).

- (25) Džinsy v obščem ni odni ne ponravilis’...
 jeans in general none NEG liked
 ‘As for jeans, I basically liked none of them.’
- (26) Antidepressanty ni odni ne pomogli.
 antidepressants none NEG helped
 ‘No prescribable subset of (?) antidepressants helped.’

Comparing (20) with (22), we note that the partitive *of them* is obligatory in English whereas its addition in Russian reduces acceptability. This fact will be crucial for the argument put forward in the present paper.

3.1. Not Split Topicalisation

Before I proceed to the outline of my account, those alternatives should be considered that assimilate the Russian phenomena into one of the classes characterized as non-FQ above. Apart from what has been already said about ST, I would like to emphasise that in Russian, the quantifier need not be in the narrow focus (22). This distinguishes the Russian cases in point from the examples studied by van Riemsdijk.

3.2. Not Q-Pro Flip

To see that we are not dealing with instances of Q-Pro Flip, consider (27)–(28). Recall that in Q-Pro Flip, the quantifier and the restrictor form a constituent. Here, however, the alleged constituent formed by the restrictor and the quantifier is split by an intruding lexical item; additionally, preposition doubling virtually excludes the hypothesis that the restrictor may be partitive, whereas Maling [19: 713] derives flipped configurations from QPs with partitive complements.

- (27) U nix že ni u kogo net vyššego muzykal’nogo
 PREP they.GEN PRT PREP.none.GEN is.no higher music
 obrazovanija.
 education
 ‘Look, none of them have higher music education.’
- (28) U nix ved’ ni u kogo net detej.
 PREP they.GEN PRT PREP.none.GEN is.no child.GEN.PL
 ‘You see, none of them have children.’

One may wonder if the preposed PPs are indeed in the appropriate configuration with their corresponding FQs and are just not topics, as in (29). This is especially important if we broaden the range of our evidence against the “flip” analysis and take into account such examples as (30).

- (29) U nas ničego ved' ne bylo — tol'ko xram i
 PREP we.GEN nothing PRT NEG was only church and
 batjuška.
 priest
 'You see, we had nothing: only the church and the priest.'
- (30) U nix roditeli u vsej uexali.
 PREP they.GEN parents PREP all.GEN left
 'They are all such that their parents have left.' [E. Lyutikova, p.c.]

One way to ensure that we are dealing with a single unit is to use Wackernagel clitics as separators. This is what makes valuable examples like (27)–(28), where the enclitic occupies the position immediately after the restrictor PP, suggests that the restrictor indeed forms a single clause and is not separated from the rest with a “rhythmic-syntactic barrier”⁸ [35: 48]; contrast (28) with its artificial counterpart in (31), where the barrier is marked with “//”.

- (31) U nix // ni u kogo ved' net detej.

4. Negative float as stranding with resumption

4.1. Accounting for of them

My proposal consists of two claims: (a) that the floating configuration, either in Russian (22) or in English (20), is created via the movement of the restrictor, as recognized under the stranding analysis, and (b) that the pronoun in the partitive complement of English negative FQs is a resumptive pronoun. Resumptives are pronouns used where a trace would otherwise be expected [20]. Sometimes they are employed to repair island violations [27]. Assuming that FQs are created via movement, it is reasonable to expect that the movement will be subject to island constraints; and as long as the quantifier is negative, the island in question should be the negative island. That it is hard to cross in English leads to the resumptive pronoun (*of them*) being inserted. In the absence of the resumptive the derivation fails.

Given this, the structures I propose for (20) and its Russian translation *Oni nikto ne prišli* are as in (32) and (33), respectively. As mentioned above, *of* is not taken to be a head on its own but rather as spelling out the Case feature of *they*.

- (32) they_i [have [QP [Q none] [DP of_i them_i]]] arrived]
 (33) oni_i [[QP [Q nikto] [DP ti_i]]] ne prišli]

As Yakov Testelet's (p.c.) has pointed out, at this stage one cannot a priori dismiss the hypothesis that *none of them* is a single lexical unit (perhaps like *you guys* in some varieties of English), however complex its appearance; meanwhile, if this hypothesis proved true, any arguments as regards the role of *of them* as such would be pointless. Whereas I am aware of no straightforward means to show convincingly that *none of*

⁸This argument I mainly owe to Ekaterina Lyutikova.

them is syntactically complex, there is at least one way to demonstrate that the opposite is unlikely.⁹ To do this, finding parallel configurations involving other pronouns is crucial: indeed, if *none of us* and *none of you* co-exist with *none of them* in similar constructions, considerations of parsimony speak against stipulating three new lexical items. Such examples are indeed found, in old books (34) as well as in modern blogs (35) and grammar forums (36). *None of you* as an FQ seems rare although present; (37) is from Jeremy Bentham and (38) from Hoeksema [13; his (24d)].¹⁰

- (34) For we are none of us without some seeds of good nature which with due cultivation may be made to produce something in the most barren ground.
- (35) We are none of us perfect...
- (36) We were none of us happy about it.
- (37) To the value of this *constitutional* law of yours, you are none of you insensible.
- (38) You are none of you in very good shape.

This much said, I consider the assumption tacitly made earlier, i.e. that *none of them* is syntactically complex, fairly safe to make.

The next point has to do with the obligatoriness and optionality of resumptives. Terada [31: 470], his (10a)) claims that (39) is ungrammatical with *of them* added; this would be the ideal picture for the analysis proposed here, but unfortunately this does not seem quite true.

- (39) The students have all (*of them) passed the exam.

In fact *of them* is found in the complement position, either in contemporary discourse (40) or in older books (41), where a notorious subclass of examples is constituted by sentences where the verb *have* is that of possession (42).

- (40) And they have all of them contributed so significantly to this effort.
- (41) ...I could shew, that they have all of them betrayed the public Safety at all Times...
- (42) In these respects, they have all of them a good understanding...

This may create an obstacle for the present proposal, but not an insuperable one as resumptives need not be limited to environments where the lack of resumptive would lead to ungrammaticality. For instance, Lyutikova [17: 449] samples Russian sentences where a resumptive is as good as or worse than a gap; Asudeh [1: 242] lists some instances of optional resumption from Åland Swedish, etc.

⁹Note, however, that viewing *none of them* as syntactically simplex would involve, among other things, viewing other occurrences of *none* as merely homonymous with a part of another lexical item, all similarities and seemingly compositional semantics of *none of them* notwithstanding. This is no doubt a coherent way of thinking, but in my opinion not a highly plausible one.

¹⁰Occasionally *none of us* and *none of you* are separated with commas.

4.2. The absence of the resumptive in Russian

What remains to be explained is why the resumptive (*iz nix*) is not permitted in Russian. As already discussed above, the distribution of optional resumptives is an involved issue, so I will only consider two possible explanations for why the resumptive is, so to speak, “far from obligatory” in sentences like (22).

One way to proceed is to argue for differences in strength between Russian and English negative islands, to the effect that the stronger island in English triggers resumption and the weaker one in Russian does not. This does indeed seem to be the case, at least in certain diagnostic environments. In particular, *wh*-movement out of adjuncts is allowed to cross negation in Russian but not in English [15]:

- (43) Kogda ty ne xodiš' v školu?
 when you NEG go to school
 ‘*When don’t you go to school?’
- (44) Gde ty ne eš’?
 Where you NEG eat
 ‘*Where don’t you eat?’

Moreover, in Russian, certain set expressions that involve negation allow a moved element to cross two clausal boundaries without rendering the result unacceptable:

- (45) Berdi-Pašu_i junkera nel’zja skazat’čtoby ljubili t_i, no oni
 B.-p.ACC junkers one.cannot say that.SUBJ loved but they
 cenili ego...
 valued him
 ‘One cannot say that the junkers loved Berdi-Pasha, but they valued him...’
 [Fortuin and Davids 2013: 148, from A. Kuprin’s “Junkers” (1932), RNC]
- (46) Esli ty ljubiš' togo, kto_i ne fakt, čto t_i ljubit tebjā,
 if you love that.ACC who NEG fact that loves you
 čë delat’?
 what do.INF
 ‘If you love the one who might as well not love you — what to do?’

Another possible explanation makes use of the observation that Russian “negative FQs” cannot themselves negate the sentence they occur in; they always co-occur with negation and therefore are negative polarity items (NPIs) licensed by negation [34; 5; 23]. As witnessed by the references, this has in fact been the predominant view. Moreover, Werle [34] draws a sharp distinction between “scalar indefinites”, such as the Russian *ni*-series, and true negative quantifiers, such as English *n*-items. Given this, I might have been speaking loosely when I called the Russian items *negative* FQs; on the other hand, as long as the main point of the present contribution is based on the observed differences, either among English FQs or between English and Russian, the exact reason why the restrictor moves more freely in the latter is immaterial.

5. Conclusion

The data involving negative FQs is rarely considered in theoretical discussion. The present paper aimed to show that if properly appreciated, it may shed some light onto the mechanisms underlying quantifier float. In particular, the differences between English and Russian as regards the use of resumptives (such as *of them* and *iz nix*) in the complement position of negative FQs support the view that the floating configuration is derived via movement. Regardless of whether Russian negative FQs fall into the same class as English ones, the argument still holds, insofar as the resumptive is obligatory in English with negative FQs but optional in other cases.

However, the proposed account does not uniformly treat quantifier float and Split Topicalisation; in the case of ST, there is no c-command relation between the quantifier and the restrictor before movement [20], so explanations based on island crossing are inapplicable there.

References

1. Asudeh A. The Logic of pronominal resumption. Oxford University Press, 2012.
2. Belletti A. On the anaphoric status of the reciprocal construction in Italian. *The Linguistic Review*, 1982. Vol. 2. No. 2. Pp. 101–138.
3. Bobaljik J. D. Floating quantifiers: handle with care. *The Second Glot International State-of-the-Article Book: The Latest in Linguistics*. Cheng L., Sybesma R. (eds.). De Gruyter, 2003. Pp. 107–148.
4. Brisson, C. M. Distributivity, maximality, and floating quantifiers. PhD thesis. Rutgers University, 1998.
5. Brown S., Franks S. Asymmetries in the scope of Russian negation. *Journal of Slavic Linguistics*, 2005. Vol. 3. Pp. 239–287.
6. Chomsky N. Knowledge of language: its nature, origin and use. Greenwood Publishing Group, 1986.
7. Doetjes J.S. Rightward floating quantifiers float to the left. *The Linguistic Review*, 1992. Vol. 9. No. 4. Pp. 313–392.
8. Doetjes J. S. Quantifiers and selection. On the distribution of quantifying expressions in French, Dutch and English. PhD thesis. Leiden University, 1997.
9. Dowty, D., Brodie B. The semantics of “floated” quantifiers in a transformationless grammar. *Proceedings of WCCFL*, 1984. Vol. 3. Pp. 75–90.
10. Fitzpatrick J. M. The syntactic and semantic roots of floating quantification. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 2006.
11. Fortuin E., Davids I. Subordinate clause prolepsis in Russian. *Russian Linguistics*, 2013. Vol. 37. No. 2. Pp. 125–155.
12. Grashchenkov P. Drejf kvantora kak svidetel'stvo sushchestvovaniya partitivnoj proekcii v imennoj gruppe [Quantifier float as evidence for the existence of a partitive projection in the noun phrase]. *Korpusnye issledovaniya po russkoj grammatike*. Kiselëva K. et al. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 397–426.

13. Hoeksema J. Floating quantifiers, partitives and distributivity. Partitives: Studies on the Syntax and Semantics of Partitive and Related Constructions. Hoeksema J. (ed.). De Gruyter, 1996. Pp. 57–106.
14. Hoekstra J. Another quantificational variability effect: the indefinite pronoun *neemen* ‘no one’ as a floating quantifier and as a negative adverb in Fering–Öömrang (North Frisian). *Lingua*, 2013. Vol. 134. Pp. 194–209.
15. Kirpo, L. Reason in Russian. URL: https://www.researchgate.net/publication/258278353_REASON_IN_RUSSIAN. 2013.
16. Link G. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice-theoretical approach. Meaning, Use, and the interpretation of language. Schwarze C. et al. (eds.). De Gruyter: 1983. Pp. 302–323.
17. Lyutikova E. Otnositel’nye predloženiya s sojuznym slovom kotoryj: obščaja xarakteristika i svojstva peredviženija [Relative clauses with the relativiser *kotoryj*: overview and the properties of movement]. *Korpusnye issledovanija po russkoj grammatike*. Kiselëva K. et al. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 436–511.
18. Madariaga N. Russian patterns of floating quantification: (non-)agreeing quantifiers. *Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages: Contributions of the Sixth European Conference held at Potsdam University*. Kosta P., Schürcks L. (eds.). Peter Lang, 2007. Pp. 267–281.
19. Maling J. M. Notes on quantifier-postposing. *Linguistic Inquiry*, 1976. Vol. 7. No. 4. Pp. 708–718.
20. McCloskey J. Resumption. *The Blackwell companion to syntax*. Everaert M. et al. (eds.). Blackwell, 2006. Vol. IV. Pp. 94–117.
21. Ott D. Split topicalization as symmetry-breaking predicate fronting. *Proceedings of ConSOLE 19*. Boone E. et al. (eds.), 2012. Pp. 283–307.
22. Paperno D. Quantification in standard Russian. *Handbook of Quantifiers in Natural Language*. Keenan E. L., Paperno D. (eds.). Springer, 2012. Pp. 729–780.
23. Pereltsvaig A. Negative polarity items in Russian and the “Bagel Problem”. *Negation in Slavic*. Przepiorkowski A., Brown S. (eds.). Bloomington: Slavica Publishers, 2006. Pp. 153–178.
24. Postal P. On raising: one rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, MA: MIT Press, 1974.
25. van Riemsdijk H. Movement and regeneration. *Dialectal variation and the theory of grammar*. Benincà P. (ed.). Dordrecht: Foris, 1989. Pp. 105–136.
26. Shlonsky U. Quantifiers as functional heads: a study of quantifier float in Hebrew. *Lingua*, 1991. Vol. 84. No. 2–3. Pp. 159–180.
27. Shlonsky U. Resumptive pronouns as a last resort. *Linguistic Inquiry*. Vol. 23. Pp. 443–468.
28. Shluinsky A. “Plavajuščie kvantory” v jazyke ève [Floating quantifiers in Ewe]. *Issledovanija po jazykam Afriki*. Vinogradov V. et al. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2009. Vol. 3. Pp. 282–292.

29. Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure. *Linguistic Inquiry*, 1988. Vol. 19. No. 3. Pp. 425–449.
30. Takami K. Passivization, tough-movement and quantifier float: a functional analysis based on predication. *English Linguistics*, 1998. Vol. 15. Pp. 139–166.
31. Terada H. Floating quantifiers as probes. *English Linguistics*, 2003. Vol. 20. No. 2. Pp. 467–492.
32. Testeleys Y. Distributive quantifier float in Russian and some related constructions. *Current issues in formal Slavic linguistics*. Zybatow G. et al. (eds.) Peter Lang, 2001. Pp. 268–279.
33. Torrego E. Arguments for a derivational approach to syntactic relations based on clitics. *Derivation and Explanation in the Minimalist Program*. Epstein S., Seely T. D. (eds.). Blackwell, 2008. Pp. 249–268.
34. Werle A. A Typology of negative indefinites. *Papers from the 38th Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Andronis M. et al. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 2002. Vol. 2: The Panels. Pp. 127–143.
35. Zaliznjak A. *Drevnerusskie ènklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008.

М.А. ТЮРЕНКОВА

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ОБ ОДНОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ЗАПАДНОРУССКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI В.

В настоящей статье пойдёт речь об одной необычной букве, встретившейся нам в западнорусском скорописном памятнике конца XVI в. — Клецкой замковой книге 1596 г. (Отдел редких книг и рукописей МГУ, рукописное собрание Ф.И. Буслаева, № 1113). Рукопись содержит 317 листов бумаги формата in folio (в данной статье мы ограничимся рассмотрением 50 листов данного памятника), написанных западнорусской скорописью, и представляет собой собрание юридических актов, записанных в 1596 году в городе Клецке, который находится на территории современной Минской области.

Клецкая замковая книга написана на «простой мове» — актовом канцелярском языке Великого княжества Литовского, в состав которого Клецк входил на момент создания рукописи. Несмотря на то, что «проста мова» носит книжный характер и «противопоставляется как церковнославянскому языку, так и диалектной украинской и белорусской речи» [5: 390], в Клецкой замковой книге, тем не менее, находит отражение большое количество диалектных особенностей западнорусской зоны — таких, как, например, отверждение *p* (которое проявляется в написаниях типа *апрылу* 2, *на враде* 2 ‘на уряде’, *прышла* 2об, *декабра* 3, *тры* 4, *грышковне* 4, *писара* 23об, *чотырох* 21об, *за прызнанем* 28, *пры лесе* 28, *в пора^д/ку* 36, *октебра* 47), твёрдое произношение шипящих и *ц* (оно отражается в написаниях типа *пожытки* 3, *ужывать* 5, *о^свобо/ди^чшы* 2об., *взявши* 2об., *о^тдавши* 2об., *заплативши* 13, *о^стро^чы^чкому* 2, *будучымъ* 2, *чынить* 3, *урочыцо^м* 3, *моцы* 10 и пр.), реализация фонемы <в> в виде [w] в начале слова перед согласным (о чём говорят случаи мены букв *у* и *в* в этой позиции: *вжо* 2, *на враде* 8об., *уписуючи* 8об., *ую* ‘всю’ 2об., *у пожы^тка^х* 25об, *у пожы^дки* 33об, *у книги* ‘в книги’ 39, *у месте* 43об, *у нocy* 49об), произношение фрикативного [ɣ] (на которое указывает использование сочетания *кг* в тех немногочисленных случаях, когда нужно было отразить произношение взрывного [г] в заимствованных словах — а именно, в польском наречии *кгды* ‘когда’, *кгрунт* ‘земля’, а также в польских фамилиях *шыкговский* (совр. *Szygowski*) и *кгрекгер* (совр. *Greger*)).

Мы остановимся на одной из графических особенностей данной рукописи — а именно, на использовании в ней двух разных знаков в соответствии с <е> и этимологическим <ѣ>. Первый знак, подобный греческому *ε*, согласно [3: 45], начал использоваться ещё в младшем полууставе (по большей части на месте *ю*, но в редких случаях также и после букв согласных), а затем был заимствован в западнорусскую и московскую скоропись [4: 186]. Другой знак, ставший предметом нашего интереса, представляет собой крестообразное

написание буквы *є* с язычком, пересекающим мачту (в дальнейшем мы будем использовать для обозначения этого знака символ *є*, а для обозначения обычного скорописного *ε* — символ *е*). На иллюстрациях ниже представлены обе описанные буквы:

в том тестаменте 2об.

ма^лжонѣце мое^и 5

Упоминаний об этой букве в литературе практически нет, но само по себе использование этого знака — не уникальное явление. Возможно, именно о нём упоминает Е.Ф. Карский в связи с грамотой 27 сентября 1432 г.: «... в ней же у *є* бывает иногда перечёркнут язычок» [3: 45]. Однако стоит отметить, что в данном случае речь идёт о «*є* длинном» [3: 35], тогда как наш знак не выходит за пределы строки, то есть оснований для того, чтобы говорить о тождественности этих букв, руководствуясь лишь словесным описанием, недостаточно. Другой пример использования знака, близкого тому, что встречается в нашей рукописи, присутствует в документе, который датируется 1610 г. и содержит речь московского «великого посольства» к польскому королю Сигизмунду III Вазе¹.

Первая версия относительно того, какую функцию могло выполнять крестообразное *є*, связана с реализацией этимологического <ѣ>. В населённых пунктах рядом с Клецком², согласно [1] (карта № 34), на месте этимологического <ѣ> фиксируется произношение [ѣ]. Этот факт позволяет предположить, что и на момент создания памятника этимологический <ѣ> и <е> реализовывались разными звуками, а значит, это различие могло отразиться на письме, и тогда крестообразное *є* может быть вариантом написания буквы *ѣ* без нижней петли (отметим, что никакого другого знака, похожего на *ѣ*, в рассмотренном нами отрывке не встретилось). Действительно, в ряде случаев крестообразное *є* встречается на месте *ѣ*: ср. такие написания, как *крепости* 4, 27, *потреба* 5, *потребни* 12об, *потребы* 20, 28об, 37 (и прочие слова с данным корнем, всего 16 примеров), *на^дрекою* 4об., 5, 11, 38об, *мальжо^ице* (дат.п. ед.ч.) 2об, 4об, 5 (5 р), 16, 30, 30об. и пр., *те^ице* (дат.п.ед.ч.) 2об., *каме^ице* (местн. п. ед.ч.) 8об., 10, 10об, 11,

¹РГАДА, Документы по истории взаимоотношений Речи Посполитой и Московского государства. 1608–1657 гг. Литовская метрика (ф. 389), оп. 1, ч. 2, №596, л. 97. Автор выражает признательность В.В. Калугину за указание на этот документ.

²Деревня Цепра Клецкого района Минской области в 8 км от Клецка, деревня Иваново Несвижского района Минской области в 9 км от Клецка, деревня Мостиловичи Клецкого района Минской области в 11 км от Клецка.

14об., на тоє четве^ртинѣ (местн.п. ед.ч.) 4об. Однако принятие данной гипотезы (преимущество которой состоит в том, что она находится в согласии с данными современных говоров о разной реализации этимологического <ѣ> и <е>) заставляет допустить существование большого количества исключений, а именно — многочисленных написаний *ѣ* в позициях, где звука [ѣ] никогда не было, зачастую в одних и тех же лексемах — таких как, например, частица *же* (*та^м же* л. 15 об. (× 3), *една^к же* 17, *та^к же* 18, 18об., *по/веди^т же* 18 и пр., всего около 35 примеров), существительные *тѣстаментъ* (польск. ‘завещание’; *тѣ^стаментъ* 2об., *в тѣстаменте* 2об. (2 р), *в тѣ/стаментѣ* 2об., *тѣ^стаме^нту* 29), *монѣта* (*монѣты* 2, 5, 10, 12 и пр.), *крѣ^ные* (3, 3об., 4, 5 и пр.), числительное *че-тыре* (*чотѣры* 3, 29об, 49об (2 р)), *чотѣри* 20об., *чотыры* 50) и другие.

Как кажется, ключ к лучшему пониманию функции нашего знака даёт рассмотрение всего массива примеров и выделение позиций, в которых он встречается чаще всего: выясняется, что, во-первых, это позиция после *р*, во-вторых — позиции после букв шипящих и *ц*.

В положении после *р* крестообразное *ѣ* в рассмотренном отрывке встретилось 248 раз. Приведём некоторые примеры такого употребления нашего знака в наиболее частотных словах:

- числительное **третий**: *трѣте^с* 20, *трѣтего* 22, у *трѣте^м* 26об, *трѣти^и* 18, 27, *по^ттрѣти* 26об (× 2), 27, *по^ттрѣтю* 26;
- предлог **через**: *чѣре^с* 2, 4об, 5, 12об, 17 (× 2), 20, 23об, 25об, 30об, всего 19 примеров;
- предлог **перед/пред** (в том числе в составе сочетания **передо^мною** и встретившегося единожды варианта **пере^дмене**): 2 (× 2), 3 об., 4об. (× 3), 13об (× 2), 17, 17об, 20, 20об, 21, 22об (× 2) и пр., всего 56 примеров;
- уже упомянутый нами выше корень **-трѣб-**: *потрѣба* ‘надобность’ 23, 26об, 35; *потрѣбна* 20; *потрѣбны^и* 21; *потрѣбу* 26об (× 2), 33; *потрѣбы* 17, 20, 28об, 37;
- существительное **крѣвные** (польск. ‘родственники’): *крѣ^ного* 29об; *крѣ^ные* 25об; 34; *крѣ^ные* 21об, 25об, 29, 33об (× 2); *крѣ^ны^х* 34, 35 (× 2), 36; *крѣ^ных* 49 (× 2); *крѣ^ны^х* 21об, 25об, 30об, 33об, 34 об, 37, 38;
- имена собственные: *а^ндрѣ^и* 3, *а^ндрѣя* 3, *а^ндрѣевичъ* 4об., *а^ндрѣевич^и* 5, *ондрѣю* 31, *онѣдрѣевич^и* 36; *огрѣня* 20, *огрѣни* 20, *огрѣню* 24об; *онупрѣя* 50;
- приставка **пере-** (*переказы* ‘передачи’ 3, *переказу* 4, *переказы* 11об, *пе/рѣшкоды* ‘препятствия’ 3об., *перѣшкоды* 19, *прѣзрѣня* 5)
- окончания наречий положительной и сравнительной степени: *добре* 3 (× 2), 10, 12, 22, 29об; *шире^и* 2, 5об, 26об, 38об;
- падежные окончания существительных: *се^стре* 33, *сестре* 29об, 32 (× 2), 32об (× 2), 33, *се^стре* 29; *пушкре^м* 27, 23об, 28.

В позиции после шипящих и *ц* крестообразное *є* фиксируется (в общей сложности) 153 раза. Из них больше половины составляют примеры, где наш знак встречается в позиции после *ж*; их насчитывается 79 (ниже приведём некоторые из них):

- частица **же** зафиксирована в таком написании 29 раз: *неха^ч же* 8, *та^кже* 7, 8об, 10об, 15об (× 2), 18, 18об, 20об, 36, 36об, 37 (× 2); *ту^т же* 8, 17; *за си^м же* 27 и пр.;
- наречие **вже/уже**: 23 (× 2), 23об, 24 (× 2), 25об, 34об, 35об, 36об и пр., всего 13 примеров;
- прилагательное **божего** (обычно в сочетании *от божего нароже(е)ня*, т.е. 'от Рождества Христова'): 5, 12, 24об, 35; *боже^е* 27об;
- **от на/рожена**: 7об., 12, 13об, 23об, 24об, 27об, 35;
- союз **жебы** (польск. *żeby* 'чтобы'): 9об, 11об; *жебы^м* 17об;
- существительное **прило/жене**: 7об, 23об, 27;
- корень **-жен-**: *ма^лже^нски^и* 5, *жене* 38об.

Реже крестообразное *є* встречается после *ц* (а именно 38 раз):

- **мальжонце** 'жене' (дат.п. ед.ч.): *мальжо^нце* 2об, 4об, 5; *ма^лжонъце* 5, 35, 35об; *ма^лжо^нце* 5 (× 3), 16, 30об, 35 (× 2);
- название Цепра (деревня в Клецком районе, в 8 км от Клецка) и производные от него: *це/перского* 29об, *до цепры* 33, *цеперксие* 33 (sic!), *цепе^рские* 37об, *до цепры* 37об;
- в окончании дат.-местн. п. ед. ч. жен.р.: *на каме^нце* (на р. Каменке) 8об, 10, 10об, 11, 14об; *те^тце* 2об, *по / право^и руце* 16, *в опеце* 17, *на право^и руце* 19об, *матце* 29об, *до^ице* 32, 32об (× 2), *де^вце* 33, *де^вце* 33.

В позиции после *ч* крестообразное *є* было зафиксировано ещё реже (16 раз): *о^чевисто* 'лично': 15, 16, 20, 20об; *по^четверти* 15 об (× 2), *четвертину* 19об., *четверто^м* 20об., *четве^р/то^с* 20об., *четве^рто^м* 20об., *четве^р/то^с* 20об.; *по^дзаплачене^м* 20 (× 2), 21об; *баче^чи* 'видя' 21; *почела* 'начала' 36об.

После *ш* наш знак встречается 15 раз (*примушениа* 'принуждения' 16, *вашей* 17об., *пише* 'пишет' 17, 17об (× 2), 18, *прише^дши* 20, 20об, *ше^{ст}деся^м* 17об., *прише^дши* 20, 20об, *ше^рстю* 36 (× 2), *наше^дши* 22, *во вшемакое* 23), а в позиции после *щ* — всего 5: *аще* 9об., *овище^м* 'конечно' 9об., *доврище* 14, *еще* 17, 26об.

Практически все остальные примеры (их насчитывается 84) являются словами, заимствованными из польского или украинского языка, где предшествующие согласные произносятся твёрдо: например, упомянутые нами выше существительные **те^стаментъ** (польск. *testament* 'завещание') 2об (× 3), 3, 29, **монета** (которое, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, было заимствовано в русский язык из латинского именно через польское *moneta* [6: 650]) 2, 5, 10, 12, 21об, 21об, 23, 28об, 33об, 34, 37об); **те^ж** (польск. *też* 'тоже') 4, 5, 5об., 9об., 18 и пр.; **жаден** (польск. *żaden* 'никакой') 17об., 18, 18об. и пр.); **апелация** 18об, *а/пелацияи* 18об., *апелавали* 18об.; **здекрето^м** (польск. *dekret*

‘указ’) 18об; **шляхѣ**тского 20об.; **теды** (польск. *tedy* ‘тогда’) 27об; **чотеры** (польск. *cztery* ‘четыре’) 29об, 49об (× 2), *чотери* 20об; **опѣна**^с (украинский вариант имени *Афанасий* — *Опанас*) 38, *опѣнасу* 29об, *опѣнаса* 29об; **собестиана** (польск. *Sobestyan*) 30об, *собестиану* 30об (× 2), **пе^ные** ‘некоторые’ 3, 3об, *пѣвное* л. 2об., за *пе^ную* 33об, *пе^ные* 31.

Буквы шипящих, *ц* и *р* в западнорусской диалектной зоне объединяет признак твёрдости — ср. приведённые нами выше написания, в которых это явление отражается в написании после этих согласных буквы *ы* вместо *и*; в приведённых полонизмах предшествующие согласные также произносились твёрдо. Всё это приводит к заключению, что крестообразное *є* обозначало твёрдость предшествующего согласного и гласный [е] (поскольку после твердого согласного [ѣ] произноситься не может) — то есть этот знак имел то же значение, что в современном русском языке имеет буква э (исключая употребление э в неприкрытых слогах). Подобно тому, как в современном русском языке в недавно заимствованных словах для обозначения того, что согласный перед [е] произносится твёрдо, используется буква э (часто нерегулярно, наряду с *е*), в нашей рукописи использовалось крестообразное *є* в полонизмах.

Стоит сделать оговорку, что написание крестообразного *є* носило факультативный характер, то есть не во всех позициях, где мы бы ожидали увидеть крестообразное *є*, оно действительно встречается: на его месте может быть написано и обычное скорописное *ε* (тогда как случаев обратной замены практически нет). Такое неравноправное соотношение в паре графических единиц можно встретить, например, в современном русском языке в паре букв *е* и *ё*: написание буквы *ё* необязательно и на её месте можно написать букву *е*, но произвести обратную замену невозможно. Факультативный характер носит также обозначение в древнерусских памятниках фонемы «о-закрытое». В исследовании, посвящённом обозначению о-закрытого в «Мериле праведном», А.А. Зализняк вводит понятие коэффициента выраженности [2: 18]. Он равен отношению числа фиксаций к числу всех позиций, где теоретически мог бы встретиться данный элемент. Принцип факультативности проявляется в том, что этот коэффициент никогда не бывает равен 100%. Возвращаясь к нашей рукописи, можно сказать, что на отрезке из 10 листов одного почерка коэффициент выраженности крестообразного *є* в позиции после шипящих и *ц* равен 69,9 %, а в позиции после *р* — 75,6 %, то есть в обеих позициях составляет более половины.

Таким образом, распределение функций между крестообразным *є* и *ε* имеет фонетическую природу: первый знак, используемый в позициях после *р* и шипящих, а также в полонизмах, обозначает твёрдость предшествующего согласного и гласный [е], а второй — мягкость согласного и гласный [е].

Библиография

1. Аванесав Р. І., Крапіва К. К., Мацкевіч Ю. Ф. (ред.). Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1963.
2. Зализняк А. А. «Мерило праведное» XIV в. как акцентологический источник. München: Verlag Otto Sagner, 1990.
3. Карский Е. Ф. Белорусы. Т.2. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1908.
4. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979.
5. Успенский Б.А.. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М.: Аспект-пресс, 2002.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.

И. Ю. Чечуро

НИУ ВШЭ / ИЯз РАН, Москва

НЕЛОКАТИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ФОРМ В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Введение

Даргинский язык представляет собой отдельную ветвь нахско-дагестанской языковой семьи. Именная парадигма даргинского языка, как и большинства других языков этой семьи, состоит из двух частей: «грамматических падежей» и «локативных форм». Несмотря на обилие общих функций, грамматические падежи значительно отличаются от локативов морфологически, функционально и этимологически.

В отличие от одноморфемных показателей грамматических падежей, морфологические показатели локативных форм имеют двухчастное устройство. Первая морфема в составе локативного показателя называется «показателем локализации», вторая — «показателем ориентации». Примеры (1) и (2) иллюстрируют дательный падеж и форму AD-ESS 'нахождение около без движения' мужского рода от слова *waɣva* 'камень' в мегебском диалекте, соответственно:

- (1) *waɣva-li-s*
'камень-OBL-DAT'
- (2) *waɣva-li-šu-w*
'камень-OBL-AD-ESS(M)'

Функциональное различие двух типов именных форм проявляется в их базовой функции: базовой функцией падежных показателей является определение отношений между различными синтаксическими структурами, в то время как базовой функцией локативов является определение пространственных отношений между объектом и ориентиром [6]. При этом показатель локализации определяет область пространства относительно ориентира, а показатель ориентации — характер движения объекта. Важно понимать, что грамматические падежи могут быть использованы в пространственных контекстах, а локативные формы — в непространственных, однако эти функции не являются для них базовыми.

Различия в базовых функциях морфем тесно связаны с их происхождением. Показатели грамматических падежей, по всей видимости, были грамматикализованы на этапе нахско-дагестанской общности, и потому наборы грамматических падежей слабо варьируют в пределах семьи. Локативные формы произошли из пространственных послелогов и были грамматикализованы значительно позднее. В свете поздней грамматикализации локативов различия в

составе локативных систем наблюдаются не только между различными языками, но и между относительно близкими диалектами одного и того же языка.

В этом исследовании мы рассматриваем локативные системы семнадцати северных диалектов даргинского языка. Основным объектом исследования является использование локативов в пространственных и в непространственных контекстах, а также связь между этими двумя типами употреблений.

Первая часть этого исследования посвящена семантике локативных показателей. Рассмотрев их нелокативные употребления, мы приходим к следующим выводам: во-первых, непространственные значения локативных форм зачастую не имеют отношения к синхронным пространственным и происходят из непространственных значений морфем на прасевернодаргинском уровне; во-вторых, одни морфемы более склонны развивать непространственные употребления, чем другие.

Так, во всех диалектах большинство нелокативных контекстов группируются вокруг локализаций SUPER 'на' и INTER 'в ориентире, представляющем собой вещество либо множество однородных объектов'. Кроме того, употребления INTER и SUPER в грамматических контекстах часто никак не связаны с их пространственным значением. В то же время остальные показатели локализации либо развивают крайне ограниченный (как семантически, так и количественно) набор нелокативных употреблений, либо не развивают их вовсе.

Вторая часть нашего исследования посвящена приложению статистических методов к данным о даргинских локативах. Здесь мы рассматриваем кластеризацию непространственных употреблений локативов по следующим параметрам: 1) выбор локализации, 2) выбор ориентации, 3) выбор между элативом 'движение от' и прочими ориентациями. Наиболее интересными выводами в этой части работы оказываются, во-первых, практически полное совпадение кластеризации по параметрам 2 и 3, что говорит о том, что в непространственных контекстах даргинский язык не склонен различать эссив 'отсутствие движения' и латив 'движение к' и противопоставляет эти две локализации элативу. Во-вторых, мы показываем, что, несмотря на отсутствие связи непространственной семантики локализаций INTER и SUPER с их пространственной семантикой, выбор между показателями этих локализаций произволен и глаголы чётко разделяются на две группы: предпочитающие маркирование INTER и предпочитающие маркирование SUPER. Таким образом, оказывается, что выбор между этими локализациями мотивирован и обусловлен, по всей видимости, семантикой глаголов.

2. Даргинский язык и его диалекты

Классификация даргинских диалектов всегда была и остаётся весьма сложным вопросом. Существует множество несводимых друг к другу подходов к классификации даргинских диалектов, к примеру, [5], [1], [2], [3; 4]. В этом

разделе мы приводим классификацию диалектов нашей выборки в соответствии с [3; 4], поскольку она является наиболее полной и достоверной, в частности, потому, что за основу разделения на группы берутся не особенности грамматики и фонологии, а лексикостатистические данные. Кроме того, именно в этой работе вводится понятие «севернодаргинского языка», диалектный состав которого примерно соответствует традиционному термину «говоры / диалекты акушинского типа».

Материалом для нашего исследования послужили данные о локативных системах семнадцати даргинских диалектов, которые с относительно большой степенью вероятности относятся к северной группе: Аймаумахи (урахинский), Верхние Мулебки (верхнемулебкинский), Гапшима (гапшиминский), Гинта (акушинский), Дейбук (муиринский), Кадар (кадарский), Кица (муиринский), Куппа (цудахарский), Леваши (акушинский), Мегеб (мегебский), Мекеги (?), Меусиша (муиринский), Мути (акушинский), Мюрего (мюрего-губденский), Нижние Мулебки (урахинский), Усиша (цудахарский), Харбук (муиринский).

Данные для каждого из диалектов были собраны в ходе экспедиций в перечисленные выше селения летом 2014 и 2015 года по двум анкетам, первая из которых позволяла определить морфологический состав локативной системы диалекта, а вторая — описать нелокативные употребления пространственных морфем. Содержимое второй анкеты полностью представлено в Таблице 1:

Ярлык	Контекст	Ярлык	Контекст
<i>afraid</i>	Расул не испугался медведя	<i>laughs</i>	Расул смеётся над Магомедом
<i>angry</i>	Магомед рассердился на Расула	<i>looksfor</i>	Расул ищет Магомеда
<i>arrived</i>	Папа приехал в пять часов	<i>lookslke</i>	Этот человек похож на моего отца
<i>asked</i>	Расул спросил у Магомеда	<i>protected</i>	Магомед защитил Расула от бандитов
<i>barkskat</i>	Собака лает на Расула	<i>recognized</i>	Расул узнал Магомеда по голосу
<i>believe</i>	Расул не поверил мне	<i>runaway</i>	Расул убегает от Магомеда
<i>blood</i>	Расул смыл кровь вой	<i>said</i>	Расул ничего не сказал Магомеду

<i>borrowed</i>	Расул одолжил Магомеда нож	<i>satisfied</i>	Расул доволен своей женой
<i>chases</i>	Расул гонится за Магомедом	<i>shoutsat</i>	Магомед кричит на Расула
<i>cut</i>	Отец порезал мясо ножом	<i>showed</i>	Расул показал Магомеда свой дом
<i>divided</i>	Отец поделил мясо на три части	<i>stole</i>	Расул украл барана у Магомеда
<i>donttalk</i>	Не разговаривай с Расулом!	<i>stone</i>	Мы строим дома из камня
<i>fight</i>	Расул подрался с братом	<i>stronger</i>	Расул сильнее Магомеда
<i>filled</i>	Расул наполнил бочку водой	<i>told</i>	Дедушка рассказал нам про войну
<i>forest</i>	Расул пошёл с отцом в лес	<i>took</i>	Расул забрал у Магомеда свой нож
<i>getlost</i>	Отойди от меня!	<i>turnedinto</i>	Девушка превратилась в голубя
<i>heavier</i>	Расул тяжелее Магомеда на 10 кило	<i>twofive</i>	Двое из пяти братьев остались в селе
<i>hid</i>	Свекровь спрятала хинкал от Мадины	<i>upto</i>	Летом в этой реке воды по колено
<i>hide</i>	Расул спрятался от Магомеда	<i>watched</i>	Расул посмотрел на Магомеда
<i>hithead</i>	Расул ударил Магомеда палкой по голове	<i>water</i>	Мать пошла за водой
<i>involuntary</i>	Из-за Расула машина сломалась	<i>what</i>	Что ты от меня хочешь?
<i>knife</i>	Осторожно, у него нож!	<i>worries</i>	Мать беспокоится за сына

Таблица 1. Нелокативные контексты.

3. Локативные морфемы

В этой работе мы будем пользоваться общепринятыми ярлыками локализаций для обращения к областям пространства (Таблица 2). Обращаясь к морфемам, мы используем их предположительную прасевернодаргинскую фонетическую форму, которая основана на известных нам законах даргинской исторической фонетики. Важно понимать, однако, что приводимые здесь формы не являются в полном смысле реконструированными, так как отдельного исследования на эту тему не проводилось.

Ярлык	Диспозиция
AD	около ориентира
ANTE	перед ориентиром
APUD	функциональная область ориентира, предназначенная для взаимодействия с ним
CONT	на любой поверхности ориентира, кроме верхней
DEST	ориентир является целью движения
EDGE	на краю ориентира
IN	во внутренней области ориентира-контейнера
INTER	в веществе либо среди множества однородных объектов
POST	за ориентиром
SUB	под ориентиром
SUPER	на верхней поверхности ориентира

Таблица 2. Ярлыки пространственных конфигураций.

Поскольку морфологический и семантический состав локативных систем значительно варьирует от диалекта к диалекту, мы приводим полный список зафиксированных морфем, а также информацию о том, в скольких диалектах имеется данная морфема. Кроме того, в Таблице 3 отражены все зафиксированные локативные значения каждой из морфем.

Ярлык	Современные значения	Диалекты
*c:i	INTER, INTER+IN	17
*k:i	SUPER	16
ja	SUPER	1
∅	SUPER, IN	2

*ʔi	APUD, POST, IN, FUNC.LOC, IN+POST, IN+INTER	11
*ču	AD, COMITATIVE	10 + в 6 — комитатив
*š:u	AD	6
*sa	ANTE, EDGE, в некоторых диалектах используется только в нелокативных контекстах	5
*hi	IN	9
*gu	SUB	12
ʔu	DEST	1

Таблица 3. Локативные морфемы северных даргинских диалектов.

4. Нелокативные контексты

4.1. Распределение непространственных контекстов между морфемами локализации

В Таблице 4 представлено распределение нелокативных контекстов (см. Таблица 1) по морфемам локализации:

Ярлык	Непространственные контексты
*ci	fight, forest, donttalk, cut, blood, knife, twofive, stone, recognized, upto, what, getlost, borrowed, said, asked, took, stole, afraid, runaway, hide, hid, protected, hithead, showed, shoutsat, involuntary
*ki	fight, filled, arrived, stronger, heavier, stone, divided, recognized, upto, told, worries, laughs, believe, chases, runaway, hide, hid, protected, water, turnedinto, watched, barksat, shoutsat, lookslike, angry, satisfied, looksfor
ja	
ø	
*ʔi	upto, afraid, chases, runaway, hide, hid, looksfor
*ču	fight, forest, donttalk, cut, blood, filled
*š:u	
*sa	afraid, runaway, hide, hid, protected
*hi	Нет
*gu	Нет
*hi	Нет
ʔu	Нет

Таблица 4. Распределение непространственных контекстов.

Из Таблицы 4 очевидно, что нелокативные функции распределены между морфемами крайне неравномерно. В частности, большинство нелокативных

функций группируются вокруг локативных морфем **ci* и **ki*, которые встречаются абсолютно во всех диалектах. Кроме того, нелокативные контексты морфем **ʔi* и **sa* дублируются в списках морфем **ci* и **ki*. Так, в случае наличия морфем локализации **ʔi* и **sa* в диалекте, эти контексты обычно кодируются ими, однако в случае, когда в диалекте они отсутствуют, контексты кодируются не соответствующим пространственным послелогом, а другим показателем локализации, что свидетельствует в пользу развития нелокативных функций локативов уже после их морфологизации. Примеры (3) и (4) иллюстрируют данный принцип на основе мегебского и харбукского диалектов. В харбукском диалекте присутствует морфема *ha-* (**sa*), используемая также в контекстах избегания, в то время как в мегебском диалекте ей соответствует пространственный послелог *hala-CL*, а в контекстах избегания употребляется морфема *če-* (**ki*):

(3) Харбукский:

<i>xula</i>	<i>aba.li</i>	<i>madina-ha-r</i>	<i>χink'-e</i>
большой	мать.ERG	Мадина-ANTE-EL	хинкал-PL
<i>uŋ-d-ix-ib</i>			

AWAY-NPL-носить.PFV-AOR

‘Свекровь спрятала хинкал от Мадины.’

(4) Мегебский:

<i>abaj.ni</i>	<i>madina-če-la</i>	<i>χinč'-e</i>	<i>d-a'ld-un</i>
мать.ERG	Мадина-SUPER-EL	хинкал-PL	NPL-прятать.PFV-AOR

‘Мать спрятала хинкал от Мадины.’

4.2. Связь нелокативной семантики морфем локализации с их пространственной семантикой

Непространственную семантику морфем локализации часто невозможно связать с их синхронной пространственной семантикой. Так, набор непространственных контекстов, кодируемых морфемой **ʔi*, практически не варьирует от диалекта к диалекту. В то же время её пространственная семантика варьирует настолько сильно, что невозможно найти два диалекта, в которых она бы полностью совпадала. Очевидно, одинаковый набор непространственных употреблений не мог независимо развиваться из столь разных пространственных значений как IN, POST и AD. Таким образом, синхронное пространственное значение этой и других морфем локализации не следует считать источником их непространственной семантики.

В качестве альтернативы синхронному пространственному значению как источнику нелокативной семантики мы предлагаем пространственное значение на момент грамматикализации. При таком подходе отсутствие различий между нелокативной семантикой морфем в различных диалектах объясняется общностью самих диалектов на момент развития этих значений. Кро-

ме того, поскольку исторически каждой морфеме соответствует строго определённая область пространства, становится возможным обосновать наличие у локативов столь же строго определённых непространственных функций.

Синхронная семантика большинства морфем либо совпадает с их семантикой на момент грамматикализации, либо очевидно сводится к ней как, например, в харбукском диалекте, где **sa* имеет семантику 'на краю ориентира', а не 'перед ориентиром'. Дополнительные пояснения требуются только в отношении морфем **ci* и **ʔi*, поскольку для них характерно наличие не менее двух пространственных функций, ни одна из которых не является очевидным источником остальных.

Исходным значением локативной морфемы **ʔi* является POST. Из этого значения путём достаточно тривиальных изменений можно получить значение APUD, и в целом такой семантический переход достаточно типичен для языков мира (ср., например, предлог *за* в русском языке: *за столом* vs. *за домом*). Получить значение IN из POST несколько сложнее, однако возможно: вероятнее всего, такой переход происходит в результате распространения значения невидимости (объект не видно как в случае его нахождения за чем-либо, так и в случае нахождения в чём-либо).

Исходным значением морфемы **ci* является INTER, и изначально она была противопоставлена по значению морфеме **hi* со значением IN. В пользу такого предположения говорят следующие факты:

1. невозможность выделить генеалогическую группу, в которой бы произошла инновация: появление нового показателя локализации, который вытесняет **ci* из зоны IN;
2. совпадение IN и INTER в одной морфеме редко встречается за пределами северной группы.

Эти факты говорят о том, что локализация **ci* в первую очередь развилась как INTER, но в некоторых диалектах вытеснила локализацию **hi* и распространилась на её область ответственности.

В Таблице 5 приведены морфемы локализации и их предположительные пространственные значения на момент грамматикализации:

Ярлык	Исходное значение
<i>*ci</i>	INTER
<i>*ki</i>	SUPER
<i>ja</i>	SUPER
∅	SUPER+IN
<i>*ʔi</i>	POST

* <i>ʃu</i>	AD
* <i>ʃ̣u</i>	AD
* <i>sa</i>	ANTE
* <i>hi</i>	IN
* <i>gu</i>	SUB
* <i>hi</i>	POST
* <i>ʔu</i>	DEST

Таблица 5. Исконная семантика морфем локализации.

4.3. Нелокативная семантика морфем **ʔi*, **sa* и **ʃu*

Непространственные контексты, передаваемые локативными маркерами **ʔi*, **ʃu* и **ʃ̣u* прозрачно связаны с их исконной пространственной семантикой. Так, для **ʃu* характерны комитативные и инструментальные значения, связанные с областью ‘около’. В частности, принято считать, что крайне типичный для языков Дагестана переход от AD к комитативу основан на таких контекстах, как ‘пойти с [овцами]’ и др., в которых подразумевается не только совместность, но и физическое нахождение ‘около’. Дальнейшее развитие комитатива в инструменталис также в целом типично для языков мира, ср., например, инструментальные показатели в английском и немецком языках: *with [a knife]* ‘ножом’, *mit [dem Messer]* ‘ножом’, а также использование творительного падежа в комитативной конструкции в русском языке: с [другом] и др.

Непространственная семантика морфемы **sa* ограничивается контекстами избегания и потому очевидно связана с семантикой нахождения перед ориентиром.

Непространственная семантика локативной морфемы **ʔi* также связана с контекстами избегания и преследования. Очевидно, что и в тех и в других контекстах один из участников находится позади другого, т.е. в области POST. Тем не менее, «избегаемые» участники *afraid*, *runaway*, *hide*, *hid* могут маркироваться и **sa* ANTE, и **ʔi* POST, несмотря на то, что физически могут находиться только во второй в области POST.

4.4. Нелокативная семантика морфем **ci* и **ki*

Нелокативная нагрузка у морфем **ci* и **ki* значительно выше, чем у **ʔi*, **ʃu* и **sa*. Кроме того, многие из локативных значений **ci* и **ki* никак не связаны с их пространственной семантикой. Таким образом, неочевидно, произволен ли выбор между **ci* и **ki*, или же контексты имеют чёткое разделение по предпочитаемому кодированию.

Для ответа на этот вопрос рассмотрим кластеризацию непространственных контекстов по выбору локализации. Для этого составим таблицу расстояний между контекстами по следующим правилам¹. В качестве исходных данных представим кодирование непространственных контекстов в виде таблицы, часть которой проиллюстрирована Таблицей 6:

	ajmaumakhi	verh.mulebki	hapshima	ginta	dejbuk	kadar
arrived	super	super	super	NA	super	NA
knife	inter	inter	inter	inter	inter	NA
stronger	super	super	super	super	super	super
heavier	super	super	super	kela	super	NA
twofive	inter	inter	inter	inter	NA	inter

Таблица 6. Исходные данные.

Расстоянием между контекстами будем считать величину, равную количеству несовпадений при поэлементном сравнении строк, делённому на общее число успешных сравнений. Неуспешным считается сравнение, при котором хотя бы про один элемент нет данных (NA). Пример расчёта расстояния между контекстами *laughs* и *believe* по Таблице 6 приводится в Таблице 7:

	ajmaumakhi	v.mulebki	hapshima	ginta	dejbuk	kadar	kisha	Итого
laughs	adlat	superlat	superess	superel	kela	superlat	superess	
believe	NA	superlat	superlat	superlat	superlat	superlat	superlat	
	NA	0	1	1	1	0	1	2/3

Таблица 7. Пример подсчёта расстояния между контекстами.

В приведённом примере число успешных сравнений равно шести, а число несовпадений — четырём, таким образом, расстояние между контекстами равно $\frac{2}{3}$.

Для определения оптимального числа кластеров мы воспользовались методом локтя, основанном на многократном применении k-means, при этом оптимальным мы считали первый излом справа, т.е. брали максимальное число кластеров. В результате применения кластеризации MDS и выделения центров в соответствии с показаниями метода локтя мы получили кластеризацию, представленную на Рисунке 1:

¹Схожий подход к исследованию локативов в цезском языке был применён М. Cysouw в работе [6].

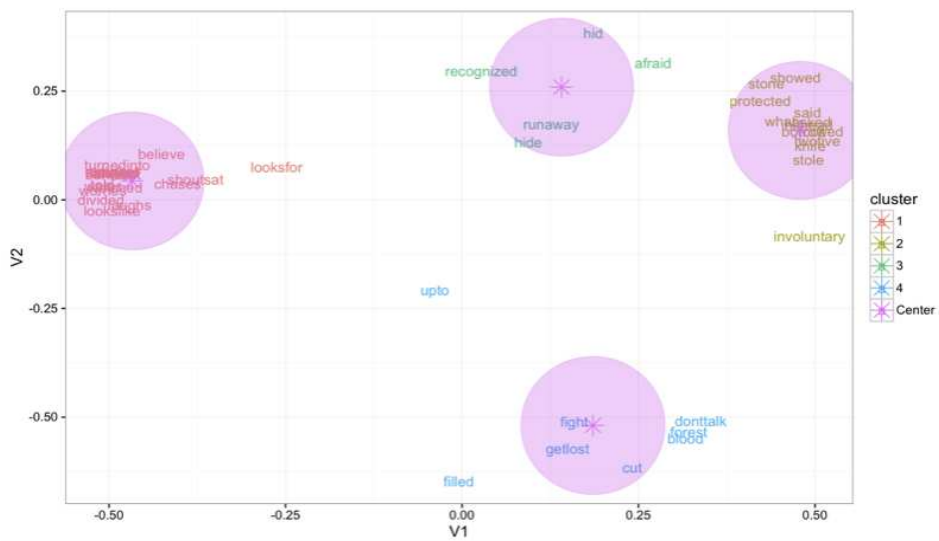

Рисунок 1. Кластеризация нелокативных контекстов по локализации.

На Рисунке 1 крайний левый кластер соответствует локализации SUPER и морфеме **ki*, крайний правый кластер — локализации INTER и морфеме **ci*, верхний центральный кластер — морфемам **sa* ANTE и **zi* POST, а нижний — морфемам **ci* AD и **zi* AD. Таким образом, кластеризация показала, что нелокативные контексты разделяются на кластеры в соответствии с тем, кодируются они морфемой **ki* и или морфемой **ci*, т.е. несмотря на отсутствие метафорических связей с их пространственной семантикой, нелокативное использование этих морфем является мотивированным.

4.5. Нелокативная семантика ориентаций

Другим важным, хотя и куда более простым вопросом является использование ориентаций в непространственных контекстах. Поскольку в целом метафора движения значительно более понятна и распространена, чем метафора области пространства, не имеет смысла рассматривать непространственное использование ориентаций в том же ключе, что использование локализаций. Тем не менее, можно рассмотреть некоторые другие особенности пространственной семантики ориентаций.

Одной из таких особенностей является проблема противопоставления эссива 'отсутствие движения' и латива 'движение к'. Эти ориентации плохо противопоставлены уже на уровне восприятия, поскольку нахождение в какой-либо

области часто является результатом движения в эту область, как, например, в следующих русских примерах:

- (5) Я спрятал ножик в карман.
 (6) Я спрятал ножик в кармане.

В (5) в карман имеет очевидно лативное маркирование, тогда как в (6) — эссивное. В то же время, ситуации, описываемые двумя предложениями, идентичны. Таким образом, противопоставление латива и эссива в пространственных контекстах далеко не всегда очевидно.

Проблема противопоставления латива и эссива находит своё отражение и в непространственных употреблениях пространственных единиц. Так, рассмотрев кластеризацию, аналогичную описанной в Разделе 4.4, по полному кодированию ориентации и по выбору между элативом ‘движение от’ и любой другой ориентацией, мы получили результаты, представленные на Рисунках 2 и 3, соответственно:

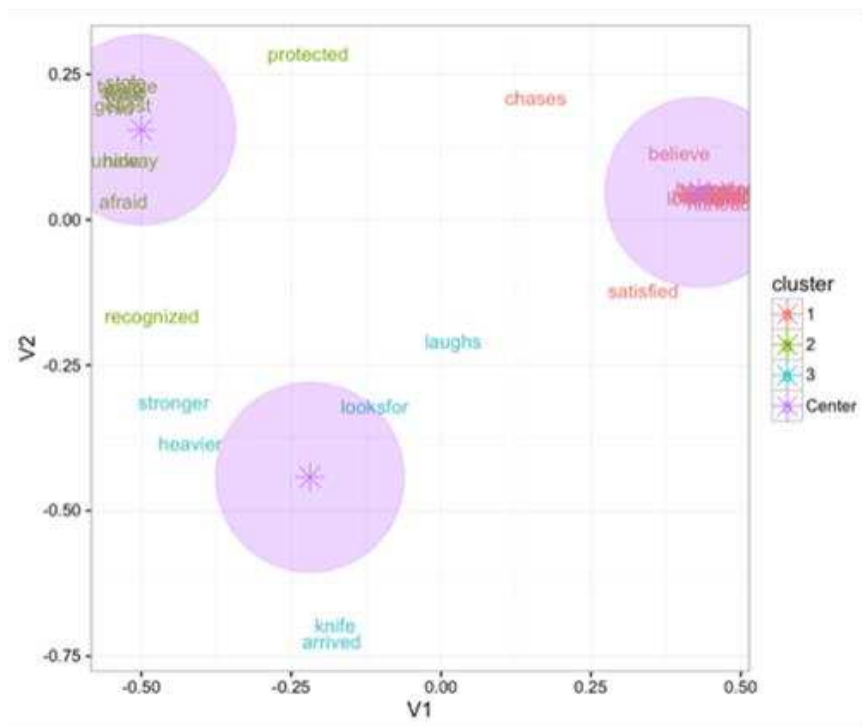

Рисунок 2. Кластеризация нелокативных контекстов по выбору ориентации.

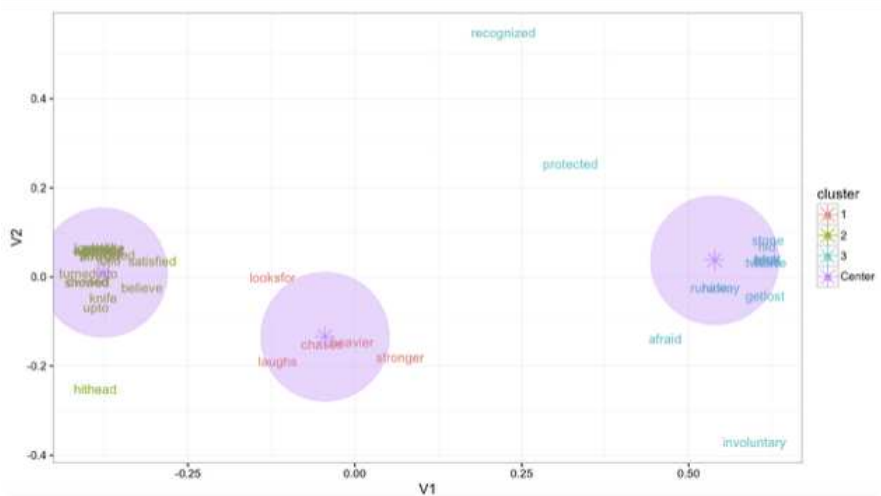

Рисунок 3. Кластеризация нелокативных контекстов по выбору между элативом и другими ориентациями.

Обратим внимание на то, что две приведённых кластеризации практически идентичны. В частности, на обоих рисунках выделяются три кластера, при этом крайние соответствуют элативу и не-элативу, а средний — контекстам без предпочтительного кодирования (которых, крайне мало и кластер они формируют по остаточному принципу). Совпадение кластеризаций показывает, что затруднённость различения латива и эссива, свойственная пространственным контекстам, отражена также и в непространственных контекстах.

5. Выводы

В результате анализа непространственной семантики локативных форм в северных диалектах даргинского языка мы установили, что нелокативная нагрузка на пространственные морфемы распределена неравномерно. Большинство непространственных функций группируются вокруг локативных показателей **ci* INTER и **ki* SUPER. Другие морфемы либо развивают весьма скромное количество нелокативных функций, либо не развивают их вовсе.

Также мы установили, что источником большинства непространственных значений локативов является их пространственное значение на момент грамматикализации. Единственным исключением из этого принципа являются морфемы **ci* и **ki*, непространственные функции которых могут быть никак не связаны с пространственной функцией, и потому их мотивация не ясна.

В то же время, кластеризация нелокативных контекстов показала, что, хотя нам и неизвестна истинная мотивация выбора между **ci* и **ki*, непространственные контексты формируют два кластера, соответствующих этим локативным морфемам. Таким образом, выбор между двумя локативными маркерами оказывается не произволен.

Кластеризация по ориентации показала, что в непространственных употреблении локативов отражена схожесть семантики латива и эссива, свойственная пространственным контекстам.

Библиография

1. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка //Фонетика и морфология. Махачкала: ДГПУ, 1954.
2. Гасанова С. М. Очерки даргинской диалектологии. Дагестанский филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и лит-ры им. Г. Цадасы, 1971.
3. Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков //М.: Пилигрим. 2006.
4. Коряков Ю. Б. Лексикостатистическая классификация даргинских языков. Доклад на московском семинаре по нахско-дагестанским языкам под руководством Н. Р. Сумбатовой, 30.10.2012, 2012.
5. Услар П. К. Хюрклинский язык, 1892.
6. Cysouw M., Forker D. Reconstruction of morphosyntactic function: Nonspatial usage of spatial case marking in Tsezic //Language. Т. 85. №. 3, 2009. Pp. 588–617.
7. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar: Theoretical prerequisites. Stanford university press. Т. 1, 1987.

П.М. Эйсмонт

ГУАП, Санкт-Петербург

ОПУЩЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В РУССКОЙ СВЯЗНОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ¹

1. Введение

Несмотря на достаточно длительную историю исследования детской речи и вопросов усвоения родного языка, проблема овладения навыками порождения связной речи остается пока недостаточно изученной. Причинами этого являются как затруднения в получении языковых данных посредством проведения эксперимента по методике извлеченных текстов с детьми в возрасте до 7 лет [11], так и сложность организации самой связной речи, подчиняющейся строгим правилам соблюдения содержательной целостности и структурной связности.

К основным средствам обеспечения связности текста относятся повторная номинация, анафора, эллипсис, союзы и кореференция². Исследование основных механизмов структурной организации связного текста осложняется тем, что указанные пять основных типов могут пересекаться и влиять на действие друг друга (например, в литературе можно встретить термины «нулевая референция» или «анафорический эллипсис»).

2. Эллипсис субъекта в связной детской речи

Естественная детская речь представляет собой диалогическое общение либо с окружающими ребенка взрослыми, либо со сверстниками. Усвоение связной монологической речи, подчиняющейся совершенно иным законам и правилам организации, требует направленных усилий как самих детей, так и взрослых [4]. Для успешного обучения ребенка правильному построению связных рассказов необходимо соблюдение ряда условий, к которым относятся «формирование специальных мотивов, потребности в употреблении монологических высказываний, сформированность различных видов контроля и самоконтроля, усвоение соответствующих синтаксических средств построения развернутого сообщения» [3: 290]. Именно этой «неестественностью» монологи-

¹Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-04-50114.

²Выделяют два основных типа референции — экзофорическая (внешняя, для понимания которой необходимо обращение к денотативной ситуации) и эндофорическая (внутренняя, понимание которой обеспечивается лингвистическим контекстом) (впервые термины введены в [25]). Эндофорическая референция также называется кореференцией.

ческой детской речи и объясняются возникающие у исследователей спонтанной связной речи у детей проблемы с периодизацией этого процесса и установлением сроков ранних появлений связных текстов и окончательного формирования необходимых навыков.

Еще один блок очень важных причин, оказывающих значительное влияние на усвоение правил организации связного монологического текста, составляют когнитивные причины, а именно параллельное развитие процесса усвоения речи и таких когнитивных способностей, как память (и особенно постепенное увеличение объема рабочей памяти), мышление (в частности, формирование модели психического состояния человека), воображение и др. [5; 30; 27; 33].

В классической работе [18] исследуются фантазийные тексты детей в возрасте от 3 до 12 лет. Самые ранние тексты (в 3–4 года) представляют собой короткие, простые истории, которые характеризуются простым перечислением формально не связанных событий. В 5–6 лет дети рассказывают уже более длинные истории, содержащие последовательность элементов, организуемых вокруг простой единой темы. После 7 лет порождаемые детьми рассказы еще больше усложняются и содержательно, и по своей формальной организации, однако свойственных взрослым нарративам параметров дети достигают только к возрасту 12 лет.

С точки зрения содержательной цельности нарративам детей дошкольного возраста свойственна семантическая неполнота, элементарные синтаксические структуры (хотя ребенок уже овладевает навыками построения разнообразных простых предложений, он испытывает затруднения со сложными синтаксическими структурами) и множественные лексические ошибки, т.е. неточности в наименовании героев и событий [31]. Р. Берман и Д. Слобин предлагают выделять в качестве критериев “*narrative competence*” («нарративной компетенции») в первую очередь полноту отражения в нарративе исходного сюжета и умение ребенка описать каждый из составляющих историю эпизодов, четко выражая существующие между ними связи [17].

Что же касается формальной связности, то она выражена слабо, эпизоды просто соположены, иногда присутствуют элементы синтаксической связи [28]. М. Бамберг предложил 4 стратегии организации связности текста, поочередно проявляющиеся в детских нарративах в разном возрасте: именная стратегия (*nominal*), при которой каждый персонаж называется отдельной лексемой при наличии минимального числа местоименных замен (до 4 лет); локально контрастивная (*local contrast*), при использовании которой дети не демонстрируют предпочтения какой-либо единой модели, а действуют, исходя из каждой конкретной ситуации (до 6 лет); тематическая (*thematic subject*), в которой местоименный повтор активно используется только для одного персонажа, а остальные определяются посредством лексической номинации (до 9 лет); анафорическая (*anaphoric*), которая постепенно начинает использоваться

уже с 5 лет, однако окончательно начинает преобладать в детских текстах только после 9 лет [13].

На определенном этапе речевого развития эти стратегии начинают действовать параллельно, однако выбор их зависит от различных как лингвистических, так и внелингвистических факторов. К основным факторам, влияющим на организацию связности текста и на опущение элементов синтаксической структуры высказываний, относят референцию, единство темы и актуальность. Эллипсис, возникающий при сохранении референта и при единстве темы высказывания, называют контекстуальным, поскольку для его восстановления достаточно обратиться к предшествующему лингвистическому контексту. В отличие от этого, эллипсис, причиной появления которого является актуальность опущенного элемента и для говорящего, и для слушающего, называется ситуативным, поскольку данный элемент восстанавливается только из коммуникативной или денотативной ситуации [7].

Исследования функционирования этих факторов в детской речи показывают, что на ранних этапах речевого развития дети в большинстве случаев руководствуются актуальностью для них и их собеседников общих фрагментов действительности, что позволяет им опускать синтаксические структурные элементы [4; 26]. Однако в дальнейшем в речи начинают проявляться и сугубо лингвистические факторы. Так, контекстуальный эллипсис, основанный на единстве темы, при первых появлениях в речи ребенка реализуется в измененном тема-рематическом порядке, при котором новая информация выделяется и ставится на первое место в высказывании при пониженном внимании к теме [24; 21]. А важность понимания возможности эллиптирования при сохранении референта (так называемая *null anaphora*) и способность к реализации данного знания в собственной речевой продукции свидетельствует об усвоении синтаксической структуры языка и формировании основных коммуникативно-прагматических навыков [15].

Сама синтаксическая структура языка, очевидно, является еще одним, хоть и незаслуженно упускаемым во многих исследованиях фактором, влияющим на реализацию эллипсиса синтаксического субъекта в связных текстах. Если усваиваемый ребенком язык относится к так называемым *Null Subject Languages* (далее — *NSL*), т.е. к языкам с «нулевым субъектом», то ребенок должен изначально строить синтаксическую систему с эллиптированным синтаксическим субъектом, который, однако, может быть эксплицитно выражен для обозначения эмфазы или, например, смены референта. К *NSL* относятся такие языки, как испанский, итальянский, польский, японский и др. Противоположность им составляют языки, которые требуют обязательного эксплицитного заполнения позиции синтаксического субъекта (это такие языки, как английский, французский и т.д.). При усвоении таких языков ребенок должен усвоить необходимость сохранения полной синтаксической структуры. Од-

нако большинство языков занимают промежуточную позицию, допуская опущение синтаксического субъекта в различных ситуациях, зависящих либо от прагматических, либо от грамматических правил данного языка³. И именно усвоение таких языков оказывается для детей особенно сложным, поскольку вслед за усвоением базовой синтаксической структуры с эксплицитно выраженным синтаксическим субъектом, им необходимо освоить также и определенный набор правил, позволяющих эту структуру варьировать.

Исследования на материале языков, не допускающих опущения синтаксического субъекта, показали, что в возрасте 2 лет и дети, усваивающие английский язык [26], и дети, усваивающие французский язык [29], эллиптируют субъект и не используют «подлежащие-пустышки⁴» (*dummy subjects*). Склонны опускать субъект и дети, усваивающие языки других синтаксических типов, в том числе «смешанных» [16; 34; 8]. Многие авторы указывают, что подобные ранние примеры эллиптирования синтаксического субъекта носят двойственный характер и не могут объясняться синтаксическим типом усваиваемого языка [32; 12], будучи зависимыми в первую очередь от когнитивного развития ребенка [36; 23].

3. Эксперимент

Для анализа особенностей опущения синтаксического субъекта в связной детской речи на русском языке и изучения влияния на эллиптирование субъекта синтаксического типа языка, а также взаимодействия лингвистических и прагматических факторов были проведены две серии экспериментов.

3.1. Исследование связной детской речи носителей русского, английского и испанского языков

Первая серия из 3 экспериментов проходила в 2010–2014 году. Испытуемыми были дети в возрасте 7–8 лет, говорящие на русском языке (17 человек), английском языке (10 человек) и испанском языке (10 человек)⁵. Именно эти

³Х. Камачо в своей монографии «Null Subjects» выделяет 4 синтаксических класса языков в зависимости от возможности и обязательности заполнения синтаксической позиции субъекта тематическим (т.е. референциальным) или так называемым «пустым» (*expletive*) местоимением [19]; П. Барбоса говорит о трех типологических языковых группах [14]; другие исследователи предлагают выделять группу *non-full-pro-drop* языков [20] или говорят о наличии языкового континуума без явных границ [39].

⁴Термин Я.Г. Тестельца [6].

⁵Эксперимент с русскоязычными детьми проводился в г. Санкт-Петербурге, с англоязычными — в г. Кройдон (Великобритания), с испаноязычными — в г. Барселона (Испания). Некоторые результаты экспериментов с русскоязычными и англоязычными детьми были опубликованы в [9; 22], результаты эксперимента с испаноязычными детьми публикуются впервые. Выражаю благодарность за помощь в расшифровке экспериментальных записей на испанском языке А.В. Герм.

три языка были выбраны как представители трех разных синтаксических типов: английский — язык, не допускающий эллиптирование синтаксического субъекта, испанский — NSL, позволяющий эксплицитное заполнение субъектной позиции при определенных условиях, и русский — язык, допускающий как опущение, так и эксплицитное выражение субъекта. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось посмотреть четырехминутный фрагмент мультфильма «Как стать большим?» (Союзмультфильм, 1967) и рассказать все, что они видят на экране, чтобы содержание мультфильма смогли узнать те, кто не может посмотреть его сам. У испытуемых не было времени на подготовку и обдумывание рассказа, так как для получения образцов спонтанной речи рассказ записывался одновременно с просмотром мультфильма. Все испытуемые опрашивались индивидуально, полученные тексты записывались на аудиосистему.

Всего в полученных текстах было проанализировано 1125 финитных глагольных форм⁶: 307 — в текстах на испанском языке, 285 — в текстах на английском языке и 533 — в текстах на русском языке. Во всех языках дети использовали все исследуемые средства межфразовой связи — лексические повторы (номинация), местоименные повторы (анафора) и опущение синтаксического субъекта (эллипсис) (см. табл. 1).

%	номинация	эллипсис	анафора
испанский	33	60	7
английский	27	12	61
русский	40	43	17

Таблица 1. Использование типов синтаксической связи в текстах детей 7 лет (в % от общего числа субъектных позиций).

Полученные данные полностью соответствуют синтаксическим типам рассматриваемых языков, что позволяет говорить о сформированности синтаксической системы к 7 годам. Однако с точки зрения организации связности текста обращает на себя внимание предпочтение разных средств связи детьми, говорящими на разных языках: испаноязычные дети чаще используют эллипсис и лексическую номинацию, англоязычные дети в большинстве случаев используют анафорические средства связи, а русскоязычные дети употребляют как лексическую номинацию, так и эллипсис синтаксического субъекта, в редких случаях используя местоименные повторы. Эти результаты соотносятся с данными исследований связных текстов детей, усваивающих испанский [35] и нидерландский язык [37], указывающими, что усвоение средств связности

⁶В анализе не учитывались нефинитные формы, поскольку в русском и испанском языках опущение синтаксического субъекта при них регулируется правилами редукции [4; 1].

(особенно анафорических и эллиптических правил) происходит не раньше 8–9 лет.

Равное употребление русскоязычными детьми лексической номинации и эллипсиса синтаксического субъекта подтверждаются данными анализа материалов Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)⁷, однако для русского языка характерно преобладание анафорической связи (см. диаграмму 1). Это сравнение показывает, что, несмотря на то, что дети уже усвоили синтаксические структуры языка, они пока недостаточно овладели навыками их распределения для обеспечения связности текста, отдавая предпочтение «проверенным» способам, а именно лексическому повтору и эллипсису.

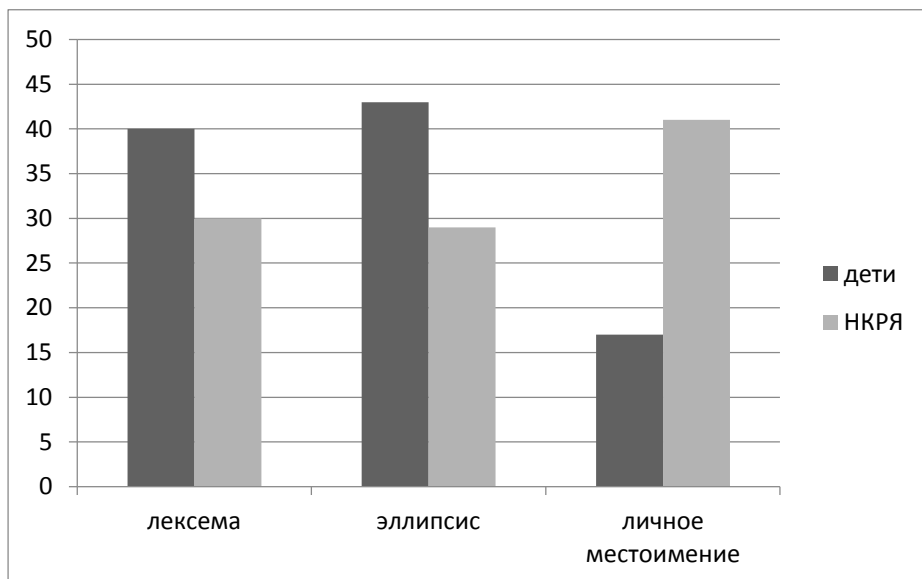

Диаграмма 1. Типы связности в текстах детей 7 лет и по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Одним из основных факторов, влияющих на опущение синтаксического субъекта, является смена референта. Это подтверждается полученными экспериментальными данными (см. табл. 2):

% референт	номинация	эллипсис	анафора
испанский	80	24	62

⁷См. анализ опущения синтаксического субъекта на материале Национального корпуса русского языка в [10].

английский	51	17	5
русский	62	7	30

Таблица 2. Способы заполнения позиции синтаксического субъекта при смене референта (в % от общего числа употреблений данного типа заполнения).

Данные результаты показывают, что говорящие на испанском языке дети в возрасте 7 лет выражают смену референта при помощи прямой номинации, однако большая часть использованных в текстах личных местоимений выполняла ту же функцию, что характерно для связного текста на испанском языке. Тем не менее, испаноязычные дети достигают близкого к взрослому соотношению употребления эксплицитных местоимений 3 лица при перемене референта лишь к 14 годам, а неупотребления эксплицитного местоимения при том же референте только к 21 году (!), в возрасте же 6–7 лет их распределение достаточно случайное [35]. Эти данные позволяют говорить о недостаточной сформированности у испаноязычных детей навыков построения связных текстов, поскольку достаточно часто смена референта не находила никакого отражения в порождаемых текстах (24% случаев эллиптирования субъекта при смене референта и 38% случаев употребления личного местоимения при сохранении референта).

Большую степень освоения функциональных различий используемых средств связности для выражения смены референта демонстрируют тексты англоязычных и русскоязычных детей в возрасте 7 лет. Так, русскоязычные дети активно используют для введения нового референта лексическую номинацию и личное местоимение, хотя последнее средство употребляется в первую очередь при наличии гендерного различия между референтами (*он* — *она*) или различия в числе (*он* — *они*). В свою очередь англоязычные дети практически не употребляют личные местоимения для введения нового действующего лица, используя в этой функции лексическую номинацию.

Значительное количество высказываний с эллиптированным синтаксическим субъектом при сохранении референта в русском и (особенно) в английском языках показывает наличие у детей в возрасте 7 лет стремления строить связный текст вокруг одного выбранного персонажа (чаще всего, это главный герой), перечисляя выполняемые им действия, т.е. использовать тематическую стратегию [13]. Ту же стратегию подтверждает и использование анафорической связи, указывающей на сохранение темы на протяжении всего эпизода.

3.2. Исследование связной речи русскоязычных детей в возрасте от 4 до 7 лет

Вторая серия состояла из 3 экспериментов и проходила в 2016 году. Испытуемые — 3 группы русскоязычных детей в возрасте от 4 до 6 лет (в каждой

группе было по 20 испытуемых). Экспериментальный дизайн для детей старших групп ($M = 4,9$; $M = 6,0$) повторял экспериментальный дизайн экспериментов первой серии, а экспериментальной задачей детей младшей группы ($M = 4,1$) было составление рассказа по картинкам по книжке В. Сутеева «Три котенка»⁸. Эксперимент проводился с каждым испытуемым индивидуально, полученные рассказы записывались на аудио и видеonosитель. Также для анализа были привлечены данные эксперимента с русскоязычными детьми 7 лет ($M = 6,9$) (см. п. 3.1).

Распределение высказываний с эллиптированным синтаксическим субъектом по возрастным группам представлено на диаграмме 2:

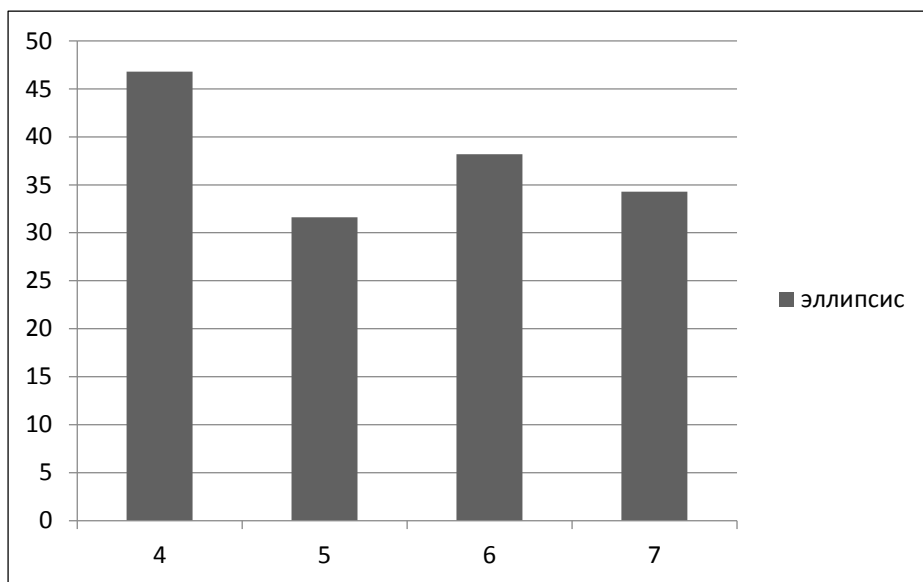

Диаграмма 2. Глагольные словоформы с эллиптированным синтаксическим субъектом в текстах, полученных при проведении эксперимента с детьми разных возрастных групп (в % от общего числа глагольных словоформ).

Проверка по критерию Манна-Уитни показала, что статистически значимыми ($p < 0,05$) являются различия между количеством эллиптированных употреблений в текстах, полученных при проведении эксперимента с детьми в младших возрастных группах (4, 5 и 6 лет), но различие между количеством

⁸Решение об изменении экспериментального задания для детей младшей группы было принято в связи с необходимостью адаптации экспериментального дизайна к когнитивному развитию детей разного возраста [11].

эллиптированных употреблений в текстах, полученных при проведении эксперимента с детьми в возрасте 6 и 7 лет, оказалось статистически не значимым ($p > 0,05$). Это позволяет предположить, что основное развитие принципов организации связности текста и использования для этого эллипсиса происходит именно в возрасте от 4 до 6 лет, после чего дети достаточно стабильно используют уже усвоенные навыки и умения. Эти данные подтверждают результаты, полученные на материале нидерландского языка [37].

Также полученные результаты подтвердили исходную гипотезу о различии факторов, влияющих на опущение синтаксического субъекта в текстах детей разного возраста. Различия между типом эллипсиса (контекстуальный (эндофорический) или ситуативный (экзофорический)) оказались статистически значимыми для текстов, полученных при проведении экспериментов с детьми в возрасте 4, 6 и 7 лет ($p < 0,05$) (см. диагр. 3):

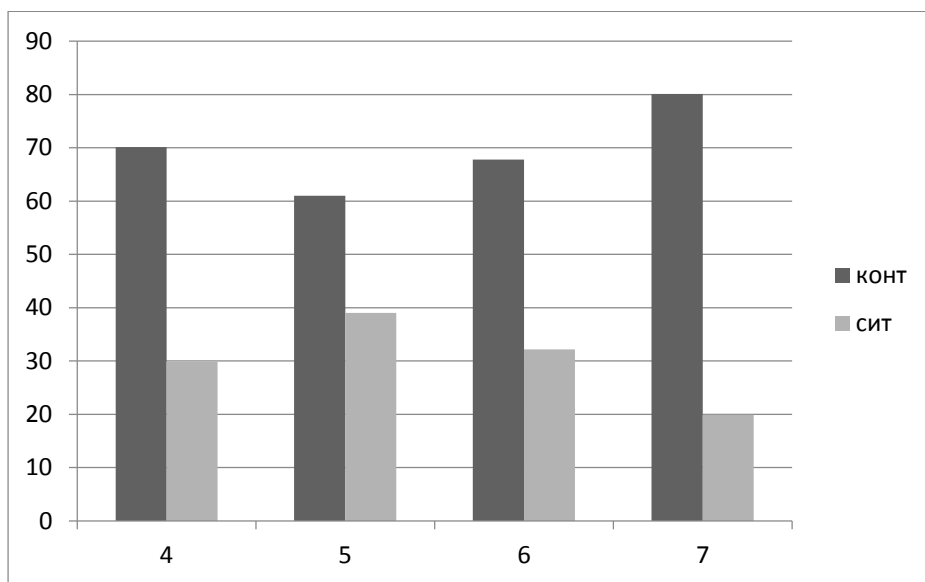

Диаграмма 3. Распределение ситуативного и контекстуального типов эллипсиса синтаксического субъекта в текстах детей разного возраста (в % от общего числа случаев эллиптирования синтаксического субъекта в каждой возрастной группе).

Отсутствие статистически значимых различий в текстах, полученных при проведении эксперимента с детьми в возрасте 5 лет, позволяет предположить, что именно в этом возрасте происходит смена преобладающего типа эллипсиса, ведущая в дальнейшем к заметному снижению ситуативного типа в

пользу преобладания использования контекстуального эллипсиса. Это может быть связано с формированием у детей именно в этом возрасте модели психического состояния (theory of mind) и подтверждает зависимость наличия или отсутствия эксплицитно выраженного синтаксического субъекта на ранних этапах развития связной речи в большей степени именно с когнитивным, а не лингвистическим развитием ребенка [38; 36].

4. Выводы

Проведенный анализ показал, что активная фаза формирования навыков построения связного текста и усвоения основных принципов организации формальной связности приходится на возраст с 4 до 6 лет, затем наступает стадия «закрепления», которая в дальнейшем развивается вплоть до подросткового возраста. Тем не менее, уже в возрасте 4 лет дети начинают использовать эллипсис синтаксического субъекта как средство связности текста. Однако в раннем возрасте наблюдаемый эллипсис регулируется внелингвистическими факторами и представляет собой в основном ситуативный эллипсис, и лишь в возрасте 5 лет дети постепенно переходят к употреблению контекстуального эллипсиса, вызванного лингвистическими причинами.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило необходимость учета всех четырех факторов (сохранение референции, единство темы, актуальность и синтаксический тип усваиваемого языка), влияющих на опущение синтаксического субъекта в связном тексте, при изучении формирования навыков организации связности текста в онтогенезе, а данные сопоставительного эксперимента с детьми в возрасте 7 лет, говорящими на русском, английском и испанском языках, показали, что хотя дети к этому возрасту уже овладели базовыми синтаксическими принципами родных языков, они все еще испытывают затруднения с использованием всех возможных синтаксических средств для формирования связности спонтанного текста.

Список условных сокращений

НКРЯ – Национальный корпус русского языка; NSL – Null Subject Languages.

Библиография

1. Грудева Е. В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2008.
2. Касевич, В.Б. Нули, эллипсис, etc. // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. к 140-летию кафедры общ. языкозн. филол. фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та / Вербицкая Л.А. (гл. ред.). СПб., 2004.
3. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности: учеб. пособие для студентов педвузов. — М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2006.
4. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.

5. Сергиенко Е.А. Когнитивная природа речевого «взрыва» // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 1(1). URL: <http://psystudy.ru>.
6. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., Изд-во РГТУ, 2001.
7. Цейтлин С.Н. Строение предложения и речевая ситуация (К проблеме эллиптичности предложения) // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. ЛГПИ им. А.И.Герцена. Л., 1976. С. 37–46.
8. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
9. Эйсмонт П.М. Особенности усвоения глагольной аргументной структуры детьми в возрасте 6-8 лет (на материале русского и английского языков) // Онтолингвистика - наука XXI века Материалы международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2011. С. 173–174.
10. Эйсмонт П.М. О месте личных местоимений в русском синтаксисе (на материале национального корпуса русского языка) // Научная сессия ГУАП Сборник докладов, посвященный Всемирному Дню авиации и космонавтики. В 3-х частях. / Антохина Ю.А. (отв. ред.). Изд-во ГУАП, 2014. С. 211–214.
11. Ambridge B., Rowland C. F. Experimental methods in studying child language acquisition // WIREs Cogn Sci 2013. doi: 10.1002/wcs.1215.
12. Avram L., Coene M. What early clitics can tell us about early subjects. Proceedings of Gala 2003 Kampen J. van, Baauw S. (eds.). Utrecht: UiL LOT. Pp. 93–102.
13. Bamberg M. The acquisition of narratives: Learning to use Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
14. Barbosa M. P. Partial pro-drop as null NP-anaphora. Presented at NELS 41. URL: <https://repositorium.sdum.uminho.pt/bitstream/1822/16200/1/Barbosa.pdf>.
15. Barss, A. Timing puzzles in anaphora and interpretation anaphora: a reference guide Barss A. (ed), Blackwell Publishing Ltd, Malden, MA, USA, 2003. Pp. 1–22. doi: 10.1002/9780470755594.ch1.
16. Berman R. A. "Acquiring an (S)VO language: subjectless sentences in children's Hebrew". Linguistics, 1990, vol. 28. Pp. 1135–1166.
17. Berman R.A., Slobin D. I. Relating events in narrative: a crosslinguistic developmental study. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1994.
18. Botvin, G., Sutton-Smith, B. The development of structural complexity in children's fantasy narratives. Developmental Psychology, 1977, Vol. 13. Pp. 377–388.
19. Camacho J. Null subjects. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
20. Cardinaletti A. Afterword: on clitic omission and the acquisition of subject clitic pronouns. Pronouns and Clitics in Early Language. Larranaga, P., Guijarro-Fuentes, P. (eds.). Series: Studies in Generative Grammar [SGG] 108 Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 283–304.
21. Dimroth, C., Narasimhan, B. The development of linear ordering preferences in child language: the influence of accessibility and topicality. Language acquisition. VOL 19; Iss. 4, 2012. Pp. 312–323.

22. Eismont P.M. Null subject acquisition in English and Russian // Шестая международная конференция по когнитивной науке Тезисы докладов. Межрегиональная общественная организация "Ассоциация когнитивных исследований", Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский государственный университет им. И. Канта, 2014. С. 729–730.
23. Gordishevsky G., Avrutin S. Subject and object omissions in child Russian. Presented at IATL 19, Ben-Gurion University of the Negev 16-17 June, 2003 <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/19/GordishevskyAvrutin.pdf>.
24. Grimshaw J., Samek-Lodovici V. Optimal subjects and subject universals. Is the best good enough?: Optimality and competition in syntax Barbosa P. (ed.). MIT Press, 1998. Pp.193–219.
25. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
26. Hyams N. Language acquisition and the theory of parameters. Dordrecht, Reidel, 1986.
27. Jisa H. Growing into academic French. Language development across childhood and adolescence Berman, R. A. (ed.). John Benjamins Publishing Company, 2004. Pp. 135–161.
28. Manhardt J., Rescorla L. Oral narrative skills of late talkers at ages 8 and 9. Applied Psycholinguistics, 2002. Vol. 23. Pp. 1–21.
29. Martinot C. Grammatical role of French first verbs. The acquisition of verbs and their grammar: the effect of particular languages. Gagarina N., Gulzow I. (eds.) Studies in Theoretical Psycholinguistics Volume 33 Springer, 2008. Pp. 297–318.
30. Merritt D. D., Liles, B. Z. Story grammar ability in children with and without language disorder: Story generation, story retelling, and story comprehension. Journal of Speech and Hearing Research, 1987. Vol. 30. Pp. 539–552.
31. Ovchinnikova I. G. Variety of children's narratives as the reflection of individual differences in mental development Psychology of Language and Communication, 2005. Vol. 1, iss. 9, (1). Pp. 29–53.
32. Pinto, M. Torrens, V. Escobar, L. Subject pronouns in bilinguals: Interference or maturation? Language acquisition & language disorders, 2006. Vol 41. Pp. 331–352.
33. Prévost Ph. The acquisition of French : the development of inflectional morphology and syntax in L1 acquisition, bilingualism, and L2 acquisition. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub. Co., 2009.
34. Schmitz K., Müller N. Strong and clitic pronouns in monolingual and bilingual acquisition of French and Italian. Bilingualism: Language and Cognition, 2008. Vol. 11(1). Pp. 19–41.
35. Shin, N. L., Cairns H. S. The development of NP selection in schoolage children: Reference and Spanish subject pronouns. Language Acquisition, 2012. Vol. 19(1). Pp. 3–38.
36. Tomasello M. Origins of human communication. MIT Press, 2008.
37. Van Dam F.J. Development of cohesion in normal children's narratives. Project report, 2010.

38. Wigglesworth, G. Children's individual approaches to the organization of narrative. *Journal of Child Language*, 1997. Vol. 24. Pp. 279–309.
39. Wratil, M. Uncovered pro — on the development and identification of null subjects. Null Pronouns. Wratil M., Gallmann P. (eds.) (*Studies in Generative Grammar* 106). Berlin: Walter de Gruyter. Pp. 99–140.

C. Zanchi

University of Bergamo / University of Pavia

C. Naccarato

University of Bergamo / University of Pavia

MULTIPLE PREFIXATION IN OLD CHURCH SLAVONIC AND OLD RUSSIAN

1. Introduction

Verbal prefixes have been widely investigated in Slavic linguistics, both from diachronic and synchronic perspectives, within cognitive as well as formal-oriented theoretical frameworks.

One of the main issues as regards the study of prefixes concerns their grammaticalization from local adverbs into “bounder perfectives” [6]. Up to now, many scholars have been concerned with showing how and to what extent prefixes retained their original spatial meanings, gained new abstract and actional meanings, and ultimately underwent fully grammaticalization processes into purely aspectual markers (so-called “empty prefixes”) interacting with the aspectual system inherited from Proto-Indo-European (henceforth PIE) [13; 16; 54 and references therein]. Especially since [28: 171–178],¹ it is well known that prefixes of Indo-European (henceforth IE) languages developed from previous free-standing adverbs with local meaning, which could semantically modify both nouns and verbs; cf. also [9: 1; 1: 201]. Later on, these adverbial items became more and more bound to the nouns or verbs that they modified, and thus underwent the well-known functional bifurcation into prefixes and adpositions.² Ancient IE languages such as Hittite, Vedic, Homeric Greek, Archaic Old Irish, and (to some extent) Latin attest to a linguistic stage in which prefixes showed proclitic behavior, that is, they could be separated from the verbal stem by means of linguistic material (*tmesis*) [53]. However, as far as we know, this phenomenon is not documented in any Slavic text, and thus Old Slavic preverbs show the morphological status of prefixes [54].

In Old Church Slavonic (henceforth OCS) and Old Russian (henceforth OR), the meaning added by prefixes to verbal stems was primarily spatial: cf. OCS/OR *iti* ‘go’, OCS/OR *iz(ъ)-iti* ‘go out’, OR *vy-iti* ‘go out’, OR *vъ-iti* ‘go into’ (OCS *vъn-iti*), OCS/OR *ot(ъ)-iti* ‘go away’ (Rus. *u-jti* ‘go away’). The link between the spatial and the subsequent actional (telic) usages of prefixes primarily lies in the fact that prefixes add an inherent endpoint to the spatial events coded by the verbs; see [43; 54.]; compare also

¹Before [28], see [10: 647–653, 666–752] and [5: 457–459].

²Of course, not all Old Slavic prepositions and prefixes date back to PIE local adverbs. A number of them are indeed Slavic innovations, based on local nouns or adverbs; see [20: 180 ff.].

[51; 52] on Greek prefixes. Secondly, another factor contributing to the conventionalization³ of the telic reading of prefixes is the overlap between their meaning and the meaning of the verbal stem onto which they stack. For example, compare *iti* ‘go’ with *po-iti* ‘go along a surface’: the spatial addition given by *po-* ‘along a surface’ to *iti* is redundant, as the act of going already implies the presence of a surface along which a certain entity moves [11]. This overlap, known as ‘Vey-Schooneveld effect’ [50; 42] or as ‘subsumption’ [36], arguably facilitates the interpretation of the prefix as a default telic marker, as the actional reading is the only possible salient piece of information added by the prefix [11; 54; 1]. The extension of prefixes (or at least of some of them) to verbs denoting atelic activities, i.e. events which do not entail an inherent endpoint, represents a further step towards their grammaticalization. Occasionally, this happens in OCS already, for example in the compound *sz-po-žiti* ‘live for a while with someone’, in which the prefix *po-* seems to have the only function of establishing temporal limits to the activity of living with someone.⁴ Table 1, adapted from [54], summarizes the development just set out:

(0) spatial meaning	lexical modification
(1) telic meaning	actional modification
(2) conventionalized telic meaning	
(3) limitation (perfective reading on atelic events)	aspectual modification

Table 1: Grammaticalization of Slavic prefixes as markers of perfectivity.

This grammaticalization process did not give rise to a single marker of perfectivity in modern Slavic languages. In Rus., for example, *pro-*, *za-*, *s-* (and other prefixes to a lesser extent) mark telic perfect verbs, whereas *po-* perfectivizes atelic verbs; in Blg., *iz-*, *o-*, *na-*, *s-* (ordered on a frequency scale) mark perfectivity on telic predicates, whereas *po-* does the same for atelic ones [13]. Such an abundance of markers of perfectivity is one of the reasons why some scholars doubt, though from different perspectives, as to whether the development of Slavic prefixes into boulder perfectives should be regarded as a proper grammaticalization process.⁵

Another issue is the exact timing of the steps shown in Table 1. Step (0) is assumed by [54] to have occurred in Early Common Slavic (before 300 AD), steps (1) and (2) in Common (300–700 AD) and Early Slavic (OCS and OR), and step (3) in Late Slavic (=Modern Slavic). In parallel, [16] contribute to a description of the advancement of stages (1–2) in their corpus-based study on *Codex Marianus* and *Codex Zographensis*,

³In our view, a meaning becomes conventionalized when it is associated to a certain form independently of the context.

⁴For further comments on the semantics of this compound, see Section 4.

⁵For further indications along this line, see [7; 35; 25].

where they observe a significant correlation between prefixed stems (without added suffixes) and perfective contexts, and between suffixed stems and imperfective contexts. The above mentioned OCS compound *sv-po-žiti* ‘live for a while with someone’, containing a delimitative *po-*, could be itself a timid signal of an early beginning of step (3), which then dramatically developed during the sixteenth century [11].

From a synchronic perspective, Slavic prefixes can be treated in different ways. On the one hand, many cognitively-oriented studies organize the different meanings of prefixes in semantic maps, associating the possible concrete/abstract/aspectual meanings to a single polysemous prefix. Most work in this regard has been done on East and West Slavic, see [23, who report all the relevant references published before 2009; 30; 34; 24]. As regards South Slavic, studies on prefixes are also available, both in Slavic languages, e.g. [26; 27; 29; 3], and in English, e.g. [39; 40; 41 and references therein; 47; 48]. Most importantly, some of these studies try to identify lexical content in the so-called “empty prefixes” (see below), which are usually regarded as being purely aspectual, i.e. grammatical, e.g. [30; 24].

On the other hand, many formally-oriented papers are concerned with classifying Slavic prefixes, according to their semantic and syntactic behavior, into “lexical/internal” (a) and “super-lexical/external” (b) prefixes, and with identifying their combination rules in multiple prefixation or stacking.⁶ Some scholars suggest that there is another separate class of prefixes, above mentioned as “empty prefixes” (c), see [2; 17; 37; 38; 44; 45; 46], among others. Briefly, these classes of prefixes show the following distributional and semantic differences. The lexical prefixes (a) are regarded as having a directional and idiosyncratic (non-compositional, unpredictable) meaning. They derive a new lexical item and modify the argument structure of the plain verb, usually by adding new arguments. By contrast, the super-lexical prefixes (b) are considered to have predictable and quantizing meanings, such as ‘begin’ (ingressive), ‘finish’ (egressive), ‘for a while’ (delimitative), ‘for many times’ (accumulative), etc., and they do not modify the argument structure of the plain verb. Lastly, the prefixes with a pure perfectivizing role (c) make an imperfective verb perfective, without any additional semantic modification.⁷ In contrast with cognitively-oriented works, which regard prefixes as polysemous (see above in this Section), these authors claim that there are different prefixes with the same phonological content showing non-related lexical, super-lexical and pure perfectivizing usages. As a combinatory rule in multiple prefixation, it is stated that, whenever two prefixes stack onto a single verbal stem, the innermost should be a lexical one, whereas the outmost a super-lexical one.

⁶[45], on the basis of the distributional behavior of Russian completive *do-* and repetitive *pere-*, argues for the existence of another group of prefixes with lexical content, which he names “intermediate prefixes”.

⁷[22] suggests the labels “Specialized perfectives” for verbs combining with lexical prefixes, “Complex Act Perfectives” for verbs combining with super-lexical prefixes, and “Natural Perfectives” for verbs combining with pure perfectivizing prefixes.

As mentioned above, multiple prefixation in modern Slavic languages has received some attention: to the above-mentioned [2; 17; 37; 38; 44; 45; 46] add [21] on Bulgarian, which is a language allowing for the exceptional stacking of as many as seven prefixes (Russian usually combines two prefixes, although combinations of three prefixes are also attested; cf. [21: 306]).

The same cannot be said of multiple prefixation in ancient Slavic languages: studies devoted to this topic are scarce and only rely on data taken from dictionaries, e.g. [18].

Our paper aims at partially filling this gap: we examine stacked prefixes both in OCS and in OR, using corpus-based data taken from the TOROT Treebank [19; 15]. Our paper is organized as follows. In Section 2, we explain our methodology and terminological choices. Section 3 is devoted to the description of our data. Section 4 contains our semantic analysis of multiply prefixed verbs in OCS and OR. In Section 5, we summarize our findings and draw our conclusion.

2. Terminological issues and methods

In this section, after addressing some terminological issues, we describe the corpus employed for our investigation, and explain how the data were extracted from it.

2.1. Terminological issues

As outlined in Section 1, studies on multiple prefixation in Slavic languages generally make use of the labels “super-lexical/external” and “lexical/internal”. We also adopt the terms “external” and “internal” (and “medial”) prefix, but exclusively to distinguish the stacked prefixes on the basis of their relative position with respect to the verbal stem. Thus, we employ the label “external” to refer to the prefix located farther from the verb, and the label “internal” to refer to the prefix located closer to the verb, regardless of their semantic and syntactic properties. For example, in the OCS compound *sъ-po-žiti* ‘live for a while with someone’, already mentioned in Section 1, *sъ-* ‘with’ is classified as external, although it retains its original meaning and does not show any quantizing property (as one would expect from an external prefix, in the sense described in Section 1). Contrarily, the prefix *po-* is classified as internal, although it has an actional delimitative semantics, which is normally associated with super-lexical (external) prefixes.

It is also worth clarifying how we describe compound verbs from the semantic point of view: if the meaning of a certain compound results from the meaning of its components (prefixes+verbal root), then the compound is classified as compositional (transparent). Otherwise, it is considered as non-compositional, that is, lexicalized. We regard a compound as compositional when the semantic contribution of its constituents to the whole meaning is clearly detectable, even if the original (often spatial) meaning of the prefixes is not retained. Take OCS *sъ-po-žiti* ‘live for a while with someone’ again: its meaning is compositional, as it results from *sъ-* ‘with’ + *po-* ‘for a

while’ (delimitative) + *žiti* ‘live’, although the internal prefix *po-* does not show its basic meaning.⁸

2.2. Corpus and queries

Our corpus includes the OCS and OR materials that are freely available on-line at the *Tromsø Old Russian and OCS Treebank* repository [15].⁹ The TOROT Treebank is a dependency Treebank with morphosyntactic and information-structure annotation, including Old Church Slavonic, Old Russian and Middle Russian texts. Our OCS materials comprise three manuscripts, i.e. *Codex Marianus* (11th cent., Macedonia, Glagolitic), *Codex Suprasliensis* (late 10th cent., Bulgaria, Cyrillic), and *Codex Zographensis* (10th–11th cent., Macedonia, Glagolitic), for a total of 161,185 annotated tokens. Our selection of OR texts is displayed in Table 2, which also shows the period of composition of each text and the period to which the manuscript containing each text dates back (the OR corpus size is 109,224 annotated tokens).

TITLE	COMPOSITION	MANUSCRIPT
<i>Uspenskij sbornik</i>	late 11 th – early 12th century	late 12th – early 13th century
<i>The Primary Chronicle, Codex Laurentianus</i>	ca. 1113	1377
<i>The Primary Chronicle, Codex Hypatianus</i>	ca. 1113	ca. 1425
<i>The Kiev Chronicle, Codex Hypatianus</i>	1118–1200	ca. 1425
<i>Mstislav’s letter</i>	1130	1130
<i>Varlaam’s donation charter to the Xutyn monastery</i>	1192	1192
<i>Statute of Prince Vladimir</i>	12th century	1280
<i>Russkaja pravda</i>	12th century	13th century
<i>The Suzdal Chronicle, Codex Laurentianus</i>	12th – 13th century	1377
<i>The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland (version A)</i>	1229	ca. 1284
<i>The First Novgorod Chronicle, Synodal manuscript</i>	mid-13th century	mid-13th century

⁸Originally, *po-* used to mean ‘surface contact’ and ‘ablative’ [13]. This prefix goes back to PIE **(á)po*, cf. Goth. *afar* ‘away from’, Gr. *apó* ‘away from’, Lat. *ab* ‘away from’, *pōnere* ‘put, place’ (< **po-sinere*), Ved. *ápa* ‘back’ [15: 66 ff.]. It is still productive with spatial meaning in Croatian, Slovene and West-Slavic [12; 13]. Elsewhere, it developed quantizing meanings including resultative, delimitative, ingressive, distributive and attenuative. Considering its complex semantic development, we chose to assign *po-* its original meaning ‘surface contact’ in Tables 5 and 6, as well as in Appendixes 3 and 4. Within the paper we simply leave it without any translation.

⁹<http://torottreebank.github.io/>.

<i>Novgorod's treaty with Grand Prince Jaroslav Jaroslavich, 1266</i>	1266	1266
<i>Missive from the Archbishop of Riga to the Prince of Smolensk</i>	1281–1297	1281–1297
<i>Charter of Prince Jurij Svjatoslavich of Smolensk on the alliance with Poland and Lithuania, 1386</i>	1386	1386
<i>Life of Sergij of Radonezh</i>	1417–1481	late 16th century

Table 2: Selection of OR texts (ordered by date of composition).

As shown in Table 2, our analysis is based on those texts whose composition is not later than the first half of the 15th century. Although the OR period conventionally ends by the end of the 14th century [4: 32], we decided to stretch the conventional chronology to include the *Life of Sergij of Radonezh* (highlighted in grey in Table 2). This text is indeed very interesting from the point of view of multiple prefixation, as it attests to many OR *hapax legomena* (8 out of 16 *hapax* of our OR corpus occur in this text).

OCS compounds with multiple prefixes were automatically extracted, as the OCS section of TOROT is already provided with word-formation annotation.¹⁰ As regards the OR data, we were given a complete list of the verbs (both simple and compound) contained in TOROT. From that list, we manually collected the relevant lemmas with multiple prefixation. Then, we divided all these lemmas into morphemes and detected prefixes and roots.

The TOROT Treebank was also of crucial importance for the automatic extraction of the dependents of the collected verbs.¹¹ In order to do this, we converted the Treebank from XML into PML format, and then performed the syntactic queries shown in Appendix 1 and Appendix 2 by means of the tree editor TrEd.¹² The query in Appendix 1 searches for all the dependents tagged as OBJ, OBL, or ADV, which are directly linked to a certain verb. The query in Appendix 2, instead, looks for all the dependents tagged as OBJ, OBL, or ADV, which are linked to a certain verb via a bridge word, such as a coordinative particle or a preposition. According to the morphosyntactic guidelines of the TOROT Treebank, OBJs and OBLs are supposed to be part of the verbal valency, the former being direct objects in accusative, and the latter identifying “those arguments of the verb which are not subjects or objects to the clausal node” [14: 20, 25]. By contrast, ADVs are not verbal arguments, as they are circumstantial expressions to the sentence [14: 33]. We also searched for the tags PER

¹⁰Courtesy of Hanne M. Eckhoff, to whom we would like to express our deep gratitude.

¹¹In particular, we extracted the dependents of the compound verbs with stacked prefixes, of the corresponding compounds with just one prefix (internal or external), as well as of the corresponding simple verbs.

¹²We would like to thank Edoardo M. Ponti for his help with technical issues.

and ARG, which are assigned to those dependents whose syntactic status is seen as controversial [14: 44].

3. Description of the data

The semantic analysis of multiple prefixation in OCS and OR proposed in Section 4 is based on data collected as shown in Section 2. From the extracted data, we excluded:

1. Compounds containing the negative prefix:¹³

- OCS: *iznemošti* ‘become unable, weak, ill’, *nedokončati* ‘not complete’, *nedomysliti* ‘be in doubt’, *nedomyšljati* ‘be in doubt’, *nedostati* ‘lack’, *nenaviděti* ‘hate’
- OR: *iznemagati* ‘lose strength’, *iznemošti* ‘be weak, lose strength’, *nedomysliti(sja)* ‘be not clear, doubt’, *nedostatbstvovati* ‘have not enough’, *nedouměvati(sja)* ‘be puzzled’, *nedouměti* ‘not understand, not be able’, *nenaviděti* ‘hate’, *neprěstati* ‘not cease’¹⁴

2. Compounds in which the internal prefix is attached to a nominal root at a preceding stage:¹⁵

- OR: *sъpodobiti* ‘confer, award’, *sъpodobljati* ‘confer, award’, *upodobiti* ‘compare, make similar’ (*po-dob-a* ‘similarity’); *rasprostraniti* ‘spread, extend’, *rasprostranjati(sja)* ‘widen, get rich’, *rasprostrěti* ‘stretch, spread’, *uprostraniti* ‘spread’ (*pro-storъ*, *pro-stran-stvo* ‘space, area’); *vъrazumiti* ‘bring to reason, make understand’, *prorazuměti* ‘foresee, predetermine’, *urazuměti* ‘understand’ (*raz-um* ‘reason, intellect’)

However, we did include in our analysis the compound *priupodobljati* ‘compare’ because it contains two other prefixes besides *po-*: *pri-* ‘at’ and *u-* ‘away from’.¹⁶

The selection process led us to the following final results:

- 23 lemmas and 359 occurrences for OCS;
- 38 lemmas and 208 occurrences for OR.

¹³The negation *ne*, indeed, does not belong to the category of IE ‘adverbs/preverbs/adpositions’ [9], whose members show at least one of the following features: PIE etymology of a deictic/local adverb, basic spatial meaning, and functional bifurcation into adpositions/preverbs in the daughter languages.

¹⁴Interestingly, in OCS *iznemošti* ‘become unable, weak, ill’ and OR *iznemagati* ‘lose strength’, *iznemošti* ‘be weak, lose strength’, the negation is internal with respect to the other prefix *iz(ъ)-*, which arguably has quantizing meaning in these contexts. This would suggest that *iz(ъ)-* was probably attached to a preexisting compound containing the negation.

¹⁵This operation was only necessary for OR data, as the OCS data extraction was automatic (cf. Section 2).

¹⁶Our choice of excluding the above-mentioned compounds does not seem to be in agreement with [18], in which OCS verbs containing the roots *po-dob-*, *pro-str(an)-*, and *raz-um-* are also included in the analysis.

The lists of the compounds included in our analysis are shown in Table 3 (OCS) and Table 4 (OR).

	COMPOUND	MEANING	FREQUENCY
1.	<i>ispovědati</i>	confess, recognize, tell, announce, praise	61
2.	<i>ispověděti</i>	confess, recognize, tell, announce, praise	51
3.	<i>ispovědovati</i>	agree with, say the same thing	1
4.	<i>isprovrěšti</i>	overturn, turn over, turn down, destroy	5
5.	<i>izobřesti</i>	find (out)	4
6.	<i>izobřetati</i>	find (out)	1
7.	<i>oprovrěšti</i>	turn over	2
8.	<i>prědǫpolagati</i>	offer, suggest, lay, provide, furnish	1
9.	<i>priižditi (under ižditi)</i>	spend, waste	2
10.	<i>priobřesti</i>	acquire, receive, earn, win, find, cause, create	32
11.	<i>propovědati</i>	announce, proclaim, predict	81
12.	<i>propověděti</i>	preach, proclaim	19
13.	<i>propovědovati</i>	announce, proclaim	1
14.	<i>sǫpožiti</i>	live, stay for a while with someone	1
15.	<i>sǫprěbyvati</i>	be, remain together with someone	1
16.	<i>sǫvǫkupiti</i>	unify, gather, tie together	4
17.	<i>sǫvǫkupljati</i>	unify, copulate	2
18.	<i>vǫspomenęti</i>	remember, remind	6
19.	<i>vǫspriimati</i>	take, receive	6
20.	<i>vǫsprijęti</i>	take, receive	24
21.	<i>vǫznenaviděti</i>	conceive a hatred, come to hate	19
22.	<i>zapovědati</i>	order, command, communicate	21
23.	<i>zapověděti</i>	order, command	15

Table 3: OCS compounds with stacked prefixes (highlighted compounds are also found in OR).

	COMPOUND	MEANING	FREQUENCY
1.	<i>doprovoditi</i>	accompany	5
2.	<i>ispomъněti</i>	remember	1

3.	<i>ispovědati</i>	tell, confess	17
4.	<i>ispověděti</i>	tell, recognize	4
5.	<i>isprometati</i>	throw out, devastate, ravage	1
6.	<i>isprovřěsti</i>	transform, overturn	4
7.	<i>izobřesti</i>	find, invent	3
8.	<i>izoostati(sja)</i>	remain among the living beings	1
9.	<i>oprovorotiti</i>	turn over	1
10.	<i>oprovratiti</i>	turn over	1
11.	<i>prědǫizvěštati</i>	forecast, give advanced notice	1
12.	<i>prěodolěti</i>	win, defeat	1
13.	<i>prěuchytriti</i>	deceive	1
14.	<i>prěudobriti</i>	decorate, prepare	1
15.	<i>prěvǫschoditi</i>	excel, exceed	1
16.	<i>prěvǫschyštati</i>	grasp	1
17.	<i>prěvǫzvyšati(sja)</i>	rise	1
18.	<i>priobřesti</i>	obtain, receive, reach	7
19.	<i>priupodobljati</i>	compare	2
20.	<i>privǫmetati(sja)</i>	throw oneself into	1
21.	<i>propovědati</i>	announce, preach, teach, predict	12
22.	<i>propověděti</i>	proclaim, announce	2
23.	<i>sǫotrězovati</i>	cut off	1
24.	<i>sǫpovědati</i>	tell, communicate, narrate	30
25.	<i>sǫvǫkupiti</i>	gather, unite, convoke	37
26.	<i>sǫvǫkupljati</i>	gather, unite	6
27.	<i>sǫvǫprašati(sja)</i>	ask, discuss, talk	1
28.	<i>sǫvǫsprašati(sja)</i>	ask	2
29.	<i>sǫvǫzrasti</i>	grow up together	1
30.	<i>upoznati</i>	realize, be aware of	2
31.	<i>usǫrěsti</i>	approach	10
32.	<i>vǫspominati</i>	take, receive	10
33.	<i>vǫspriimati</i>	take, receive	2

34.	<i>vъsprijati</i>	envy, be jealous	12
35.	<i>vъzaviděti</i>	conceive a hatred, come to hate	2
36.	<i>vъznenavideti</i>	remember	6
37.	<i>zapovědati</i>	order, command	14
38.	<i>zapověděti</i>	order, command, announce, decide	3

Table 4: OR compounds with stacked prefixes (highlighted compounds are also found in OCS).

The prefixes occurring in multiple prefixation in OCS are the following: *iz(ъ)*- ‘out of’, *na-* ‘on(to)’, *o(bъ)*- ‘around’, *po-* ‘surface contact’, *prě-* ‘across’, *prědъ-* ‘in front of’, *pri-* ‘at’, *pro-* ‘through’, *sъ-* ‘with’, *vъ-* ‘in’, *vъz(ъ)*- ‘up’, *za-* ‘behind’. In OR, we find the same prefixes occurring in OCS, as well as the following: *do-* ‘till, until’, *ot(ъ)*- ‘from, away from’ and *u-* ‘away from’.

Table 5 and Table 6 show the attested combinations of prefixes in OCS and OR, respectively.

	PREFIXES	MEANINGS	LEMMAS
1.	<i>iz(ъ)+o(bъ)</i>	out of+around	2
2.	<i>iz(ъ)+po</i>	out of+surface contact	3
3.	<i>iz(ъ)+pro</i>	out of+through	1
4.	<i>o(bъ)+pro</i>	around+through	1
5.	<i>prědъ+po</i>	in front of+surface contact	1
6.	<i>pri+iz(ъ)</i>	beside+out of	1
7.	<i>pri+o(bъ)</i>	beside+around	1
8.	<i>pro+po</i>	through+surface contact	3
9.	<i>sъ+po</i>	with+surface contact	1
10.	<i>sъ+prě</i>	with+across	1
11.	<i>sъ+vъ</i>	with+in	2
12.	<i>vъz(ъ)+ne+na</i>	up+neg+on(to)	1
13.	<i>vъz(ъ)+po</i>	up+surface contact	1
14.	<i>vъz(ъ)+pri</i>	up+beside	2
15.	<i>za+po</i>	behind+surface contact	2

Table 5: Attested combinations of prefixes in OCS (highlighted combinations are also found in OR).

	PREFIXES	MEANINGS	LEMMAS
1.	<i>do+pro</i>	until+through	2
2.	<i>iz(v̥)+o(bv̥)</i>	out of+around	2
3.	<i>iz(v̥)+po</i>	out of+surface contact	3
4.	<i>iz(v̥)+pro</i>	out of+through	2
5.	<i>o(bv̥)+pro</i>	around+through	2
6.	<i>prě+o(bv̥)</i>	across+around	1
7.	<i>prě+u</i>	across+away from	2
8.	<i>prě+vbz(v̥)</i>	across+up	3
9.	<i>prědv̥+iz(v̥)</i>	in front of+out of	1
10.	<i>pri+o(bv̥)</i>	at+around	1
11.	<i>pri+u</i>	at+away from	1
12.	<i>pri+vb̥</i>	at+in	1
13.	<i>pro+po</i>	through+surface contact	2
14.	<i>s̥v̥+ot(v̥)</i>	with+away from	1
15.	<i>s̥v̥+po</i>	with+surface contact	1
16.	<i>s̥v̥+vb̥</i>	with+in	3
17.	<i>s̥v̥+vb̥+s̥v̥</i>	with+in+with	1
18.	<i>s̥v̥+vbz(v̥)</i>	with+up	1
19.	<i>u+po</i>	away from+surface contact	1
20.	<i>u+s̥v̥</i>	away from+with	1
21.	<i>vb̥+za</i>	in+behind	1
22.	<i>vbz(v̥)+ne+na</i>	up+neg+on(to)	1
23.	<i>vbz(v̥)+po</i>	up+surface contact	1
24.	<i>vbz(v̥)+pri</i>	up+at	2
25.	<i>za+po</i>	behind+surface contact	2

Table 6: Attested combinations of prefixes in OR (highlighted combinations are also found in OCS).

Table 7 and Table 8 show prefix orderings in OCS and OR, respectively.

	PREFIXES	ROOTS	EXTERNAL	INTERNAL
1.	<i>iz(v̥)</i>	7	6 (85, 7)	1(14, 3)

2.	<i>na</i>	1	-	1 (100%)
3.	<i>o(bv)</i>	4	1 (25%)	3 (75%)
4.	<i>po</i>	12	-	12 (100%)
5.	<i>prě</i>	1	-	1 (100%)
6.	<i>prědv</i>	1	1 (100%)	-
7.	<i>pri</i>	3	2 (66, 7%)	1 (33,3%)
8.	<i>pro</i>	5	3 (60%)	2 (40%)
9.	<i>sv</i>	4	4 (100%)	-
10.	<i>vb</i>	2	-	2 (100%)
11.	<i>vbz(v)</i>	3	3 (100%)	-
12.	<i>za</i>	2	2 (100%)	-

Table 7: Prefix orderings in OCS.

	PREFIXES	ROOTS	EXTERNAL	MEDIAL	INTERNAL
1.	<i>do</i>	2	2 (100%)	-	-
2.	<i>iz(v)</i>	8	7 (87,5%)	-	1 (12,5%)
3.	<i>na</i>	1	-	-	1 (100%)
4.	<i>o(bv)</i>	6	2 (33,3%)	-	4 (66,7%)
5.	<i>ot(v)</i>	1	-	-	1 (100%)
6.	<i>po</i>	10	-	-	10 (100%)
7.	<i>prě</i>	6	6 (100%)	-	-
8.	<i>prědv</i>	1	1 (100%)	-	-
9.	<i>pri</i>	5	3 (60%)	-	2 (40%)
10.	<i>pro</i>	8	2 (25%)	-	6 (75%)
11.	<i>sv</i>	9	7 (77,7%)	-	2 (22,3%)
12.	<i>u</i>	5	2 (40%)	-	3 (60%)
13.	<i>vb</i>	6	1 (16,6%)	1 (16,6%)	4 (66,8%)
14.	<i>vbz(v)</i>	8	4 (50%)	-	4 (50%)
15.	<i>za</i>	3	2 (66,7%)	-	1 (33,3%)

Table 8: Prefix orderings in OR.

Table 7 and Table 8 allow for some interesting observations, which however are inevitably limited to the data at our disposal:

- the prefix *prě-*, which is only internal in OCS, is always external in OR;
- the prefix *vъ-*, which is only internal in OCS, can also appear in external and medial position in OR;
- the prefix *vъz(ъ)-*, which is only external in OCS, can be used both in internal and in external position in OR;
- the prefix *za-*, which is only external in OCS, can also appear in internal position in OR;
- the prefix *po-* is never external, neither in OCS nor in OR, while the most common use of *po-* in multiple prefixation in Rus. and Blg. [21; 46] is the external position (see Section 4).

Table 9 shows the verbal roots combining with stacked prefixes in OCS and OR.

	OCS	OR	MEANING	LOCATION/MOTION VERB**
1.	<i>by-</i>	-	be	Y
2.	-	<i>chod-</i>	go	Y
3.	-	<i>chyšt-*</i>	grasp	Y
4.	<i>kup-</i>	<i>kup-</i>	buy	N
5.	<i>log-</i>	-	lay	Y
6.	-	<i>met-</i>	throw	Y
7.	<i>min-</i>	<i>min-</i>	think	N
8.	-	<i>vět-</i>	say	N
9.	-	<i>praš-</i>	ask	N
10.	-	<i>ras-</i>	grow	N
11.	<i>rět-</i>	<i>rět-</i>	meet, find	N
12.	-	<i>rez-</i>	break, cut	N
13.	<i>sta-</i>	<i>sta-</i>	stand	Y
14.	<i>věd-</i>	<i>věd-</i>	know	N
15.	<i>vid-</i>	<i>vid-</i>	see	Y
16.	-	<i>vod-</i>	lead	Y
17.	-	<i>vrat-/vorot-</i>	turn	Y
18.	<i>vrěg-</i>	<i>vrěg-</i>	throw	Y
19.	-	<i>zna-</i>	know	N

20.	<i>bm-</i>	<i>bm-</i>	take	Y
21	<i>ži-</i>	-	live	N

* No sure etymology.

** These comprise location/motion verbs proper as well as verbs comparable to them, such as verbs of taking/putting and verbs of seeing.

Table 9: OCS and OR verbal roots with stacked prefixes (highlighted roots occur in both languages).

The root *chyšt-* of the compound *prěvšchyštati*, which is the same root of the verbs *chytati* and *chvatati* ‘grasp’, does not have any sure etymology (Johannes Reinhart p.c.¹⁷).

Interestingly, OR shows five compounds containing a nominal/adjectival root:

- *prědōlěti* ‘win, defeat’: *dol-a* ‘share, fate’;
- *prěuchytriti* ‘deceive’: *chytr-yj* ‘skilled, intelligent, wise, sly’;
- *prědobriti* ‘decorate, prepare’: *dobr-yj* ‘good’;
- *prěvšvzvyšati(sja)* ‘rise’: *vys-ok-ij* ‘high’, *vyš-e* ‘higher’;
- *priupodobljati* ‘compare’: *po-dob-a* ‘similarity’.

4. Analysis of the data

In the present Section, we propose a semantic analysis for verbal compounds displaying multiple prefixation in OCS and OR. Then, we show how the lexical modifications brought about by prefixes may have the side effect of modifying the argument structure of compounds.

The tables showing the complete semantic analysis of OCS and OR verbal compounds are given in Appendix 3 and Appendix 4, respectively. To determine whether the verbal compounds are lexicalized or compositional, we consider the meaning of the simple verbal root, as well as the meaning of each prefix attaching to it (cf. Section 2.1). In most cases, the meaning of the compound seems to be lexicalized (in the appendixes these compounds are labeled as N); in a few cases, the meaning of the compound can be described as partially compositional, when at least one of the prefixes or the verbal root preserves a detectable meaning (these compounds are labeled as N/Y); very rarely, the compound exhibits a fully compositional meaning, when both prefixes preserve a detectable meaning (these compounds are labeled as Y). In what follows, we discuss some interesting cases.

The verb *iz(ъ)-pro-vrěšti* occurs both in OCS and in OR, showing different degrees of compositionality. In OCS, we find one occurrence where this verb seems to preserve the partially compositional meaning ‘overturn’ (1).¹⁸

¹⁷We would like to thank Prof. Johannes Reinhart for his help in reconstructing the etymology of another root, i.e. the root *vět-* ‘say’ of the compound *prědъizvěštati* ‘forecast, give advanced notice’.

¹⁸In the glosses, indicative mood and active voice are not indicated.

(1) OCS

i dъsky trъžьnikъ i sědališta
 and table:ACC.PL merchant:GEN.PL and bench:ACC.PL
 prodajoŝtixъ golqbi **isprovъže**
 sell:PTCP.PRS.GEN.PL dove:ACC.PL overturn: AOR.3SG

‘(He) overturned the tables of the merchants and the benches of those selling doves.’ [Mar., Mark 11.15]

Interestingly, in OCS, the verb *o(bъ)-pro-vrěsti* ‘overturn’ occurs twice in the same context: *oprovъže*:AOR.3SG ‘(he) overturned’ (Mar., John 2.15; Zogr., John 2.15). This shows that the external prefixes *iz(ъ)-* and *o(bъ)-* do not modify the verb lexically, but they rather seem to have a telic function. The lexical contribution given by *pro-* is still detectable: this prefix etymologically means ‘forward’ (< **pr-ō* with the allative ending *-ō*; cf. [56: 636]), while in OCS it acquires the spatial meaning of ‘through’ (perlative). In example (1) *pro-* seems to emphasize the movement of the tables, overturned by Jesus. Thus the prefix *pro-* somewhat contributes to describe the caused motion of the tables, even though the direction of this motion is not completely clarified by the semantic addition of the prefix. Also, the original meaning of the verbal root *vrěg-* ‘throw’ is partially retained.

The Gr. equivalents of *iz(ъ)-pro-vrěsti* are *ana-stréphō* ‘turn upside down, overturn’, *kata-stréphō* ‘turn down, overturn’, or *dia-rrégnumi* ‘break through/asunder’, which contain just one prefix, thus suggesting that OCS compounds are not always calques from Greek. The compound *dia-rrégnumi* contains the simple verb *rhégnumi* ‘break’ and corresponds only to the non-compositional usages of *iz(ъ)-pro-vrěsti* shown in (2) and (3) below (‘destroy’). The Gr. compounds *ana-stréphō* and *kata-stréphō* are instead comparable with the OCS compound *iz(ъ)-pro-vrěsti* in the meaning ‘overturn’. To start with, they contain a verb denoting movement, that is, *stréphō* ‘turn about/aside’ (cf. OCS *vrěg-* ‘throw’, which is a proper motion verb). Moreover, they include a prefix expressing telicity, *ana-* ‘(lit.) upwards’ and *kata-* ‘(lit.) downwards’. Importantly, the spatial usages of these two prefixes are opposite. As they are nevertheless translated by the same OCS compound, they must be semantically bleached in these contexts and have mere quantizing properties.¹⁹

Both in OCS and in OR, the verb *iz(ъ)-pro-vrěsti* can be used with the non-compositional meaning ‘break, destroy’, as shown in (2) and (3).²⁰

¹⁹These two Gr. prefixes already show quantizing (but opposite) meanings in Homeric Gr. (a much earlier variety with respect to the New Testament Greek): *ana-* can indicate the beginning of an action, whereas *kata-* the completion of an action [8: 90, 112].

²⁰OR also attests to a very similar compound, i.e. *iz(ъ)-pro-metati* ‘throw out, devastate’, containing the same prefixes (*iz(ъ)-*, *pro-*) and the root *met-*, which is semantically equivalent to *vrěg-* ‘throw’.

(2) OCS

ô glasa silo adъ **isprovrъgъši**
 PTC sound:GEN power:VOC hell:ACC destroy: PTC.PST.VOC
 ‘O power of the word, (you) destroying death, ...’ [Supr. 27]

(3) OR

jako pride povelě kumiry **isprovrěšti.**
 when come:AOR.3SG order:AOR.3SG idol:ACC.PL destroy:INF.PRS
 ovy osěči. a drugija ognjevi predati.
 some:ACC.PL cut:INF.PRS and other:ACC.PL fire:DAT.SG pass:INF.PRS
 ‘When (he) came, (he) ordered to destroy the idols: to cut some of them and to burn the others.’ [Lav. 116.21]

In OR, this verb is also often used in a fixed expression with the meaning of ‘killing oneself’, as shown in (4).²¹

(4) OR

i tu **isprovrъže životъ svoi zъlē.**
 and there transform:AOR.3SG life:ACC.SG his:ACC.SG miserably
 ‘And there (he) killed himself miserably.’
 [Usp. Sbor., *The Tale of Boris and Gleb*, 659]

The verb *vъz(ъ)-ne-na-viděti* occurs both in OCS and in OR with the non-compositional meaning ‘come to hate’, as shown in (5) and (6). Interestingly, example (5) highlights the difference between the compounds *ne-na-viděti* ‘hate’ and *vъz(ъ)-ne-na-viděti* ‘come to hate’, the latter having an ingressive meaning brought about by the prefix *vъz(ъ)-*.

(5) OCS

ašte mirъ vasъ nenaviditъ. vѣdite ěko
 if world:NOM. SG 2PL.GEN hate:PRS.3SG know:IMP.PRS.2PL that
 mene přězde vasъ **vъznenavidě**
 1SG.GEN prior_to 2PL.GEN come_to_hate:AOR.3SG
 ‘If the world hates you, know that it came to hate me before you.’
 [Mar., John 15.18]

(6) OR

ne obyčaj zlychъ da ne **vъznenaviditъ** tebe.
 not blame:IMP.2SG evil:GEN.PL so_that not come_to_hate:PRS.3SG 2SG.ACC
 ‘Do not blame the evil (men), so that they will not come to hate you.’ [Lav. 64.5]

The Gr. equivalent of *vъz(ъ)-ne-na-viděti* ‘hate’ is the simple verb *misēō*. Interestingly, OCS and OR attest to another compound with the same root that is used

²¹Here the compound *iz(ъ)-pro-vrěšti* seems to have a less lexicalized meaning with respect to examples (2–3), i.e. ‘transform, take out of’. It is the whole expression that is lexicalized (we owe this observation to Dmitrij Sičina, p.c.).

to express negative feelings, i.e. *za-viděti* ‘be envious’. Compare also the Lat. compound *in-videō*, containing the prefix *in-* ‘against’ and the same root for seeing, which is metaphorically employed for ‘having negative feelings’, ranging from being envious to being hostile. In Lat., there is another compound containing a different root for seeing (PIE **spek-* ‘see, look at’ > Gr. *sképtomai* ‘look about carefully’, Lat. *speciō* ‘look, look at’, Ved. *páśyati* ‘(he) sees, looks at’ [57²: 575–576]) and developing a meaning connected with negative feelings, i.e. *dē-spiciō* ‘look down upon > despise, disdain, disregard’.²² Hitt. also shows a similar compound: the root *au(s)-*, *u(wa)-* ‘see, look, watch, behold, observe, inspect, read’ (PIE **h₁eu-* ‘see, catch sight of’ [57²: 243]), when modified by the adverb/preverb *parā* ‘(as a preverb) forth, ahead, along; away, off, out, over’, results in *parā au(s)-* ‘overlook, disregard, pay no attention to’ [58: 234 ff.; 59: 106].²³

The verb *sъ-въ-kupiti* occurs both in OCS and in OR with the partially compositional meaning ‘gather, unite, copulate’. The prefix *sъ-* ‘with’ contributes to convey the idea of togetherness, as shown in (7) and (8).²⁴

(7) OCS

i obrěteta sъvъkouplъsę sę
and find:AOR.ACT.3PL.DU gather:PTCP.PAST.ACC.PL self:3PL.ACC
edinogo na desęte
one:GEN.SG on ten:LOC.SG

‘And (they) found the eleven and those who were gathered (together with them).’ [Mar., Luke 24.33]

(8) OR

Jaroslavъ že sovokupivъ rusъ. i varegy. i
Jaroslav:NOM PTC gather:PTCP.PST.NOM.SG Rus:ACC and Varangian:ACC.PL and
slověně. poide protivu boleslavu. i
Slav:ACC.PL go:AOR.3SG against Boleslav:DAT.SG and
stopolku (=svjatopolku)
Svjatopolk:DAT.SG

‘But Jaroslav gathered (a multitude of) Rus, Varangians and Slavs, and went against Boleslav and Svjatopolk.’ [Lav. 143.1]

In OCS, there is another interesting example in which the prefix *sъ-* is used compositionally. In the compound *sъ-po-žiti* ‘live for a certain period with’ (9), indeed, the semantic contribution of *sъ-* ‘with’ is clear. In this case, the internal prefix *po-* is also

²²We owe this observation to Prof. Pierluigi Cuzzolin (p.c.).

²³We express our gratitude to Prof. Silvia Luraghi for this observation.

²⁴Interestingly, the compound *sъ-въ-kupiti* is employed in OCS to describe the act of gathering the apostles (7) and in OR to describe the act of putting together three populations (8). This could suggest that the choice of this verb in this particular OR context aims at recalling the idea of a sacred union.

used compositionally with the delimitative meaning ‘for a while’. The Gr. equivalent of OCS *sъ-po-žiti* is the compound *sun-ana-stréphomai* ‘live together’(lit. ‘with-upwards-live’).²⁵

(9) OCS

i	tretiii	днь	въставъ	iz	mrъtvychъ.
and	third:ACC	day:ACC	arise:PTCP.PAST.NOM	out.of	dead:GEN.PL
jav		svoimъ	oučenikomъ.	rekъše	
appear:AOR.3SG	his:DAT.PL	disciple:DAT.PL	say:PTCP.PAST.NOM		
styimъ (=svjētimъ)	apslomъ (=apostolomъ)	mnogomъ			
holy:DAT.PL	apostle:DAT.PL	many:DAT.PL			
iže	po	istině	vъrovavъšiimъ	vъ	нъ.
REL.NOM.PL	after	truth:DAT.F	believe:PTCP.PAST.DAT.PL	in	3SG.ACC
съроživъ	съ	nimi			
live: PTCP.PAST.NOM	with	3SG.INS			

‘And, after rising on the third day from among the dead, (he) appeared to his own disciples (and) spoke with the holy apostles and with many (others) believing in him in truth, and (he) lived for a while with them.’ [Supr.1.52]

What is particularly interesting about the OCS compound *sъ-po-žiti* is the delimitative use of the prefix *po-*, which was not common in OCS, but started to spread in the Eastern macro-group of Slavic languages (including Blg. and Pol.) only during the 17th century [11; 12; 13]. As already mentioned in Section 1 and in Section 2.1, indeed, this compound could be considered as an early indicator of the subsequent tendency of using *po-* as a perfectivizer of atelic verbs. Interestingly, while in Rus. and Blg. compounds with stacked prefixes delimitative *po-* is always external, in OCS we find it in internal position.

In another OCS compound, the prefix *po-* exhibits a distributive meaning. This is the case of the OCS compound *prěd(ъ)-po-lagati*, which has the compositional meaning ‘put in front of’ (10).

(10) OCS

i	daěše	oučenikomъ	svoimъ	da
and	give:IMPF.3SG	disciple:DAT.PL	his:DAT.PL	so_that
prědъpolagajotъ				
offer:PRS.3PL				

‘And (he) gave (them) to his disciples to distribute (them to the people).’ [Zogr., Mark 8.6]

This verb still survives in Rus. (*predpolagati*) and Blg. (*predpolagam*), where, however, its meaning (‘suppose, assume’) is no longer compositional. The Gr. equivalent

²⁵This is one of the few cases (see also OCS *sъ-prě-byvati* and Gr. *sun-ana-stréphomai* ‘live together’, OCS *sъ-vъ-kupiti* and Gr. *epi-sun-ágō* ‘gather together’) in which both the Slavic compound and its Gr. equivalent contain two prefixes.

of OCS *prěd(ъ)-po-lagati* is the compositional compound *para-tithēmi* ‘set before, provide’.

An OR example of a fully compositional verb is shown in (11).

- (11) OR
 da **do-pro-voděťs** kъ velikomu knęzju ruskomu
 PTC drive:PRS.3PL to great:DAT.SG prince:DAT.SG Russian:DAT.SG
 igorevi. i k ljudemъ ego.
 Igor':DAT and to people:DAT.PL 3SG.GEN
 ‘May (they) drive (them) to the great Russian prince Igor’ and to his
 people.’ [Lav. 52.20]

The compound *do-pro-voditi* ‘lead (someone) till’ shows a fully compositional behavior (*do-* means ‘till’, *pro-* draws attention to the path of movement, and *vod-* denotes the act of leading). In Rus. the verb with two prefixes is not attested and this could suggest that *do-* is not lexicalized.²⁶ However, both *pro-voditi* ‘accompany’ and *do-voditi* ‘accompany to’ do exist in Rus.

As discussed above, lexical and actional meanings can still be found in OCS and OR prefixes, as they are not fully developed into pure markers of perfectivity yet. Thus, apart from modifying the meaning of a verb, prefixes may also bring about changes to the argument structure of this verb. These changes are side effects of the lexical modification adduced by prefixes and are connected with their degree of lexicalization with the verbal stem, as shown below.

Interestingly, in a few passages, compounds showing no lexicalization or a low degree of lexicalization can be replaced by similar passages containing a construction in which the compound contains only the internal prefix, whereas the external one occurs outside the compound as a preposition. Compare, for instance, example (12) with example (10) above.

- (12) OCS
 i daěše oučenikomъ svoimъ da **polagajotъ**
 and give:IMPF.3SG disciple:DAT.PL his:DAT.PL so_that put:PRS.3PL
prědъ **nimi**
 in_front_of 3PL.INS
 ‘Then (he) gave them to his disciples to distribute to them.’ [Mar. Mark 6.41]

The event described in (12) and (10) is the same: Jesus is giving his disciples some bread to be distributed to people around. In (12) the prepositional phrase *prědъ nimi* ‘(lit.) in front of them’ encodes the recipient.²⁷ In (10), instead, *prědъ* ‘in front of’ functions as a prefix and the recipient is not explicitly mentioned, though recoverable from the context.

²⁶The verb *do-pro-vaditi* ‘accompany to’ still survives in Ukrainian.

²⁷Whenever we mention semantic roles, we refer to the terminology adopted in [33].

Similarly, one can find OR examples in which a compound with multiple prefixation (11) is semantically equivalent to a construction with one prefix and one prepositional phrase (13).

- (13) OR
 so plmsy i pēsmi **provodiša** i
 with psalm:INS.PL and song:INS.PL accompany:AOR.3PL 3SG.ACC
do stag dmitreja
 till holy:GEN.SG Dmitrij:GEN
 ‘With psalms and songs (they) accompanied him to holy Dmitrij.’
 [Lav. 206.21]

In example (11) the human goal taken by *do-pro-voditi* ‘accompany till’ is expressed by the preposition *kъ* with the dative case (*velikomu knęzju ruskomu igorevi. i k ljudemъ ego.* ‘to the great Russian prince Igor’ and to his people’), whereas in example (13) the verb *pro-voditi* ‘accompany’ takes a prepositional phrase with *do* ‘till’ plus the genitive (*do stag dmitreja* ‘to holy Dmitrij’) playing the same semantic role.

In a number of examples, the external prefix occurs both inside and outside the compound, i.e. it is repeated as a preposition, though not being semantically bleached. For example, this frequently happens in the presence of *sv-* ‘with’ in OCS. The compounds *sv-po-žiti* ‘live, stay for a while with someone’ (Supr.1.52), *sv-prě-byvati* ‘remain with’, and *sv-vъ-kupljati* ‘gather, unite’ (Supr. 1.208) take prepositional phrases constituted by *sv* ‘with’ and the instrumental case, expressing the comitative. An example with *sv-prě-byvati* ‘remain with’ is shown in (14):

- (14) OCS
svprěbyvaatъ sv člky (=člověky)aky člověkъ vęšte trii
 be.with:PRS.3SG with man:INS.PL as man:NOM more three:GEN.PL
 desetъ lětъ
 ten:GEN.PL year:GEN.PL
 ‘And (he) lived among men as a man for more than thirty years.’
 [Supr.1.331]

A prepositional phrase with *s(ъ)* ‘with’ expressing the role of comitative also occurs in the following OR passage, with the compound *sv-vъ-sprašati(-sja)* ‘address some issues with’.

- (15) OR
 jako dlъženъ esmъ **sovosprašati** s s
 that due:NOM.SG be:PRS.1SG ask:INF.PRS self:ACC with
 toboju
 2SG.INS
 ‘And so (I) must interrogate you.’ [Life of Sergij of Radonezh 10, 120]

Whilst in our OCS corpus only the prefix *sv-* is repeated as a preposition, in OR the prefix *do-* shows a similar behavior, as exemplified in (16).

- (16) OR
 oni že oběščaša sja pojeti i sъ
 3PL.NOM PTC promise:AOR.3PL self:ACC.3SG take:INF.PRS 3SG.ACC with
 soboju i **doprovaditi** i **do**
 self:INS.3SG and accompany:INF.PRS 3SG.ACC till
 stychъ (=svjatychъ) mēstъ.
 holy:GEN.PL place:GEN.PL
 'But they promised to take him with them and accompany him to the holy
 places.'
 [Usp. Sbor. *Life of Feodosij Pečerskij* 3, 13]

In (16) the compound *do-pro-vaditi* 'lead forward till > accompany till' takes the accusative of the direct object and the prepositional phrase *do* 'till' with the genitive expressing the goal.

In our data, preverb repetition only occurs with verbs requiring a comitative (14–15) or a goal (16) participant. This is probably due to the fact that, in OCS and OR, plain cases retain their concrete usages only to a limited extent and thus can only express these semantic roles under specific conditions.²⁸ In particular, in OCS and OR, the plain instrumental is used to encode a comitative-like participant just occasionally, e.g. in expressions such as *ženęi* (PTCP.PRS.NOM) *sę* (REFL.ACC) *puštenoję* (INS) (Luke 16.18) 'he who married a divorced woman' [32: 150–151; 20: 179]. As far as goal is concerned, it may be expressed by the plain genitive only with a number of compounds containing the prefixes *do-*, e.g. *do-idętъ* 'reach', *do-tekętъ* 'run up to', and *do-vedętъ* 'lead up to' [32: 145; 49: 65 ff.].²⁹ However, this construction is not attested for *do-pro-vaditi* 'accompany to'.

OCS and OR prefixes sometimes modify the meaning of plain verbs, causing the addition of a participant to the event described by the plain verb and/or changing the cases taken by the plain verb [549: 35]. This feature is particularly remarkable for the prefix *po-*, as shown in OCS examples (17–19).³⁰

- (17) OCS
 blōdite ne vědęšte kъnigъ
 be.wrong:PRS.2PL NEG know:PTCP.PRS.NOM.PL scripture:GEN.PL
 ni sily bъžiję (=božiję)
 neither force:GEN of_God:GEN
 'You are in error because you do not know the Scriptures or the power of
 God.'
 [Mar. Matthew 22.29]

²⁸For a comprehensive view on the syntax of Slavic plain cases, see [50: 21–108]. On the difference between concrete and grammatical usages of cases, see [28].

²⁹Plain accusative, plain dative (though rarely), and plain locative can also express goal with a few motion verbs, especially if the verbs are prefixed [50: 30 ff., 84–85].

³⁰These verbs are also found in OR, where they show a comparable behavior.

- (18) OCS
povědešę **že emu** **ěko** **isъ** (=Isusъ) **nazarěninъ**
 tell:AOR.3PL PTC he:DAT that Jesus:NOM of_Nazareth:NOM
 mimochoditъ
 pass_by:PRS.3SG
 ‘(They) told him that Jesus of Nazareth was passing by.’
 [Mar. Luke 18.37]
- (19) OCS
 šedъše vъ vesъ mirъ. **propovědite**
 go:PTCP.PAST.NOM.PL in whole:ACC world:ACC proclaim:IMP.PRS.2PL
evangelie **vъsei** **tvari**
 gospel:ACC whole:DAT creation:DAT
 ‘Go into all the world and proclaim the gospel to the whole creation.’
 [Mar. Mark 16.15]

In (17) the simple verb *vědeti* ‘know’ takes the direct object *kъnigъ* ‘of the scriptures’, playing the semantic role of theme, which is in the genitive case because of the presence of the negation *ne*; cf. [32: 146]. Examples (18) and (19), instead, show two compounds with *po-*, i.e. the speech verbs *po-vědeti* ‘tell’ and *pro-po-vědeti* ‘proclaim’. They both are trivalent verbs taking a direct object playing the semantic role of theme (a completive clause with *ěko* ‘that’ in (18) and the accusative *evangelie* ‘gospel’ in (19)) and an indirect object playing the role of addressee (two datives, namely *emu* ‘to him’ in (18) and *vъsei tvari* ‘to the whole creation’ in (19)). Thus, the prefix *po-* seems to function here as a causative derivation: *vědeti* ‘know’ + *po-* results in *po-vědeti* ‘make one know > tell’ (and then *pro-po-vědeti* ‘proclaim’). The prefix *po-* arguably adds a participant (playing the semantic role of addressee) to the described event. This semantic role is semantically compatible with the distributive meaning of *po-*, which can be understood as introducing recipients. Then, the link between addressees and recipients is easy to draw: an addressee, as a recipient, receives certain non-concrete entities, such as news, words, or pieces of information.³¹

Elsewhere, the semantic modifications brought about by prefixes do not alter the cases taken by the plain verbs. Compare the two OCS verbs *viděti* ‘see’ and *vъz(v)-ne-na-viděti* ‘begin to hate’. Both these verbs can take the accusative or the genitive case as a second argument; examples (20) and (21) show a second argument in the genitive case – *česo* ‘what?’ and *vraga svoego* ‘his enemy’.³²

³¹The causative-like ability of *po-* still remains unexplored and would deserve further investigation.

³²Considering that in our OCS corpus *vъz(v)-ne-na-viděti* ‘begin to hate’ only occurs with masculine animate direct objects in the genitive (and masculine animate nouns show genitive-accusative syncretism), one may wonder whether *vraga svoego* and other similar forms should be better interpreted as accusatives, rather than as genitives. This interpretation however is unlikely, as *nenaviděti* ‘hate’ does also take neuter genitive direct objects (e.g. Mar. Mark 13.13,

- (20) OCS
česo viděť izidete vъ poustynjо
 what:GEN see:SUP.ACC go.out:AOR.2PL in desert:ACC
 ‘What did (you) go out into the desert to see?’ [Mar. Matthew 11.7]
- (21) OCS
 vъzljubiši iskrъněgo svoego i vъznenaviděši vraga
 love:PRS.2SG neighbor:GEN REFL.GEN and hate: PRS.2SG enemy:GEN
svoego
 REFL.GEN
 ‘You will love your neighbor and hate your enemy.’ [Mar. Matthew 5.43]

As expected (cf. [32: 145; 49: 60]), in (20) the perception verb *viděti* ‘see’ takes the genitive case expressing stimulus (it can also take the accusative case). The addition of prefixes in this context does not change the cases required by the verb (i.e. genitive or accusative), as the resulting compound *vъz(ъ)-ne-naviděti* ‘begin to hate’ (21) also requires a stimulus as a second argument.

5. Discussion and conclusion

In this paper we analyzed OCS and OR compounds with stacked prefixes. The corpus-based approach adopted to carry out this study constitutes an achievement *per se*. Indeed, although the limitation of our corpora (see Section 2.2) did not allow us providing definitive quantitative results, the use of the TOROT Treebank was of fundamental importance to 1) easily retrieve all the occurrences of each compound; 2) automatically extract the dependents (both arguments and circumstantials) of each verb, a task which would have been extremely time-consuming without the employment of a Treebank.

We carried out a semantic analysis of the compounds with stacked prefixes, whose findings are summarized below. We found very few compounds showing a fully compositional behavior. In most cases, compounds with stacked prefixes appear to be partially compositional, or at most lexicalized (cf. Section 4 and Appendixes 3 and 4). However, prefixes do add lexical or actional meanings to OCS and OR simple verbs. These semantic modifications may have the side effect of changing the argument structure of the plain verbs; see examples (17–19), in which the addition of *po-* produces a trivalent speech verb out of a bivalent cognition verb. In other cases, the addition of prefixes results in a compound with a similar semantics, or at least taking a

Matthew 10.22, etc.). One may further wonder whether the genitive object taken by *vъz(ъ)-ne-na-viděti* and *nenaviděti* cannot be due to the presence of the negation *ne* as a prefix. This scenario is also unlikely, as *nenaviděti* ‘hate’ is a lexicalized compound, in which the semantic addition given by the negation is not detectable anymore (**naviděti* is not attested). Furthermore, other emotion verbs (and more generally, verbs requiring a stimulus participant) take the genitive case, see [49: 56–65].

participant playing the same semantic role; see examples (20) and (21), in which the addition of *vъz(ъ)-ne-na-* produces an emotion verb out of a perception verb, and both verbs take a participant playing the semantic role of stimulus.

Very rarely did we find alternative constructions in which the compound contains only the internal prefix and the external one occurs outside the compound in a prepositional phrase. Obviously, alternative constructions are available only for those compounds showing no lexicalization of the external prefix; compare examples (10) and (12), (11) and (13). In some cases, we found prefixes which, although not being semantically bleached, are repeated outside the compound as prepositions. Considering that we only found examples of this type with verbs requiring comitative or goal, we could suggest that this is due to the fact that both OCS and OR tend to encode comitative and goal by means of prepositional phrases, rather than plain cases [32; 549].

Abbreviations

Abbreviations in the glosses follow the Leipzig Glossing Rules, see: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>.

We added the following language specific labels: AOR = aorist, PTC = particle.

Languages, manuscripts and texts:

Blg. – Bulgarian, Goth. – Gothic, Hitt. – Hittite, IE – Indo-European, It. – Italian, Lat. – Latin, Lav. – *Codex Laurentianus*, Mar. – *Codex Marianus*, OCS – Old Church Slavonic, OR – Old Russian, PIE – Proto-Indo-European, Pol. – Polish, Rus. – Modern Russian, Usp. Sbor. – *Uspenskij sbornik*, Supr. – *Codex Suprasliensis*, Ved. – Vedic, Zogr. – *Codex Zographensis*.

References

1. Arkadiev [Arkad'ev] P. M. Areal'naja tipologija prefiksals'nogo perfektiva (na materiale jazykov Evropy i Kavkaza). Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
2. Babkho-Malaya O. Zero morphology: a study on aspect, argument structure and case. PhD thesis. New Brunswick (New Jersey): Rutgers, 1999.
3. Belaj B. Jezik, prostor i konceptualizacija. Shematična značenja hrvatskih glagolskih prefiksa. Osijek: Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera, Filozofski fakultet, 2008.
4. Borkovskij V. I. & Kuznecov P. S. Istoričeskaja grammatika russkogo jazyka. Moskva: KomKniga, 2006.
5. Brugmann K. Kurze vergleichende grammatik der indogermanischen sprachen. Strassburg: Karl Trübner, 1904.
6. Bybee J. & Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*, 1989. Vol. 13. No.1. Pp. 51–103.
7. Campbell L. What's wrong with grammaticalization? *Language Science*, 2001. Vol. 23. Pp. 113–161.
8. Chantraine P. Grammaire homérique. Tome II: Syntaxe. Paris: Syntaxe, 1953.

9. Cuzzolin P., Putzu I. & Ramat P. The Indo-European adverb in diachronic and typological perspective. *Indogermanische Forschungen*, 2006. Vol. 111. Pp. 1–38.
10. Delbrück B. *Vergleichende syntax der indogermanischen sprachen. Erster Theil*. Strassburg: Karl Trübner, 1893.
11. Dickey S. M. A prototype account for the development of delimitative po- in Russian. *Cognitive Paths into the Slavic Domain*. Divjak D. & Kočańska A. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 326–371.
12. Dickey S. M. The varying role of PO- in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: sequences of events, delimitatives, and German language contact. *Journal of Slavic Linguistics*, 2011. Vol. 19. No. 2. Pp. 175–230.
13. Dickey S. M. Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic. *Jezikoslovlje*, 2012. Vol. 13. No. 1. Pp. 71–105.
14. Eckhoff H. M. TOROT guidelines for annotation. On-line at <http://folk.uio.no/hanneme/torot.pdf>.
15. Eckhoff H. M. & Berdicevskis A. Linguistics vs. digital editions: The Tromsø Old Russian and OCS Treebank. *Scripta & e-Scripta*, 2015. Vol. 14–15. Pp. 9–25.
16. Eckhoff H. M. & Haug D. T. T. Aspect and prefixation in Old Church Slavonic. *Diachronica*, 2015. Vol. 32. No. 2. Pp. 186–230.
17. Filip H. Prefixes and the delimitation of events. *Journal of Slavic Linguistics*, 2003. Vol. 11. No. 1. Pp. 55–101.
18. Fil' Ju. V. O glagol'noj poliprefiksacii v staroslavjanskom jazyke. *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta*, 2011. Vol. 352. Pp. 37–41.
19. Haug D. T. T. & Jøhndal M. L. Creating a Parallel Treebank of the Old Indo-European Bible translations. *Proceedings of the second workshop on language technology for cultural heritage data (LaTeCH 2008)*. Sporleder C. & Ribarov K. (eds.), 2008. Pp. 27–34.
20. Hewson J. & Bubenik V. From case to adposition. *The development of configurational syntax in Indo-European languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.
21. Istratkova V. On multiple prefixation in Bulgarian. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*, 2004. Vol. 32. No. 2. Pp. 301–321.
22. Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in language*, 2007. Vol. 31. No. 3. Pp. 607–648.
23. Janda L. A. & Šarić L. Cognitive linguistics in exploration of Slavic Languages: A Bibliography of Cognitive Linguistic Analyses of Slavic Data, 2009. https://www.academia.edu/7479592/Slavic_Cognitive_Linguistics_A_Bibliography_with_Laura_Janda_.
24. Janda L. A. & Ljashevskaya O. Semantic profiles on five Russian prefixes: po-, s-, za-, na-, pro-. *Journal of Slavic Linguistics*, 2013. Vol. 21. No. 2. Pp. 211–258.
25. Joseph B. D. Rescuing traditional (historical) linguistics from grammaticalization theory. *Up and Down the Cline — The Nature of Grammaticalization*. Fisher O.,

- Norde M. & Perridon H. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. Pp. 45–71.
26. Klikovac D. Metafore u mišljenju i jeziku. Belgrade: Biblioteka XX vek, 2004.
27. Klikovac D. Semantika predloga: studija iz kognitivne lingvistike. Belgrade: Filološki fakultet, 2006.
28. Kuryłowicz J. The Inflectional categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winter, 1964.
29. Lazarevska-Stančevska Jovanka. Metaforizacija na over, under i out kaj kompleksite zborovi vo angliskiot jazik i nivnite ekvivalenti vo makedonskiot jazik. PhD thesis. Skopje: UKIM, 2004.
30. Le Blanc N. L. The polysemy of an “empty” prefix: A corpus-based cognitive semantic analysis of the Russian verbal prefix po-. PhD thesis, University of North Carolina at Chapel Hill, 2010.
31. Levin B. & Rappaport Hovav M. Argument realization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
32. Lunt H. G. Old Church Slavonic grammar. The Hague: Mouton, 1965.
33. Luraghi S. & Narrog H. (eds.) Perspectives on semantic roles. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2014.
34. Nessel T., Janda L. A. & Endresen A. Two ways to get out: radial category profiling and the Russian prefixes vy- and iz-. *Zeitschrift für Slavistik*, 2011. Vol. 56. Pp. 377–402.
35. Newmeyer F. J. Deconstructing grammaticalization. *Language Sciences*, 2001. Vol. 23. Pp. 187–229.
36. Poldauf I. Spojování a předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině. Slovo a slovenost, 1954. Vol. 15. No. 2. Pp. 49–65.
37. Ramchand G. Time and the event: the semantics of Russian prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*, 2004. Vol. 32. No. 2. Pp. 323–361.
38. Romanova E. Superlexical vs. lexical prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*, 2004. Vol. 32. No. 2. Pp. 255–278.
39. Šarić L. Spatial Concepts in Slavic: A Cognitive Linguistic Study of Prepositions and Cases. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008.
40. Šarić L. Cognitive semantics and analysis of prefixes. *Zbornik radova Njegoševi dani*, 2010. Vol. 2. Pp. 341–350.
41. Šarić L. Introduction: A cognitive linguistic view of South Slavic prepositions and prefixes. *Jezikoslovlje*, 2012. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–17.
42. Schooneveld van C. H. The so called ‘préverbes vides’ and neutralization. *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists*. Moscow, September 1958. The Hague: Mouton, 1958. Pp. 159–161.
43. Shull S. The experience of space: the privileged role of spatial prefixation in Czech and Russian. Munich: Sagner, 2003.
44. Svenonius P. Slavic prefixes inside and outside VP. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*, 2004. Vol. 32. No. 2. Pp. 205–253.

45. Tatevosov S. Intermediate prefixes in Russian. Formal approaches to Slavic linguistics 2007. Antonenko A., Bethin C. & Baylin J. (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. Pp. 423–442.
46. Tatevosov S. Množestvennaja prefiksacija i anatomija ruskogo glagola. Korpusnye issledovanija po ruskoj grammatike. Kiseleva K. L. et al. (eds.). Moskva: Probel-2000, 2009. Pp. 92–156.
47. Tchizmarova I. K. Verbal prefixes in Bulgarian and their correspondences in American English: A Cognitive Linguistic Analysis. Doctoral dissertation. Muncie, IN: Ball State University, 2005.
48. Tchizmarova I. K. A cognitive linguistic analysis of the Bulgarian verbal prefix pre- ‘across, through, over’. Glossos. 2006. Vol. 7. Pp. 1–49. <http://seelrc.org/glossos/issues/7>.
49. Vaillant A. Grammaire compare des langues slaves. Tome V: La syntaxe. Paris: Klincksieck, 1977.
50. Vey M. Les préverbes «vides» en tchèque modern. Revue des études slaves, 1952. Vol. 29. Pp. 82–107.
51. Viti C. From space words to transitive markers: the case of Ancient Greek en "in". Transactions of the Philological Society, 2008. Vol. 106. Pp. 375–413.
52. Viti C. Coding spatial relations in Homeric Greek: preverbs vs. prepositions. Historische Sprachforschung, 2008. Vol. 121. Pp. 114–161.
53. Watkins C. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure. Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists, 1964. Pp. 1035–1045.
54. Wiemer B. & Seržant I. Forth. Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us?

Dictionaries and lexica

55. Dunkel G. Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. Band 2: Lexicon. Heidelberg: Winter, 2014.
56. Kurz J. et al. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Slovník jazyka staroslověnskeho (52 volumes). Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.
57. LIV² = Rix, Helmut and Martin Kümmel, 2001. Lexikon der indogermanischen Verben. Zweite erweiterte und verbesserte Auflage. Dr. Ludwig Reichert Verlag: Wiesbaden.
58. Puhvel J. Hittite etymological dictionary. Vol. 1 Words beginning with A. Vol. 2 Words beginning with E and I. Berlin: Mouton de Gruyter, 1984.
59. Puhvel J. Hittite etymological dictionary. Vol. 8 Words beginning with PA. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
60. REW = Vasmer, Max, 1953, 1955, 1958. Russisches etymologisches Wörterbuch. 3 Bände. Heidelberg: Winter.

61. Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevne-russkago jazyka po pis'mennym pamjatnikam. Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1893–1912.

Appendix 1: Query searching for dependents directly linked to verbs

```

node $n0 := [ lemma ~ "...", node $n1 := [ feats !~ "INFLn", deprel ~
"(obj|obl|adv|arg|per)" ] ];

>> for $n0.lemma,$n0.form,$n1.lemma,$n1.form,$n1.deprel,$n1.feats

give $1.$2.$3.$4.$5.$6 sort by $1.$2.$6

```

Appendix 2: Query searching for dependents indirectly linked to verbs

```

node $n0 := [ lemma ~ "...", node $n1 := [ deprel ~

"(obj|obl|adv|arg|per)", feats ~ "INFLn", node $n2 := [ deprel ~

"(obj|obl|adv|arg|per)" ] ] ];

>> for $n0.lemma, $n1.lemma,$n1.form, $n1.deprel,$n2.form,$n2.feats

give $1,$2,$3,$4,$5,$6 sort by $1,$2,$6

```

Appendix 3: OCS semantic analysis

COMPOUND	MEANING	ROOT	MEANING	INT PFX	MEANING	MED PFX	MEANING	EXT PFX	MEANING	COMPOSITI- ONAL
ispovědati	proclaim, announce, praise	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	iz(ъ)	from, out	N
ispověděti	confess, recognize, tell, announce, praise	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	iz(ъ)	from, out	N
ispovědovati	agree with, say the same thing	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	iz(ъ)	from, out	N
isprovrěsti	overturn, turn over, turn down, destroy	<i>vrěg</i>	throw	pro	through	-	-	iz(ъ)	from, out	N
izobřěsti	find (out)	<i>rět</i>	meet, find	o(bъ)	around, about	-	-	iz(ъ)	from, out	N
izobřětati	find (out)	<i>rět</i>	meet, find	o(bъ)	around, about	-	-	iz(ъ)	from, out	N
oprovřěsti	turn over	<i>vrěg</i>	throw	pro	through	-	-	o(bъ)	around, about	N

prědъpolagati	offer, suggest, lay, provide, furnish	<i>log</i>	lay, put	po	surface contact	-	-	prědъ	in front of, before	N/Y
priižditi	spend, waste	<i>ži</i>	live	iz	from, out	-	-	pri	at	N
priobrésti	acquire, receive, earn, win, find, cause, create	<i>rět</i>	meet, find	o(bъ)	around, about	-	-	pri	at	N
propovědati	announce, proclaim, predict	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	pro	through	N
propověděti	preach, proclaim	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	pro	through	N
Propovědovati	announce, proclaim	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	pro	through	N
съпоžiti	live, stay for a while with someone	<i>ži</i>	live	po	surface contact	-	-	съ	together, down from	N/Y
съпрěbyvati	be, remain together with someone	<i>by</i>	be	prě	over, through	-	-	съ	together, down from	N/Y
съвѣкупити	unify, gather, tie together	<i>kup</i>	buy	вѣ	in	-	-	съ	together, down from	N/Y
съвѣкупljati	unify, copulate	<i>kup</i>	buy	вѣ	in	-	-	съ	together, down from	N/Y
въспоменѣти	remember, remind	<i>min</i>	think	po	surface contact	-	-	въз(ъ)	for, in exchange for	N
въсприимати	take, receive	<i>ѣm</i>	take	pri	at	-	-	въз(ъ)	for, in exchange for	N
въсприjęти	take, receive	<i>ѣm</i>	take	pri	at	-	-	въз(ъ)	for, in exchange for	N
възненавидѣти	conceive a hatred, come to hate	<i>vid</i>	see	na	on, to, upon	ne	not	въз(ъ)	for, in exchange for	N
zapovědati	order, command, communicate	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	za	for, after, behind	N
zapověděti	order, command	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	za	for, after, behind	N

Appendix 4: OR semantic analysis

COMPOUND	MEANING	ROOT	MEANING	INT. PFX	MEANING	MED. PFX	MEANING	EXT. PFX	MEANING	COMPOSITE-ONAL
doprovoditi	accompany	<i>vod</i>	lead	pro	forward, through	-	-	do	till, until	Y
ispomъnѣti	remember	<i>min</i>	think	po	surface contact	-	-	iz(ъ)	from, out	N

ispovědati	tell, confess	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	iz(ъ)	from, out	N
ispověděti	tell, recognize	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	iz(ъ)	from, out	N
isprometati	throw out, devastate, ravage	<i>met</i>	throw	pro	forward, through	-	-	iz(ъ)	from, out	N/Y
isprovrěsti	transform, overturn	<i>vrěg</i>	throw	pro	forward, through	-	-	iz(ъ)	from, out	N
izobřesti	find, invent	<i>rět</i>	meet, find	o(bъ)	around, about	-	-	iz(ъ)	from, out	N
izoostati(-sja)	remain among the living beings	<i>sta</i>	stand	o(bъ)	around, about	-	-	iz(ъ)	from, out	N/Y
oprovorotiti	turn over	<i>vrat/vo rot</i>	turn	pro	forward, through	-	-	o(bъ)	around, about	N/Y
oprovratiti	turn over	<i>vrat/vo rot</i>	turn	pro	forward, through	-	-	o(bъ)	around, about	N/Y
prědzvěštati	forecast, give advanced notice	<i>vět</i>	say	iz(ъ)	from, out	-	-	prědъ	in front of, before	N/Y
prědolěti	win, defeat	<i>dol</i>	share, fate	o(bъ)	around, about	-	-	prě	over, through	N
prěuchytriti	deceive	<i>chytr</i>	skilled, intelligent, wise, sly	u	away from	-	-	prě	over, through	N
prěudobriti	decorate, prepare	<i>dobr</i>	good	u	away from	-	-	prě	over, through	N
prěvъschoditi	excel, exceed	<i>chod</i>	go	vъz(ъ)	up, upwards	-	-	prě	over, through	N/Y
prěvъschystati	grasp	?	grasp	vъz(ъ)	up, upwards	-	-	prě	over, through	N
prěvъzvyšati	rise	<i>vys</i>	high	vъz(ъ)	up, upwards	-	-	prě	over, through	N/Y
priobřesti	obtain, receive, reach	<i>rět</i>	meet, find	o(bъ)	around, about	-	-	pri	at	N
priupodobljati	compare	<i>(po)do-ba</i>	similarity	u	away from	-	-	pri	at	N
Privъmetati (-sja)	throw oneself into	<i>met</i>	throw	vъ	in	-	-	pri	at	N/Y
propovědati	announce, preach, teach, predict	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	pro	forward, through	N
propověděti	proclaim, announce	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	pro	forward, through	N
ъotrězovati	cut off	<i>rez</i>	break, cut	ot(ъ)	away from	-	-	ъ	together, down from	N/Y
ъpovědati	tell, communicate, narrate	<i>věd</i>	know	po	surface contact	-	-	ъ	together, down from	N

сѣвѣкупити	gather, unite, convoke	<i>kup</i>	buy	вѣ	in	-	-	сѣ	together, down from	N/Y
сѣвѣкуплѣти	gather, unite	<i>kup</i>	buy	вѣ	in	-	-	сѣ	together, down from	N/Y
Сѣвѣпрашати (-sja)	ask, discuss, talk	<i>praš</i>	ask	вѣ	in	-	-	сѣ	together, down from	N
Сѣвѣспрашати (-sja)	ask	<i>praš</i>	ask	сѣ	together, down from	вѣ	in	сѣ	together, down from	N
сѣвѣзрasti	grow up together	<i>ras</i>	grow	вѣз(ѣ)	up, upwards	-	-	сѣ	together, down from	Y
уpoznati	realize, be aware of	<i>zna</i>	know	po	surface contact	-	-	u	away from	N
уsѣрѣsti	approach	<i>rĕt</i>	meet, find	сѣ	together, down from	-	-	u	away from	N
вѣспriimati	take, receive	<i>ѣm</i>	take	pri	at	-	-	вѣз(ѣ)	up, upwards	N
вѣспrijati	take, receive	<i>ѣm</i>	take	pri	at	-	-	вѣз(ѣ)	up, upwards	N
вѣzavidĕti	envy, be jealous	<i>vid</i>	see	za	for, after, behind	-	-	вѣз(ѣ)	up, upwards	N
вѣznenavideti	conceive a hatred, come to hate	<i>vid</i>	see	na	on, to, upon	ne	not	вѣз(ѣ)	up, upwards	N
вѣspominati	remember	<i>min</i>	think	po	surface contact	-	-	вѣз(ѣ)	up, upwards	N
zapovĕdati	order, command	<i>vĕd</i>	know	po	surface contact	-	-	za	for, after, behind	N
zapovĕdĕti	order, command, announce, decide	<i>vĕd</i>	know	po	surface contact	-	-	za	for, after, behind	N

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко

Настоящий сборник представляет собой 3-й выпуск тематической серии «Типология морфосинтаксических параметров»; в нем опубликованы статьи участников конференций «Типология морфосинтаксических параметров 2016» и «Генслинг 2016», проходивших в Московском государственном педагогическом университете и Институте языкознания РАН 12–14 октября 2016 года. Во всех работах так или иначе разрабатывается параметрический подход к описанию языкового разнообразия, который состоит в том, чтобы выявлять кластеры свойств, характеризующих грамматики естественных языков. Опубликованные статьи исследуют параметризацию с различных точек зрения как в рамках функциональных подходов к языковому разнообразию, так и в парадигме современных формальных моделей языка.

Ключевые слова: параметрическая грамматика, лингвистическая типология, языки мира, языковое разнообразие, ареальная лингвистика, диахроническая типология, грамматические универсалии, морфосинтаксис, падеж, согласование, дифференцированное маркирование аргументов, структура клаузы, сериализация, инкорпорация, клитики, именные классы, местоимения, отрицание, артикль, посессивность, полипредикация

Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко. Языковое разнообразие в зеркале параметрической грамматики

В статье дается характеристика современной параметрической типологии как активно развивающегося направления современной лингвистики и рассматриваются основные подходы к параметризации языкового разнообразия. Смысл параметризации состоит в том, чтобы с определенным значением параметра был связан не один признак языка (в таком случае параметр не отличается от конкретно-языкового правила), а группа свойств, образующих кластер и характеризующих грамматику языка. Таким образом, параметризация одновременно и исчисляет языковое разнообразие, и ограничивает его. Это свойство параметрических систем отмечается не только в типологически ориентированных исследованиях, но и в формальных теориях. Параметризации могут подвергаться как грамматические системы конкретных языков, так и принципы универсальной грамматики. Преимуществом микропараметрического подхода следует считать возможность применения соответствующей исследовательской процедуры к материалу одного языка, а также в исторической грамматике и диахронической типологии.

Ключевые слова: параметрическая грамматика, лингвистическая типология, языки мира, языковое разнообразие, микропараметры, макропараметры, сила признака, ареальная лингвистика, диахроническая типология, грамматические универсалии, морфосинтаксис

Д.А. Бикина. Грамматикализация русских заимствований в мокшанском языке: показатель *kat'i*

Статья посвящена семантике и синтаксису мокшанского показателя *kat'i*. Считается, что этот показатель является заимствованием русской частицы *хоть*. В мокшанском языке показатель *kat'i* развил множество различных функций, выступая в качестве разделительного союза, маркера неопределенности при местоимениях со значением неизвестности для говорящего, показателя косвенного вопроса и модального оператора. В то же время значение свободного выбора (наиболее типичное для заимствованных конструкций с *хоть*) в мокшанском языке не зафиксировано. В статье изложены аргументы в пользу того, что заимствование произошло на более раннем этапе грамматикализации русской частицы *хоть*, а также предлагается возможный путь грамматикализации показателя *kat'i* в мокшанском языке.

Ключевые слова: заимствованная морфология, неопределенные местоимения, мордовские языки, грамматикализация

Т.И. Бондаренко. Конструкции с двумя дополнениями опять: грузинский и русский — vs — английский

Предметом этой статьи являются различные интерпретации репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами. Мы рассматриваем различные гипотезы о причинах невозможности реститутивных прочтений ОПЯТЬ в грузинских и русских дитранзитивных клаузах в сравнении с английскими дитранзитивами, где реститутивные прочтения ОПЯТЬ возможны. Мы утверждаем, что наблюдаемая межязыковая вариативность в связи с реститутивными прочтениями ОПЯТЬ отражает различные синтаксическим структуры дитранзитивов в грузинском и русском, с одной стороны, и в английском, с другой. В этой статье также обсуждаются другие дативные конструкции грузинского и русского, в которых реститутивное прочтение оказывается возможным.

Ключевые слова: репетитивные морфемы, опять, реститутивные прочтения, дитранзитивы, дативные аргументы, малая клауза, лексическая декомпозиция, русский, грузинский, английский

Е.В. Будённая. Субъектная референция в русском и латышском языке: следы единого процесса?

В данной статье с помощью диахронического анализа памятников XIII–XX вв. сравниваются процессы перестройки субъектной референциальной модели в русском и латышском языке. В каждом из этих языков архаичная модель маркирования референта с помощью глагольных аффиксов со временем уступила место новой модели с использованием субъектных местоимений. С учётом типологической редкости этого феномена, в обоих языках подробно

изучаются внутренние и внешние особенности экспансии местоимений, позволяющие строить дальнейшие гипотезы о том, имеем ли мы дело с одним и тем же процессом или это всё-таки изначально разные явления.

Ключевые слова: русский язык, латышский язык, личные местоимения, субъектная референция, диахрония, сравнительный анализ, языковой контакт

А.И. Виняр. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ

Данная работа посвящена глагольно-глагольным комплексам и проблеме соотношения инкорпорации глагола в глагол и глагольной сериализации. На материале полевых данных, полученных в ходе лингвистической экспедиции в чукотское село Амгуэма, мы описали возможные типы глагольно-глагольных комплексов и ограничения на их образование. Доказав, что основы в чукотских комплексах находятся в иерархических отношениях, чего обычно не наблюдается для слов в сериальной конструкции; мы попробовали на основании этого провести различие между инкорпорацией глагола в глагол и сериализацией глагольных основ в пределах словоформы. Для этого мы рассмотрели глагольно-глагольные комплексы в полисинтетических языках йимас, пининь гун-уок, аламблак и дакота, показав, что на основании выражения аргументов глаголов в комплексе можно провести различие между комплексами с равноправными (сериализация) и неравноправными (глагольная инкорпорация) основами глаголов.

Ключевые слова: чукотский, инкорпорация глагола в глагол, глагольная сериализация, глагольно-глагольные комплексы, типология, полисинтетизм

Ю.Е. Галямина. Редукция сложности в кетской глагольной системе как реакция на языковой сдвиг

В статье описываются процессы, которые происходят в речи современных носителей кетского языка, связанные с выравниванием глагольной парадигмы и снижением языковой сложности в условиях языкового сдвига.

Ключевые слова: кетский язык, языковая сложность, языковой сдвиг, глагольная система, полисинтетические языки, инкорпорация, социолингвистика

Д.В. Герасимов. Посессивные конструкции в парагвайском гуарани: против гипотезы нулевой связи

В языках тупи-гуарани (и некоторых других тупи) имена, маркированные посессивным префиксом, могут употребляться в предикативной позиции для выражения значения обладания. Некоторыми исследователями предлагалось трактовать такие конструкции как экзистенциальные, содержащие невыраженную связку. В настоящей статье оспаривается адекватность подобного ана-

лиза для парагвайского гуарани. После краткого обзора современной типологии посессивной предикации (§1) и обсуждения специфической стратегии, представленной в языках тупи-гуарани (§2), мы очерчиваем главные особенности посессивной предикации в парагвайском гуарани (§3), а затем предлагаем ряд аргументов против гипотезы о нулевой связке (§4), опираясь на такие критерии, как дистрибуция прономинальных показателей, локус маркирования предикативных категорий и доступность посессора в качестве мишени *wh*-вопросов и релятивизации. Некоторые из этих аргументов ранее не привлекались к дискуссии о посессивной предикации в языках тупи-гуарани; тем самым, наши данные открывают новые направления для сравнительных и конкретно-языковых исследований.

Ключевые слова: посессивная предикация, посессивность, связка, синтаксические нули, экзистенциальная предикация, реанализ, диахронический синтаксис, парагвайский гуарани, тупи-гуарани

К. Дзанки, К. Наккарато. Множественная префиксация в старославянском и древнерусском языках

В статье рассматривается множественная глагольная префиксация в старославянском и древнерусском языках. Хотя префиксация в современных славянских языках является хорошо изученным вопросом, множественная префиксация в старых славянских языках еще нуждается в подробном изучении. Данная работа представляет собой корпусное исследование семантических и синтаксических свойств полипрефиксальных глаголов в старославянском и древнерусском языках и основывается на синтаксически размеченном корпусе TOROT. Исследуется порядок префиксации, его влияние на семантические и синтаксические свойства глаголов. По данным нашего исследования множественная префиксация редко приводит к образованию глаголов, имеющих композициональное значение. Чаще всего наблюдается частичная композициональность или полная лексикализация. Однако префиксы не вполне теряют свои лексические значения и вовсе не являются чистыми показателями перфективности. И это также оказывает влияние на синтаксическое поведение глагола: лексические модификации, привнесенные префиксами, могут иметь в качестве побочного эффекта изменение падежного управления глагола.

Ключевые слова: множественная префиксация, старославянский язык, древнерусский язык, полипрефиксальные глаголы, синтаксически размеченный корпус TOROT

К.Ю. Дойкина. Особенности утраты местоименных энклитик по данным духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XV вв.

В статье рассмотрены некоторые особенности утраты местоименных энклитик на материале духовных и договорных грамот великих и удельных князей. Показано, что скорость утраты энклитик зависит от таких параметров, как число и падеж. В статье сравниваются духовные и договорные грамоты с другими памятниками соответствующего периода и делается вывод о том, что деловые тексты отражали процесс утраты местоименных энклитик, который шел в «живом» древнерусском языке.

Ключевые слова: система энклитик, местоименные энклитики, эволюция системы энклитик, книжные тексты, некнижные тексты, древнерусский язык

Д.В. Дяченко. Русские и украинские заимствования в диалекте села Старошведское: имена существительные

В статье впервые рассматриваются русские и украинские заимствования в современном диалекте села Старошведское (Херсонская область, Украина), который является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. Дается список заимствованных существительных (во многих случаях с примерами употребления и комментариями), а также фонетическая и морфологическая характеристика заимствований.

Ключевые слова: неизученный язык, скандинавские языки, шведские диалекты, шведские диалекты Эстонии, село Старошведское

Б.А. Захарьин. Двойной аккумулятив в древнеиндийском

Конструкции с двойным аккумулятивом, унаследованные из Общего индоевропейского, сохранились и в древнем иранском, и в древнем индоарийском. В статье анализируются те варианты конструкций древнего индоарийского, в которых оба объекта (и прямой, и косвенный) маркированы винительным падежом. Конструкции этого типа были впервые описаны Панини в 5-ом в. до н.э., позднее они комментировались грамматистами-последователями Панини. В статье показывается, что пассивизация базисной структуры является лишь до некоторой степени надежным инструментом для установления корреспондентий между именными составляющими предложения и соответствующими синтаксическими категориями. В статье анализируются те трудности и ограничения, которые возникают при использовании указанной методологии применительно к материалу Древнего индоарийского.

Ключевые слова: древний индоарийский, двойной аккумулятив, прямой объект, косвенный объект, пассивизация

Е.Ю. Иванова, Э. Бужаровска. Эпистемические вопросительные частицы *да не* в македонском и *да не би* в болгарском языках

В статье обосновывается положение о том, что в македонском и болгарском языках имеются признаки формирования частиц — маркеров вопросов со специфическим эпистемическим значением («пристрастных» вопросов). При этом просодические и морфосинтаксические признаки становления вопросительных маркеров мак. *да не* и болг. *да не би* интересуют авторов не только как факт формирования особого типа вопросов, но в связи с тем, что оба комплекса элементов строятся из грамматического материала уже сформированных конструкций. Вычленившись как самостоятельные частицы, данные последовательности элементов распыляются то синтаксическое образование, в состав которого они входят, — соответственно мак. *да*-формы и болг. *да не би да*-формы.

Ключевые слова: балкано-славянские языки, эпистемическая модальность, вопросительные частицы, субъюнктив, «пристрастные» вопросы

П.Н. Казакова. Чередование [а]/[е] между мягкими согласными под ударением в говоре деревни Михалёвская Архангельской области

Для севернорусских говоров характерно явление произношения гласного [е] на месте *а, *ё между мягкими согласными под ударением. Настоящее исследование посвящено изучению изменения [а] в [е] в говоре деревни Михалёвская (и соседних деревень) Устьянского района Архангельской области. Исследование проводилось на базе данных корпуса говора бассейна реки Устья. Согласно имеющимся на настоящий момент данным, исследуемое явление непоследовательно даже в речи самых пожилых носителей. Количественный анализ данных и применение логит-регрессионной модели позволяют сказать, что для перехода из [а] в [е] релевантными оказываются не только фактор возраста, но и контекст: диалектный вариант значимо более вероятен в корнях слов, в особенности в слове *опять*, и в формах глаголов с инфинитивом на *-ать* и некоторых других глаголов.

Ключевые слова: севернорусские говоры, утрата диалекта, социолингвистика, языковая вариативность

М.Б. Коношенко. Механизмы утраты именных классов в языках ква

Согласно общепринятой точке зрения, прото-нигеро-конголезский язык имел обширную систему именных классов с многочисленными морфологическими показателями у имен существительных и классным согласованием на нескольких типах мишеней. По-видимому, аналогичная система существовала и в прото-ква, но в современных языках этой семьи была в значительной степени утрачена. В статье предпринята попытка систематизировать различные явления, связанные с утратой в языках ква формальных классных показателей у имен существительных, с одной стороны, и классного согласования, с другой.

Ключевые слова: именной класс, согласование, языки ква, Нигер-Конго, прилагательные, числительные

М.А. Ланглиц. Семантика отглагольных имен на -(u)m, -ki и -kes в корейском языке

В статье рассматривается семантика сентенциальных номинализаторов -(u)m, -ki и -kes в корейском языке. В первой части статьи описаны семантические критерии, влияющие на выбор между номинализаторами -(u)m и -ki. Наш анализ строится на семантических параметрах, выделенных Ким [Kim 1985]. Данные, полученные от носителей корейского языка, показывают, что не все параметры являются актуальными. Нам не удалось подтвердить актуальность параметра 'forward implication +/-'. Во второй части статьи мы рассматриваем вариативность использования -(u)m/-kes и -ki/-kes, а также контексты, в которых возможно использование только номинализатора -kes.

Ключевые слова: семантика, сентенциальный номинализатор, номинализация, корейский язык

С.А. Оскольская, Н.М. Стойнова. Системное и несистемное в инвентаре разнородных морфосинтаксических средств: показатели отрицания в нанайском языке

В нанайском языке представлен достаточно большой и очень неоднородный инвентарь показателей глагольного отрицания. В работе выделяются морфосинтаксические типы таких показателей и обсуждаются корреляции морфосинтаксического типа отрицания с частотностью формы, ее положением в парадигме, семантикой. Нанайская система отрицания представляет собой результат неравномерной грамматикализации конструкций с отрицательным глаголом, засвидетельствованных в других тунгусо-маньчжурских языках. В связи с этим она не вполне вписывается в общетипологическую классификацию показателей отрицания, а также представляет интерес в контексте общей проблематики грамматикализации, в частности циклических изменений (цикл Есперсена, цикл Крофта) и двойного маркирования (двойное отрицание).

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, отрицание, типология отрицания, отрицательные глаголы, грамматикализация, двойное отрицание

М.Ю. Привизенцева. Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков)

Множественное падежное маркирование в бурятском, горномарийском и мокшанском языках возникает в отсутствие именной вершины, когда падеж опущенного имени выражается на его зависимом, которое также содержит

собственный падежный показатель. В работе рассматриваются вопросы взаимодействия двухпадежных конфигураций с другими именными категориями: могут ли помимо падежа отражаться число и посессивность нулевой вершины, изменяется ли морфологическая структура элемента, оформленного вторым падежом.

Ключевые слова: множественное падежное маркирование, именная морфология, структура словоформы, бурятский, горномарийский, мокшанский

Н.В. Сердобольская. Синтаксический статус нефактивных пропозиций в составе конструкций с сентенциальным актантом

В системе актантных предложений нефактивные пропозиции занимают особое место. С точки зрения семантики, данный вид зависимых клауз проявляет свойства независимого предложения, т.к. находится в ассерции и может включаться в нарративную цепочку. С точки зрения морфосинтаксиса, нефактивные пропозиции могут не проявлять свойства актанта матричного предиката (в частности, не контролировать согласование матричного предиката), не маркироваться специальными подчинительными союзами или морфемами, включать средства синтаксической неподчинимости или демонстрировать свойства сочинительной конструкции. Таким образом, морфосинтаксические свойства данных конструкций отражают их семантику.

Ключевые слова: факт, событие, пропозиция, ирреалис, сентенциальный актант, актантное предложение, полипредикация, аргумент, актант, средства синтаксической неподчинимости

М.А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке

Данное исследование посвящено стратегиям оформления существительного с двойственным референтом в хантыйском языке. Такие существительные могут либо маркироваться показателем двойственного числа, либо выступать в конструкции с числительным *kät* '2' (как правило, в форме единственного числа, реже — в форме двойственного числа). Выбор стратегии определяется взаимодействием факторов информационной структуры и лексической семантики: с одной стороны, имеется корреляция со статусом данного / нового / доступного; с другой стороны, особые свойства проявляют прототипически парные объекты. В конструкциях «числительное + существительное» появление дуалиса тем вероятнее, чем больше линейное расстояние между числительным и существительным.

Ключевые слова: хантыйский язык, двойственное число, количественные конструкции, числовое маркирование

М.В. Скачедубова. Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи

В статье анализируется плюсквамперфект в Ипатьевской летописи. В некоторых контекстах сочетание -л- причастия и глагола-связки прошедшего времени не имеет плюсквамперфектного значения. Вполне вероятно, что в таких случаях речь идет о синтаксическом сочетании причастия прошедшего времени с бытийным глаголом. Тем более, что в ИЛ есть примеры, в которых -л-форма без связки не имеет перфектного значения и употребляется, скорее всего, в значении причастия прошедшего времени на -ъшь/-въш-. Кроме того, в ИЛ были обнаружены примеры с плюсквамперфектом, в которых связка стоит в аористе.

Ключевые слова: древнерусский язык, перфект, плюсквамперфект, -л- причастие, причастие прошедшего времени

А.К. Станкевич. Вариативное образование форм множественного числа существительных на -ão в португальском языке: экспериментальное исследование

Статья посвящена экспериментальному исследованию вариативности в выборе форм множественного числа у имен существительных с исходом на -ão в португальском языке, имеющих один из трех различных исходов во множественном числе: -ãos, -ães, -ões (*mãos* 'руки', *pães* 'хлеба', *ladrões* 'воры'), а также лексем, имеющих несколько возможных вариантов множественного числа.

В работе проведена проверка влияния слоговой структуры существительных на выбор формы множественного числа. Получены данные о тенденциях к образованию форм множественного числа существительных на -ão в пиренейском варианте португальского языка.

Ключевые слова: слоговая структура, формирование нерегулярных форм множественного числа в португальском языке, частота вхождения

И.В. Тимошенко. Функционирование артиклей в английском и французском языках (на материале параллельных текстов)

В статье излагаются результаты сравнительного анализа функционирования артиклей в неблизкородственных языках на материале параллельных текстов (фрагментов переводов романа М. Булгакова на английский и французский языки). Представление артиклей выполнено исходя из их номинативных свойств. Предложена описательная модель реализации функций артикля в тексте, учитывающая субъективный аспект процесса референциального выбора.

Ключевые слова: артикль; контрастивный анализ; инвариант артикля; референция существительного; неблизкородственные языки; параллельные тексты

Д.Б. Тискин. Отрицательные плавающие кванторы: недооценённый аргумент в пользу передвижения?

В статье рассматриваются отрицательные плавающие кванторы (ПК) в английском и русском языках. В английском языке ПК *none* требует партитивного комплемента *of them*, чего не наблюдается в случае других ПК; в русском языке *никто* и другие отрицательные ПК не допускают комплемента. Мы предлагаем считать, что причина этого различия состоит в том, что *of them* представляет собой резумптивное местоимение. Это соответствует анализу ПК с «зависанием» квантора: если считать, что рестриктор квантора претерпевает передвижение, то в случае отрицательного квантора это передвижение нарушает ограничение отрицательного острова и поэтому требуется вставка резумптива. В русском языке отрицательный остров (в некоторых случаях) слабее, чем в английском, а рассматриваемые в статье ПК следует классифицировать скорее как местоимения отрицательной полярности, нежели как собственно отрицательные кванторы. Поэтому использование резумптива здесь ничем не было бы мотивировано.

Ключевые слова: плавающие кванторы, отрицательный остров, русский язык, английский язык, «зависание» квантора, резумптивные местоимения

М.А. Тюренкова. Об одной графической оппозиции в западнорусской рукописи конца XVI в.

В статье рассматривается графическая оппозиция двух букв, использующихся в Клецкой замковой книге 1596 г.: типичного для московской и западнорусской скорописи знака, подобного греческому ϵ , с одной стороны, и редкого крестообразного варианта буквы ϵ , с другой. В работе предпринимается попытка определить принцип распределения этих букв и, после выделения двух основных позиций, в которых мог встретиться знак второго типа, делаются выводы о фонетической природе описанного графического противопоставления.

Ключевые слова: проста мова, западнорусская скоропись, графическая оппозиция, принцип факультативности

Л.В. Хохлова. Нарушение некоторых типологических универсалий в процессе развития западных индоарийских языков

Процесс эволюции индоарийских языков подтверждает справедливость многих типологических универсалий, но также и опровергает некоторые из них. Ниже будут рассмотрены пять типологических универсалий, которые нарушаются в процессе исторического развития западных индоарийских языков (хинди, панджаби, раджастхани).

Ключевые слова: типологическая универсалия, эргативность Б-типа, номинативно-аккузативная стратегия, эргативная стратегия, нейтральная стратегия,

контрастивная стратегия, падежное маркирование, согласование в лице с прямым дополнением, иерархия Сильверстайна, 'расщепленность' именных парадигм, 'расщепленность' глагольных парадигм по видовременному признаку, прономинальный аффикс, хинди, панджаби, раджастхани

И.Ю. Чечуро. Нелокативные употребления пространственных форм в северных диалектах даргинского языка: сопоставительное исследование

Объектом настоящего исследования являются локативные системы семнадцати северных диалектов даргинского языка (даргинская ветвь нахско-дагестанской семьи).

В первой части статьи обсуждается семантическая связь между пространственными и непространственными значениями морфем локализации. Здесь мы показываем, что нелокативные значения распределены между локализациями неравномерно и большинство непространственных значений группируется вокруг показателей *s:i INTER и *ki SUPER, в то время как остальные морфемы либо развивают крайне ограниченные наборы нелокативных значений, либо не развивают их вовсе. Кроме того, мы показываем, что источником непространственной семантики показателей локализации является не их синхронное пространственное значение, а их пространственное значение на момент грамматикализации.

Во второй части статьи мы применяем статистические методы для анализа распределения нелокативных контекстов по морфемам локализации и ориентации. Здесь мы приходим к выводу, что, несмотря на отсутствие связи непространственной семантики локализаций INTER и SUPER с их пространственной семантикой, выбор между показателями этих локализаций не произволен и глаголы чётко разделяются на два кластера. Также в этой части работы мы анализируем непространственные употребления ориентаций и показываем, что в непространственных употреблениях локативов отражена схожесть семантики латива и эссива, свойственная пространственным контекстам.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, даргинский язык, локативная система, функции локативных форм, сопоставительное исследование.

П.М. Эйсмонт. Опускание синтаксического субъекта в русской связной детской речи

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на опускание синтаксического субъекта в связном спонтанном тексте (сохранение референции, единство темы и актуальность), а также обосновывается необходимость учета при анализе связности текста синтаксического типа языка (является ли он языком с нулевым субъектом или нет). На примере анализа серии экспериментов с русскоязычными детьми в возрасте от 4 до 7 лет, а также англоязычными и

испаноязычными детьми в возрасте 7–8 лет показаны основные этапы формирования навыков использования эллиптирования синтаксического субъекта как средства организации связности текста.

Ключевые слова: детская речь, синтаксис, эллипсис, языки с нулевым субъектом, связный текст

SUMMARIES AND KEYWORDS

E. Lyutikova, A. Zimmerling, M. Konoshenko

This volume is the 3rd issue in the thematic series “Typology of morphosyntactic parameters”. It contains papers presented at the international conferences “Typology of morphosyntactic parameters 2016” and The Fourth conference in General, Nordic and Slavic linguistics for graduate and doctoral students “Gensling 2016” held October 12–14, 2016 at Moscow State Pedagogical University and Institute of Linguistic Research RAS, Moscow. All papers take the parametric approach to model linguistic diversity searching for clusters of features co-occurring in natural grammars. In this volume, typological diversity is studied from functional as well as formal perspectives.

Keywords: parametric grammar, linguistic typology, world’s languages, linguistic diversity, microparameters, macroparameters, feature strength, areal linguistics, diachronic typology, linguistic universals, morphosyntax, case, agreement, differential argument marking, clause structure, serialization, incorporation, clitics, noun classes, pronouns, negation, articles, possession, multiple predication

E. Lyutikova, A. Zimmerling, M. Konoshenko. Linguistic Diversity from the Perspective of Parametric Grammar

This paper includes a survey of modern parametric typology as a branch of current linguistic research and outlines possible approaches to the parametrization of the linguistic diversity. The core of the parametrization procedure is that the specified parameter values are linked not with single linguistic features (in this case a ‘parameter’ is just a synonym for a language-specific rule) but with a cluster of features characteristic of the specified grammatical systems. Accordingly, parametrization can be viewed both as a tool of measuring the linguistic diversity and as a tool of constraining it. This characteristics of the parametric models is widely acknowledged both in typologically-oriented research and in formal frameworks. Parametrization can be applied both to grammatical systems of particular languages (defined in terms of harmonized sets of microparameters) and to principles of universal grammar. An advantage of the microparametric approach is that the corresponding procedure can be applied to the data from a single language and introduced to historical and comparative linguistics and diachronic typology.

Keywords: parametric grammar, linguistic typology, world’s languages, linguistic diversity, microparameters, macroparameters, feature strength, areal linguistics, diachronic typology, linguistic universals, morphosyntax

D. Bikina. Grammaticalization of Russian Loans in Moksha Mordvin: the Case of *kat’i*

This paper deals with the semantic and syntactic properties of the Moksha marker *kat’i*. It is generally assumed that this marker has been borrowed from the Russian

concessive particle *hot'*. In Moksha Mordvin, *kat'i* is multifunctional, occurring as disjunction, indefiniteness marker, indirect question marker and modal operator. However, *kat'i* does not occur in free-choice contexts, although the free-choice semantics is typical for the borrowings from Russian *hot'*. I assume that *kat'i* has been borrowed at an earlier stage of grammaticalization of the Russian *hot'* and propose a pathway of grammaticalization of *kat'i* in Moksha Mordvin.

Keywords: borrowed morphology, indefinite pronouns, Mordvinic, grammaticalization

T. Bondarenko. Constructions with two Objects Again: Georgian and Russian – vs – English

This paper discusses different readings of repetitive morphemes in structures with dative arguments. It considers different hypotheses about the unavailability of the restitutive reading of AGAIN in Georgian and Russian ditransitive clauses in comparison with English ditransitives, where the restitutive reading of AGAIN is available. I argue that the observed crosslinguistic variation with respect to the restitutive reading of AGAIN reflects different syntactic structures of ditransitives in Georgian and Russian on the one hand and in English on the other hand. The paper also examines other dative constructions of Georgian and Russian, in which the restitutive reading is available.

Keywords: repetitive morphemes, again, restitutive readings, ditransitives, dative arguments, small clause, lexical decomposition, Russian, Georgian, English

E. Budennaya. Subject Reference in Russian and Latvian: Same Origin?

In this article, with the help of the diachronic study of monuments of XIII-XX centuries, the process of subject reference reconstruction in Russian is compared with a similar Latvian one. In both languages an archaic pro-drop pattern marking subject (type “inflection alone”) eventually was replaced by a new non pro-drop pattern using personal pronouns. Taking into account the typological rarity of such a transformation, the internal and external peculiarities of pronoun expansion in both languages are thoroughly examined, providing further hypotheses of whether we could consider these two processes as parts of the same phenomenon.

Keywords: Russian, Latvian, personal pronouns, subject reference, diachrony, comparative study, language contact

I. Chechuro. Non-locative Uses of Spatial Cases in Northern Dialects of Dargwa: a Comparative Study

This study deals with the locative systems of seventeen northern dialects of the Dargwa language (the Dargwa group of the Northeast Caucasian language family).

In the first part of the paper I discuss the relations between spatial and non-spatial uses of the localization morphemes. Here I prove that locatives are not equal in their ability to be used in non-spatial contexts and most of such uses concentrate around

two morphemes: *ci INTER and *ki SUPER, while other morphemes either develop a very limited set of non-locative uses or do not develop them at all. The second point of this part is that the semantic source of the non-spatial uses of the locatives is their spatial meaning at the moment of their grammaticalization and not their synchronic spatial meaning.

In the second part of the paper I apply statistical methods to the distribution of the non-locative contexts among the morphemes of localization and orientation. Here I show that even though the non-spatial semantics of inter and super are not always connected to their locative semantics, the choice between the two localization is not random and the contexts form two clear clusters. In this section, I also analyze the non-locative uses of orientations and show that the vagueness of the difference between lative and essive that exists in spatial contexts is reflected in non-spatial contexts as well.

Keywords: Northeast-Caucasian languages, Dargwa, locative system, functions of locative forms, comparative study

K. Doikina. The Features of the Loss of Pronoun Enclitic's System in Wills and Pacts of Great and Local Princes of 14th–15th Centuries

The article concerns some features of the loss of pronoun enclitic's system in Wills and pacts of great and local princes. It is proved that the speed of the enclitic's loss depends of two parameters: number and declension. The comparison Wills and pacts of great and local princes with another texts of this period allows to make conclusion that business texts reflect process of losing enclitics which has been taking place in «live» Old Russian language.

Keywords: system of enclitics, pronoun enclitics, evolution of the system of enclitics, rangs, literary texts, non-literary texts, Old Russian language

D. Dyachenko. Russian and Ukranian Loanwords in the Dialect of Staroshvedskoye: Nouns

The paper introduces new factual material on Russian and Ukranian loanwords in the present-day dialect of the village of Staroshvedskoye (Kherson region, Ukraine), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. For the first time, the paper lists loaned nouns (in many cases with usage contexts and linguistic commentary) and offers phonetic and morphological description of Russian and Ukranian loanwords.

Keywords: unexplored language, Scandinavian languages, Swedish dialects of Estonia, Staroshvedskoye, Gammalsvenskby

P. Eismont. Syntactic Subject Omitting in Russian Child Narratives

Annotation: The paper deals with the main types of cohesion and studies the reasons of syntactic subject omitting. Apart from analyzing the realization of reference, topicality and actuality, the study proves the role of syntactic type of languages as a

reason of syntactic subject omitting in narratives. The paper presents the results of a series of comparative experiments with Russian native children at the age of 4–7 and English and Spanish native children at the age of 7–8. The data of these experiments show that Russian native children develop their narrative skills at the age of 4–6, and then they achieve some stable stage before starting later development to the adult-like narratives. The comparative analysis of Russian, English and Spanish data shows that all children have already acquired syntactic rules of their native languages, but they still have difficulties with their adaptation to the rules of narrative cohesion.

Keywords: child language, cohesion, language acquisition, ellipsis, Null Subject Languages, narrative

J. Galiamina. The Reduction of Linguistic Complexity in the Ket Verb System as a Reaction to the Language Shift

The article tells about modern state of Ket verb-system (South dialect) in Kellog (Krasnoyarsky kray). It shows that more young people use a new verb pattern in order to reduction of linguistic complexity in the condition of the language shift.

Keywords: Ket, linguistic complexity, the language shift, verb system, polysynthetic languages, incorporation, sociolinguistic

D. Gerasimov. Predicative Possession in Paraguayan Guaraní: Against the Zero Copula Hypothesis

Tupí-Guaraní (and a few other Tupí) languages manifest a distinctive construction of predicative possession, minimally consisting of the possessee noun marked with a pronominal prefix cross-referencing the possessor. Some authors suggested analyzing such structures as existential clauses containing a zero copula. In this paper, I attempt to show that such an analysis is not viable for Paraguayan Guaraní. After a brief summary of the modern typology of predicative possession (§1) and the distinctive Tupí-Guaraní pattern (§2), I outline basic facts of predicative possession in Paraguayan Guaraní (§3), and provide arguments against the zero copula hypothesis (§4), drawing evidence from distribution of cross-reference markers, locus of predicative inflection, and possessor accessibility for questioning and relativization. Some of these arguments have not previously brought into discussion of predicative possession in Tupí-Guaraní and thus open new avenues for further comparative and language-specific research.

Keywords: predicative possession, possession, copula, syntactic zeroes, existential predication, reanalysis, diachronic syntax, Paraguayan Guaraní, Tupí-Guaraní

Yu. Ivanova, E. Buzarovska. The Epistemic Interrogative Markers *da ne* in Macedonian and *da ne bi* in Bulgarian

This paper argues that both Macedonian and Bulgarian display a tendency to form particles that serve as markers of questions with a specific epistemic meaning (biased questions). The authors' interest in the prosodic and morphosyntactic proper-

ties of the emerging interrogative markers *da ne* in Macedonian and *da ne bi* in Bulgarian is provoked by the fact that these particles not only participate in forming a special type of questions, but also because they are built from the grammatical material of already existing constructions. This is most pronounced in Macedonian, where the collocation *da ne* in the negated *da*-construction was reanalyzed into a single constituent whereby disrupting the dependency relation between the subjunctive *da* and the verb. The Bulgarian fused compound particle *da ne bi*, which originates from the optative construction, heads the interrogative *da*-construction but allows for greater syntagmatic distance between these two constituents.

Keywords: Balkan Slavic languages, epistemic modality, interrogative particles, subjunctive, biased questions

P. Kazakova. [a]/[e] Alternation Between Palatalized Consonants Under Stress in a Dialect of the Village Mikhalevskaya

In some northern Russian dialects /a/ in a position between palatalized consonants under stress can be realized as [e]. The current study is devoted to investigation of this phenomenon in a dialect of the village Mikhalevskaya (and some neighbouring villages) of the Ustyan district of the Arkhangelsk oblast. The data collected by now shows that the phenomenon in question is quite inconsistent even in old speakers. Simple quantitative analysis and fitting the mixed-effect logistic regression model reveal that, not surprisingly, age has a significant impact on the possibility of getting a dialectal outcome and, more crucially, context is also statistically relevant: dialectal occurrences are more likely in word roots (especially in *опять* 'again') and in forms of verbs ending in *-amb* and some other verbs.

Keywords: northern Russian dialects, dialect loss, sociolinguistics, language variation

L. Khokhlova. Violations of Typological Universals in the Historical Development of Western NIA Languages

The historical development of Western NIA confirms many of the established typological universals but it also violates some of them. This paper is dedicated to the analysis of the five types of violations observed in the historical development of Hindi/Urdu, Punjabi and Rajasthani, forming part of the Western NIA branch.

Keywords: typological universal, B type ergativity, nominative-accusative alignment, ergative alignment, neutral alignment, tripartite alignment, case marking, verbal agreement in person with direct object, Silverstein hierarchy, nominal/pronominal split, tense/aspect split, pronominal affix, Hindi, Punjabi, Rajasthani, Gujarati

M. Konoshenko. Patterns of Noun Class Erosion in Kwa

It is generally assumed that Proto-Niger-Congo had an extensive system of nominal classification whereby pairs of affixes were consistently used with fixed groups of

noun stems in singular and plural forms, also triggering concord/agreement on a number of targets inside and outside a noun phrase. A similar system may be postulated for Proto-Kwa, but it has been lost in most modern languages of the family. In this paper, I present an overview of noun class systems and class concord in modern Kwa with special attention to diachronic patterns of change resulting in the simplification of a presumably rich proto-system.

Keywords: noun class, agreement, concord, Kwa languages, Niger-Congo, adjective, numeral

M. Langlits. Semantics of Sentential Nominalizers -(u)m, -ki and -kes in Korean

The paper deals with semantic features of sentential nominalizers -(u)m, -ki and -kes in Korean. In the first part of the paper we discuss semantic criteria, that influence the choice between -(u)m and -ki. Our analysis is based on the parameters, that were discussed in Kim [1985]. We argue that not all parameters are relevant. We could not find any evidence of the use of the parameter 'forward implication +/-'. In the second part of the paper we tried to describe some contexts with -(u)m/-kes and -ki/-kes variation and different contexts, where only -kes can be used.

Keywords: semantics, sentential nominalizers, nominalization, Korean

S. Oskolskaya, N. Stoynova. Negation Markers in Nanai: System Features and Non-system Ones

The inventory of verbal negators in Nanai is quite reach and heterogeneous. In the paper we divide them into morphosyntactic types and discuss some correlations between the type of negative form and its frequency, paradigmatic status, semantics. The negation system in Nanai can be considered as the result of a nonuniform grammaticalization of constructions with negative verbs which are attested in some other Tungusic languages. Therefore this system does not fit well into the typological classification of negators. Also such a system is interesting from the point of view of general grammaticalization processes, particularly cyclical changes (Jespersen's cycle, Croft's cycle) and double marking (double negation).

Keywords: Tungusic languages, Nanai, negation, typology of negation, negative verbs, grammaticalization, double negation

M. Privizentseva. Case Stacking and Morphological Structure of Nouns (Evidence from Buryat, Hill Mari and Moksha)

Case compounding in Buryat, Hill Mari und Moksha arise, when a head noun is omitted and its case lands on another noun that may be already modified with its own case marker. This paper discusses how double case constructions interact with different nominal categories: is it possible to express number and possessivity of absent element and how changes the morphological structure of a noun, to which a second case is attached.

Keywords: case compounding, case stacking, word structure, nominal inflection, Buryat, Hill Mari, Moksha

N. Serdobolskaya. Deranking of Non-factive Propositions in Complementa- tion

Complex sentences with non-factive propositions present an interesting case of a mismatch between morphosyntax and semantics: each of the two clauses is asserted and equally discourse-significant (e.g. each of them can be part of the narrative chain), while morphosyntactically one of them is subordinate and may be deranked (in the sense of Stassen 1985). I present cross-linguistic data showing that non-factive propositions tend to lack syntactic properties of arguments of the matrix verb and / or of morphosyntactic deranking. They can include main clause phenomena, which are usually banned in factive and irrealis complement clauses, and in some languages they show properties of coordination. Thus, languages tend to reflect the semantico-pragmatic equality of matrix clauses and non-factive propositions on the morphosyntactic level.

Keywords: fact, event, proposition, irrealis, sentential arguments, complementation, argument, subordination, main clause phenomena

M. Sidorova. Dual Marking and Numeral Constructions in Khanty

This paper deals with the choice between dual marking and the construction with the cardinal numeral *kāt* '2' in Khanty (the latter usually involves a singular noun and is sometimes compatible with dual marking). The choice of a strategy is determined by the interacting factors of information structure and lexical semantics. On the one hand, it correlates with the status of given / accessible / new. On the other hand, paired objects have some specific properties. As regards the construction with a numeral + a noun, the possibility of dual marking increases together with the distance between a numeral and a noun.

Keywords: Khanty, dual, numeral constructions, number marking

M. Skachedubova. The Pluperfect Tense in the Hypatian Chronicle

The article provides the analysis of the functioning of the pluperfect tense in The Hypatian Chronicle. In some contexts the combination of the *-l-* form and of the linking verb in the past tense doesn't have a pluperfect sense. It's quite probably, that in these cases it's better to talk about a syntactic combination of the past participle and the existential verb. More over there are examples in The Hypatian Chronicle, where the *-l-* form doesn't have a perfect sense and is used most likely as a past participle *-vš-* / *-všš-*. Besides there were discovered examples with pluperfect tense, where the linking verb is used in a form of aorist tense.

Keywords: Old Russian, perfect tense, pluperfect tense, *-l-* form, past participle.

A. Stankevich. Variable Formation of Plural Forms of Nouns Ending with -ão in Portuguese: an Experimental Study

This paper is devoted to an experimental study of variability of plural nouns ending with -ão in Portuguese. These words may have one of three possible terminations in plural: -ãos, -ães, -ões (*mãos* 'hands', *pães* 'breads', *ladrões* 'thief'), two, or even three of them.

In this article was tested an influence of syllabic structure of nouns on choice of plural form. Also were verified general tendencies about formation of plural forms of words terminated in -ão in Iberian Portuguese.

Keywords: irregular plural forms in Portuguese, syllabic structure, frequency

I. Timoshenko. Functioning of Articles in English and French (on Material of Parallel Texts)

The article presents the results of comparative analysis of functioning of the articles in not closely related languages on the material of parallel texts (fragments of translations of Bulgakov's novel into English and French). The representation of articles is based on their nominative qualities. There is the descriptive model of realisation of articles' functions in the text considering the subjective aspect of referential choice suggested in the report.

Keywords: article; comparative analysis; article invariant; noun reference; not closely related languages; parallel texts.

D. Tiskin. Negative Floating Quantifiers: Underestimated Evidence for the Stranding Analysis?

The paper deals with negative floating quantifiers (FQs) in English and Russian. As it turns out, in English the floating quantifier *none* takes an obligatory partitive complement *of them*, which is not the case for other English FQs; on the contrary, their Russian analogues (*nikto* etc.) resist complementation. I claim that the difference is due to the fact that *of them* is a resumptive pronoun. According to the stranding analysis of FQs, the restrictor of the quantifier moves upwards; in the case of negative FQs the movement violates the negative island constraint, which triggers the use of the resumptive. In Russian negative islands are (sometimes) relatively weak, and the FQs in question are rather NPIs than full-fledged negative quantifiers. Therefore, the use of the resumptive is unjustified.

Keywords: floating quantifiers, negative islands, Russian, English, stranding, resumptive pronouns

M. Tyurenkova. On One Graphic Opposition in a West-Russian Manuscript of the End of the 16th c.

The paper deals with a graphic opposition of two letters which occur in a West-Russian manuscript called Kletsk Castle book (1596). One of these letters, which is similar to Greek ε, is typical of Moscow and West-Russian cursive writing; another

one, which is a cross-like variant of letter *e*, is highly unusual. In order to define the function of the second sign, its two main positions are considered. The study results indicates that this graphic opposition has a phonetic explanation.

Keywords: “prosta mova”, West-Russian cursive writing, graphic opposition, principle of optional use

A. Vinyar. Chukchi Verb-Verb Compounds: Towards the Distinction Between Verb Incorporation and Serialization of Verbal Stems

The present paper deals with verb-verb compounds and the relationship between verb incorporation and verb serialization. In the first part of the paper we describe types of Chukchi verb-verb compounds and restrictions on their formation. This part of my research is based on the fieldwork data obtained during the fieldtrip to Chukchi village Amguema. I argue that Chukchi verbal compounds demonstrate subordination between verbal stems, which is normally not expected in verb serialization constructions. On the strength of the difference between hierarchical (incorporation) and ‘equal’ (serialization) relationships between verbs I draw the line between verb serialization and verb incorporation. In terms of this difference I analyze polysynthetic languages with ‘verbal compounds’ Yimas, Bininj Gun-Wok, Alamlak and Dakota and prove that the contrast between serialization of verbal stems in the domain of one phonological word and verb incorporation can also be found. Some of the languages (Chukchi, Bininj Gun-Wok) exhibit verb incorporation, while others (Yimas, Alamlak) exhibit serialization of verbal stems. The most impressive case is Dakota, where, due to our analysis, verb incorporation and serialization of verbal stems express serve different functions.

Keywords: Chukchi, verb incorporation, verb serialization, verbal compounds, typology, polysynthesis

B. Zakharyin. Double Accusative in Ancient Indo-Aryan

Double accusative constructions as the heritage of Common Indo-European have been preserved in Ancient Iranian as well as in Old Indo-Aryan (OIA). The paper deals with the variety of those constructions in OIA where in both the objects (direct and indirect) were marked by the accusative case. The type was first described by Pāṇini in the V century b.c. and commented by Pāṇinias later on. It is shown that passivization of the basic structure is the only relatively reliable means for establishing correspondences between the nominal components of the sentence and the syntactic categories. Difficulties and constraints in applying this methodology to OIA data are being analyzed.

Keywords: Old Indo-Aryan, double accusative, direct object, indirect object, passivization.

C. Zanchi, C. Naccarato. Multiple Prefixation in Old Church Slavonic and Old Russian

This paper is devoted to Old Church Slavonic (OCS) and Old Russian (OR) compound verbs with stacked prefixes. Although prefixes are a well investigated topic as regards modern Slavic languages, multiple prefixation in ancient Slavic languages still needs to be extensively explored. This work is a further step in this direction: via a careful manual scrutiny of the relevant data automatically extracted from the TOROT Treebank, we compare OCS and OR prefix orderings and we analyze multiply prefixed verbs both semantically and syntactically. As regards semantics, prefix stacking only rarely results in a fully compositional compound. More often, the resulting compounds are partially compositional or lexicalized. However, OCS and OR prefixes still retain (at least partially) their lexical value and are far from being pure perfectivity markers. Consequently, this also affects their syntactic behavior: the lexical modifications brought about by prefixes sometimes have the side effect of modifying the case taken by verbal compounds.

Keywords: multiple prefixation, Old Church Slavonic, Old Russian, verbal compounds, TOROT Treebank

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дарья Александровна Бикина. Магистрант школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.
E-mail: dbikinz@gmail.com

Татьяна Игоревна Бондаренко. Магистрант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: t.i.bond@yandex.ru

Евгения Владимировна Будённая. Аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва.
E-mail: jane.sdrv@gmail.com

Элени Бужаровска. Доктор, профессор Университета Св. Кирилла и Мефодия, Скопье, Македония.
E-mail: elenibuzarovska@t.mk

Алексей Игоревич Виняр. Студент 3 курса школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.
E-mail: alexvinyar@yandex.ru

Юлия Евгеньевна Галямина. Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.
E-mail: jugaliamina@gmail.com

Кьяра Дзанки. Аспирант Университетов Павии и Бергамо, Италия.
E-mail: zanchich2@gmail.com

Дмитрий Валентинович Герасимов. Младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.
E-mail: dm.gerasimov@gmail.com

Ксения Юрьевна Дойкина. Магистрант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: kсениya.dojkina@mail.ru

Дарья Вячеславовна Дяченко. Студент 4 курса филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва.
E-mail: ddana2009@yandex.ru

Борис Алексеевич Захарьин. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой индийской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: lvik@orc.ru; khokhl@iaas.msu.ru

Елена Юрьевна Иванова. Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
E-mail: eli2403@yandex.ru

Полина Николаевна Казакова. Студент 4 курса школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.
E-mail: kazakova1537@gmail.com

Мария Борисовна Коношенко. Кандидат филологических наук, старший преподаватель учебно-научного центра лингвистической типологии института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; научный сотрудник лаборатории лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета, Москва.
E-mail: mb_konoshenko@il-rggu.ru

Мария Александровна Ланглиц. Специалист Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета, Москва.
E-mail: langlitsma@gmail.com

Екатерина Анатольевна Лютикова. Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета, заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.
E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Кьяра Наккарато. Аспирант Университетов Павии и Бергамо, Италия.

E-mail: m.naccarato@studenti.unibg.it

Софья Алексеевна Оскольская. Младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

E-mail: sonypolik@mail.ru

Мария Юрьевна Привизенцева. Магистрант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: taimary@mail.ru

Наталья Вадимовна Сердобольская. Кандидат филологических наук, доцент учебно-научного центра лингвистической типологии института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета, Москва.

E-mail: serdobolskaya@gmail.com

Мария Александровна Сидорова. Студент 3 курса отделения теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: b.originative@gmail.com; neko12@bk.ru

Мария Вадимовна Скачеубова. Аспирант Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва.

E-mail: maria-anna2121@yandex.ru

Анна Константиновна Станкевич. Студент 3 курса института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

E-mail: stankevich.ak@gmail.com

Наталья Марковна Стойнова. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва.

E-mail: stoynova@yandex.ru

Ирина Владимировна Тимошенко. Аспирант Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел.

E-mail: timoshenko@outlook.com

Даниил Борисович Тискин. Магистрант кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Маргарита Андреевна Тюренкова. Магистрант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: tamias@protonmail.ch

Людмила Викторовна Хохлова. Кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

Илья Юрьевич Чечуро. Ассистент школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва.

E-mail: ilyachechuro@gmail.com

Антон Владимирович Циммерлинг. Доктор филологических наук, научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

Полина Михайловна Эйсмонт. Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург.

E-mail: polina272@hotmail.com

AUTHORS AND AFFILIATIONS

Darya A. Bikina. Graduate student, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: dbikin@yandex.ru

Tatiana I. Bondarenko. Graduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: t.i.bond@yandex.ru

Yevgeniya V. Budennaya. PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; junior research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: jane.sdrv@gmail.com

Eleni Buzarovska. PhD, professor, English Department, The Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Macedonia.

E-mail: elenibuzarovska@t.mk

Ilya Yu. Chechuro. Research assistant, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics; junior research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: ilyachechuro@gmail.com

Kseniya Yu. Doikina. Graduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: kseniya.dojkina@mail.ru

Darya V. Dyachenko. Undergraduate student, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow.

E-mail: ddana2009@yandex.ru

Polina M. Eismont. PhD, associate professor, Department of Foreign Languages, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg.

E-mail: polina272@hotmail.com

Yuliya Ye. Galiamina. PhD, junior research fellow, Lomonosov Moscow State University; associate professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: jugaliamina@gmail.com

Dmitriy V. Gerasimov. Junior research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg.

E-mail: dm.gerasimov@gmail.com

Yelena Yu. Ivanova. PhD, professor, Department of Slavic Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: eli2403@yandex.ru

Polina M. Kazakova. Undergraduate student, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: kazakova1537@gmail.com

Lyudmila V. Khokhlova. PhD, associate professor, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

Mariya B. Konoshenko. PhD, senior lecturer, Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; research fellow, Laboratory of Linguistic Typology, Moscow State Pedagogical University, Moscow.

E-mail: mb_konoshenko@il-rggu.ru

Mariya A. Langlits. Scientific specialist, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State Pedagogical University, Moscow.

E-mail: langlitsma@gmail.com

Ekaterina A. Lyutikova. PhD, associate professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; professor, Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language; chair of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theories, Moscow State Pedagogical University, Moscow.

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Chiara Naccarato. PhD student, Universities of Pavia and Bergamo, Italy.

E-mail: m.naccarato@studenti.unibg.it

Sofya A. Oskolskaya. Junior research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg.

E-mail: sonypolik@mail.ru

Mariya Yu. Privizentseva. Graduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: taimary@mail.ru

Natalya V. Serdobolskaya. PhD, associate professor, Russian State University for the Humanities; chair of Laboratory of linguistic typology, Moscow State Pedagogical University, Moscow.

E-mail: serdobolskaya@gmail.com

Mariya A. Sidorova. Undergraduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: b.originative@gmail.com; neko12@bk.ru

Mariya V. Skachedubova. PhD student, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: maria-anna2121@yandex.ru

Anna K. Stankevich. Undergraduate student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow.

E-mail: stankevich.ak@gmail.com

Natalya M. Stoynova. PhD, research fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: stoynova@yandex.ru

Irina V. Timoshenko. PhD student, Turgenev Orel State University, Orel.

E-mail: timoshenko@outlook.com

Daniil B. Tiskin. Graduate student, Department of General Linguistics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Margarita A. Tyurenkova. Graduate student, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: tamias@protonmail.ch

Aleksey I. Vinyar. Undergraduate student, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: alexvinyar@yandex.ru

Boris A. Zakharyin. PhD, Professor-and-Head, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: lvik@orc.ru; khokhl@iaas.msu.ru

Chiara Zanchi. PhD student, Universities of Pavia and Bergamo, Italy.

E-mail: zanchich2@gmail.com

Anton V. Zimmerling. PhD, Chair of the Institute of Modern Linguistic Research, Moscow State Pedagogical University; professor, Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State Pedagogical University; leading research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: fagraey64@hotmail.com

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3.

Компьютерная верстка Ланглиц М.А.

Управление издательской деятельности
инновационного проектирования МПГУ
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446.

Тел.: (499) 730-38-61

E-mail: izdat@mpgu.edu

ISBN 978-5-4263-0449-9

Подписано в публикацию 27.12.2016. Формат 148×210.

Печать цифровая. Объем 420 п.л.

Заказ №621.